

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия “Филология. Социальные коммуникации”

Том 22 (61). № 3

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2009

Редакционная коллегия:

Багров Н. В. - главный редактор
Бержанский В. Н. - заместитель главного редактора
Дзедолик И. В. - ответственный секретарь

Постановлением Президиума ВАК Украины № 1-05/7 от 04.07.2006 г. журнал внесен в список специализированных изданий (филология)

Печатается по решению Ученого совета факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, протокол № 2 от 25.09.2009 г.

Редакционный совет серии «Филология»

Казарин В.П., доктор филологических наук, профессор (редактор серии)
Меметов А.М., доктор филологических наук, профессор (редактор выпуска)
Богданович Г.Ю., доктор филологических наук, профессор
Сидоренко Н.Н., доктор филологических наук, профессор
Александров А.В., доктор филологических наук, профессор
Прайдид Ю.Ф., доктор филологических наук, профессор
Гуменюк В.И., доктор филологических наук, профессор
Эмирова А.М., доктор филологических наук, профессор
Ищенко Н.А., доктор филологических наук, профессор
Борисова Л.М., доктор филологических наук, профессор
Киричек П.М., доктор филологических наук, профессор
Новикова М.А., доктор филологических наук, профессор
Орехова Л.А., доктор филологических наук, профессор
Петренко А.Д., доктор филологических наук, профессор
Оказ Л.С., кандидат филологических наук, доцент (отв. секретарь выпуска)

Подписано в печать 26.09.2009. Формат 70x100 1/16. 27 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 27/6-УЗ.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Том 22 (61). № 3.
Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2009
Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007
Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

© Таврический национальный университет, 2009 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: РУССКО-УКРАИНСКО-КРЫМСКОТАТАРСКИЙ УЧЕБНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Богданович Г.Ю.

В статье рассматривается проблема создания и использования лексикографических источников, которые способствуют формированию языковой, речевой и культурной компетенции учащихся, развитию языков Крыма, успешной коммуникации.

Ключевые слова: полилингвокультурный феномен, язык-основа, трехязычный тематический словарь

Введение. В полилингвокультурной ситуации при характеристике языковых взаимоотношений нельзя обойтись без учета межкультурной специфики. Безусловно, характер коммуникативных отношений также будет определяться с опорой на мультикультурную специфику региона. Известно, что Крым является регионом, уникальным с точки зрения существования, развития и совершенствования языков народов, проживающих на этой территории. Каждый из этих языков имеет свою историю, свою судьбу. Так сложилось, что один из них является международным языком, выполняет функцию языка коммуникации, другие – стремятся быть доминирующими, третьи – бережно сохраняются носителями. Употребляясь на одной территории, языки народов Крыма находятся в постоянном взаимодействии, влияют друг на друга, обогащаются за счет общеупотребительной лексики, совершенствуют свой грамматический строй, деривационную специфику, лексический фонд и фонетические возможности.

В связи с этим оказывается важным сохранение как структуры языка-основы, так и защита его от различного рода влияний, чуждых ему.

Таким образом, сформировался своеобразный полилингвокультурный феномен как совокупность признаков лингвокультурологического характера, которые сформировались (и формируются) в одном и том же пространстве на базе одновременного функционирования различных культур.

Полилингвокультурный феномен (ПЛКФ) – особая целостность, природа которой неизмеримо сложнее монокультурного, понимаемого как национально-лингвокультурное сообщество (В.В.Красных), подавляющее большинство которого говорит на одном языке, и бикультурного, языковое пространство которого организуется двумя близкородственными языками. ПЛКФ представляет разнообразие проявлений культуры и, значит, особое к ним отношение. В сложных условиях взаимодействия формируется особый конструкт общности – прежде всего через ценностное отношение к универсальным (общечеловеческим) концептам.

Полилингвокультурный феномен формируется не путем «сложения» этносов, социальных групп, а в результате выявления признаков полилингвокультурной си-

туации, возникшей в многоэтном пространстве, имеющем свой культурный фон, культурно-историческое наследие, традиции, культурные концепты и характеризующемся специфическими культурными процессами (взаимодействие культур, интеграция социально-культурных проявлений разных культур).

ПЛКФ соотнесен с синхронической лингвокультурологией, так как фиксирует взаимосвязь этносов в конкретный исторический период, что не исключает привлечения данных диахронической лингвокультурологии.

Полилингвокультурный феномен не столько результат сравнительной лингвокультурологии, сколько объединение, взаимоналожение и взаимовлияние лингвоментальных признаков, сформировавшихся в пространстве разных, но тесно контактирующих этносов.

ПЛКФ проявляется в особенностях концептосферы, в дискурсивной практике носителей нескольких культур, в стереотипах речевого поведения (при наличии общего стереотипизированного опыта).

В условиях полилингвокультурной ситуации (ПЛКС) образуется некое коллективное когнитивное пространство, являющееся шире национальной когнитивной базы (коллективное когнитивное пространство, национальная когнитивная база - понятия этнопсихолингвистики, в которой они относятся к одному национально-культурному сообществу, объединенному одним языком, не включенному в социально-культурное взаимодействие с другой культурой и языком).

ПЛКС по-особому диалогична. Диалог внутри одной национальной культуры проявляет себя в наличии субкультур – это в синхроническом плане. В диахроническом – диалог выявляется во взаимодействии прошлого с настоящим, в мере и способах вхождения картины мира прошлых поколений в жизнь нынешнего, в структурно-функциональных преобразованиях лингвоментальных моделей, в накоплении новых семантических и концептуальных признаков языковых единиц.

В полилингвокультурной ситуации этносы «обречены» на диалог, в результате которого вырабатываются лингвокультурогемы (термин В.В.Воробьева), культурный смысл которых имеет сверхнациональный характер и общее пространство функционирования.

Рассмотрение культуры через диалог культур – общеметодологический научный принцип. Выраженная диалогичность культур в ПЛКС позволяет говорить о специфике идентификации и идентичности языковой личности. Идентичность социально детерминирована и процессуальна. Идентификация жителя Крыма связана как с историей его народа, так и с историей полуострова. Личность в полилингвокультурной ситуации включается в общее поле культуры, сформировавшееся именно в Крыму. Специфика языковой личности, формирующейся в условиях полилингвокультурной ситуации, связана с ее естественным и динамичным взаимодействием с несколькими культурами и константами, с другими языками.

Оставаясь носителем национальной ментальности и языка, человек, участвуя в совместной деятельности с представителями других национальностей, вбирает, а то и «присваивает» черты другой культуры, что отражается в характере реального общения, стратегии и тактике дискурсов.

Идентификация и самоидентификация формируются на основе языка. Взаимодействие языковых личностей, обмен информацией, выбор способа воздействия на собеседника для осуществления совместной деятельности требуют адекватного понимания, которое может быть обеспечено в условиях общей социумной пресуппозиции (пресуппозиция здесь понимается, вслед за В.В.Красных, «как зона пересечения когнитивных пространств коммуникантов»).

Идентификация и социологизация личности в Крыму происходит в ПЛКС, которая определяет функционально-коммуникативное предназначение языка, диапазон вариативности языковых средств.

С помощью языка, выступающего в адаптационной роли, приобретается межкультурная компетентность, формируется мультикультурный человек, который «обладает гибкостью, позволяющей приспособиться к любой ситуации и креативно управлять любым межкультурным напряжением и возможным конфликтом. На этой стадии личность достигает максимальной способности общаться с индивидами из различных культур и принимать решения независимо от нормативных действий и ценностей данной культуры» [1, с.39].

А.П. Садохин выделяет четыре варианта контакта культур в мультикультурной ситуации, результатом которого могут быть не только количественные изменения в культуре каждого этноса, но и глубокие структурные сдвиги:

1) Прибавление. В данном случае этнос, сталкиваясь с другой культурой, осваивает некоторые ее достижения.

2) Усложнение. Качественные изменения культуры этноса под влиянием более зрелой культуры.

3) Убавление. Происходит потеря собственных навыков в результате контакта с более развитой культурой.

4) Обеднение (эрозия). Деструкция культуры и её постепенное исчезновение [2, с. 208-299].

Варианты контактов также проявляются динамично и волнообразно, давая возможность выявлять и типологизировать ассимилятивные и диссимилятивные, интегративные и дезинтегративные процессы во взаимодействии культур и характере межэтнических коммуникаций.

Когда описывают полилингвокультурную ситуацию с точки зрения функционирования и развития языков, обращают внимание на роль языковой доминанты. Доминирующие языки Крыма (русский, украинский, крымскотатарский) в этой лингвистической ситуации имеют свою специфику [3]. Научно-методическая база для полноценного изучения доминирующих языков всеми желающими прежде всего важна для развития самих этих языков. Основой для такой научно-методической базы может служить русско-украинско-крымскотатарский учебный тематический словарь «Шире круг», работа над которым в течение пяти лет ведется сотрудниками Крымского научно-методического центра управления образованием АПН Украины и Таврического национального университета им. В.И.Вернадского по заданию Академии педагогических наук Украины.

Сотрудниками Центра создана инновационная научная методика создания трехязычного словаря, в котором представлены близкородственные и относящиеся

к разным группам языки, с учетом разработок ведущих лексикографов. Представленные лексические минимумы составлялись на основе имеющихся толковых словарей русского и украинского языков, словарных материалов составителя крымскотатарского словаря С.Усеинова, а также с учетом опросов носителей крымскотатарского языка.

Фрагмент Словаря представлен следующим образом:

<i>I. ЧЕЛОВЕК (1-79)</i>	<i>I. ЛЮДИНА (1-79)</i>	<i>I. АДАМ (1-79)</i>
<i>ТЕЛО: ВНЕШНИЙ ВИД, ВНУТРЕННИЕ ОРГАНЫ (1-12)</i>	<i>ТІЛО: ЗОВНІШНІЙ ВИГЛЯД, ВНУТРІШНІ ОРГАНИ (1-12)</i>	<i>БЕДЕН: ТЫШКЪЫ КОРЮНИШ, ИЧЕРИДЕКИ МУЧЕЛЕР (1-12)</i>
<i>1. Голова, лицо</i> голова лицо выражение ~а черты ~а лоб глаза, глаз нос рот уши, ухо щёки, щека бледный бледнеть/побледнеть краснеть/покраснеть подбородок шея затылок горло	<i>1. Голова, обличчя</i> голова обличчя выраз ~ риси ~ лоб очі, око ніс рот вуха, вухо щоки, щока блідий бліднути/побліднути червоніти/почервоніти підборіддя шия потилиця горло	<i>1. Баш, бет</i> баш бет чырай бет сымасы манълай козьлер, козь бурун агъыз къулакълар, къулакъ янакълар, янакъ агъаргъан агъармакъ/агъарып къалмакъ къызармакъ/ къызарып къалмакъ сакъал боюн эньсе тамакъ
<i>2. Ухо</i> уши, ухо слушать слышать глухой глуховатый звук шум громкий тихий тишина	<i>2. Вухо</i> вуха, вухо слухати чути глухий глухуватий звук шум гучний тихий тиша	<i>2. Къулакъ</i> къулакълар, къулакъ динълемек эшитмек сагъыр сагъырджа сес шамата гюрюльтили яваш сессизлик
<i>3. Нос</i> нос дышать дыхание воздух пахнуть запах	<i>3. Ніс</i> ніс дихати дихання повітря пахнути запах	<i>3. Бурун</i> бурун нефес алмакъ нефес алув ава къокъумакъ къокъу

чувствовать ~ аромат благоухать вонять носовой платок	відчувати ~ аромат духмяніти смердіти носова хустинка	~дуймакъ гузель къокъу гузель къокъумаъ сасымакъ мендиль
<i>4. Глаза</i> брови, бровь ресницы, ресница глаза, глаз смотреть видеть//увидеть взгляд наблюдать осматривать/осмотреть вид узнавать/узнать очки контактные линзы близорукий дальнозоркий слепой	<i>4. Очі</i> бро́ва, брова́ вії, вія очі, око дивитися бачити//побачити погляд спостерігати оглядати/оглянути вид пізнавати/пізнати окуляри контактні лінзи короткозорий далекозорий сліпий	<i>4. Козьлер</i> Къашлар, къаш Кирпиклер, кирпич козьлер, козь бакъмакъ корьмек/корип къалмакъ бакъыш козетмек бакъмакъ/бакъып чыкъмакъ корюниш танымакъ/танып къалмакъ козьлюк козь линзалары якъындан корьген узакътан корьген кёр

Выводы. На основе регенерирующей функции русского языка создается определенный лексический минимум для учебных целей. Это дает возможность лучше усвоить доминирующие языки Крыма, помочь желающим изучить представленные языки, сформировать научно-методическую базу для дальнейшего развития этих языков как объекта изучения, объекта обучения, объекта успешной коммуникации.

Думается, специалисты – филологи (слависты и тюркологи) смогут использовать материалы Словаря для дальнейшего научного и методического описания, создания на его основе разнообразных лексикографических источников, способствующих развитию доминирующих языков Крыма, взаимопониманию в регионе.

Список литературы

1. Коростелина К.В. Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму. – Симферополь: Доля, 2002. – 255 с.
2. Садохин А.П. Этнология. – М.: Гардарики, 2000. – 256 с.
3. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии. – Симферополь: Доля, 2002. – 396 с.

Богданович Г.Ю. Полілінгвокультурний феномен: російсько-українсько-кримськотатарський навчальний тематичний словник як об'єкт лінгвістичного опису

У статті розглядається проблема використання словників, що сприяють формуванню мовної та культурної компетенції учнів, розвитку мов Криму, успішній комунікації.

Ключові слова: полілінгвокультурний феномен, мова-основа, тримовний тематичний словник

Galina Bogdanovich. Polilingvocultural phenomenon: russian-ukrainian-crimean tatar educational ideoglossary as object of linguistic description

The article is about of problem of creating and using of the lexicographical sources, which contribute to the formation of language, speech and cultural competence of the pupil, development of the languages of the Crimea, successful communication.

Key words: polilingvocultural phenomenon, language-basis, three-language ideoglossary

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 811.222.1=512.162'246.2–116

ПЕРСИДСКО–АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ КОНТАКТИРОВАНИЕ И СТРУКТУРА МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Кшановский О. Ч.

В статье исследуется современное состояние персидско-азербайджанских языковых контактов. Приводится ряд разноуровневых лингвистических признаков, появившихся в персидском языке в результате долговременного проксимального контактирования носителей персидского и азербайджанского языков.

Ключевые слова: билингвизм, интерференция, языковые контакты, персидский язык.

Введение. Как известно, любому языку, функционирующему либо за пределами государства, либо на обширной территории в его пределах, свойственна территориальная вариативность. Она возникает под воздействием сложного комплекса причин, важнейшей из которых является прямое контактирование между двумя (или больше) языковыми коллективами, пребывающими в конкретной социально-языковой ситуации и живущих в условиях определенной культурно-исторической и географической среды [1, с. 246]. Под прямыми (непосредственными) языковыми контактами мы понимаем такие, при которых население, говорящее на разных языках, соприкасается и смешивается и образуется прослойка людей, владеющих в той или иной степени обоими языками [2, с. 43]. Непосредственные контакты связаны с двуязычием (многоязычием) населения, длительно проживающего на сопредельной (общей) территории, в результате которого в контактирующих языках развиваются общие структурные признаки на всех уровнях [3, с. 197 – 198]. В связи с вышесказанным следует определиться с некоторыми понятиями.

Проблема языкового союза была впервые поставлена и научно обоснована датским ученым Кр. Сандфельдом в его изданной в 1926 году и ставшей классической работе “Балканская лингвистика” (которая приобрела широкую известность в научных кругах после французского перевода в 1930 году) (см. об этом: [Там же, с. 194]). Попытки же объяснения конвергентного развития языков родственных и неродственных групп и семей предпринимались и раньше. Уже в 1902 году И. А. Бодуэн де Куртене в работе “Сравнительная грамматика славянских языков” высказал ряд замечаний по поводу возможности сравнительного обозрения “двух или нескольких даже разнородных по своему первоначальному источнику языковых областей, в которых вследствие их территориальной близости замечаются сходные явления” (приводится по: [Там же]).

В связи с этим необходимо ответить на вопрос: Что является объектами контактирования: языки или их диалекты? Или: Обязательно ли для постулирования языкового союза наличие конвергентных черт в национальных языках (или достаточно в диалектах)? И что вообще следует считать продуктом языкового союза? Отвечая на последний вопрос, многие специалисты приходят к выводу, что пока это как буд-

то может быть решено только в конвенциональном плане (что, впрочем, соответствует конвенциональности самого понятия “языкового союза”) [4, с. 201]. Если внимательно взглядеться во все постулируемые языковые союзы, то станет очевидным тот факт, что их членами являются исключительно относительно немногочисленные этносы на довольно небольшой территории. Так, например, балканский языковой союз составляет менее половины территории современного Ирана и его населения. Процесс же говорения-слушания в лингвистически гетерогенной среде языков, по мнению специалистов (см., например: [5, с. 126]), очевидно, уменьшает фактическое его единство в разной степени на всех уровнях. В таком виде теория языковых союзов не применима к языкам типа персидского. Поэтому некоторые исследователи предпочитают говорить не о языковых союзах, а об ареалах конвергенции (convergence area, термин У. Вайнраха) или о лингвистических ареалах (linguistic area, термин М. В. Етенеау). Именно в рамках такого подхода (а ареалы конвергенции охватывают, наверное, все языки мира) можно поставить более актуальную цель лингвистического исследования, а именно, по словам А. Мартине, исследовать то, как провинциальные формы литературных языков окрашиваются в уста местных жителей [6, с. 83]. Иными словами, главный фокус направить на изучение диалектной речи и диалектного языка [7, с. 11; 8] носителей всех лектов, входящих в изучаемый ареал. Именно в этом смысле теории языковых контактов противостоит тот аспект ареальной лингвистики, предметом которого являются результаты интеграции языковых признаков в условиях междиалектных контактов генетически родственных и неродственных языков в условиях территориальной смежности, а целью – изучение зон пограничных контактов языков и диалектных ареалов внутри территории распространения одного языка (см. об этом подробно: [9]).

Чрезвычайно интересной с точки зрения лингвистической ситуации является территория, так называемого, культурного Азербайджана (историческая Атропатена, или Атропатакан), включающего территорию современного государства Азербайджанская республика, а также иранские провинции Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан, частично Курдистан и Ардабиль. Азербайджанский язык вклинивается в иранскую территорию, а, в свою очередь, на территории Азербайджанской республики островные ареалы иранских языков (диалектов) представлены татским и талышским языками. Известный тюрколог Н. З. Гаджиева отмечает тот факт, что в тюркских языках, расположенных на смежных территориях, наблюдаются явления так называемой языковой аттракции. Черты, присущие одному языку обнаруживаются в какой-то мере в языках прилегающих территорий и наоборот. Специфические особенности соседнего языка обнаруживаются в структуре диалектов данного языка. Население смежных областей может практически владеть соседними языками. В условиях такого двуязычия, если оно особо не сдерживается нормами литературного языка, может осуществляться своеобразная языковая интерференция, в результате чего смешанные диалекты взаимно приобретают некоторые языковые черты [10, с. 28]. Сказанное справедливо и для рассматриваемого нами ареала. Языковая интерференция обычно наблюдается во всех сферах языка, – в области лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса, т. е. практически заимствуется и проникает любой элемент системы языка [Там же, с. 29; см. также: 11, с. 206 – 210; 12].

В связи с этим следует отметить, что термины интерференция и заимствование не тождественны. Из обширного перечня различий между указанными понятиями (см. подробно: [13, с. 93 – 94]), на наш взгляд, главным является то, что заимствование не оказывает существенного, системного влияния на структуру языка, на вносит в нее заметных новых черт (ср. большое число арабизмов в современном персидском языке). Интерференция же при особо благоприятных условиях может привести к существенным изменениям в строении языковой системы, в её внутренних связях и организации. Поэтому интерференция возможна лишь при длительных непосредственных контактах носителей. Заимствования же могут иметь место даже при отсутствии непосредственной связи носителей языков. Именно в результате длительного проксимального контактирования носителей престижных национальных языков может возникнуть наиболее интересный случай проявления интерференции, так называемая “скрытая интерференция”, при которой в речи носителей происходит “изменение в значении или функционировании уже существующих в языковой системе форм под влиянием другой системы” [Там же, с. 97]. Повышение общего образовательного уровня местного населения существенно сказалось на судьбе современных территориальных диалектов, обеспечив базу для широкого усвоения норм литературной речи. При этом важно не только то, что носители диалектов через школу и всю систему культурных мероприятий получают возможность с детства усваивать нормы литературного языка, что всё население страны постоянно сталкивается с литературной речью как в письменной, так и в устной форме, но и то, что сейчас можно говорить о сознательной ориентации носителей диалекта на овладение нормами литературной речи, о сознательном принятии литературных норм и в ряде случаев стремлении к их использованию [14, с. 86]. Однако такой переход сложен и труден для языковых коллективов, требует для осуществления значительного времени и протекает в разных условиях и для разных групп носителей диалекта весьма неоднороден. Процесс использования литературного языка, носители диалекта которого находятся в контакте с носителями диалекта (диалектов) другого (других) языка (языков) характеризуется, как правило, скрытой интерференцией, при которой формы родного языка имеют функции и значение другого. Если при явной интерференции в речи носителей употребляются формы другого языка, то при скрытой интерференции с формальной точки зрения речь правильна. Эти явления диалектной речи могут распространяться на весь диалектный язык (о понятии диалектного языка см.: [8]), формируя так называемую ареальную норму употребления языковых единиц (о понятии ареальной нормы см.: [15]), которая характеризуется регулярностью употребления и общественным одобрением носителей языка в данном ареале. В отличие от литературной нормы ареальная, или, в другой терминологии, диалектная норма (см.: [16, с. 65]) не кодифицируется и вследствие этого слабее осознается. Но диалект, как и любой функционирующий язык, обладает своими нормами, собственной системой, принятой говорящими на нем людьми как образцовой и правильной по отношению к другим диалектам данного языка [Там же]. Норма эта стихийно сложившаяся, естественная по своей природе (а не сознательно выработанная, как в литературном стандарте), когда изменения происходят спонтанно, без целенаправленного вмешательства человека, является результатом

саморазвития [Там же, с. 207]. Диалект является основной формой повседневного общения [Там же, с. 78].

Всем выше изложенным мы пытались показать, что все типы языковых контактов имеют историческую подоснову, а использование определенной инновации, вызванной иноязычным влиянием, в речи отдельного носителя языка или ограниченного числа носителей в специфических условиях общения (ситуация, стиль, контекст и пр.) указывают на его частный, интерференционный характер. Распространение же в речевой практике всего сообщества или его значительной части – на конвергентность данного изменения. Однако только социолингвистической интерпретации для окончательного решения здесь не достаточно. Действительно конвергентным можно признать изменение, необратимо закрепленное в языке благодаря появлению вторичных (!), рефлекторных (!) преобразований, то есть изменение ставшее облигаторным и в социальном, и в структурном плане [17, с. 153]. В этой связи, представляется необходимым определить центральное для типологии понятие “языковой тип”, или “тип языка”, или “типология языка”.

Разработка этого понятия осуществляется в рамках двух сосуществующих подходов: холистического (собственно типологического), который оперирует понятием типа языка, как системы сопряженных разноуровневых элементов, связанных имплицативными отношениями, и работающих на сохранение конфигурации строя данного языка (например, агглютинативного морфологического типа, номинативного синтаксического строя и т. д.) и парциального (характерологического), который оперирует понятием класса языков, т. е., согласно В. Матезиусу, профилирующими и базовыми чертами данной языковой системы (приводится по: [18, с. 18]).

Во-первых, оба метода, и характерология, и типология, представляют разные этапы изучения языка, сосуществуют и могут применяться в одном исследовании [19, с. 13]. Целью характерологии является как можно более полное выявление и описание особенностей языка. Целью типологии является систематизация выявленных особенностей на принципах иерархических и парадигматических отношений [Там же, с. 13, 21]. Фокус характерологии направлен на то, как создается отдельность, целостность языкового типа, и как проявляется типовое единообразие в индивидуальном многообразии языков, входящих в один класс. Именно обобщение характерологических черт привело к открытию принципа причинности (каузальности) и выработке понятия “языковой тип”, как самонастраивающейся системы во круг детерминирующей тенденции [18, с. 19, 20].

Во-вторых, как характерология, так и типология исследуют однотипные по своему характеру процессы, проявляющиеся с достаточно высокой степенью частотности в различных языках мира – языковые универсалии, или фреквенталии. Это связано с неоднократно отмечавшейся выше главной задачей сопоставительного изучения языков – выяснению в конечном итоге наиболее общих, универсальных свойств языка. Однако, как отмечают исследователи, универсалистские типологические концепции (морфологическая классификация языков, имплицативные универсалии и пр.) обладают существенными недостатками: 1) с их помощью языки мира разделяются на очень небольшое количество типов. И, следовательно, характеристика каждого языка оказывается малоинформативной [20, с. 49]. Это обстоятельство и

привело к интенсивному развитию характерологического направления, которое, описывая любые так называемые “типологически существенные” (термин В. Д. Аракина, см.: [21, с. 8]), или “типологически релевантные” характеристики (термин В. М. Солнцева, см.: [22, с. 4]), или “малые системы” (термин В. Н. Ярцевой, см.: [23, с. 13 – 14]) характеристик ограниченного (обычно двумя) задачами исследования состава языков, стремятся выявить более “мелкие” типологические сходства и различия, могущие (что не очевидно) стать либо элементами уже разработанного языкового типа, либо нового.

Исходя из представления языка, как системы, отдельные части которой коррелируют между собой, то следует искать и единые межуровневые параметры, которые определяют тот или иной языковой тип. Поэтому при решении вопроса о языковом типе нельзя обойти вниманием проблему взаимосвязи и взаимозависимости различных уровней языка [24, с. 6]. Однако, несмотря на то, что идея о необходимости разработки цельносистемной типологии, типологии, основанной на учете перекрестных показателей различных уровней языковой структуры, высказывалась ещё В. Гумбольдтом, а в дальнейшем так или иначе формулировалась представителями самых различных направлений языкознания, безуспешность целого ряда конкретных опытов её построения на длительный период обусловила популярность мысли о возможности создания лишь так называемой “типологии подсистем” [25, с. 124].

Главными признаками типа являются, во-первых, необходимость отражения им явлений системных, категориальных, имеющих принципиальное значение для системы данного языка [24, с. 9]; во-вторых, невозможность существования “смешанных” типов, ибо он складывается из совокупности языковых примет, удельный вес которых (одной и той же универсалии) для разных языков может быть различен [Там же, с. 10]; в-третьих, обязательная “одномерная” бинарность каждой черты, набор которых определяет тип [Там же, с. 12].

Если “языковой тип” отражает в языке фундаментальные категориальные свойства любого языка, предопределяющие его функционирование, то есть манеру отображения явлений непосредственно окружающей носителей данного языка действительности, то совершенно логично сделать предположение, что в условиях длительного проксимального контактирования носителей языков конвергенции будут подвержены в первую очередь важнейшие составляющие языка. Такой основополагающей категорией языка является его тип. Победа же в результате, перефразируя И. А. Бодуэна де Куртенэ (см.: [26, с. 367]), должна остаться за единицей, языком, в конце концов, типом легче усваиваемым и требующим меньшей затраты энергии, как физиологической, так и психической.

Несмотря на существенные расхождения взглядов ученых на предысторию взаимоотношений и контактирования азербайджанского и персидского языков, все они сходятся в том, что азербайджаноязычное и персоязычное население в течении длительного времени (согласно некоторым версиям – 25 веков) находится в беспрерывном проксимальном контактировании. Результатом взаимовлияния классического агглютинативного и аналитического “староазербайджанского” и классического фузионного и синтетического древнеперсидского языков, на наш взгляд, стало постепенное изменение морфологического строя последнего.

Проведенный нами анализ материала современного персидского языка на предмет обнаружения в нем черт определенного морфологического типа выявил более двадцати разноуровневых признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем в составе словоформ, большинство которых не наблюдалось в древнеперсидском, т. е. к началу активных взаимоотношений с носителями “староазербайджанского” языка. Это позволяет определить современный персидский язык как язык агглютинативного морфологического типа (зачислить современный персидский язык в класс так называемых новоагглютинативных языков).

Выводы. Среди фонетических признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: минимальное количество случаев сочетания неслогообразующих согласных фонем (так называемых кластеров) в начале и конце слова (такое сочетание наблюдается лишь в небольшом количестве недавно заимствованных слов), малое количество дифтонгов (существующие в современном персидском языке два дифтонга при словообразовании и словоизменении легко разлагаются, что говорит об их рудиментарности), наличие регрессивного сингармонизма, фиксированное ударение на последнем слоге. Среди лексических признаков, сопряженных агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: наличие большого количества отглагольных имен и причастий, а также наличие особого класса сложных слов, части которых могут употребляться отдельно друг от друга, – сложных глаголов. Среди словообразовательных признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: наличие самостоятельной основы-корня, простое структурное выделение аффикса и основы-корня, восхождение подавляющего количества аффиксов от полнозначных слов, однозначность аффиксов, исключительная продуктивность способа словосложения. Среди морфологических признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: отсутствие деления слов на подклассы по типу основ (так называемых, склонений и спряжений), наличие послелогога га, минимальное количество префиксов и большое количество суффиксов, изолированность и самостоятельность аффиксов (возможность их дистантного употребления, а также так называемого группового оформления), наличие морфологического способа редупликации, факультативность (необязательность) некоторых морфологических показателей, например, суффикса множественного числа. Среди синтаксических признаков, сопряженных с агглютинативной техникой связывания морфем, следует назвать: наличие твердого порядка слов в словосочетаниях “определение-определяемое” (постпозиция определения), конечная позиция глагола в предложении, существование синтаксических приемов инкорпорации, полисинтетизма и изоляции, отсутствие синтаксической связи согласования.

Список литературы

1. Чередниченко, А. И. Иноязычное влияние как фактор территориальной вариативности языка [Текст] / А. И. Чередниченко // Варианты полинациональных языков. – К. : Наукова думка, 1981. – С. 246–260.
2. Степанов, Ю. С. Современные языковые союзы и методы их изучения [Текст] / Ю. С. Степанов // Типология сходств и различий близкородственных языков. – Кишинев : Изд-во “Штиинца”, 1976. – С. 38–51.

3. Нерознак, В. П. Языковые союзы. Предпосылки создания общей теории [Текст] / В. П. Нерознак // Лингвистическая типология / Отв. ред. В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1985. – С. 194–200.
4. Судник, Т. М. К типологическому сопоставлению механизмов двуязычия (балтославянский и балканский языковой союзы) [Текст] / Т. М. Судник, Т. В. Цивьян // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983 г.). Доклады советской делегации. – М. : Наука, 1983. – С. 199–213.
5. Степанов, Г. В. Об особенностях языковой вариативности [Текст] / Г. В. Степанов // Теория языка. Англистика. Кельтология / Отв. ред. М. П. Алексеев. – М. : Наука, 1976. – С. 125–133.
6. Мартине, А. Распространение языка и структурная лингвистика [Текст] / А. Мартине // Новое в лингвистике. Языковые контакты. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. VI. – С. 81–93.
7. Дудик, П. С. Поняття “розмовне мовлення” і “діалектне мовлення” [Текст] / П. С. Дудик // Питання взаємодії української літературної мови і територіальних діалектів (Тези доповідей та повідомлень). – К. : Наукова думка, 1972. – С. 10–12.
8. Феоктистова, А. С. О соотношении синхронии и диахронии в диалектном языке [Текст] / А. С. Феоктистова // Сопоставительная и описательная лингвистика. Сборник научных трудов. – М. : Изд-во УДН, 1987. – С. 91–97.
9. Десницкая, А. В. К вопросу о предмете и методах ареальной лингвистики [Текст] / А. В. Десницкая // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л. : Изд-во “Наука”, 1977. – С. 22–29.
10. Гаджиева, Н. З. Явление языковой интерференции в пограничных зонах тюркских языков Средней Азии [Текст] / Н. З. Гаджиева // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Тезисы конф. – Л. : Изд-во “Наука”, 1975. – С. 28–29.
11. Simpson, J. M. Y. Areal Linguistics [Текст] / J. M. Y. Simpson // The Encyclopedia of Language and Linguistics / R. E. Asher, ed.-in-chief. 10 v. – Oxford – N. Y. – Seoul – Tokyo : Pergamon Press, 1994. – V. 1. – PP. 206–212.
12. Dixon, R. M. W. The rise and fall of languages [Текст] / R. M. W. Dixon. – Cambridge University Press, 1997. – 167 p.
13. Баранникова, Л. И. Сущность интерференции и специфика ее проявления [Текст] / Л. И. Баранникова // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М. : Наука, 1972. – С. 88–98.
14. Баранникова, Л. И. Научно-техническая революция и судьба территориальных диалектов [Текст] / Л. И. Баранникова // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. – М. : Наука, 1977. – С. 84–91.
15. Азарх, Ю. С. Ареальная норма в апеллятивной и топонимической лексике (на материале русских говоров) [Текст] / Ю. С. Азарх // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л. : Изд-во “Наука”, 1977. – С. 168–176.
16. Туманян, Э. Г. Язык как система социолингвистических систем. Синхронно-диахроническое исследование [Текст] / Э. Г. Туманян. – М. : Наука, 1985. – 247 с.
17. Гаркавец, А. Н. Методологические вопросы теории взаимодействия языков [Текст] / А. Н. Гаркавец // Методологические проблемы языкознания / Отв. ред. А. С. Мельничук. – К. : Наукова думка, 1988. – 216 с. – С. 139–153.
18. Степанов, Ю. С. Изменчивый “образ языка” в науке XX века [Текст] / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века / Под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Ин-т яз-ния РАН, 1995. – С. 7–34.
19. Солнцева, Н. В. Проблемы типологии изолирующих языков [Текст] / Н. В. Солнцева. – М. : Наука, 1985. – 253 с.
20. Герценберг, Л. Г. Сопоставительное исследование языков как аспект дифференциальной лингвистики [Текст] / Л. Г. Герценберг, В. Н. Нерознак // Типологические черты языка в контрастивном аспекте. Сб. научн. тр. / Под ред. А. Я. Банкава. – Рига : РГУ им. П. Стучки, 1988. С. 47–52.
21. Конечская, В. П. О сопоставительно-типологических исследованиях профессора В. Д. Аракина и его школы [Текст] / В. П. Конечская, М. Д. Резвцова, В. А. Головин // Сопос-

- тавительно-семантическое исследование германских и славянских языков. Межв. сб. научн. тр. – Куйбышев : КГПИ, 1985. – С. 3–12.
22. Солнцев, В. М. Лингвистическая типология и общая теория типологии (Предисловие) [Текст] / В. М. Солнцев // Лингвистическая типология / Отв. ред. В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1985. – С. 3–5.
 23. Кубарев, Е. М. О методике сопоставительного анализа понятийно-грамматических денотативно-коннотативных категорий (На основе сравнения художественных текстов и их переводов) [Текст] / Е. М. Кубарев // Сопоставительный лингвистический анализ. Межв. сб. научн. тр. – Куйбышев : КГПИ, 1985. – Т. 240. – С. 3–49.
 24. Ярцева, В. Н. К определению понятия “языковой тип” [Текст] / В. Н. Ярцева // Лингвистическая типология / Отв. ред. В. М. Солнцев, И. Ф. Вардуль. – М. : Наука, 1985. – С. 6–12.
 25. Климов, Г. А. Вопросы контенсивно-типологического описания языков [Текст] / Г. А. Климов // Принципы описания языков мира. – М. : Наука, 1976. – С. 122–146.
 26. Бодуэн де Куртенэ, И. А. О смешанном характере всех языков [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 362–372.

Персько-азербайджанське мовне контактування і структура морфологічного типу сучасної перської мови

У статті досліджується сучасний стан персько-азербайджанських мовних контактів. Наводиться низка різнорівневих лінгвістичних ознак, що виникли в перській мові внаслідок тривалого проксимального контактування носіїв азербайджанської та перської мов.

Ключові слова: білінгвізм, інтерференція, мовні контакти, перська мова.

The Persian – Azerbaijani Language Contacts and the Structure of the Morphological Type of Persian Language

The article dwells upon the present situation with the Persian – Azerbaijani language contacts. The number of language units have been presented which appeared in the Persian as the result of the long-term proximal contacts of the Azerbaijani and Persian language speakers.

Key words: bilingualism, interference, language contacts, Persian language.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК – 81. 411. 21' 367. 625' 373. 7

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекиров Р. А.

В статье предпринята попытка исследования глагольных фразеологизмов арабского языка. Ставятся следующие задачи: собрать, систематизировать и классифицировать группу фразеологизмов, имеющих в своём составе глагольный компонент. В ходе исследования установлено, что фразеология как древняя и обширная часть состава арабского языка представляет собой интерес для изучения ряда проблем арабского языкознания.

Ключевые слова: арабский язык, фразеологизм, глагольный, сказуемое.

Введение. Арабский язык является одним из древнейших языков мира. Первым письменным (и литературным) памятником является Коран, записанный в 651 г. [1, с. 6]. Исследования, проводившиеся в области арабской филологии носили планомерный и систематический характер. Однако малоисследованной остается область фразеологии. Актуальность исследования определяется неразработанностью проблемы и недостаточной изученностью арабских фразеологических единиц. В современной арабистике изучение фразеологии и дополнение на этой основе словарей, пособий, других лексикографических изданий является актуальным направлением в арабском языкознании.

Цель статьи - собрать, систематизировать и классифицировать группу глагольных фразеологизмов. При этом главное внимание, как нам представляется, следует уделить:

- 1) сбору, изучению, обобщению и систематизации сведений из разных источников по арабскому языкознанию;
- 2) выявлению сферы употребления и распространения данной фразеологии в письменных источниках;
- 3) исследованию этимологии, семантики и синтаксиса глагольных фразеологизмов;
- 4) установлению ориентировочного времени появления и распространения названных фразеологизмов и их трактовки;
- 5) проследить эволюцию происхождения, изменения и грамматического функционирования того или иного фразеологизма в арабском языке.

Материалом для исследования могут также послужить языковые данные первоисточников (Коран, материалы классического и современного арабского литературного языка и живых народных говоров и другие письменные источники), а также сведения арабских средневековых авторов, доводы современных исследований в области арабского языка.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать наработанную уже в общем языкознании методологию подобных исследований. Из которой, прежде всего,

мы бы выделили: сравнительно - исторический, описательный, сопоставительный, функциональный и типологический приемы и методы исследования [2, с. 5].

В методологическом отношении одним из сложных и актуальных аспектов остается исследование названной нами фразеологии в сравнительно-историческом, семасиологическом, этимологическом и других планах [3, с. 8].

Фразеологизмы, или фразеологические единицы, отражают национальную специфику языка, его самобытность. Во фразеологии запечатлен богатый опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Изучение фразеологии составляет необходимое звено в усвоении языка, в повышении культуры речи. Правильное и уместное использование фразеологизмов придает речи неповторимое своеобразие, особую выразительность, меткость, образность [4, с. 5].

В качестве критериев определения фразеологизма в арабском языке называют в различных комбинациях устойчивость, целостность значения, не выводимую из суммы значений составляющих его слов, раздельнооформленность, возможность структурных вариантов, или новообразований, воспроизводимость, непереводаемость на другие языки. В целом фразеологизм характеризуют как сочетание с «идиоматическим значением», как «устойчивую фразу». Во фразеологизме находят метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональную окраску и т.д. [5, с. 7].

Так, Ф. де Соссюр, обращавший внимание на наличие в языке «вполне готовых речений», «оборотов, которые не могут быть импровизированы», «передаются готовыми, по традиции», в то же время признавал, «что в области синтагм нет резкой границы между фактом языка, запечатленным коллективным обычаем, и фактом речи, зависящим от индивидуальной свободы». Он писал далее: «Во многих случаях представляется затруднительным отнести туда или сюда данную комбинацию единиц, потому что в создании ее участвовали оба фактора и в таких пропорциях, определить которые невозможно» [6, с. 157].

В арабской классической науке о языке (фикх ал-луга, илм ал-лисан) фразеологии как самостоятельного направления не существовало. В связи с этим «фразеологический материал» исследовался в таких ее разделах, как илм ал-балага «наука о красноречии» (риторика) и илм ал-луга «наука о словарном составе» (лексикология).

Лексикология, включая лексикографию, была одним из наиболее важных разделов арабского классического языкознания, которому придавалось исключительно большое значение. В этой области были достигнуты значительные успехи в арабоязычном научном мире, на что указывал, в частности, известный английский арабист Дж. Хейвуд: «... в составлении словарей и в выполнении других лексикографических трудов арабы — или, точнее, те, кто писал на арабском языке, [...] до эпохи Возрождения уступали разве только китайцам... [Составлявшиеся арабами] общие и специальные словари и словники доказывали их превосходство в этой области в то время, когда подобные труды практически не были известны в Западной Европе» [7, с. 14]. Подобный интерес к лексикографии и лексикологии, пробудившийся в X — XI вв., не в последнюю очередь объясняется вниманием к изучению Корана (8, с. 165 — 166) и задачами распространения арабского языка в пределах широко раздвинувшего свои границы Аббасидского халифата.

Говоря об арабской «науке о красноречии», необходимо обратиться к известному арабскому ученому Джурджани, занимавшемуся вопросами сочетания лексических значений и «соблюдения» грамматических значений. Язык, по Джурджани, не имеет прямого отношения к «красноречию». «Если мы говорим о доходчивости и ясности, то нет дела до значений отдельных слов, от которых нам нет пользы, - пишет Джурджани. - Мы ведь стремимся к суждениям, которые создаются в результате сочетания и соединения» [9, с. 57]. При этом подчеркивается, что имеется в виду, прежде всего сочетание значений, а не словесных оболочек. В процессе порождения речи говорящий «располагает слова соответственно тому, как располагаются значения в [его] сознании» (fi n-nafs) [10, с. 40], и цель этого словорасположения заключается не в том, чтобы «словесные оболочки следовали одна за другой в произношении, а в том, чтобы были упорядочены их обозначения (далалатуха) и были бы соединены их значения (ал-ма'ани) соответственно требованиям разума» [11, с. 41].

Фразеологизм имеет свои, только ему присущие категориальные, или определяющие, признаки, которые в совокупности позволяют, с одной стороны, выделить его в самостоятельную единицу языка, с другой, - отграничить от других единиц языка. Такими признаками фразеологизма являются: а) лексическое значение; б) компонентный состав; в) наличие грамматических категорий.

Для подтверждения того, что эти признаки в своей совокупности присущи только фразеологизму и для правильного понимания самой природы фразеологизма, нужно (и принципиально важно) сопоставить фразеологизм, во-первых, со словом как единицей языка, которая имеет некоторые общие с фразеологизмом, во-вторых, со словосочетанием (или предложением), поскольку словосочетание (реже предложение) является генетическим источником фразеологизма. [12, с. 8]

Основной вопрос, возникающий при анализе глагольных фразеоречений арабского языка, заключается в разграничении глагольных фразеосочетаний и глагольных фразеопредложений. Если в других языках глагольные фразеосочетания отличаются от глагольных фразеопредложений тем, что первые обладают как инфинитивной формой, так и личной, а в глагольных фразеопредложениях глагольный компонент может быть выражен только личной формой глагола, то в арабском языке инфинитивная форма глагола отсутствует и, следовательно, глагольные фразеосочетания нельзя отличить от глагольных фразеопредложений по признаку возможности/невозможности иметь инфинитив. [13, с. 44]

Фразеологизм и слово имеют общие признаки: лексическое значение и грамматические категории. Наличие у фразеологизма лексического значения практически доказывается не только тем, что он может быть истолкован, но и тем, что фразеологизм и слово могут быть соотнесены по их лексическому значению как синонимы, например: шевелить мозгами (حكم عقله) = думать (ظن), клевать носом (خفق برأسه) = дремать (نعس) и т.д. Наличие у слова и фразеологизма грамматических категорий подтверждается отношениями и связями фразеологизма со словами в предложении, которые ничем не отличаются от отношений и связей между самими словами в составе предложения: фразеологизм может согласовываться со словом, управлять словом или быть управляемым, может примыкать к слову [14, с. 434-435].

Лексическое значение фразеологизма и его грамматические категории составляют содержание фразеологизма (в отличие от формы его), с которым связывается лексико-грамматическая характеристика фразеологизма, то есть отнесенность его к определенному разряду фразеологизмов:

именных: рог изобилия - قرن الخصب, транжира - ابو جيب مخزوق (буквально «отец дырявого кармана»), ахиллесова пята - كعب اخيل, краугольный камень - حجر الزاوية ;

глагольных: пропасть зря - ذهب جفاء , рядиться в овечью шкуру - تجلبب بجلباب الرحمة (буквально «одевать джилбаб милосердия»), хитрить - ضرب اخماسا لاسداس (буквально «выдавать химсы за сидсы»), отложить дело в долгий ящик - وضع الامر الى الخرج (буквально «положить дело в переметную суму»);

адъективных: нечист на руку - خفيف اليد (буквально «с легкой рукой»), дальновидный - ثاقب النظر (буквально «пронзающий взглядом»), ходячая энциклопедия - موسوعة حية ;

адвербальных: бок о бок - جنباً الى جنب, на ветер - ادراج الرياح, всеми фибрами души - بكل الجوارح , во что бы то ни стало - بجذع الانف (буквально «отсечением носа»).

Ни по одному из категориальных признаков фразеологизм не соотносится со словосочетанием (независимо от того, как понимается словосочетание – как часть предложения или как целое предложение): у фразеологизмов нет общих признаков со словосочетанием. Всякое словосочетание представляет собой сочетание слов, в котором слова сохраняют все свои признаки слова (кроме его звукового облика): лексическое значение формы изменения, синтаксическую функцию и т.д. Связи и отношения между компонентами фразеологизма перестают быть связями между словами.

Фразеологизм может соотноситься со словосочетанием лишь генетически, то есть по своему происхождению, так как каждый фразеологизм – это то или иное переосмысленное конкретное словосочетание или предложение. О том, что фразеологизмы возникают и развиваются в языке путем переосмысления конкретных словосочетаний или конкретных предложений, свидетельствует наличие в современном арабском языке для многих фразеологизмов их прототипов, то есть таких словосочетаний, к которым они генетически восходят, например: -جازت عليه الحيلة- попасться на удочку, -اصاب المحز- попасть в самую точку, -خفق برأس- клевать носом, وقع الحافر على الحافر – походить как две капли воды и т.п.

Словосочетание состоит из лексических единиц – слов – с их конкретными лексическими значениями, но в целом оно не образует единицы с лексическим значением. Фразеологизм, наоборот, не состоит из лексических единиц – слов, но сам по себе является самостоятельной единицей языка с конкретным лексическим значением.

Говоря о форме фразеологизма, без которой фразеологизм немислим как самостоятельная единица языка, необходимо отметить, что она включает различные стороны формальной характеристики фразеологизма. Надо разграничивать: а) собственно форму фразеологизма и б) парадигматические формы фразеологизма.

Собственно форма фразеологизма охватывает: 1) состав компонентов, входящих в него, 2) границы фразеологизма, 3) варианты компонентов, 4) факультативные компоненты и 5) структуру (или структурную организацию) фразеологизма.

1) Фразеологизмы арабского языка могут состоять из двух и более компонентов, независимо от того, восходят ли компоненты генетически к знаменательным словам или к служебным: صار حديثا لحاضر وباد – стать притчей во языцех, حطب للحرب – пушечное мясо, حفظ حفظ حدقة العين – беречь как зеницу ока

2) Границы фразеологизма включают все компоненты, образующие его, но они не тождественны (как понятие) его компонентному составу. В границы фразеологизма могут попадать слова, которые не являются компонентами фразеологизма, но которые синтаксически связаны с ними: они распространяют компоненты фразеологизма.

3) Явление вариантности, то есть заменяемости, компонентов фразеологизма, как особенность его формы, проявляется по-разному. Оно захватывает иногда только отдельные компоненты фразеологизма, иногда же распространяется на все компоненты. В принципе каждый компонент фразеологизма может варьироваться, то есть допускать те или иные замены. Варьирование во фразеологизме может быть:

во-первых, по форме компонентов (для таких вариантов компонента здесь принято название формальные варианты), например: اكل هو الحصرم – остаться (он остался) на бобах, ناكل نحن الحصرم – мы остаемся на бобах, خفيف اليد – нечист на руку, يده خفيفة – нечист на руку и т.д. К формальным вариантам должны быть отнесены все фонетические, морфологические и др. изменения компонентов фразеологизма, в том числе и аффиксальные модификации.

во-вторых, по составу компонентов (для таких вариантов компонента здесь принято название лексические варианты), например: لا يعدل الامر بصلة – дело яйца выеденного не стоит (буквально «дело не равно луковице»), لا يعدل الامر حبة الخردل – дело яйца выеденного не стоит (буквально «дело не стоит горчичного зерна»);

в-третьих, по составу и по форме компонентов одновременно (для таких вариантов здесь принято название смешанные варианты). Примером смешанных вариантов может служить также комбинация видовых и лексических вариантов глагольного компонента, отмечаемая у многих глагольных фразеологизмов, например, во фразеологизме عرف هذا الخاص والعام (буквально «это знает и грамотный и неграмотный») и صار حديثا لحاضر وباد (буквально «стать рассказом для горожанина и кочевника»).

4) Количественный состав компонентов фразеологизма может быть разным. Фразеологизм может быть употреблен в речи или в полном или в неполном составе, то есть отдельные компоненты у некоторых фразеологизмов могут в одних случаях опускаться, в других – сохраняться. Например: لم يترك فيه حجرا على – у него с деньгами туго (буквально «он остался на куске железа») [15, с. 157].

Компоненты фразеологизма, которые могут опускаться в отдельных случаях его употребления, назовем факультативными компонентами фразеологизма, а само явление, как особенность формы фразеологизма, - факультативностью компонентов фразеологизма. Факультативность компонентов фразеологизма не влияет на отнесенность его к тому или иному разряду фразеологизмов.

5) Фразеологизм возникает из словосочетания или предложения. Анализ структур фразеологизмов арабского языка позволяет установить, что фразеологизмы, за небольшим исключением (кроме тех структур фразеологизмов, которые претерпели деформацию), сохраняют синтаксическую модель того словосочетания (реже син-

таксическую модель предложения), из которого они образовались. Разнообразие структурных типов фразеологизмов очевидный факт. Интересно отметить, что фразеологизмы, образованные из предложений, обычно имеют структуру простого двусоставного предложения, например: سقط قلبه حتى ركبتيه – душа ушла в пятки у кого, اكل عليه الدهر وشرب – время состарило его, احكم قبضته حول – держать в ежовых рукавицах кого [16, с. 403].

Парадигматические формы фразеологизмов будут рассмотрены в последующих исследованиях.

Выводы. В связи с выше сказанным, становится очевидной актуальность проблемы, связанной с перспективами исследования арабского языка, его взаимообогащения и взаимовлияния с другими языками, взаимоотношением языка Корана, арабского литературного языка и арабских диалектов, с функционированием арабской литературной речи, а также исследованию и систематизации арабской фразеологии.

Список литературы

1. Белова, А. Г. Очерки по истории арабского языка [Текст]. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 168 с.
2. Иванова Л.П. «Методы лингвистических исследований» [Текст]. - Киев: ИСДО, 1995, - 87 с.
3. Иванова Л.П. «Методы лингвистических исследований» [Текст]. - Киев: ИСДО, 1995, - 87 с.
4. «Фразеологический словарь русского языка» [Текст]. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
5. «Фразеологический словарь русского языка» [Текст]. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
6. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию [Текст]. – М., 1977.
7. Ушаков В. Д. Фразеология Корана [Текст]. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 204 с.
8. Белкин В. М. Арабская лексикология [Текст]. – М., 1975.
9. الجرجاني عبد القاهر. دلائل الاعجاز في علم المعاني [Text]. القاهرة 1948.
10. الجرجاني عبد القاهر. دلائل الاعجاز في علم المعاني [Text]. القاهرة. 1948.
11. القاهرة. [Text]1948 الجرجاني عبد القاهر. دلائل الاعجاز في علم المعاني.
12. «Фразеологический словарь русского языка» [Текст]. – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.
13. Ушаков В. Д. Фразеология Корана [Текст]. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 204 с.
14. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд., репринтное [Текст]. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 592 с.
15. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов [Текст]. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 928 с.
16. Фавзи А. М., Шкляров В. Т. Учебный русско-арабский фразеологический словарь [Текст]. – М.: Русский язык, 1989. – 616 с.

Бекіров Р. О. Актуальність дослідження дієслівних фразеологізмів у арабській мові. У статті робиться спроба дослідження дієслівних фразеологізмів арабської мови. Ставляться наступні задачі: зібрати, систематизувати і класифікувати групу фразеологізмів, що мають у своєму складі дієслівний компонент. У ході дослідження встановлено, що фразеологія як древня і велика частина складу арабської мови являє собою інтерес для вивчення ряду проблем арабського мовознавства.

Ключові слова: арабська мова, фразеологізм, дієслівний, присудок.

Bekirov R. A. Actuality of research of verbal phraseological units is in Arabic language.

In the article attempt of research of verbal phraseological units of the Arabian language is done. The following problems are put: to collect, systematize and classify group of the phraseological units incorporating a verbal component. During research it is established, that the phraseology as an ancient and extensive part of structure of the Arabian language represents interest for studying of some problems of the Arabian linguistics.

Key words: the Arabian language, a phraseological unit, verbal, a predicate.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 8.81.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНТОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИР ДЖАЛАЛА

Гусейнова Х.

Как известно, для определения в художественных произведениях антонимов необходимо учесть их семантику. Так как антонимы выражают противоречащие значения, их широко используют в художественных произведениях для создания контраста. А контраст, как известно, играет большую роль в усилении силы воздействия выражения и создании у читателя эмоций. В своих произведениях Мир Джалал использовал антонимы с различными целями. В статье рассматриваются стилистические особенности антонимов, использованных в произведениях этого выдающегося мастера слова.

Ключевые слова: антонимы, стилистические особенности, контраст, семантика, художественные произведения

Введение. Для определения противоречащих различий при оценке предметов или событий в художественной литературе используются антонимы. «Посредством слов-антонимов в языке художественных произведений создается контраст, что обуславливает прекрасную характеристику предметов и лиц» [5, 66].

В основном, для определения в художественных произведениях антонимов необходимо учесть их семантику. Так как антонимы выражают противоречащие значения, их широко используют в художественных произведениях для создания контраста. А контраст, как известно, играет большую роль в усилении силы воздействия выражения и создании у читателя эмоций.

Порой, противоречия между словами-антонимами бывают различными - абсолютными или относительными.

«Антонимичность связана со значениями слов. Проверив с этой точки зрения слова-антонимы современного азербайджанского языка в зависимости от выражения противоположного мнения, становится ясно, что противоположное и обратное значение большинства этих слов носит условный и относительный характер» [1, 136].

Иногда при выражении противоречащих мнений в художественных произведениях эти слова противопоставляются друг другу и только в этом случае контрастируют друг с другом. Вне контекста они не могут быть антонимами. Целесообразнее называть такие антонимы стилистическими. Посредством слов-антонимов писатель обогащает словарный состав своих произведений, создает новые способы выражения, сопоставляет образы и события для их более резкого выражения и, при подобном сопоставлении, использует антонимы в качестве стилистических средств. Для этого изымаются образцы из народного разговорного языка и в различные стилистические моменты создаются антонимические единицы.

По мнению Т.Гаджиева, антонимы обладают важным стилистическим значением в разъяснении сложных слов в тексте. Если при использовании слов-антонимов в

процессе противопоставления событий один из антонимов ясен, тотчас можно догадаться о значении другого. Читатель видит, что мысли противостоят друг другу и сопоставляет слова, оживляет в своих мыслях противоположное значение слова [2, 45]. Антонимы, использованные Мир Джалалом в его художественных произведениях, являются одним из средств выражения, усиливающим образность, силу эстетического влияния и эмоциональность произведения, в котором они были использованы. При изучении этих произведений можно стать свидетелем того, что путем использования автором антонимов он добивается обогащения как своего литературного языка, так и языка своих образов.

Антонимы придают живость и естественность языку образов, способствуют более убедительному, точному и живописному доведению событий, портретов и пейзажей с их мельчайшими подробностями. То есть автор не случайно использовал антонимы и обращался к ним в важные моменты согласно месту, характеру событий и образов. В тоже время автор обусловил высокую образность и выражение существующих единиц.

Антонимы являются выгодным средством, используемым в основном для доведения противоречивых моментов. Однако порой противоречия между событиями, предметами и образами бывают на лицо, порой указываются в глуби, в контексте; по этой причине формы использования автором антонимов бывают различными.

В своих произведениях Мир Джалал использовал антонимы с различными целями. **I. В описании картин природы:** *Может, он[а] больше не вернется. Больше не проснется здешним утром, не прислушается к здешнему вечеру [4, 1 т., 25]. В лесу ему [и] отвечали долины и холмы, тайный голос пробуждающейся природы [4, 1 т., 27]. Сегодня погода была ясной. Светило солнце, однако стоял сильный мороз [4, 1 т., 105].*

Как видно из примеров, в описании природы - пейзажном творчестве были использованы антонимы в основном с целью создания противоположных картин. Иногда с целью противопоставления сторон в этих предложениях были использованы противоположные союзы [однако, но], что еще резче, яснее выявляет контраст между сторонами и компонентами.

Хотя антонимы «вечер - утро, долина - холм, весна - зима», использованные в указанных предложениях, являются полностью противоречащими антонимами, мы не можем сказать того же об антонимах «темный - светлый, ясный - холодный». Если брать их по отдельности, антонимичность этих слов не реальна, она носит относительный характер, однако в тексте - это созданные автором стилистические антонимы, выражающие противоположные значения. **II. В описании психологического состояния персонажей:** *Салтанат одновременно обрадовалась и огорчилась письму, полученному от сына [4, III т., 281]. Он[а] погрузнел[а] и захотел[а] пожаловаться на свои черные дни. Гадир осветил лицо своей возлюбленной смехом, полным жизни [4, III т., 74].*

Являясь подлинными грамматическими антонимами такие антонимы как *обрадовалась - огорчилась, обрадовался - опечалился* были использованы для выражения различных положений человеческой жизни путем сравнения радостных и печальных дней. Использованные в примерах единицы *черные дни - смех, полный жизни,*

тупой кухонный нож - острый меч, превратившийся в сталь — смягчившийся - это не грамматические антонимы, а семантические антонимы, служащие образному выражению мысли в художественном произведении и выражающие в большой мере сравнительные, нежели контрастные оттенки. **III. С целью выражения противоречий и различных отношений между классами и слоями:** Где это видано, чтобы такой великий человек, малый бог села пожаловал в дом такого бедного батрака, как я и поинтересовался моими делами [4, I т., 11]. Все знают, что сейчас времена чести. И у правительства есть друзья и враги [4, I т., 14].

В первом предложении мысли, страхи и волнение батрака Гадира относительно Бабир-бека были крайне естественно и образно выражены посредством семантического антонима «великий человек, малый бог села -бедный батрак». Здесь оттенок страха - физический страх, духовный страх, страх в образе мышления был дан в очень убедительной форме. Подобное отношение мы видим также в других образцах. **IV. При создании портрета используются антонимы.** Например, " у него было овальное, пропорциональное лицо, маленький рот, тонкие окрашенные губы, большие глаза, широкие черные брови [4, I т., 162].

V. Антонимы создают условия своеобразному, эмоциональному, естественному течению. Например, Пусть читатель, знает также то, что брошенный в этот самовар огонь на свадьбе госпожи Гарынча горел всю жизнь, и ни разу не потушился. Жёлтый и красный самовар ставили то на балконе, то во дворе под деревом. В горах, в низменностях, на свадьбах, траурных мероприятиях всегда слышался его заунывный звук. Годами кипящий, наполняющийся и опустошающийся самовар веселил своим музыкальным звуком Гарынча ханым [4, I т., 12].

В подобных образцах лексические единицы, обработанные в художественной речи автора, являются речевыми антонимами, соответствующими нормам языка, также являются антонимами живой народной речи. В первом предложении интенсивность случая [горел - не потушился], временной оттенок [на свадьбе - на траурных мероприятиях]; оттенок места, пространства [в горах - на низменностях]; во втором предложении психологическое состояние персонажа [радость - ненависть]; а в третьем - оттенок беспокойства, ответственности с помощью антонимов был выражен совершенно. **VII. Слова с различным смыслом были использованы в предложении в качестве антонимов.** Например, - Пусть он сообщит, что вот таковы мы мусульманские крестьяне, годами сеем и выращиваем, и в начале назначенного срока остаемся голыми, весной бываем пахарями, а зимой оказываемся нищими [4, III т., 502].

Использованные в предложении слова «пахарь, нищий» по отдельности не являются антонимами, то есть слова миллионер и нищий могут быть антонимами. А слова «пахарь и нищий» являются созданными стилистическими антонимами, согласно стилистической функции, которые эти слова несут в тексте, они могут получить антонимический статус.

Кроме вышесказанного Мир Джалал использовал в своих произведениях антонимы также и в других целях и различными способами.

В предложении: Как только он вошел в город, то увидел, как к нему начали стекаться много людей. Дети, взрослые - все смешались друг с другом [4, I т., 41].

- автор с помощью антонимов [дети - взрослые] хотел довести до внимания массовость случая.

В примере: *Ах, вы собачьи дети, видите ли вы из далека сотника! Немного рассеюсь, так и вам как-нибудь помогу! Увидите, **есть** у меня Бог или **нет**?!* [4, 1т., 33] в предложении в форме риторического вопроса писатель при помощи сказуемых слов «есть - нет» создал антонимичность, сумел достичь образного выражения чувства волнения, ненависти. В приведенном образце на передний план было выдвинуто скорее не волнение сотника, а его чувство ненависти, а в последнем образце - тревога матери за судьбу своего ребенка. Антоним «чего-нибудь лишнего скажет» был употреблен в смысле «вдруг заденет настроение бека» [4, 1т., 105]. «Образность, появляющаяся в словах-выражениях и складывающаяся путем сопоставления антонимов называется оксиморон» [1, 158]. Одним из основных средств, которыми воспользовался Мир Джалал при сопоставлении действий в произведении, создании оксиморона, являются антонимы, которые допускают поэтичность в пределах текста. *Он казался мне мерзким покойником. Лицо его было исполнено ненависти. Мне захотелось поскорей избавиться от этого живого покойника* [4, 1т., 168]. «Цветок, растущий среди навоза!» «Свет жемчужины в мусоре» ослепляет глаза зрителя, «запах цветка в навозе» осушает его нервы [4, 1т., 10].

Слова «живой и покойник», «навоз и цветок», «мусор и жемчужина», использованные в примерах, это слова, полностью противоречащие друг-другу. Однако, было бы неправильным называть эти слова антонимами с грамматической точки зрения, так как это слова, полностью далекие друг от друга. А писатель, используя их вместе, доводит до нас противоречие между этими понятиями в еще более ярком виде. Методический антоним создал оксиморон.

В связи с тем, что в содержании антонимов в основном стоит сравнение и сопоставление, они используются в составе одного и того же текста, иногда даже - в составе одного и того же предложения. Для изучения стилистических характеристик антонимов необходимо принимать во внимание и то, от какой части речи они образовались. «Если это не будет выяснено, не будет ясно и значение создания указанных противоречий» [3, 140]. Уточнение того, от какой части речи образовались антонимы, имеет также особое значение для определения моментов использования стиля.

В этом направлении антонимы, использованные в художественных произведениях Мир Джалала, с точки зрения части речи, от которой они образовались, мы разделили на следующие группы:

I. Образованные от существительного: *Гадир: - не сказав зла, не дождешься и добра, может быть, Бабир беку пояснили, что так Гадир из поколения, кормящего Гатыр Мамеда* [4, 1т., 11]. *На протяжении всего леса ему отвечали холмы и играющий скрытый голос природы* [4, 1т., 27]. *Каждый с берданкой в руках не помещается на землю и небо.* [4, 1 т., *Не нужно было торопиться и суесться* [4, 1 т., 89]. *Разве не слышал, «остерегайся от того хорошего, что приходит взамен плохого?»* [4, 1 т., 28].

В указанных нами примерах такие абстрактные субстантивные существительные как *добро-зло, хорошее - плохое*, и конкретные существительные как *холмы, не-*

бо и земля, употребляясь в виде антонимов, превратились в поэтическую стилистическую фигуру.

II. Образованные от прилагательного: У человека должна быть понятливость, ведь *взрослый - малый* это хорошее дело! [4, 1 т., 20].

Такова жизнь, тетья Саяла, один может быть *богатым*, а другой — *бедным* [4, 1 т., 53].

Офицеры брали вещи, *тяжелые* по цене и *легкие* по весу [4, 1 т., 61].

Первый и последний сын Керимзаде Юсиф умер этой весной совсем маленьким [4, III т., 53].

В первом предложении слова с противоположными значениями были субстантивно объединены вместе и образовали одно сложное слово, став вместе одним членом предложения - его подлежащим. В других примерах, употребляясь по отдельности, послужили для указания противоположных признаков. Словами *бедный-богатый* выражалось общественное состояние народа, словами *тяжелый и легкий* - цена предмета, а словами *первый и последний* - начало и конец происшествия.

III. Образованные от глаголов:

В произведениях Мир Джалала антонимы с действенным содержанием еще более увеличивают интенсивность. Например, *Бабир бек: кого хочешь, свалю, кого хочешь, подниму* [4, 1 т., 17]. *Эту ночь он провел между домом Бабир бека и домом Гумру, пробежал из дома в дом, встал, сел* [4, 1 т., 56].

Он также как и ты был стеснительным. *Пошел, пришел, зашел, вышел. Как бы не сглазить, сейчас речи произносит* [4, 1 т., 201]. *Прыгал на улице рядом с собравшимися к побитому отцу, показывал героизм, пугал их*

Нариман, потерявший, случайно нашедший, снова потерявший и на этот раз потерявший навечно свою любимую; думал о дочери фэзтонщика, которую раньше считал ангелом счастья, а теперь - бесчувственной, об обманувших его искренних чувствах и горевал [4, II т., 114].

Антонимы, образованные как от склоняющихся, так и не склоняющихся форм глагола, использовались в предложении для выражения различных значений.

В первом предложении слова «свалить, поднять», использованные в повелительной форме глагола в речи Бабир бека, успешно были выбраны для выражения приказных, властных оттенков. Во втором и третьем предложениях оттенки интенсивности, растерянности и тревоги выражены посредством повествовательных форм глагола [встал-сел, пошел-пришел, вошел-вышел]. В четвертом предложении посредством сложного глагола [прыгает-скачет], выраженного в первой части деепричастным оборотом, во второй части повествовательной формой, а в пятом предложении посредством причастного оборота отражены противоречивые сцены и события. Употребленные в последнем предложении «ангел счастья -неблагодарная дочь фэзтонщика» можно назвать стилистическими антонимами.

VI. Образованные от наречия: Антонимы, входящие в эту группу, более всего выражают временное и пространственное содержание. В художественных произведениях Мир Джалала подобные антонимы были достаточно использованы. Рассмотрим некоторые примеры:

Как только они были вынужденно отдалены от деревни, стали *медленно шагать*, **часто** смотрели назад, словно чего-то ожидали [4, I т., 24].

- антонимы, выраженные в предложении действительными наречиями [медленно, часто], являются самыми подходящими стилистическими средствами выражения беспокойства персонажей.

Тандыг помогает своему слуге опустить на землю два мешка дыни Джарджо, давал указания, смотрел по сторонам и что-то говорил слуге [4, I т., 234]. *Крепко держа обоими руками, хотел пойти туда-сюда* [4, I т., 33]. *Такого мусульманина как ты я бы пустил вниз по течению, и не стал бы искать вверх по течению* [4, I т., 109].

- в примерах «туда-сюда», «вниз-вверх» были превращены в антонимы с целью выражения противоречивых значений и понятий. В первом и втором предложениях антонимы-наречия были использованы с целью создания растерянности, определенной ситуации, в третьем предложении - с целью создания намеков и иронии.

Семантические стилистические антонимы в художественных произведениях Мир Джалала в соответствии с художественными языковыми нормами относятся к одинаковым частям речи: хорошо-плохо [прилагательное], сидеть-вставать [глагол], земля-небо [существительное].

В азербайджанском языке, также как и в других лексических единицах, в антонимах вопрос вида с точки зрения построения имеет особое значение. Антонимы бывают простые, образованные и сложные.

«Иногда для резкого контраста более выгодным считается напротив простых корней использование образованных или сложных антонимов, иногда даже с одинаковыми аффиксами, образование и использование контрастов и антитезисов с одинаковыми словами, в комических ситуациях применение в смешанном варианте простых и образованных, простых и сложных наречий и т.д.» [1, 139].

В художественных произведениях Мир Джалала в целенаправленном виде были использованы все три вида антонимов.

Выводы. В своих произведениях Мир Джалал использовал антонимы с различными целями: для описания картин природы, для описания психологического состояния персонажей, с целью выражения противоречий и различных отношений между классами и слоями, для создания портрета, для создания условий своеобразного, эмоционального и естественного течения. Морфологические особенности антонимов, использованных автором различны: существительные, прилагательные, глаголы, наречия. Кроме того, среди рассматриваемых единиц выделяются простые, составные и сложные антонимы.

Список литературы

1. Дамирчизаде, А. Стилистика азербайджанского языка [Текст] / А.Дамирчизаде. - Баку, 1962. - 271 стр. (на азерб. языке)
2. Гаджиев, Т. Сабир: истоки и предшественники [Текст] / Т.Гаджиев. Баку, 1980 (на азерб. языке)
3. Мамедли, Ф. Эстетические источники художественного языка [Текст] / Ф.Мамедли // Журнал «Улдуз», №3. - Баку, 1986 (на азерб. языке)
4. Мир Джалал. Избранные произведения [Текст] / Мир Джалал. - I, II, III, IV т. - Баку, 1967, 1968. (на азерб. языке)
5. Гвоздев, А.Н. Очерки по стилистике русского языка [Текст] / А.Н.Гвоздев. - Москва, 1955.

Гусейнова Х. Е. Стилiстичнi особливостi антонiмiв в художнiх творах Мир Джалала

Як вiдомо, для визначення в художнiх творах антонiмiв необхідно врахувати їх семантику. Оскiльки антонiми виражають суперечливi значення, їх широко використовують в художнiх творах для створення контрасту. А контраст, як вiдомо, грає велику роль в посиленнi сили дiї виразу i створеннi у читача емоцiй. У своїх творах Мир Джалал використовував антонiми з рiзними цiлями. У статтi розглядаються стилiстичнi особливостi антонiмiв, використаних в творах цього видатного майстра слова.

Ключовi слова: антонiми, стилiстичнi особливостi, контраст, семантика, художнi твори.

Huseynova H. E. Stylistic features of antonyms in Mir Jalal works of art

As it is known, for definition in works of art of antonyms it is necessary to consider their semantics. As antonyms express contradicting values, they widely use in works of art for contrast creation. And contrast, as it is known, plays large role in strengthening of force of influence of expression and creation at the reader of emotions. In Mir Jalal products used antonyms with the various purposes. In article stylistic features of the antonyms used in products of this outstanding master of a word are considered.

Key words: antonyms, stylistic features, contrast, semantics, works of art

Стаття постуила в редакцию 27.08.2009 г.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ В ЯЗЫКЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРЕССЫ

Тагизаде Н. А.

Заемствованные слова занимают особое место в истории развития мировых языков. Процесс заимствования сложное и многостороннее явление. В процессе употребления, заимствованные слова не остаются неизменными, а большая часть их подвергается влиянию фонетического, грамматического и семантического состава заимствующего языка. Заимствующий язык, принимая иноязычные слова, своеобразно осваивает их, как бы создает их заново. Процесс освоения иноязычного слова продолжается довольно долго. Степень освоения иноязычных слов зависит от различных факторов: генетическое родство заимствующего и заимствованного языков, типологическая структура; частота использования лексической единицы; продолжительность активности заимствованного слова.

Ключевые слова: заимствованные слова, англицизмы, иноязычные слова, процесс освоения

Введение. Заемствованные слова занимают особое место в истории развития мировых языков. Процесс заимствования сложное и многостороннее явление. В процессе употребления, заимствованные слова не остаются неизменными, а большая часть их подвергается влиянию фонетического, грамматического и семантического состава заимствующего языка. Заимствующий язык, принимая иноязычные слова, своеобразно осваивает их, как бы создает их заново. Процесс освоения иноязычного слова продолжается довольно долго. Степень освоения иноязычных слов зависит от различных факторов: генетическое родство заимствующего и заимствованного языков, типологическая структура; частота использования лексической единицы; продолжительность активности заимствованного слова. «Приобретение экспрессивности, выразительности и значения лексической единицы становится причиной заимствования новых слов» [1, 144].

Заемствованные слова в том случае входят в лексический состав заимствующего языка, если наряду с формальными освоениями, приобретают независимую лексическую семантику. Лексическое освоение охватывает все стороны лексического развития заимствованных слов, лексико-семантическая система заимствующего языка обуславливает их поле деятельности.

По причине того что приспособление нормам заимствующего языка является сложным лингвистическим процессом, степень осваивания слов выявляется по-разному. Некоторые слова, вошедшие в новый язык не так давно, или же по другим внутриязыковым причинам, по причине использования в узком кругу, считаются полuosваиванными заимствованиями. Напр., такие англицизмы в Азербайджанском языке, как абцентизм (absenteeism), агностицизм (agnosticism), буклет (booklet), докер (doker), дренаж (drainage), диссидент (dissident), клан (clan), ковбой (cowboy), матч (match), могикан (mohican), риф (reef), сендвич (sandwich), смокинг (smoking),

тандем (tandem), тотем (totem), трек (track), каное (canoe) и др. заимствования из этого ряда. Эти лексические единицы бывают однозначными по семантической структуре, отражают «чужую» реальность и служат выражению новых понятий, предметов, событий в нашем языке. Лингвистический анализ показывает что, эти заимствования, которые в основном относятся к терминологической лексике, по семантическим особенностям стабильны, используются в различных функциональных областях. В редких случаях у них происходят семантические изменения.

В Азербайджанском языке есть достаточное количество англицизмов, которые используются в широком кругу и даже вошли в число слов общеупотребительных и уже не воспринимаются как иноязычные. Эти заимствования заняли прочное место в лексической системе Азербайджанского языка. Бюджет (budget), вокзал (vaux hall), вагон (wagon), вазелин (vaseline), бокс (box), клуб (club), футбол (football), юмор (humour), экспорт (export), финиш (finish), трамвай (tramway), туннель (tunnel), турист (tourist), телефон (telephone), рельс (rails), пиджак (pea-jacket), парк (park), магазин (magazine), кофе (coffee) и сотни таких англицизмов широко употребляются в Азербайджанском языке. Многие из этих слов подверглись ассимиляции по фонетическим и грамматическим признакам. Эти заимствования считаются полностью освоенными лексическими единицами.

Большая часть этих слов (бюджет, вокзал, магазин, пиджак и др.) перешли в Азербайджанский язык давно и вошли в число общеупотребительных слов и поэтому приспособились Азербайджанскому языку.

Несмотря на то, что лингвистические проблемы языковых отношений не раз рассматривались, семантическое освоение заимствований до сих пор полностью не изучено. Как правило, исследователи выделили два этапа семантического развития заимствованных слов: заимствование слова и его полное освоение. Тогда как, по нашему мнению, лексическое заимствование сложный и многофазовый процесс. И в некоторых случаях лексическая единица кроме главного смысла в языке оригинала, могут использоваться в других смыслах в заимствующем языке. Такое семантическое изменение можно наблюдать в англицизмах Азербайджанского языка. Напр., первоначальный смысл слова «лидер» это «глава политической партии». После перехода в Азербайджанский язык это слово приобрело другие значения: «спортсмен, выигравший в соревновании», «главная статья газеты или журнала», «первый в ряду» и др. В шестидесятых годах XX века произошло смысловое изменение слова «лидер». Вышеуказанные значения перешли на второй план, слово «лидер», одновременно начал обозначать более общие смыслы: «первый на соревновании», «передовой в какой-то области» («Команда стала лидером в первой лиге», «АНС является лидером в тележурналистике»). В последние 20-30 лет это слово как общественно-политический термин нашел широкое распространение как лексическая единица в составе словосочетания «политический лидер». В последние года в Азербайджанском языке образовалось словосочетание с этим заимствованным словом: «Всенародный лидер Гейдар Алиев 34 года вел активную деятельность во имя Азербайджана, во имя превращения его в сильную державу». (газета «Республиканская молодежь», 30.10.2004- 06.11.2004).

Англицизм «буфер» вошел в лексический состав Азербайджанского языка как железнодорожный термин. В 60-х годах прошлого века это слово приобрело более широкое семантическое значение. В Азербайджанском литературном языке можно встретить и такое значение этого слова: промежуточная позиция между противостоящими сторонами. В Азербайджанском языке в последнее время также используются термины – политический буфер, буферная зона, буферное государство. Вышеуказанные значения связано с метафорическим смыслом этого слова: «Вполне может быть, что Азербайджан воспринимается как буферная зона между Ираном и Россией» (газета «Свободный Азербайджан», 24.08.2001).

Можно почувствовать семантическую перемену в англицизме «бойкот». Известно, что это слово вошло в Азербайджанский язык как термин, обозначающий форму политической и экономической борьбы. В настоящее время эта лексическая единица, сохраняя свою первичную значимость, расширила семантическую вместимость. Это заимствованное слово, выходя из области общественно-политической терминологии начало употребляться в бытовой сфере и вошло в число слов общепотребительных. Эта лексема вошло в терминологическую систему различных областей. Как дипломатический термин это слово обозначает отказ одного или нескольких государств от создания торговых отношений с другим государством. В словаре дипломатических терминов можно встретить такие термины-сочетания, в составе которых есть слово бойкот: «бойкот в международных отношениях», «использовать бойкот», «объявить бойкот», «отменить бойкот», «быть подверженным бойкоту», «политика бойкота», «политический бойкот», «призывать к бойкоту»: «Некоторые представители оппозиционных партий считают, что поскольку президентские выборы пройдут необъективно, их надо бойкотировать до выборов» (газета «Адалят», 20 сентября 2003 года).

Заимствованные слова служат выражению конкретных понятий, предметов и событий. Заимствованное слово вначале обладает конкретной семантикой. Обычно, если слово в родственном языке обладает несколькими смыслами, то при переходе в иной язык утрачивает прежние смыслы, оставляя только один. Со временем, заимствованное слово может приобретать новую семантику, также может утратить прежнюю семантику. Приобщение к такому процессу воспринимается как ассимиляция заимствующим языком. Заимствованный объект подвергается семантической трансформации в языке. Семантическая трансформация в языке ранее изучалась [2, 9]. Семантическая трансформация подразумевает расширение или же сужение смысла заимствованного слова, употребление его в переносном (метафорическом) смысле в заимствующем языке.

Некоторые исследователи рассмотрели лишь сужение смысла заимствующего слова и употребление их в переносном смысле. Эта тенденция позже была критикована [4, 23]. Приобретение новых качеств заимствующего слова тесно связана с переменами в обществе, с международными отношениями, в том числе с расширением межязыковых отношений. В.Г.Костомаров отмечал углубление семантической структуры слова, создание новых семантических смыслов в настоящее время [5, 113]. Расширение семантической структуры англицизмов в Азербайджанском языке происходит в процессе внедрения этих слов в разные области жизни.

Внедрение заимствованных слов в разные области влияет на его смысл. В некоторых случаях при переходе слово, утрачивая первоначальное значение, приобретает новый смысл. В других случаях, оставляя первичный смысл, в семантике заимствованного слова происходит перемена. Рассмотрим этот вопрос на конкретных образцах:

Слово бизнес (англ. *business*) не вошло в толковый словарь Азербайджанского языка, изданный в 1966-ом году. В кратком словаре Европейских слов это иноязычное слово растолковывается как – коммерческое дело, связанное с частным сбором. А человек, занимающийся этим делом, называется «бизнесмен». В словаре о слове «бизнесмен» пишется: «купец, делец, аферист, владелец в США; капиталист, старающийся иметь большую прибыль». Как видно, слово, перешедшее в Азербайджанский язык посредством русского языка, в советское время обладало отрицательным значением. В английском языке это слово многозначное. Основное его значение это - «работа», «постоянное занятие», «специальность». Другое значение - «торговля и коммерческая деятельность». В настоящее время в Азербайджанском языке слово «бизнес» обладает значением – «прибыльная работа». По уровню использования это иноязычное слово очень продуктивно. Это слово перешло из ряда экономических терминов к общеупотребительным лексическим единицам: «Я говорю что, Гамид, кроме того что творческий человек, он еще и разбирается в бизнесе отлично» (газета «Шерг», 12 октября 2004).

В большом теннисе и в волейболе введение мяча в игру называется сервис (*service*). Этот англицизм перешел в Азербайджанский язык в первоначальном значении: «Илаха Гадимова вступает в игру в основном составе во время сервиса» («Олимпия дунясы» газета, 1 октября 2004).

В последующие времена слово «сервис» начало употребляться в значении «бытовые услуги».

Сервер также спортивный термин. В теннисе игрок вводящий мяч в игру называется сервер. В 90-х годах в семантике слов сервер и сервис произошли значительные изменения. Эти термины в настоящее время употребляются в социально – экономическом и др. значениях. Сервер означает - «компьютер, сохраняющий и передающий главную информацию в малом и среднем бизнесе». А у слова сервис появилось еще два значения: 1) нижняя система маркетинговой деятельности, которая служит усовершенствованию системы производства и продажи продукции. 2) социальный опрос. Идентичная ситуация произошла в отношении слова «сервер». Это слово приобрело новое значение, создавая новые терминологические соединения. В настоящее время это слово употребляется в значении «компьютер, присоединяющий к сети»: «Чтобы подключиться к интернету, прежде всего, нужно подключиться к серверу. Для этого нужно набрать телефонный номер сервера» («Медиа Пресс», 25 июля 2004).

Иноязычные слова, в том числе англицизмы активно участвуют в процессах лексической системы языка. Заимствованное слово может перейти в ряд терминов, так же заимствованный термин может потерять изначальную терминологическую лексическую особенность.

Использование англицизмов в публицистических текстах и прессе, основательно действует на их семантическую систему. В семантической структуре иноязычных слов, употребленных в прессе, происходят изменения.

Происходит также расширение значения слова, обогащение новыми семами. В таких случаях детерминация является проявлением семантического расширения. Многие инновации используются в переносном смысле, новое слово используется в составе словосочетания со словами разных семантических групп. Расширение значения занимает особое место в процессе семантической деривации [6, 28]. В расширении значения англицизмов главную роль играет обобщение архисемы первично лексико-семантического варианта на базе лексико-семантической парадигмы. Напр., слово «хит» означает музыкальное произведение популярное в определенное время. Архисема «популярное музыкальное произведение» в процессе семантической деривации может использоваться в отношении различных событий и фактов: «Как будто, владельцы иномарок в нашем городе проводят хит парад этих машин, чтобы выяснить чья иномарка будет иметь успех» (газета «Республика генджери», 27.03.2004).

Выводы. Таким образом, в процессе употребления, заимствованные слова не остаются неизменными, а большая часть их подвергается влиянию фонетического, грамматического и семантического состава заимствующего языка. Заимствующий язык, принимая иноязычные слова, своеобразно осваивает их, как бы создает их заново. Процесс освоения иноязычного слова продолжается довольно долго. Степень освоения иноязычных слов зависит от различных факторов: генетическое родство заимствующего и заимствованного языков, типологическая структура; частота использования лексической единицы; продолжительность активности заимствованного слова.

Список литературы

1. Крысин, Л.П. Иноязычные слова с современной жизни [Текст] / Л.П.Крысин // Русский язык конца XX столетия. - М., 1996. - 58 с.
2. Алексеенко, Е.И. Лексические элементы из Западно-Европейских языков в русский язык 14-16 вв [Текст] / Е.И.Алексеенко. – Полтава: АКД, 1978.- 23 с.
3. Ефимова, Л.П. Освоение заимствованных слов русским языком [Текст] / Л.П. Ефимова // Ученые записки Казахского Университета. - Алма-ата, 1957. - т.25. - стр. 78-92
4. Брейсер, М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы (пособие для иностранных студентов русистов) [Текст] / М.А.Брейсер.- Владивосток: Диалог, 1998. - 64 стр.
5. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи (Из наблюдений над речевой практикой масс медиа) [Текст] / В.Г.Костомаров. - М.: Педагогика-Пресс, 1997. - 321 с.
6. Сенько, Е.В. Неологизация в современном русском языке конца XX в: межуровневый аспект [Текст] / Е.В.Сенько. – Волгоград: АКД, 2000. - 49 с.
7. Тагизаде, Н.А. О процессе заимствования в языке [Текст] / Н.А.Тагизаде // Исследования Института Языкознания Национальной Академии Наук Азербайджана. - Баку, 2003. - №2. - стр. 229-232

Тагизаде Н. А. Семантичне освоєння англїцизмів в мові Азербайджанської преси

Запозичені слова займають особливе місце в історії розвитку світових мов. Процес запозичення складне і багатобічне явище. В процесі вживання, запозичені слова не залишаються незмінними, а велика частина їх підпадає під вплив фонетичного, граматичного і семантичного складу мови, яка запозичує. Мова, яка запозичує, приймаючи іншомовні слова, своєрідно освоює їх, як би створює їх наново. Процес освоєння іншомовного слова продовжується досить довго. Ступінь освоєння іншомовних слів залежить від різних чинників: генетична спорідненість запозичуючої і запозиченої мов, типологічна структура; частота використання лексичної одиниці; тривалість активності запозиченого слова.

Ключові слова: запозичені слова, англїцизми, іншомовні слова, процес освоєння

Tagizade N. A. Semantic development of anglicizes in language of the Azerbaijan press

Loan words take a special place in the history of development of world languages. Loan process the difficult and multilateral phenomenon. In the course of the use, loan words do not remain invariable, and their most part is submitted to influence of phonetic, grammatical and semantic structure of borrowing language. Borrowing language, accepting words speaking another language, originally masters them, as though creates them anew. Process of development of a word speaking another language proceeds long enough. Degree of development of words speaking another language depends on various factors: genetic relationship of the borrowing and borrowed languages, typological structure; frequency of use of a lexical unit; duration of activity of a loan word.

Key words: loan words, anglicizes, words speaking another language, development process

Стаття постуила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 81'373.7+811.111'06

КОНЦЕПТ «ПРИВАТНОСТЬ» СО ЗНАЧЕНИЕМ «СМЕРТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Шаталин П. О.

В статье рассматривается аспект фразеологии концепта «приватность» со значением «смерть» в современном английском языке. Приводятся примеры лексико-семантической классификации, а также фразеологической синонимии и антонимии.

Ключевые слова: фразеологическая единица, фразеологическая синонимия, фразеологическая антонимия, фразеологические варианты.

Постановка проблемы. В современной лингвистике не иссякает интерес к фразеологии. Хотя эта проблема достаточно изучена. Фразеологические единицы используются в художественной литературе, публицистике. В последнее десятилетие теория фразеологии достигла выдающихся результатов: разработан ряд критериев изучения фразеологических единиц, создано несколько классификационных схем их распределения, активно ведутся исследования структурно-семантических особенностей фразеологизмов и их функционирования в языке, художественных произведениях, разработаны теоретические основы фразеологии. В своем повседневном общении люди рядом с отдельными лексическими и синтаксическими словосочетаниями, часто используют устоявшиеся словосочетания или поговорки, которые воспринимаются, как одно целое, как одно выражение, как оборот речи, неделимый на отдельные части без утраты смысла. Совокупность подобных единиц в языке образуют фразеологическую систему. Наука, которая занимается изучением фразеологических систем называется фразеология. Более того, также фразеологией называют совокупность всех фразеологических оборотов, которые существуют в том или ином языке. Последними десятилетиями ни одна область лингвистики не привлекала к себе внимание языковедов, как фразеология. Фразеологический фонд языка издавна был интересен для исследователей.

Общий анализ исследований и публикаций. Ценные для развития фразеологической теории наблюдения мы находим в работах М.В.Ломоносова, Ф.И.Буслаева, А.А.Потебни, П.Ф.Фортунатова. Однако, несмотря на публикации ряда важных работ, до сих пор недостаточно изучены проблемы семантики, структуры, становления и исторического развития фразеологии. На данный момент, например, существует различность во взглядах языковедов на предмет фразеологии, её объем. Вот почему именно от выяснения таких понятий, как состав фразеологической единицы, характеристика её дифференциальных признаков, т.е. черт, которые позволяют нам фразеологизмы называть фразеологизмами, зависит изучение в целом, а также отдельных её аспектов. Отсутствие чётких критериев в изучении самой сущности фразеологической единицы негативно отображается на составлении фразеологических словарей. Именно этим объясняется сам факт, что усилия фразеологов-теоретиков направлены на разработку основных принципов разграничения

фразеологических явлений от нефразеологических, что среди стойких фразеологических комплексов представляет объект самой фразеологии. Эти устойчивые словосочетания обращают на себя внимание исследователей лингвистов. Изучается семантика этих единиц, структура, дифференциальные признаки, но и сейчас по-разному трактуется главные для фразеологии вопросы о природе фразеологических единиц, принципах их классификации, семантических связях и т.д.

В коллективном сознании носителей языка существует специфическая картина мира, отражающая опыт соответствующей лингвокультуры; в основу картины мира положены ментальные образования разной природы, которые могут получать языковое воплощение, - концепты.

Приватность является важным регулятором межличностных и институциональных отношений, это фиксируется в моральной и юридической сферах общественного устройства, а также в многочисленных проявлениях ежедневного обыденного общения.

Поэтому изучение фразеологии есть потребностью важной, чем и обусловлена **актуальность выбранной темы**. Кроме того актуальность выполненной работы может быть продиктована следующими моментами:

1. Лингвокультурное моделирование языка является одним из наиболее активно развивающихся направлений современной лингвистики, категориальных состав этой области знания разработан еще недостаточно, список концептов, подлежащих изучению, находятся в стадии обсуждения;

2. Социально-психологический феномен «приватность» со значением «смерть» играет исключительно важную роль в англоязычной культуре, этому явлению посвящены отдельные исследования в области социологии, психологии и культурной антропологии, в лингвистической же литературе данный вопрос еще не рассматривался, хотя приватность как феномен получает множественное и вариативное языковое обозначение в английском языке.

Целью работы является комплексная характеристика особенностей функционирования фразеологизмов концепта «приватность» со значением «смерть» в современном английском языке.

Объектом исследования в нашей работе есть, прежде всего, английские фразеологизмы концепта «приватность» со значением «смерть, неудачи».

Материалом для исследования нам будут служить фразеологические единицы выбранные из фразеологического словаря Кунина А.В. «Англо-русский фразеологический словарь»

Предметом исследования является семантические особенности фразеологизмов концепта «приватность» со значением «смерть».

Материалы и полученные результаты могут найти своё практическое применение на факультативных занятиях старших классов, школ с углубленным изучением английского языка, а также на занятиях по лексикологии.

Феномен, именуемый «картина мира», является таким же древним, как сам человек. Создание первых «картин мира» у человека совпадает по времени с процессом антропогенеза. Тем не менее, реалия, называемая термином «картина мира», стала предметом научно-философского рассмотрения лишь в недавнее время.

Картина мира представляет собой центральное понятие концепции человека, выражает специфику его существования. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человеческого бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Картина мира есть целостный образ мира, который является результатом всей активности человека. Она возникает у человека в ходе всех его контактов и взаимодействий с внешним миром. Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно - практическая активность человека.

Так как в формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений и заканчивая мышлением человека, то очень сложно говорить о каком-либо одном процессе, связанном с формированием картины мира у человека. Человек созерцает мир, осмысливает его, ощущает, познаёт, отражает. В результате этих процессов у человека возникает образ мира, или мировидение.

«Отпечатки» картины мира можно обнаружить в языке, в жестах, в изобразительном искусстве, музыке, ритуалах, этикете, вещах, мимике, в поведении людей. Картина мира формирует тип отношения человека к миру - природе, другим людям, задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизни.

Что касается отражения картины мира в языке, то введения понятия «картины мира» в антропологическую лингвистику позволяет различать два вида влияния человека на язык - влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка и влияние на язык различных картин мира - религиозно-мифологической, философской, научной, художественной.

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубоких слоёв картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Каждая из картин мира, которая в качестве отображаемого фрагмента мира представляет язык как особый феномен, задаёт своё видение языка и по-своему определяет принцип действия языка. Изучение и сопоставление различных видений языка через призмы разных картин мира может предложить лингвистике новые пути для проникновения в природу языка и его познание [1, 72].

Картина мира понимается многими современными лингвистами как исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий существенные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека. Картина мира как субъективный образ объективной реальности, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них [2, 130].

Отмечается, что картина мира имеет двойственную природу как неопредмеченный элемент сознания и жизнедеятельности человека и объективированное в виде

опредмеченных образований, "следов", оставляемых человеком в процессе жизнедеятельности [3, 18].

Картина мира создается в результате двух различных процедур: 1) экспликации, экстрагирования, опредмечивания, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности; 2) созидания, творения, разработки новых образов мира, осуществляемых в ходе специальной рефлексии, носящей систематический характер [4, 93].

Функции картины мира вытекают из природы и предназначения в человеческой жизнедеятельности мировидения человека, составной частью которого и является картина мира [5, 116].

Семантическая классификация фразеологизмов концепта «приватность» со значением «смерть» насчитывает три группы: *самоубийство, доведение до смерти и убийство, естественная смерть* [7, 201].

К категории *самоубийство* относятся такие фразеологизмы как:

- 1) lay violent hand on oneself – наложить на себя руки;
- 2) to take one's life – забрать чью-либо жизнь;
- 3) to commit death – быть близким к самоубийству;
- 4) die a natural death – умереть своей смертью.

К категории *доведение до смерти и убийство* относятся следующие фразеологизмы:

- 1) break own back – погубить себя;
- 2) may one's rest in peace – довести себя до смерти.

К категории *естественная смерть* принадлежат следующие фразеологизмы:

- 1) die a natural death – умереть своей смертью;
- 2) die in one's bed – умереть своей, естественной смертью;
- 3) have had one's day – отжить свой век.

Вывод: приватность как культурное явление закрепляется в стереотипах поведения, этикетных формулах, модулях межличностных отношений. Концепт «приватность» со значением «смерть» во многом структурируется метафорически и таким образом находит образное выражение в языке. В качестве «базовой» метафоры выступает сопоставление приватности с образом смерти.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография [ТЕКСТ]. - М.: Элипс, 2008. 271 с.
2. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке// А.А.Шахматов, 1864-1920: Сб. статей и материалов [ТЕКСТ].- М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 474 с.
3. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка [ТЕКСТ]. -М.: Издательство «Литература на иностранном языке, 1956 –260с.
4. Кунин, А.В. Английская фразеология: Теоретический курс [ТЕКСТ].- – М.: Высш.шк., 1970. –344 с..
5. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины [ТЕКСТ]. - Л., 1946.
6. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [ТЕКСТ].- М.: Наука, 1986. – 143с
7. Кунин, А.В. Фразеология современного английского языка [ТЕКСТ].- М.: Изд-во Международ. отношения, 1972. - 215 с

Шаталін П. О. Концепт «приватність» зі значенням «смерть» в англійській фразеології

У статті розглядається аспект фразеології концепту «приватність» зі значенням «смерть» у сучасній англійській мові. Наводяться приклади лексико-семантичної класифікацій, а також фразеологічних синонімів та антонімів.

Ключеві слова: фразеологічна одиниця, фразеологічна синонімія, фразеологічна антонімія, фразеологічні варіанти.

Shatalin P. O. The concept “privacy” in English phraseology.

In the article we observe the phraseological aspect “privacy” with meaning “death” in the modern English. There are given examples of lexical-semantically classification, as well as of phraseological synonyms and antonyms.

The Key words are: phraseological unit, phraseological synonym, phraseological antonym, phraseological variant.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 808.3-316.4

ФУНКЦІОНУВАННЯ ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ У ТВОРАХ І.Я.ФРАНКА

Шаталіна О. Ф.

У статті проаналізовано, як використовувалася літературознавча термінологія в окремих працях І.Я.Франка. Подано спробу систематизації літературознавчої термінології, виокремленої з праць письменника.

Ключові слова: гіперонім, жанр, літературознавча термінологія, літературні тропи.

Постановка проблеми. Великий син українського народу І.Я.Франко відомий в історії української культури не лише як геніальний письменник, поетичні, прозові й драматичні твори якого є неперевершеними зразками реалістичного зображення дійсності, художньої і мовної майстерності, але і як основоположник наукового і публіцистичного стилю української літературної мови.

Над удосконаленням і розвитком української наукової термінології І.Я.Франко цілеспрямовано працював усе своє життя. Теоретичні висловлювання з питань термінології, а також численні зауваження з приводу багатьох наукових термінів показують, що І.Я.Франко стояв на наукових позиціях, які приймаються і сучасними мовознавцями.

Отже, **мета** роботи полягає в дослідженні літературознавчої термінології у працях І.Я.Франка. Поставлена мета передбачає вирішення таких **завдань:**

- опрацювати найбільш відомі поетичні збірки та окремі теоретичні праці І.Я.Франка;
- систематизувати літературознавчу термінологію, виокремлену з праць І.Я.Франка.

Загальний аналіз досліджень та публікацій з проблеми. Проведений аналіз наукових праць з дослідження функціонування наукової термінології зокрема літературознавчої, у працях І.Я.Франка, свідчать, що в цьому напрямку працювали такі науковці як Возняк М.С., Дей О., Калініченко Н.Л., Кирилюк Є.П., Пінчук С.П. і Регушевський Є.С.

Як і кожен учений, Франко належить своєму часу, своїй епосі. Він одним із перших в Україні створив наукову концепцію національної літератури, самобутньої та оригінальної, розглядаючи її розвиток у широкому світовому контексті. Незрівнянний діапазон творчості І.Я.Франка. Поет, прозаїк, драматург, історик літератури і фольклорист, науковий дослідник і коментатор текстів, перекладач і видавець. Коло його інтересів надзвичайно широке. Тому використання поетом наукової термінології, зокрема літературознавчої, в своїх працях є логічно закономірним. Літературна спадщина І.Я.Франка велика, тому в роботі буде розглянуто окремі твори на предмет використання поетом літературознавчої термінології. Опрацьовувалися поетичні збірки І.Я.Франка „З вершин і низин”, „Мій Ізмарагд”, „Зів'яле листя”, „Із днів журби”,

„Semper tiro”, „Із жидівських мелодій”, „Давнє й нове”, „Із літ моєї молодості”. Розглянуто цикл сонетів, а також поеми „Панські жарти”, „Іван Вишенський”, „Мойсей”, „На Святоюрській горі” [1]. Окрім поезії, на розгляд було взято окремі праці І.Я.Франка про фольклор, зокрема „Студії над українськими народними піснями”, передмову до першого тому „Етнографічного збірника” Наукового товариства ім.Т.Шевченка у Львові, що вийшов друком у 1905 році [2].

Із названих праць було виокремлено близько 170 літературознавчих термінів. Значна частина термінів становить назви різновидів літературних творів: „гімн”, „пролог”, „веснянки”, „перекази”. Щодо терміна „думи”, то поет використовує для назв своїх віршів як одиничний термін „ дума”, так і складену назву: „осінні думи”, „нічні думи”, „думи пролетарія”, „фантастичні думи”. Такий термін, як „пісня” у працях І.Я.Франка можна вважати гіперонімом, він фіксувався неодноразово у назвах літературних творів: „пісня і праця”, „пісня жива”, „пісня чудова”, „скорбна пісня”, „пісня будущини”, „сучасна пісня”, „убога пісня”, „моя пісня”. Символічно, що назва першого друкованого вірша І.Я.Франка – „Народна пісня” [1]. Даючи назву творам, поет вживав такі терміни, як „сонети”, „вольні сонети”, „тюремні сонети”. Яскравим виявом майстерності автора слугує те, що окремі віршовані твори він називає «співами», це і «невиспівані співи», «високі співи», «спів похвальний». Для найменування своїх творів І.Я.Франко використовує назви віршових сполук, зокрема один із віршів збірки „Мій Ізмарагд” має назву „Строфа”. „Притча” у Франка виступає як назва вірша, а також як назва віршованого циклу. Назвою віршованого твору є термін „співомовки”, авторство цього терміна належить С.В.Руданському. Про це говорив сам І.Франко у статті про С.В.Руданського [3]. Іншому циклу віршів поет дав назву «Паранетікон», що означає в дослівному перекладі збірка моральних повчань. Цей термін має грець походження і сучасний літературознавчий словник його не фіксує його не фіксує.

Літературознавча термінологія присутня і в назвах авторів творів. І.Я.Франко називає їх „поет”, ця назва використовується найчастіше. Зустрічається така назва, як „співак”, вона ж використовується і як назва літературного твору, вірш називається „Співакові”. Часто І.Я.Франко використовує „співак” у кличній формі - „співаче”. Автора „Слова о полку Ігореві” Франко іменує „невідомий співак”. У вірші „Епілог” Франко називає поетів „сонеторями”. Автор у Франка має назву „стихар”, „тропар”. У зневажливій формі поет вживає назву „писак”, зокрема „глухівський писак”. Літературознавчий термін „пісня” у творах І.Я.Франка можна виділити за тематичними групами: „давня пісня”, „скорбна пісня”, „народна пісня”, „свобідна пісня”, „пісня арештантська”, „некепська пісня”, „бригідська пісня” (назва походить від назви тюрми у Львові „Бригіда”), „пісня сумовита”, „безконечная пісня”, „чудова пісня”, „убога пісня”, „побідная пісня”, „безпечна пісня”, „сучасна пісня”, „безсмертна пісня”, „пісня бойова”, „пісня невесела”, „пісня палка”, „пісня вітхнення”. І.Я.Франко є популяризатором такого літературознавчого терміна, як „дворацькі пісні” [4]. Він пояснює його так: „...по дворах польських панів, особливо магнатів, були співаки, звичайно з підданих, обов’язком яких було забавляти панів музикою, танцями і піснями. Ці пісні складено «руською народною мовою», складом, близьким до щиронародних пісень, але зміст їх відповідав більше смакові тогочасного панства, ніж характерові народної

творчості: гуля тики, фривольні любощі або величання панів – ось були звичайні теми. Цих „дворацьких пісень” було немало.” [4]. Для позначення літературознавчого терміна „народна пісня” І.Я.Франко знову використовує авторські назви „щиронародні пісні” та „людові пісні”.

Широко використовує І.Я.Франко назви жанрів літературних творів: „гімн”, „акафіст”, як різновид гімна, гімнографічний твір, „казка” „літопис”, „комед’ія”, приповідка”, „вірш”, „байка”, „міф”, „легенда”.

Найвизначнішими творами І.Я.Франка є також назви творів, властивих церковній літературі. Це такі як, амовон, у текстах Франка „амвон”, „богохульні промови”, „акафіст”, „требник”, „псалтир”, „псалом”, „анафема”. Ці терміни є характерними для давньоруської літератури XIV-XV століття, сучасний літературознавчий словник фіксує тільки „псалом” [5,579] Взагалі І.Я.Франко вважав, що доля була неприхильною до пам’яток нашого письменства. Тому на початку 1895 р. Франко запропонував філологічній секції Наукового товариства імені Шевченка видати в ряді томів «Пам’яток української мови і літератури» збірку прозових оповідань релігійного і світського змісту з українських рукописів XV-XVIII століть. Затверджений філологічною секцією і археографічною комісією план Франка обіймав такі групи пам’яток:

1. Апокрифи старозавтні.
2. Апокрифи новозавтні.
3. Апокрифи есхатологічні (про загробне життя і кінець світу), вірування, ворожби, заклинання тощо.
4. Легенди і апологи церковного змісту.
5. Повісті і апологи світського змісту.

У вірші „Епілог”, що входить до циклу віршів Франка під назвою „Сонети”, поет використав такий термін, як назва віршованого розміру „п’ятистопний ямб”. У цьому ж вірші бачимо авторське утворення: на позначення назви твору Франко вживає словосполучення „рифмові сплети”. Сама назва поезії „епілог” є літературознавчим терміном грецького походження, що означає заключне звернення-монолог. Термін цей широко використовувався в давньоруській літературі, подає його також сучасний літературознавчий словник [5, 241]. У знаменитій поемі Франка „Мойсей” теж фіксується назва віршового розміру „дактиль”.

Досить часто у текстах Франка присутні назви літературних тропів. Наприклад, „іронія”, „фарисейство”, „лицемірство”. У збірці „Давнє і нове” використано термін на позначення способу зображення „алегорія”.

У поезії „Страшний суд” замість терміна „пишномовність” Франко використовує його варіант „бомбаст”.

У працях І.Я.Франка, присвячених дослідженню історії української літератури, зафіксована значна кількість літературознавчих термінів. Так, зокрема, в його програмній записці, щодо української літератури XIX століття [6, 247], де поданохудожній аналіз твору Котляревського «Енеїда», Франко вживає термін «апофеоз», він стверджує, що «Енеїда» - це «апофеоз козацтва» [6, 248]. Говорячи про прикмети українського гумору, Франко вживає такі літературознавчі терміни, як іронія, пафос. У подальшій характеристиці творів Котляревського виявляємо такі

літературознавчі терміни: сентименталізм, інтермедія, пародія. Під час аналізу творчості Шевченка вживаються такі літературознавчі терміни: «пафос», «реалізм», «історичні повісті», «трагедії», «лірика».

У працях І.Я.Франка про фольклор вживаються такі терміни, як «перекази», «коломийки», «примівки» (гуцульські заклинання), «приповідки».

Термін „приповідка” Франко вживає широко: так він називає не тільки приповідки в значенні афоризмів, а й взагалі образні, метаморфічні вислови народної мови.

Приказки й інші вислови Франко зводить у групу під заголовком того слова, яке у вислові є найважливішим або найхарактернішим, все одно, чи цим словом є іменник, прикметник, дієслово, чи будь-яка інша частина слова, чи слово стоїть на початку, всередині або на кінці приповідки, і такі групи впорядковує за абеткою.

Висновки. Таким чином, Франко був новатором в українській літературі, зокрема в поезії. Він письменник надзвичайної широчини і глибини, майстер найрізноманітніших літературних жанрів. Франко був філологом, літературознавцем, і свої знання з теорії літератур широко впроваджував в поетичну творчість.

Майстерно Франко користувався народними словеснопоетичними надбаннями. Він умів збагатити свій стиль на базі народної творчості. Його класична творча розробка народних сюжетів, мотивів та образів, які під пером письменника перетворювалися в чудово ограновані дорогоцінності. Це цінна школа і для наших сучасних майстрів слова.

Список літератури

1. Франко, І.Я. Вибране [ТЕКСТ].- К.: Художня література, 1954. – 399 с.
2. Калініченко, Н.Л. Українська література кінця XIX – початку XX століть. Напрями, течії [ТЕКСТ] – К.: Наукова думка, 1983. – 255 с.
3. Луцишин, О. Категорія „Літературний розвиток у науковому трактуванні Івана Франка” [ТЕКСТ] – Львів.: 1998. – 140 с.
4. Возняк, М.С. З життя і творчості Івана Яковича Франка [ТЕКСТ]. – К.: Академія Наук, 1955. – 302 с.
5. Літературознавчий словник-довідник [ТЕКСТ]. – К.: Академія, 1997. – 750 с.
6. Кобилецький, Ю. Іван Франко [ТЕКСТ] – К.: Художня література, 1951. – 184 с.

В статье анализируется как использовалась литературоведческая терминология в отдельных работах И.Я.Франка. Делается попытка систематизации литературоведческой терминологии, выбранной из работ писателя.

Ключевые слова: гипероним, жанр, литературоведческая терминология, литературные тропы.

In the article we analyzed how we used the literature terms in special works by I.Y.Franko. There was a try do turn the literature terms systematically, found in different works of the writer.

Key words: style, literature terms, literature tropes, hiperonim.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1+811.512.145

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПРИЧАСТИЙ КРЫМСКОТАТАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ¹

Оказ Л. С., Алиева В. Н.

В статье рассмотрены особенности образования и словоизменения причастий на материале крымскотатарского и русского языков, определена их типология и переводные соответствия

Ключевые слова: русский язык, крымскотатарский язык, разносистемные языки, компьютерная лексикография, сопоставительная грамматика, контрастивный метод, типологический метод, причастие.

Постановка проблемы. Сопоставительное изучение разносистемных языков представляет для лингвистов научный и практический интерес. Исследования такого рода создают условия рационального использования коммуникативных единиц в процессе овладения неродственными языками, например, крымскотатарским и русским. «Русско-крымскотатарский словарь лингвистических соответствий», создаваемый авторами данной статьи, - это лексикографический источник, который позволяет понять и охарактеризовать коммуникативные особенности изучаемых языков. Глагольные части речи, в частности, причастия, составляют активный словарь коммуниканта и, как правило, их использование и перевод на неродственный язык вызывает трудности. Сопоставление данных отглагольных частей речи крымскотатарского и русского языков проводится впервые.

Общий анализ исследований и публикаций по проблеме. Сопоставительная лингвистика, как известно, занимается сравнением двух и более языков - родственных и неродственных. В сопоставляемых языках определяются общие и специфические особенности, которые отличают данные языки.

Крымскотатарский и русский языки относятся к аффиксирующему типу, но их аффиксы отличаются друг от друга своими функциями и особенностями присоединения в составе слова. Причастие как особая форма глагола рассматривалось в трудах русских лингвистов, а также в грамматиках по русскому языку [1; 2]. В некоторых учебных пособиях категория причастия описывается как часть речи, связанная с глаголом [3]. Общеизвестно, что русское причастие характеризуется наличием временных форм, это категории настоящего и прошедшего времени; сохраняется

¹ Дослідження здійснено за підтримки ДФФД МОН України (проект № Ф25.7/ 011 «Класифікація_одиниць_різнорівневої_системи_кримськотатарської_мови»)

общее с глаголом значение переходности/непереходности, залоговые и видовые значения.

В работах известных лингвистов отмечается, что тюркское причастие по своей природе отличается от причастий индоевропейских языков, в частности, русского [4; 5]. Залоговая категория, ярко выраженная в русском языке, в тюркских языках не всегда выделяется, т.к. залог в причастиях и в спрягаемых глаголах, например, татарского языка, выражается при помощи одних и тех же аффиксов [6].

Цель - исследовать закономерности функционирования причастных форм в крымскотатарском и русском языках.

Достижение данной цели реализуется посредством решения следующих **задач**: рассмотреть особенности образования и словоизменения причастий на материале крымскотатарского и русского языков, определить их типологию и переводные соответствия.

Исследование проводится **на основе методов** конструктивной, когнитивной и прикладной лингвистики, сопоставительного анализа русского и крымскотатарского языков.

Общее понятие причастия в сопоставляемых языках совпадает: это форма глагола, которая обозначает признак предмета по действию и имеет общие с глаголом и прилагательным свойства – отглагольное имя прилагательное [7].

В русском языке причастие, как прилагательное, изменяется по родам, числам и падежам, а в крымскотатарском языке оно не имеет подобных форм изменения, например: сачлары кысыкыа *кесильген* бир адам «коротко *подстриженный* мужчина»
таблица 1.

крымскотатарский		русский			
		М.р. ед.ч.	Ж.р. ед.ч.	Ср.р. ед.ч.	Мн.ч.
И.п.	кесильген	подстриженный	подстриженная	подстриженное	подстриженные
Р.п.	-	подстриженного	подстриженной	подстриженного	подстриженных
Д.п.	-	подстриженному	подстриженной	подстриженному	подстриженным
В.п.	-	подстриженного	подстриженную	подстриженное	подстриженных
Т.п.	-	подстриженным	подстриженной	подстриженным	подстриженными
П.п.	-	подстриженном	подстриженной	подстриженном	подстриженных

Страдательные причастия русского языка в отличие от действительных причастий прошедшего времени имеют краткую форму, которая образуется отсечением окончания. В крымскотатарском языке краткая форма причастия отсутствует, ей соответствует глагол прошедшего времени. Например: Этот дом *построен* в прошлом году. Дом, *построенный* в прошлом году, вызывает восхищение. «Бу эв кечкен йыл *кзурулды* (букв. *Этот дом построили в прошлом году.*) Кечкен йыл *кзурулган* айранлык догъура».

Причастие в сопоставляемых языках характеризуется следующими глагольными признаками.

1. Наличие временных форм

В русском языке причастие имеет формы настоящего и прошедшего времени: дающий, дающая, дающее; дававший, дававшая, дававшее; дающие; дававшие. В

крымскотатарском языке, кроме форм настоящего и прошедшего времени, выделяется форма будущего времени (берер, берген; берген, берильген; береджек, бериледжек), переводимая на русский язык определительной конструкцией, например: тот (та), который(-ая) «даст», который (-ая) должен (-жна) «дать»; те, которые «дадут», которые должны «дать».

2. Наличием залоговых форм

В сопоставляемых языках причастие сохраняет залоговые формы производящих глаголов: действительный и страдательный. Если действительное причастие русского языка образуется от невозвратных переходных и непереходных глаголов с учетом видовой характеристики, то в крымскотатарском языке категории вида нет, а понятие переходности/непереходности весьма условное. В связи с этим нет особых правил, регламентирующих образование причастных форм. Таким образом, от любого глагола можно образовать все причастные формы. Специфика словоизменения причастия заключается еще и в том, что производящая основа всегда совпадает с формой глагола повелительного наклонения 2-го лица единственного числа, например: **язар, язгъан; язгъан, язылгъан; язаджакъ, язладжакъ.**

Действительным причастиям настоящего времени русского языка на –ущ/-ющ, образованных от глаголов 1-го спряжения, и на –ащ/-ящ – от глаголов 2-го спряжения несовершенного вида соответствуют аффиксы –ар/-ер, –къан/-гъан/-кен/-ген: берер, берген «дающий», алар, алгъан «берущий». А. Меметов отмечает: «перевод этого причастия (–ар/-ер) на русский язык формой на –ущий/-ющий не в полной мере передает богатство его семантики. Указанные слова могут иметь и такие значения: айдар «тот, кто гонит», «тот, кто подвергается гонению»; север «тот, кто любит», «тот, кого любит» и т.д.» [8]. Форма на –къан/-гъан/-кен/-ген в крымскотатарском языке служит для выражения не только настоящего, но и прошедшего времени, например:

таблица 2.

настоящее	<i>берген*</i>	прошедшее
дающий, дающая, дающее; тот, который «даёт», та, которая «даёт», то, которое «даёт»		дававший, дававшая, дававшее; давший; тот, который «дал, давал», та, которая «дала, давала», то, которое «дало, давало»

*Причастие *берген* образовано от глагола *бермек*, который переводится на русский язык словами: давать, дать, отдавать, отдать, сдавать, сдать. Данные глаголы имеют в русском языке разную видовую характеристику, однако это не отражается на форме крымскотатарского причастия из-за отсутствия категории вида и наличия только одного спряжения.

Страдательным причастиям настоящего времени на–ем (от глаголов 1-го спряжения), на –им (от глаголов 2-го спряжения), образованных на базе основ настоящего времени переходных глаголов несовершенного вида, и прошедшего времени на –нн/-енн-, образованных от основы инфинитива переходных глаголов совершенного вида, в крымскотатарском языке часто соответствует причастная форма на –къан/-гъан/-кен/-ген, например: «Но тонкий запах резеды, *оставленный Еленой* в его бедной, темной комнатке, напоминал ее посещение». *Амма онынъ фукъаре, къаранлыкъ эвинде Еленадан къалгъан гузель мис къокъусы къызынынъ келип кеткенини хатырлатыр эди* (все примеры извлечены методом компьютерной картографии из параллельных

текстов на крымскотатарском и русском языках: Тургенев И.С. Биринджи севги [Роман]; Арфе: [Повесть]/ [Рус. Тилинден У. Эдемванынъ терджимеси].- Т.: Эдебият ве санъат нешрияты, 1988.- 224б.). При этом препозитивное причастие в крымскотатарском языке переходит в постпозицию, а связанное с ним имя существительное в творительном падеже русского языка, переводится на крымскотатарский существительным в исходном падеже: *оставленный Еленой - Еленадан къалгъан*. Кроме того, в крымскотатарском языке страдательные причастия образуются посредством аффикса -л/-ил/-ыл/-ын, которые в структуре причастия занимают положение между глагольной основой и аффиксом -къан/-гъан/-кен/-ген. Таким образом внимание акцентируется объекте действия, например: «На что мне, ваятелю, эти исчадия запуганной, холодной фантазии, эти образы, *рожд+ени+ые в духоте избы*, во мраке зимних ночей?» Мен эйкельтрашым, манъа сув астындаки сувукъ хаял, *дым звлерде, къаранлыкъ къыши геджелеринде уйдур+ыл+гъан образлар* керекмей.

3. Наличием положительной и отрицательной формы

Отрицательная форма крымскотатарского причастия образуется при помощи стандартного глагольного аффикса -ма/-ме, который располагается в слове перед аффиксом-временным показателем, например: чыкъкъъан – чыкъ*ма*гъан «вышедший; тот, который вышел – невышедший; тот, который не вышел», чыкъарылгъан – чыкъарыл*ма*гъан «тот, которого вывели (букв. выведен) - «тот, которого не вывели (букв. не выведен)».

В крымскотатарском языке довольно часто употребляется субстантивированная форма причастия, приобретающая в контексте предметное значение, изменяющаяся по падежам, числам и лицам, также присоединять аффикс сказуемости в конце слова. В результате субстантивации причастием приобретаются новые синтаксические функции: подлежащего, дополнения и сказуемого, например: Андрей Петрович, бойле де япкъанлар*ыма* пешманым. «Андрей Петрович, я и так сожалею о сделанном».

В завершении отметим следующее: причастие в сопоставляемых языках характеризуется как общими, так и специфическими признаками.

Общим является то, что рассматриваемая часть речи совмещает в себе признаки глагола и прилагательного, способна к субстантивации, имеет две залоговые формы, временные признаки, отрицательную и положительную формы.

Крымскотатарское причастие не изменяется по падежам, числам и родам, и только в процессе субстантивации приобретает морфологические признаки и способность выполнять синтаксические функции подлежащего, дополнения и сказуемого.

Перспектива. Залоговые формы причастия в тюркских языках вызывают сложности при переводе и сопоставлении-сравнении с другими языками. Единого мнения относительно этого вопроса в тюркологии нет. Особенно перспективным представляется анализ семантических особенностей причастия и определяемых слов и их функциональных возможностей.

Список литературы

1. Современный русский язык. Ч.2. Морфология. Синтаксис [Текст]/под ред. Е.М. Галкиной – Федорук.- М.: Изд-во Московского университета, 1964.- С. 178 - 184.
2. Современный русский язык [Текст] / под. ред. П.А. Леканта - М.: Высш. шк., 1982. –С. 226 - 232.

3. Шанский, Н.М., Тихонов, А.Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. Ч.2. [Текст]. -М.,1981.- С.212 – 222.
4. Иванов,С.Н. Очерки по синтаксису узбекского языка [Текст].- Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.- С.60-72.
5. Меметов, А., Мусаев, К. Крымтатарский язык. Ч.1. Общие сведения о языке. Ч 2. Морфология. Учебное пособие [Текст].- Симферополь: Крымучпедгиз, 2003.- С. 240.
6. Валлиулина, З.М. Сопоставительная грамматика русского и татарского языков. Словообразование и морфология [Текст]/ под ред. М.З. Закиева, Л.З. Шакировой.- Казань: Татарское книжное издательство.- 150с.- С.107.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология [Текст].- М.: Наука, 1988.- С.448
8. Мусаев, К. Крымтатарский язык. Ч.1. Общие сведения о языке. Ч 2. Морфология. Учебное пособие [Текст].- Симферополь: Крымучпедгиз, 2003.- С. 246.

Оказ Л. С., Алиева В. М. Порівняльна типологія дієприкметників кримськотатарської і російської мов

У статті розглянуті особливості освіти і словозміни дієприкметників на матеріалі кримськотатарської і російської мов, визначена їх типологія і перекладні відповідності

Ключові слова: російська мова, кримськотатарська мова, різносистемні мови, комп'ютерна лексикографія, порівняльна граматики, контрастивний метод, типологічний метод, дієприкметник.

Okaz L. S., Aliyeva V. N. Comparable typology of participles of Crimean Tatar and Russian languages

In the article the features of education and inflexion of participles are considered on material of Crimean Tatars and Russian languages, their typology and translated accordance's is certain

Key words: Russian, Crimean Tatar language, languages of the different systems, computers lexicography, comparable grammar, contrastive method, typologies method, participle.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 8.81.800.

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕН ГЛАГОЛА

Гасанова Г.

Статья посвящена сравнительному анализу основных грамматических категорий времени глагола на материале азербайджанского и русского языков. В качестве базовых критериев рассматриваются время говорения и момент речи.

Ключевые слова: категория, глагол, сравнительно-типологическое исследование

Введение. Сравнительный анализ языковых фактов разных систем дает возможность глубже понять их грамматическую структуру, определить специфику их внутренней организации. Одновременно исследования такого рода обогащают лингвистику новыми фактами об универсалиях и в целом способствуют решению общих гносеологических проблем. С этой точки зрения уместно будет процитировать следующее высказывание видного языковеда, академика Агамусы Ахундова: «Классификация языков мира стала возможной только в результате их сопоставительного изучения, то есть без сопоставления грамматических структур языков невозможно определить их различие» (1, 230).

Сравнительно-типологические исследования, прежде всего, требуют остановиться на морфологических структурах сопоставительных языков. Одной из классификаций в лингвистике является морфологическая классификация и ее появление впервые связано с именами Ф. Шлегеля и В. Гумбольдта. В тоже время надо отметить, что различие в области морфологии разных языков больше и более разнообразно, динамично. И поэтому, как критерии, так и качество морфологической классификации слишком сложны.

Мы считаем целесообразным освещать здесь типологическую-морфологическую классификацию, так как наше исследование непосредственно посвящено сравнительно-типологическому изучению языков разных систем, то есть категории времен глагола русского и азербайджанского языков. Все языки мира, по классификации, выдвинутой В. Гумбольдтом и Ф. Шлегелем распределяются по следующим четырем классам:

1) *Изолирующие*, или *аморфные языки*, например, китайский, тибетский языки, большинство языков Юго-Восточной Азии. Для них характерны отсутствие словоизменения, грамматическая значимость порядка слов, слабое противопоставление знаменательных и служебных слов;

2) *Инкорпорирующие языки*, например, чукотско-камчатские языки. Для них характерна возможность включения в состав глагола-сказуемого других членов предложения (чаще всего прямого дополнения), иногда с сопутствующим морфологическим изменением основ;

3) *Флективные языки*, например индоевропейские, семитские языки и др. Для них характерны полифункциональность грамматических морфем, наличие фузии,

фонетически не обусловленных изменений корня, большое число фонетически и семантически не мотивированных типов склонения и спряжения. Русский язык принадлежит к флективным языкам.

4) *Агглютинативные, или агглютинирующие языки*, например, Урало-алтайские языки, языки Банту и др. Тюркские языки, в том числе и азербайджанский язык, принадлежат к этому классу. Для них характерны развитая система словообразовательной и словоизменительной аффиксации, отсутствие фонетически не обусловленного алломорфизма, единый тип склонения и спряжения, грамматическая однозначность аффиксов, отсутствие значимых чередований.

Тюркские языки, включая азербайджанский, имеют общие особенности. Например, каждый словообразовательный суффикс имеет только одно грамматическое значение; наличие гармонии гласных; согласование по лицу и числу; отсутствие категории рода и др.

Именно та или другая стабильная совокупность морфологических особенностей, которая является общей для ряда языков, составляет тип языков. Определение морфологического типа языка имеет значение не только для сравнительно-типологического анализа языков мира, но и для истории конкретного языка. В истории языка почти всегда наблюдается изменение морфологического типа. В некоторых языках это изменение происходит интенсивно, а в других морфологическая структура является более стабильной и толерантной. С этой точки зрения, по мнению ряда исследователей (В.А.Серебренников, В.Н.Ярцева) агглютинативные языки морфологически исключительно стабильны и они долго сохраняют одинаковый структурно-морфологический тип (9, 109).

В то же время, некоторые исследователи утверждают, что нет «чистого» типа среди обозначаемых типов языков. Например, О.П.Суник отмечает, что в мире те или другие явления, которые наблюдаются в каком-нибудь языке или в одном и том же типе языков (например, появление агглютинации в аморфных, инкорпорирующих и флективных языках). «Поэтому можно сказать, что в мире нет чистого флективного, чистого агглютинативного, чистого инкорпорирующего языка» (8, 28).

Например, в русском языке, несмотря на то, что он является синтетическим языком, наблюдаются и черты аналитической структуры; формы будущего времени, степени имени прилагательного образуются аналитически.

Дж. Гринберг определил 45 грамматические универсалии. Среди них формы времен глагола (5, 93; 3, 259).

Формы времен глагола можно считать абсолютными универсалиями. Правда, количество и качество форм глагольных времен в отдельных языках разные, однако универсальные черты доминируют и это очень актуально, потому что общих, универсальных особенностей в разных языках больше и они более характерны, чем отличительные черты для человеческого мышления (6, 292-293).

Глагол является самой сложной лексико-семантической категорией и в азербайджанском и русском языках. Не случайно, что именно в проявлении этой категории, особенно в системе глагольных времен мы обнаруживаем как общие, так и специфические особенности языков, что очень значительно. В то же время, глагол является самой важной частью речи. Глагол – это категория наиболее конструктив-

ная и его влияние огромно, глагольные конструкции оказывают решающее влияние на именные сочетания и целые предложения (4, 337).

В.Гумбольдт называл глагол «сердцем предложения».

Такое отношение к глаголу не случайно. Это происходит от функциональной специфики глагола. И в азербайджанском, и в русском языках глагол обладает такими чертами, как обозначение действия и в то же время активизирует слова вокруг себя, то есть влияет на семантическую среду. Среди частей речи, только глагол по своей семантике требует свои разъяснительные особенности. Действие не может быть без пространства, времени, причины. Значит, взаимная связь, взаимное отношение глагола со словами, то есть другими частями речи, которые его разъясняют, во многом естественны. Самая главная особенность глагола как части речи – это его приобретение общего процессуального значения. И это значение в основном реализуется через категорию времени.

Богатство глагола в азербайджанском языке обеспечивает его внутренние (отрицание, переходности/непереходности, залог) и внешние (лицо, время, вид) категории. А в русском языке «удельный весь» глагола обеспечивает категории времени, лица, залога, наклонения.

Как мы уже отметили, по своей грамматической структуре, азербайджанский язык является агглютинативным, а русский язык – флективным. По этой причине в этих языках наряду с обще-изоморфными особенностями проявляются и специфико-алломорфные черты. В них отличаются друг от друга все части речи, включительно глагол. В азербайджанском языке, как во всех основных частях речи, так же и в глаголе, морфемы (корень и окончание) сохраняют свою независимость, глагольные корни нашего языка могут существовать вне окончаний. В азербайджанском языке в основном все глагольные корни – независимые слова с определенным значением, то есть корень равен слову.

Иначе говоря, глагольные корни нашего языка имеют лексическое значение. Например, от независимого корня *yaz* (яз – пиши) образуются слова: *yazi* (письмо), *yazıçı* (писатель), *yazıçılıq* (писательство).

В азербайджанском языке глагольные корни имеют две важные черты:

- а) иметь лексическое значение;
- б) неизменяемость, оставаться стабильным во всех случаях.

Как известно, русский язык флективный и словоизменение и глаголообразование отражают особенности этого типа языков. В русском языке это проявляется и в формах глагольных времен. Выразительные средства форм времени в русском языке зависят от его грамматической структуры и имеют специфические особенности. Здесь надо отметить, что в русском языке, а так же в славянских языках имеется однозначный глагол с разными корнями (в основном два), которые реализуют внутреннюю флексию и называются супплетивными формами. В русском языке супплетивные формы играют большую роль в реализации категорий времени. Например, *идти* (инфинитив) – *пошел* (прошедшее время, совершенный вид) – *пойду* (будущее время); *найти* (инфинитив) – *нашел* (прошедшее время, совершенный вид) – *пойду* (будущее время) и т.д. Супплетивные формы глагола свойственны только славянским языкам и обеспечивают богатство категорий глагола (7, 320).

В то же время отметим, что в русском языке в отличие от азербайджанского языка в функциональной реализации глаголов приставки играют большую роль.

Следующие примеры из художественной литературы подтверждают мысль, что в русском языке в реализации категории глагольных времен приставки часто играют большую роль, чем окончания:

Поздняя осень. Грачи улетели.
Лес **обнажился**, Поля опустели.
Только не сжата полоска одна.
Грустную думу наводит она

(Некрасов)

Кирилл **выцелил** этого будущего человека.

(Федин)

Сквозь прогоревшие дырки оранжевым кружевом **высвечивало** пламя.

(Федин)

В азербайджанском языке от глагола образуются разные части речи, и в то же время от разных частей речи образуются глаголы. Здесь в реализации и модификации категории глагольных времен большую роль играют окончания. Например, в азербайджанском языке при помощи более 50-ти словообразовательных окончаний (суффиксов) образовались глаголы от других частей речи.

Как мы знаем, глагол имеет более богатое категориальное семантическое содержание. В глаголе комплексно сочетаются ряд грамматических значений – понятия времени, залога, лица, числа, вида. Глагол еще отличается от других частей речи и тем, что он в предложении в основном выступает как сказуемое – предикат. Как известно, в глаголе понятие предикативности сравнительно шире. Другие части речи в конкретных случаях в предложении тоже могут быть сказуемым – предикатом, однако, глагол в основном в предложении стоит как сказуемое – предикат и это является его главной функцией.

Основное различие между грамматической структурой азербайджанского языка и грамматической структурой русского языка происходит из-за выразительных средств слов, состава словосочетаний и предложений. Эти различия в обоих языках выражаются в категории глагольных времен. В современном азербайджанском языке время глагола в основном образуется синтетическим путем, а в русском языке и синтетическим, и аналитическим путями. На наш взгляд будет целесообразным последовательно назвать категории глагола в обоих языках:

Категория лица – şəxs kateqoriyası
Категория числа – kəmiyyət kateqoriyası
Категория времени – zaman kateqoriyası
Категория переходности – təsirlilik kateqoriyası
Категория залога – növ kateqoriyası
Категория отрицания – inkarlıq kateqoriyası
Категория вида – tərz kateqoriyası
Наклонения глагола – felin şəkilləri

Неспрягаемые формы глагола – *felin təsriflənməyən formaları*

Инфинитив – *məsdər*

Причастие – *feli sifət*

Деепричастие – *feli bağlama*

Из этих категорий лицо, число, время и наклонение глагола- спрягательные формы. Инфинитив, причастие и деепричастие- неспрягательные формы. Изменения по категориям глагола переходности, залога и отрицания могут реализоваться в рамках спрягательных и одновременно неспрягательных форм. Спрягательные формы глагола называются так же предикативными формами. Эти формы в предложении выполняют функцию сказуемого.

Академик А.Ахундов определяет категорию времени глагола в азербайджанском языке следующим образом: «Категория времени глагола, являясь отражением объективного времени, указывает на отношение действия ко времени разговора, принятого как основа связей времени» (2, 12). Это определение можно отнести и к русскому языку, который принадлежит флективному типу языков.

Выводы. Итак, время разговора или момент речи считается основным критерием в дифференциации времен обоих языков. Время разговора или момент речи в зависимости от участия в проявлении того или другого действия, реализует каждую конкретную категорию времени. Если время разговора происходит вне исполнения действия, тогда в этих случаях действие относится к прошедшему или будущему времени. Если время разговора соответствует проявлению действия, тогда действие относится к настоящему времени.

Список литературы

1. Ахундов, А. Общее языкознание [Текст] / А. Ахундов. – Баку: Маариф, 1973. (на азерб. языке)
2. Ахундов, А. Категория времен глагола [Текст] / А.Ахундов. – Баку: Изд.АГУ, 1961. (на азерб. языке)
3. Вердиева, З., Агаева, Ф., Адилов, М. Проблемы языкознания [Текст] / З.Вердиева, Ф.Агаева, М.Адилов. - I часть. – Баку: Маариф, 1982. - 325 с. (на азерб. языке)
4. Виноградов, В. Русский язык (грамматическое учение о слове) [Текст] / В.Виноградов. - Ленинград: Учпедгизд, 1975.
5. Гринберг, Дж. Некоторые грамматические универсалии, касающиеся преимущественно порядка значимых элементов [Текст] / Дж.Гринберг // “Новое в лингвистике”. - выпуск V. - Москва: 1970. - с. 78-90.
6. Casagrande, J.B. Language universals in anthropological perspective [Текст] / J. Casagrande // "Universals of languages". - Ed. 2. - Cambridge, mass., 1966. (на англ. языке)
7. Мейе, А. Общеславянский язык [Текст] / А.Мейе. - Москва: Издательство иностранной литературы. 1951. – 320 с.
8. Суник, О.П. Вопросы типологии агглютинативных языков [Текст] / О.Суник // Морфологическая типология и проблема классификации языков. - Москва-Ленинград: Наука, 1965. - с. 26-64.
9. Ярцева, В.Н. О принципах определения морфологического типа языка [Текст] / В.Ярцева // «Морфологическая типология и проблема классификации языков». - Москва: Наука, 1965.

Гюльрух С.Г. **Основні критерії порівняно-типологічного дослідження категорії часів дієслова**

Стаття присвячена порівняльного аналізу основних граматичних категорій часу дієслова на матеріалі азербайджанської та російської мов. В якості базових критеріїв розглядаються час мовлення і момент мовлення.

Ключові слова: категорія, дієслово, порівняно-типологічне дослідження

Hasanova G. S. **Major criteria of comparative-typological study of the category of tenses of the verb**

The article is dedicated to analysis of major criteria of comparative-typological study of the category of tenses of the verb in the basis of materials of the Azerbaijani and Russian languages. The author comes to the conclusion that time of speaking or moment of speech is the major criteria in this kind of study.

Key words: a category, a verb, rather-typological research

Стаття постуила в редакцію 27.08.2009 г.

УДК 811.512.161

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ТУРЕЦКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)¹

Меметов И. А.

Статья посвящена сравнительному анализу категории сказуемости имени существительного в крымскотатарском и турецком языках. Выявлены фонетические сходства и различия категории лица/сказуемости имен существительных.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, турецкий язык, категория лица/сказуемости имен существительных.

Введение. Категория сказуемости (некоторые исследователи называют её категорией лица) в турецком и крымскотатарском языках оформляется в основном морфологическим способом, т.е. посредством аффиксов и выполняет чисто синтаксическую функцию.

Категория лица/сказуемости имен существительных выражает изменение имен существительных по лицам и числам, т.е. представляет собой своеобразное спряжение имен существительных и служит для предикативной связи именных частей речи в предложении. Имя существительное в этой форме выполняет функцию сказуемого именного предложения.

Аффиксы сказуемости/лица в тюркских языках исторически восходят к личным местоимениям, поэтому данные аффиксы, естественно, выражают так называемую личную, а не безличную сказуемость. Однако современный аффикс сказуемости 3-го лица в сравниваемых языках, как и в других тюркских языках, восходит к вспомогательному глаголу *тур-* «стоять» и перешел в разряд аффиксов сравнительно поздно. При переходе из самостоятельного слова в категорию аффиксов вспомогательный глагол *тур*, с одной стороны теряет самостоятельное ударение и превращается в энклитику, а с другой – принимает ряд фонетических вариантов, что, как известно является специфической особенностью большинства тюркских языков.

В современном турецком языке аффикс сказуемости 3-го л. ед.ч. имеет восемь фонетических вариантов: *-dir// -dir// -dur// -dür// -tur// -tir// -tur// -tür*.

Аффиксы сказуемости с начальным звонким *-dir// -dir// -dur// -dür* присоединяются к основам с конечным гласным или звонким согласным, например, *oca-dir, pencere-dir, koyun-dur, müze-dir, köylü-dür, ütü-dür*.

Аффиксы сказуемости с начальным глухим *-tur// -tir// -tur// -tür* присоединяются к основам, которые оканчиваются на глухой согласный: *kitap-tur, erkek-tir, dost-tur, türk-tür, düdük-tür*.

В современном крымскотатарском языке аффикс сказуемости 3-го л. ед.ч. имеет четыре фонетических варианта: *-дыр// -дур// -тыр// -тур*, т.е. на четыре фонетиче-

¹ Дослідження здійснено за підтримки ДФФД МОН України (проект № Ф25.7/ 011 «Класифікація_одиниць_різномірної системи кримськотатарської мови)

ских варианта меньше, чем в турецком. Это связано с тем, что в современном крымскотатарском литературном языке употребление губных гласных ограничено в пределах основы слова вторым слогом.

Аффиксы сказуемости с начальным звонким согласным *-дыр//дир* присоединяются к основам с конечным гласным или звонким согласным: *бала-дыр, тильки-дир, кьыр-дыр, деве-дир*.

Аффиксы сказуемости с начальным глухим согласным *-тыр//тир* присоединяются к основам с конечным глухим: *-тыр* присоединяется к основам с заднерядными гласными, например, *пычакъ-тыр, къашыкъ-тыр*; *-тир* – к основам с переднерядными гласными, например, *пирнич-тир*.

При образовании отрицательной формы суффикс сказуемости/лица присоединяется к отрицательной частице *дегиль*, например: *Бу китап «Это книга», Бу китап дегиль «Это не книга»*.

Аффиксы 1-го и 2-го лица, как было отмечено выше, восходят к личным местоимениям, которые утратили характер самостоятельного слова и перешли в разряд аффиксов. Одновременно они утрачивают ударение и становятся энклитиками, несмотря на то, что данные аффиксы, как правило, находятся в конце слова. Все эти процессы сопровождаются значительными фонетическими изменениями первоначального местоимения.

В современном турецком языке личное местоимение 1-го л. ед. ч. *ben* соответствует крымскотатарскому *мен*. Таким образом, турецкий и крымскотатарский языки различаются только начальным согласным: турецкий язык с начальным *б* в местоимении 1-го л. ед. ч. относится к так называемому огузскому типу, тогда как крымскотатарский язык с начальным *м* в местоимении 1-го л. ед.ч. относится к кыпчакскому типу (ср. тур. *ben* и туркм. , азерб. , с крым.тат. *мен*, каз. , кирг. ккалп.

По мнению Н.К. Дмитриева “...древнейший вариант личного местоимения 1-го л. ед.ч. был, очевидно, *бэн//бен* и восходящий к нему аффикс сказуемости 1-го л. ед.ч., также имел форму с начальным *б...*” [1]. Следовательно, форма с начальным *м* в крымскотатарском языке, как и в других кыпчакских языках, является, очевидно, дальнейшим этапом развития и самостоятельного местоимения и аффикса сказуемости.

Несмотря на фонетические различия в местоимении 1-го л. ед.ч. в сравниваемых турецком и крымскотатарском языках некоторые аффиксы сказуемости в данном лице совпадают: тур. *-т, -ит, -ит*, кр.тат. *-м, -ым, -им*: тур. *adám-т* «я человек», кр.тат. *адám-ым* «в том же значении».

Аффиксы лица/сказуемости при имени в сравниваемых языках употребляются также в сочетании с некоторыми формами пространственных падежей, чаще – после суффикса местного падежа: тур. *araba-da-т* «я на машине», *ev-de-т* «я дома» ср. с кр.тат. *араба-да-м* «я на арбе», *эв-де-м* «я дома».

Аффиксы сказуемости 1-го л. ед.ч. в турецком и крымскотатарском языках совпадают с аффиксом принадлежности 1-го л. ед.ч. Критерием служит здесь ударение. Аффикс сказуемости, как было отмечено выше, безударен, тогда как аффикс принадлежности всегда носит на себе ударение: тур. *ogretmén-ит* «я – учитель», *ogretmen-ít* «мой учитель», кр.тат. *багъчевáн-ым* «я –садовник», *багъчеван-ы́м* «мой садовник».

Аффикс сказуемости 1-го л. мн.ч. восходит к личному местоимению 1-го л. мн.ч. «мы», который в турецком и крымскотатарском языках звучит одинаково, как «biz»//биз. Данное местоимение фонетически видоизменилось в аффиксе сказуемости 1-го л. мн.ч. и в сравниваемых языках имеет следующие варианты: тур. *-(y)iz//-(y)iz//-(y)uz//-(y)üz*; в кр.тат. *-мыз//-миз*. Примеры: тур. *öğrenci-yiz* «мы – ученики», кр.тат. *талебэ-миз* «мы – ученики». Переход начального *б* в местоимении *биз* в м аффикса сказуемости является характерным явлением для тюркских языков: ср. *boyun – тоуун* «шея», *burun – турун* «нос», *buz – тиз* «лёд» и т.п.

Аффикс сказуемости 2-го л. ед.ч. в турецком и крымскотатарском языках представлен более однообразными формами, чем аффикс сказуемости 1-го л. ед.ч. В силу этого и происхождение данного аффикса устанавливается достаточно легко. В основе его лежит личное местоимение 2-го л. ед.ч., которое в самостоятельном употреблении в сравниваемых языках звучит *sen//сен* (ср. с узб. *сан*, имеющим ненёбный вариант гласного).

Аффикс сказуемости 2-го л. ед.ч. в турецком языке имеет четыре фонетических варианта: *-sin//-sin//-sun//-sün*.

Фонетические варианты *-sin//-sun* присоединяются к основам с ненёбными гласными, например, *baba-sin* «ты – отец», *doktor-sun* «ты – доктор».

Фонетические варианты *-sin//-sün* – к основам с нёбными гласными: *erkek-sin* «ты – мужчина», *küçük-sün* «ты – младший».

Аффикс сказуемости 2-го л. ед.ч. в крымскотатарском языке имеет два фонетических варианта: *-сынъ* и *-синъ*. Первый присоединяется к основам с ненёбными гласными (*баба-сынъ* «ты – отец», *языджы-сынъ* «ты – писатель»), второй – к основам с нёбными гласными (*тильки-синъ* «ты – лиса»).

Различия между фонетическими вариантами аффикса сказуемости 2-го л. ед.ч. в сравниваемых языках заключается в том, что конечный согласный *н* в крымскотатарском языке, как и в других кыпчакских языках, принимает форму *ң*, т.е. заднеязычного носового. Поскольку этот признак отделяет крымскотатарский вариант аффикса от его исторического прототипа *сен*, то данный аффикс следует считать вторичным по отношению к турецкому аффиксу *-sin*.

Аффиксы сказуемости 2-го л. мн.ч. в сравниваемых языках имеют следующие фонетические варианты: в тур. яз – *-sınız//-sınız//-sunuz//-sünüz*; в кр.тат. – *-сыз//-сиз; -сынъыз//-синъиз*. Вариант *-сиз* является безударным рефлексом личного местоимения *сиз* «вы». Исторически данный вариант считается первичным.

Фонетический вариант *-sınız//-sınız* состоит из *-sin+ -iz*, где *-iz//-iz* – архаичный показатель множественности, по значению равнозначный

общетюркскому *-лар//-лер*. Данный фонетический тип аффикса сказуемости встречается главным образом в огузских тюркских языках.

По наблюдениям А.Н. Кононова, «... в старых турецких текстах (и в некоторых турецких диалектах Анатолии и поныне) афф. 2 л. мн.ч. встречается в форме *-siz...*, т.е. полностью соответствует личному местоимению *siz* «вы» [2], также как и в современном крымскотатарском языке.

В крымскотатарском языке иногда встречается аффикс сказуемости *-сиз* в соединении с формальным показателем множественности *-лер*, т.е. *сиз-лер*. В данном

случае передается как уважение, так и множественность лиц, о которых идет речь. Следует заметить, что форма *сизлер* отмечается также в некоторых диалектах уйгурского языка, что сближает крымскотатарский язык с карлукскими языками.

Из других частей речи категория лица/сказуемости характерна для субстантивированных прилагательных и наречий, а также некоторых разрядов местоимений.

Аффиксы сказуемости 1-го и 2-го л. обоих чисел широко используются в сравниваемых языках как структурный элемент в словоизменении глагола. Оформление по типу сказуемости распространяется на времена изъявительного, желательного и долженствовательного наклонений.

Таблица аффиксов сказуемости турецкого языка

ед.ч.

1 л. -(y)ım//-(y)im//-(y)um//-(y)üm

2 л. -sin//-sin//-sun//-sün

3 л. -dır//-dir//-dur//-dür

-tır//-tir//-tur//-tür

мн.ч.

1 л. -(y)ız//-(y)iz//-(y)uz//-(y)üz

2 л. -sınız//-siniz//-sunuz//-sünüz

3 л. – отличается от 3-го л. ед.ч. присоединением

афф. мн.ч. -lar//-ler

Таблица аффиксов сказуемости крымскотатарского языка

ед.ч.

1 л. -м//-ым//-им

2 л. -синъ//-сынъ

3 л. -дир//-дыр//-тир//-тыр

мн.ч.

1 л. -мыз//-миз

2 л. -сыз//-сиз//-сынъыз//-синъиз

3 л. – отличается от 3-го л. ед.ч. присоединением

афф. мн.ч. -лар//-лер.

Таким образом, сравнительный анализ аффиксов сказуемости в турецком и крымскотатарском языках показал, что в сравниваемых языках значительная часть данных аффиксов совпадает.

Выводы. Основные различия аффиксов сказуемости в сравниваемых языках сводятся к следующим: 1) в турецком языке губная гармония распространяется на все аффиксы сказуемости, в связи с чем их количество в 1-ом, 2-ом и 3-ем лицах обеих чисел значительно больше, чем в крымскотатарском, так как в последнем данные аффиксы не имеют губных вариантов; 2) в турецком языке во 2-ом л. ед.ч. аффиксы сказуемости имеют конечный *-н*, тогда как в крымскотатарском языке в данной позиции *-н* принимает форму заднеязычного носового *ң*, что сближает крымскотатарский язык с другими кыпчакскими языками; 3) в турецком литератур-

ном языке отсутствует наиболее древний фонетический вариант аффикса сказуемости 2 л. мн.ч. *-сыз///-сиз*, который имеется в крымскотатарском языке.

Список литературы

1. Н.К. Дмитриев. К истории аффиксов сказуемости. В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. II. Морфология. Изд-во АН СССР. – М., 1956, с. 10 (всего 334 стр.)
2. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М. – Л., 1956, с. 222.
3. Меметов А.М. Основные источники формирования словарного состава крымскотатарского языка. //Тюркология-88. Тезисы докладов и сообщений у Всесоюзной тюркологической конференции /7-9 сентября 1988 г./ Фрунзе: Илим. 1988.
4. Меметов А.М. Структурно-семантический анализ размерных прилагательных в тюркских языках. Проблемы создания среднетюркского языка Ортатюрк. /Тезисы докладов международной научной конференции (23-25 июня 1993 г.) Ташкент, 1993. 96 с.

Меметов І. А. Порівняльна типологія тюркських мов (на прикладі турецької і кримськотатарської мов)

Стаття присвячена порівняльному аналізу категорії присудковості іменника в кримськотатарській і турецькій мовах. Виявлено фонетична схожість і відмінності категорії особи/ присудковості іменників.

Ключові слова: кримськотатарська мова, турецька мова, категорія особи/ присудковості іменників.

Memetov I. A. Comparative typology of Turkish languages (on the example of the Turkish and Crimean Tatars languages)

The article is devoted the comparative analysis of category of the predicated name of noun in Crimean Tatars and Turkish languages. Phonetic likenesses and distinctions category of person/ predicated nouns are exposed.

Key words: Crimean Tatars language, Turkish, category of the лица/ predicated nouns.

Стаття поступила в редакцію 27.08.2009 г.

УДК: 81'246.3'373.7

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ МИКРОСИСТЕМА 'РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ' В КРЫМСКОТАТАРСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Кубединова Л. Ш.

Статья посвящена исследованию фразеологической микросистемы 'раскрытие тайны' в крымскотатарском, русском и английском языках. Рассматриваемые особенности данной фразеологической микросистемы в трех языках имеют сопоставительный характер.

Ключевые слова: фразеологическая микросистема, фразеологическая единица, тайна.

Введение. Фразеология удерживается в языке веками, репрезентируя культуру народа-носителя. Изучение же культурных особенностей понятий, представленных фразеологическими единицами (далее ФЕ), в сопоставительном аспекте дает возможность выявить как систему оценок и ценностей, необходимых для исследования межкультурных различий, так и своеобразие менталитета и миропонимания людей.

Данная статья является частью исследования фразеологической микросистемы 'Речь', которая включает в себя ФЕ, обозначающие речевую деятельность человека. В рамках этого исследования было опубликовано ряд статей [Кубединова 2005, 2007, 2008]. Фразеологическая микросистема 'Речь', в соответствии с иерархией идеографической классификации фразеологических единиц, предложенной профессором Прадид Ю.Ф. [Прадид 1997, 2002; Прадід 2003], классифицируется нами как тематическое поле. В свою очередь, данное тематическое поле состоит из ряда тематических групп, семантических полей, семантических групп и синонимических рядов. Мы считаем, что к каждому из этих составляющих может быть применен употребляемый в современном языкознании термин *фразеологическая микросистема*, которым обозначают сравнительно небольшие в своем количественном составе структуры группирования ФЕ.

Актуальность работы обусловлена недостаточностью исследований в области крымскотатарской фразеологии в отдельности, а также в сопоставительном аспекте.

Фразеологическая микросистема 'Раскрытие тайны' прежде не являлась предметом исследования ни в одном из исследуемых языков.

Тайна или секрет, представляя для человека что-то таинственное и загадочное, всегда привлекала к себе внимание. Процесс раскрытия тайны или секрета, в большинстве случаев, представляет собой не меньший интерес. Мы попытаемся рассмотреть такое понятие, как «раскрытие тайны», описываемое фразеологическими средствами языка.

Целью настоящей статьи является исследование фразеологической микросистемы со значением 'Раскрытие тайны' в крымскотатарском, английском и русском языках. В наши **задачи** входит описание заданной фразеологической микросистемы в трех языках в отдельности, а также их сопоставление.

Исследуя фразеологическую микросистему со значением 'Раскрытие тайны' в крымскотатарском, английском и русском языках, мы выявили один общий образ для трех неродственных языков. В этом образе тайна представляет собой закрытый, спрятанный и даже охраняемый «объект», который может иметь форму какого-либо сосуда. Чтобы узнать тайну, этот «объект» необходимо открыть. Как пример, можно привести целый ряд английских ФЕ, в которых заключен такой образ – *let the cat out of the bag (let the cat out)* [выпустить кошку из сумки (выпустить кошку)]* 'проговориться, проболтаться, выдать секрет', *the murder is (was) out* [убийца (был) раскрыт] 'секрет раскрыт, тайна (стала) известна', *the lid is off* [крышка открыта] '(когда) тайное стало явным, (когда) что-л. раскрылось, стало известным'. Соответствующий образ можно наблюдать, как в русском языке *раскрыть тайну*, так и в крымскотатарском языке – *сырынынъ устюни ачмакъ* [тайны поверхность открыть] 'раскрыть тайну'.

Следует отметить, что, если в русском языке слова *тайна* и *секрет* употребляются в качестве синонимов в значении «нечто скрываемое от других, известное не всем» [Ожегов 1988, 578, 642], то в английском языке слова *mystery* 'тайна' и *secret* 'секрет' имеют существенные различия в своих значениях. Английское слово *mystery* имеет значение «нечто, причина или происхождение которого неизвестна или невозможно объяснить» [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995, 770], тогда как слово *secret* употребляется в значении «то, что неизвестно другим или то, что должно остаться неизвестным или не увиденным другими» [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995, 1061].

В крымскотатарском языке для того, чтобы пролить свет на какое-либо тайное дело или секрет, «его вытаскивают на площадь» – *мейдангъа чыкъармакъ (чыкъарылмакъ)* [на площадь вытащить]. Говоря о человеке, который не умеет хранить тайны и сразу их выдает, употребляют крымскотатарскую ФЕ *тили къуртлу* [язык червивый]. В английском языке используют ФЕ *noise abroad* [шуметь за границей], которая имеет библейское происхождение, а в крымскотатарском языке употребляют ФЕ *тилине (агъызына) тюшмек* [на язык (в рот) упасть], когда какая-либо секретная информация становится достоянием гласности.

В крымскотатарской фразеологии существует целый ряд ФЕ, объединенных интегральной семой «раскрытие лжи, плохих, постыдных и преступных дел». Приведем этот синонимический ряд в полном составе: *тююм чезильмек* [узел развязаться] 'раскрыться о тайнах, секретах (о различной лжи, воровстве и др. плохих вещах)', *усътю ачылмакъ* [поверхность открыться] 'стать достоянием гласности, стать известным каждому (часто о скверных делах, преступлениях, плохих личностях)', *усътюни ачмакъ* [опр. поверхность открыть] 'раскрыть, разоблачить скрытые дела и связанные с ними личности', *чыбан тешильмек* [чирей (нарыв) проколоться] 'сделаться достоянием гласности (о плохих, незаконных делах)', *юзюни ачмакъ* [лицо открыть] 'разоблачить и показать чьи-л. скрываемые от всех плохие дела'.

В английском языке можно выделить целый ряд ФЕ, в которых фигурирует компонент *blow*, с общим значением 'раскрыть тайну, секрет'. Интересным является тот

* Здесь и далее подается буквальный перевод компонентов с крымскотатарского и английского языков на русский язык, которые входят в состав соответствующих ФЕ.

факт, что в данных ФЕ сам компонент *blow* употребляется в разных значениях. Например, ФЕ *blow smb's cover (blow the cover on smb/smith)* [сдуть чьем-л. покрывало/колпак (сдуть покрывало/колпак на ком-л./чем-л.)] 'рассказать о чьем-л. настоящем имени или цели деятельности, в то время как это является секретной информацией' возникла еще во времена У. Шекспира. Другие две английские ФЕ, *blow smth. sky-high* [взорвать что-л. 'небо-высоко']* 'разрушить план или проект, особ. рассказав всем о секрете, который по вашему мнению все должны знать', *blow smth. wide open* [взорвать что-л. широко открытым] 'рассказать о чем-л. (особ. секретном плане или каких-л. нелегальных действиях)', со схожим значением появляются значительно позже в середине XIX – начале XX века, но в них компонент *blow* уже имеет значение 'взрывать', благодаря динамиту – одному из самых известных изобретений человечества XIX века, повлекшее за собой прорыв, как в военной, так и в мирной (напр. в строительстве и горнодобывающей промышленности) деятельности человека.

Происхождение некоторых английских ФЕ до сих пор остается загадкой. Например, ФЕ *spill the beans* [рассыпать бобы] 'выдать секрет, проболтаться' некоторые ученые объясняют как «производную» от системы голосования, существовавшую в Древней Греции. В Древней Греции голосовали «за» белыми бобами, а «против» – черными бобами. Если человек, который собирал «голоса», вдруг рассыпал их, то голосование сразу же прекращалось. Но, исследователи, предлагающую такую этимологию, не могут объяснить то, что данная ФЕ появилась только в 1919 году. Поэтому логично предположить другой вариант происхождения. Английская ФЕ *spill the beans* является одним из примеров ФЕ, в которых компоненты сохраняют свое утраченное словарное значение. Так компонент *spill* по крайней мере с XVI века имел значение 'разглашать, раскрывать, обнародовать' и 'выпускать', а до XVI века имел еще одно значение 'убивать'. В каком значении и какой образ подразумевался при использовании компонента *beans* неизвестно, но на сленге в современном английском языке это слово приобрело еще одно значение – 'голова, мозги'.

Английская ФЕ *a skeleton in the closet (a skeleton in the cupboard, a family skeleton)* [скелет в чулане (платяном шкафу) (скелет в серванте, семейный скелет)] 'семейная тайна; тайна, скрываемая от посторонних', появилась в начале XIX века и, в силу веяний сексуальной революции и изменившейся ориентации ценностей современного общества, послужила основой для возникновения другой английской ФЕ – *come/be out of the closet* [выйти из/быть вне чулана (платяного шкафа)] 'рассказать о том, что ты гомосексуалист, вместо того, чтобы держать это в тайне'.

С игрой в карты, ставшей особенно популярной в США, связано немало английских (американских) ФЕ. Если ФЕ *play cards close to one's chest* [играть в карты, прижимая их к себе] имеет значение 'держат что-л. в секрете, не разглашать что-л., держать язык за зубами', то ФЕ *show one's hand* [показать свою руку], *tip one's hand* [переворачивать свою руку], *tip one's mitt* [переворачивать свою перчатку (руку)] имеют обратное значение – 'проговориться, выдать секрет, выболтать свои планы,

* Здесь и далее подобными кавычками выделяются слова-повторы и парные слова в крымскотатарском и английском языках

намерения'. Данные ФЕ основаны на метафорическом образе действия, когда играющий ненамеренно показывает свои карты другому играющему.

Русской ФЕ *выносить сор из избы* соответствуют две английские ФЕ *wash one's dirty linen in public* [стирать свое грязное белье на людях] и *foul one's own nest* [пачкать свое гнездо], вторая образована путем фразеологической деривации от английской пословицы *It is an ill bird that fouls its own nest* [это больная птица, что пачкает свое собственное гнездо].

Выводы. Проведя исследование фразеологической микросистемы со значением 'Раскрытие тайны' в крымскотатарском, русском и английском языках, мы пришли к выводу, что общий образ тайны в трех исследуемых языках представляет собой какой-либо закрытый сосуд, который необходимо открыть. Особенностью крымскотатарской фразеологии, в отличие от английской и русской, является наличие ряда фразеологических единиц со значением «раскрытие лжи, плохих, постыдных и преступных дел». На наш взгляд, раскрытие тайны не приветствуется ни в одном из трех языков, о чем свидетельствует немногочисленность данной фразеологической микросистемы.

Список литературы

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : около 6000 фразеологизмов [Текст] / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; В. М. Мокиенко (ред.); Санкт-Петербургский гос. ун-т. Межкафед. словарный кабинет им. Б. А. Ларина. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : ООО «Астрель и др.», 2003. — 926 с.
2. Большой англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А. В. Кунин. — 5-е изд., исправл. — М. : Живой язык, 1998. — 944 с.
3. Большой русско-английский фразеологический словарь [Текст] / С. И. Лубенская. — 2-е рус. изд. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. — 1056 с.
4. Кубединова, Л. Ш. Образность фразеологизмов со значением «молчать» (на материале русского, крымскотатарского и английского языков) [Текст] / Л. Ш. Кубединова // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах : материалы IV Международной научной конференции. — Гомель : УО «ГГУ им. Ф.Скорины», 2005. — С. 30—32.
5. Кубединова, Л. Ш. Особенности фразеологической микросистемы «просьба» в крымскотатарском, русском и английском языках [Текст] / Л. Ш. Кубединова // *Slowo. Tekst. Czas IX. Czlowiek w przestrzeni slownika i tekstu : Materialy Miedzynarodowej Konferencji Naukowej* (Szczecin, 8–10 listopada 2007r.). — Szczecin, 2008 — S. 461—468.
6. Кубединова, Л. Ш. Происхождение фразеологических единиц со значением *спорить* в английском и русском языках [Текст] / Л. Ш. Кубединова // *Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского*. — Т. 20(59), № 6. — Сер. «Филология». — Симферополь, 2007. — С. 92—98.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — М. : Рус.яз., 1988. — 750 с.
8. Прадид, Ю. Ф. Системный характер фразеологии [Текст] / Ю. Ф. Прадид // *Вопросы русской литературы : межвуз. науч. сб.* — 2002. — Вып. 8. — С. 218—223.
9. Прадід, Ю. Ф. Структура ідеографічної ієрархії фразеологічної системи мови [Текст] / Ю. Ф. Прадід // *Лінгвістика : зб. наук. праць*. — Луганськ : Альма-матер, 2003. — Вип. 1. — С. 132—142.
10. Прадід, Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія (проблематика досліджень) [Текст] / Ю. Ф. Прадід / НАН України, Ін-т української мови. — К. ; Сімферополь, 1997. — 252 с. — Бібліогр. : с. 230—250.

11. Фразеологический словарь крымскотатарского языка У. Куркчи (рукопись) [Текст] (архив Республиканской крымскотатарской библиотеки им. И. Гаспринского)
12. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. [Текст] / под ред. А. И. Фёдорова. — М. : Топикал. 1995. — 608 с.
13. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / под ред. А. И. Молоткова. — 4-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1987. — 543 с.
14. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / авт.-сост. А. А. Легостаев, С. В. Логинов — Ростов н/Д : Феникс, 2003. — 448 с.
15. Эмирова, А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь [Текст] / А. М. Эмирова. — Симферополь : Доля, 2004. — 176 с.
16. Meanings and Origins of Phrases, Sayings and Idioms [Электронный ресурс] : — Режим доступа : <http://www.phrases.org.uk/meanings>. 12.07.2009
17. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English [Text] / A.S. Hornby / Oxford University Press, 1995. – 1428 p.

Кубедінова Л. Ш. Фразеологічна мікросистема ‘розкриття таємниці’ в кримськотатарській, англійській та російській мовах

Стаття присвячена досліджуванню фразеологічної мікросистеми ‘розкриття таємниці’ в кримськотатарській, англійській та російській мовах. Розгляданні особливості даної фразеологічної мікросистеми у трьох мовах мають зіставної характер.

Ключові слова: фразеологічна мікросистема, фразеологічна одиниця, таємниця.

Kubedinova L. Sh. Phraseological microsystem ‘revelation of a secret’ in Crimean Tatar, English and Russian languages

The article is devoted to the investigation of phraseological microsystem ‘revelation of a secret’ in Crimean Tatar, Russian and English languages. Examined peculiarities of this phraseological microsystem in three languages has a contrastive character.

Key words: phraseological microsystem, phraseological unit, secret.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

СИНОНИМИЯ ГЛАГОЛОВ МЫШЛЕНИЯ В РУССКОМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Везирова Л. О.

Статья рассказывает о синонимичных системах в азербайджанском и русском языках. Глаголы мышления находятся в центре внимания. Глаголы мышления включают целую синонимичную парадигму на языках. У главного различия слов, формирующих синонимию, есть стилистический характер.

Ключевые слова: глагол, парадигма, язык, синонимия.

Введение. Глаголы мышления вполне могут рассматриваться как целостная синонимическая парадигма. Интегральным признаком парадигмы может считаться сема «мысль». Доминантой ряда выступает глагол *думать*. В синонимическом словаре русского языка под редакцией А.П.Евгеньевой устанавливается омонимия глаголов *думать*, и только первый из них имеет отношение к мышлению. Хотя такую омонимию вполне допустимо рассматривать и как чисто условную интерпретацию семантики. Так, первый ряд состоит из глаголов «Думать, размышлять, раздумывать, помышлять, мыслить, мозговать (*прост.*), мерекать (*прост.*), кумекать (*прост.*). Сов.: подумать, размыслить, помыслить» [2, 312] и второй: «Думать, полагать, считать. Сов.: подумать, счесть» [2, 313].

Мы отметили, что такая омонимия глаголов *думать* носит относительно условный характер. В чем состоит эта условность? На наш взгляд, в том, что сема «мысль» совершенно однозначно объединяет оба ряда. В Словаре синонимов по второму глаголу *думать*, например, дается следующая иллюстрация: «*Так неужели же вы полагаете, что я за вас иду по любви или из-за ваших денег?* Островский, Старое по-новому» [2, 313]. Или: «*Я ведь полагала, что ты насильно себя заставляешь, я не знала, сыночек.* Афиногенов, Мать своих детей» [2, 313].

Совершенно очевидно, что в обоих примерах глагол *полагать*, реализуя основное значение «иметь определенное мнение», выпукло представляет и сему «мысль». Что значит «Я ведь полагала, что ты себя заставляешь»? Она так размышляла, так размыслила и так помыслила. Во всяком случае, различие между этими двумя манифестациями значения вполне позволяет видеть здесь целостную семантическую структуру.

В Словаре Ожегова эти значения объединены в семантической структуре одного глагола. Например: «ДУМАТЬ 1. Направлять мысли на кого-что-н., размышлять. 2. Полагать, держаться какого-н. мнения. 3. Считать виновным в чем-н., подозревать (*прост.*). 4. Иметь намерение (*разг.*). 5. Проявлять заботу о ком-чем-н., беспокоиться» [1, 185].

Например, пятое значение глагола *думать* по Словарю Ожегова вполне допускает омонимию, так как в нем реализуются совершенно другие семы – «забота», «беспокойство», «внимание», «опека». Но и здесь совершенно четко структура значения

базируется на семе «мысль», что, видимо, и дало основание С.И.Ожегову и его последователям включать это значение в единую семантическую структуру глагола.

В Словаре синонимов глагольный ряд *думать, размышлять, раздумывать, помышлять, мыслить, мозговать, мерекать, кумекать* различается в основном стилистически. Почти невозможно выделить дифференциальные семантические признаки, свидетельствующие о реальной синонимии. Возможно, это один из немногих случаев, когда синонимический ряд состоит из абсолютных синонимов. Просторечные слова типа *мозговать, мерекать, кумекать* в принципе в расчет не берутся, так как, во-первых, ряд просторечных и жаргонных образований оказывается неограниченным. Такое явление непосредственно связано с тем, что основная функция подобных образований состоит в выражении экспрессии. Поэтому в языке в принципе ряд экспрессивных обозначений не может быть ограничен. Во-вторых, просторечные синонимы фактически оказываются пустыми знаками, отличающимися исключительно просторечным характером, т.е. они атрибут речи, но не языка.

Фактически синонимический ряд с доминантой *думать* базируется на одной единственной семе, так как дума/мысль представляет собой на семном уровне один признак. Причем признак «дума», который на семном уровне ничем не отличается от семы «мысль», в силу этого «отсутствия» различия сливается, отождествляется с семой «мысль». Семного различия нет, здесь есть только формальное различие между словами *дума* и *мысль*. Это обстоятельство приводит к тому, что ряд состоит фактически из одной семемы. Наверно, Дж. Лайонз именно этот случай и назвал бы подлинной синонимией.

Глаголы *размышлять, помышлять, мыслить* непосредственно связаны с корнем *мысль*. Более того, они и на приставочном уровне не отличаются друг от друга. Например, только с большой натяжкой можно говорить о различии глаголов *размышлять* и *помышлять*. Следует также отметить, что такие различия, как правило, связаны с контекстами употребления. Например, *размышлять* чаще всего может означать длительный процесс мысли, в то время как *помышлять*, в соответствии с семантикой префикса *по-*, контекстуально может означать «решить, прийти к решению».

Такое же фактическое отсутствие различий характерно для пары *думать-раздумывать*. Здесь также различие может быть ситуативным, но определяемым со значительными натяжками. Например, *думать* обозначает абстрактный процесс, в то время как *раздумывать* может означать колебания, нерешительность, или глубину и тревожность мысли.

Все эти колебания носят реальный характер, поскольку охватываются диапазоном семантической структуры глагола *думать*. С другой стороны, все они выглядят как факты комбинаторного варьирования общего и абстрактного значения этого слова. Но важно и то, что все отмеченные как ситуативно возможные значения глагола *думать* составляют не что иное как типологию семантики, определяемую на основе устойчивых типов речевых ситуаций.

По второму глаголу *думать* в Словаре синонимов приводятся и такие слова, как *мнить, мыслить* и *чаять* [2, 313]. Интересно, что в Словаре Ожегова в семантической структуре глагола *чаять* выделяются совершенно новые для этого ряда семы. Например: «ЧАЯТЬ (устар. и прост.). Ожидать, надеяться на что-н.» [1, 876].

Следует также обратить внимание на интерпретацию семантической структуры глагола *надеяться*: «НАДЕЯТЬСЯ 1. Рассчитывать на что-н., возлагать надежду на что-н. 2. Полагаться на кого-что-н., быть уверенным в ком-чем-н.» [1, 377].

Как расчет, так и уверенность основаны на мысли. Следовательно, сема «мысль» и в этом случае выступает интегральным признаком, объединяющим различные слова, т.е. слова с различным лексическим значением. Несмотря на четкие различия в лексическом значении, денотат лексической семантики, тем не менее, объединяет их.

В азербайджанском языке доминантой идентичного ряда выступает глагол *fikirləşmək*. В Словаре Сеидалиева и Гурбановой в данном ряду приводятся следующие слова: FİKİRLƏŞMƏK, DÜŞÜN MƏK, GÖTÜR-QOY ELMƏK/ELƏMƏK, FİKRƏ CUMMAQ [4, 99].

Последнее выражение вызывает сомнение, во всяком случае в литературном языке оно почти не встречается. Тем не менее, авторы Словаря приводят пример: *Zeunəb qaranlıqda oturub, bu tövr fikrə cumdu* (С.Мəmmədquluzadə) [4, 99].

В этой связи можно отметить следующее. Приведенный пример однозначно свидетельствует о времени, о соответствующем этапе языкового развития. И дело вовсе не в том, что предложение взято из языка Дж.Мамедкулизаде. У этого писателя, как и у многих других писателей начала XX века, достаточно много предложений, ничем не выделяющихся с точки зрения современного азербайджанского языка. Речь идет о выражении *fikrə cumdu*, которое вызывает недоумение с точки зрения современного языка. Характерно, что такое же недоумение вызывает и дистрибуция этого выражения, а именно выражение *bu tövr*. О нем также однозначно можно утверждать, что оно совершенно неупотребительно в современном азербайджанском языке.

Выражение *götür-qoy elmək*, будучи равноправным членом данного синонимического ряда, совершенно четко дифференцируется на семантическом уровне. Дело в том, что в семантической структуре этого выражения четко выделяется сема «нерешительность». Следует также отметить, что само понятие «нерешительность» в данном случае не должно восприниматься с негативной коннотацией, например, «слабость», «сомнение», «колебание». В данном случае «нерешительность» означает конкретный этап мысли, а именно тот этап, когда решение еще не принято.

В Словаре синонимов И.Мамедова и Х.Гасанова ряд представлен следующими словами: *Fikirləşmək – düşünmək* [3, 382]. Таким образом, авторы Словаря только глагол *düşünmək* сочли синонимом глагола *fikirləşmək*.

В азербайджанском языке между этими двумя глаголами также почти отсутствуют различия семантического характера. Хотя и здесь ситуативно слова различаются. Так, глагол *düşünmək* в сознании носителей азербайджанского языка чаще всего связывается с раздумьями по поводу какой-либо проблемы. Вместе с тем и эти различия достаточно условны.

В азербайджанском языке, в отличие от русского, данный синонимический ряд лишен дифференциации по коннотативному признаку, или вообще стилистической дифференциации, так как здесь отсутствуют просторечные обозначения. В целом для синонимического ряда в обоих языках характерно значительное совпадение по семан-

тической структуре. В русском языке больше приставочных образований, связанных с одним и тем же корнем, однако эти слова в основном не демонстрируют каких бы то ни было семантических или стилистических отличий. Различия связаны в основном с типами ситуаций употребления и, следовательно, устойчивыми представлениями.

Выводы. Возможно, имеет смысл расширить сферу этих парадигм за счет таких семем, как «понимание» и «объяснение». В этом случае в сферу глаголов мышления можно отнести и такие слова, как интерпретировать, объяснять и т.д.

Список литературы

1. Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] / С.И.Ожегов. - М.: Русский язык, 1990.
2. Словарь синонимов русского языка [Текст] - Л.: Наука, 1970 - Том 1.
3. Мамедов, И., Гасанов, Г. Словарь синонимов Азербайджанского языка [Текст] / И.Мамедов, Г.Гасанов – Баку: Язычи, 1990 (на азерб.языке)
4. Сейидалиев, Н., Курбанова, Н. Словарь синонимов Азербайджанского языка [Текст] / Н. Сейидалиев, Т.Курбанова. – Баку: Маариф, 2003 (на азерб.языке)

Везірова Л. О. Синонімія дієслів мислення в російській і азербайджанській мовах

Стаття розповідає про синонімічні системи в азербайджанській і російській мовах. Дієслова мислення знаходяться в центрі уваги. Дієслова мислення включають цілу синонімічну парадигму на мовах. У головної відмінності слів, що формують синонімію, є стилістичний характер.

Ключові слова: дієслово, парадигма, мова, синонімія.

Vezirova L. O. The synonymy of verbs of thinking in Russian and Azerbaijani languages

The article deals synonymic systems in Azerbaijani and Russian languages. The verbs of thinking are in the centre of attention. The verbs of thinking comprise a whole synonymic paradigm in the languages. The main difference of words forming the synonymy has stylistic character.

Key words: verb, paradiqma, language, synonymy.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.512.145. (477.75)

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИ ГРАММАТИКАСЫНЫНЪ ЭКСПРЕССИВ ВАСТАЛАРЫ МЕСЕЛЕСИНЕ БИР НАЗАР

Меметова Э.

Меселенинъ къююлмасы. Тильнинъ башкъа дереджелерине коре грамматик дередженинъ экспрессив васталарынынъ муимлиги аздадыр, чюнки озь тургунлыгы нетиджесинде грамматик шекиллери бедий трансформациягъа зорнен огърай. Лякин бу аллар муэллифнинъ тарафындан махсус, бир услубий макъсат иле, бир де бир контекст черчивесинде къулланылса эгер, морфология ве синтаксис имкянларынынъ ифадели къулланылувыны да къайд этмек мумкюн. Грамматик васталарынынъ ифаделиги бедий эдебиятта тиль дереджесининъ башкъа элементлерине коре аздадыр. Бу, эльбетте, тедкъикъ ичюн белли зорлукълар мейдангъа кетире. Амма, бунъа бакъмадан, лингвистик джеэттен бу меселе керек дереджеде, тафсилятлы огренильмеси керек.

Меселе боюнджа басылгъан ильмий ишлер ве макъалелернинъ умумий талили. Бу меселенинъ огренильмесине багъышлангъан ишлернинъ талили бу меселе **актуаль** олып чокъ алимлер тарафындан огренильгенини косьтере: Х.Р. Курбатов, Р.К. Кунгуров, И.Б. Голуб, Ю.А. Бельчиков, Л.И. Мацько в.б. [1- 5].

А.А. Тимерхановнынъ диссертациясындаки дёртюнджи баб татар тилинде язылгъан ресмий-иш весикъаларынынъ грамматик хусусиетлерининъ системли тасвирленмесине багъышлангъандыр. Мында бабнынъ биринджи болюгинде ресмий-иш весикъаларынынъ морфологик характеристикасы, экинджи болюгинде ресмий-иш весикъаларынынъ синтактик характеристикасы берильгендир [6].

Г.Г. Торотоевнинъ ильмий ишинде айырыджыларнынъ услубиетинен бераберликте земаневий якъут тилининъ функциональ услюплерине коре айырыджыларнынъ болюнмеси огрениле (бедий, лакъырды, публицистик, ильмий, ресмий-иш услюплери) [7].

А.А. Алиевнинъ тедкъикъаты земаневий азербейджан несир эсирлери тилининъ базы синтактик хусусиетлерине багъышлангъандыр [8].

Ю.В. Псянчиннинъ ильмий ишинде башкъырт тили келиш категориясынынъ къыска характеристикасы, келиш системасында манадаш мунасебетлерининъ изар этильмесининъ хусусиетлери ве келиш категориясынынъ экспрессив-услубий хусусиетлери огренильгендир [9].

Бойлеликнен, **мезкюр макъаленинъ макъсады** къырымтатар тили грамматикасынынъ экспрессив васталарыны огренмектен ибареттир

Эсас малюматнынъ берильмеси. Грамматик экспрессив васталарынынъ огренильмеси морфология ве синтаксис болюклерининъ экспрессив имкянларынынъ огренильмесинден ибареттир.

Морфологик экспрессив имкянларынынъ огренильмеси эки ёлны козьде туту. Биринджиден, сёз чешитлерининъ экспрессив имкянларынынъ огренильмесини. Экинждиден, морфологиянынъ огренильмеси сёз чешитлерине коре япылмайып, айны сёз чешитлерине аит олгъан категорияларгъа эсасланып огренильмеси. Эм де айры категориялар ифадели макъсат иле тюрлю сёз чешитлеринде айны шекильде къулланылмалары мумкюн (исимлерде, замир-исимлерде ве филлерде сайы категориясы, фииль ве замирлерде шахыс категориясы). Алимлернинъ фикирини бу акъта экиге болунди, бирлери биринджи ёлны сайлап алдылар, башкъалары исе экинджи ёлны. Бизим фикиримизге коре, къырымтатар тильшынаслыгъында бу ёнелиште бойле тедкъикъатлар ильк басмакъ олувы себебинден бизлер башта бир сёз чешитлерининъ услубиетинден башламакъ керекмиз, сонъра исе, мында белли нетиджелерге кельген сонъ, умумий категориялар боюнджа да ильмий тедкъикъатларнынъ япылмасы мумкюн олур.

Морфологик услубиети грамматик категориялар ве грамматик шекиллерининъ услубий вазифелерини огренген саадыр. М.Н. Кожина фикирине коре «морфологияда синонимик шекиллерининъ сайысы аз дегиль, лякин олар эр вакъыт услубий ренкли олмайлар.

Морфологиянынъ услубий имкянларыны ялынъыз услубий манадашлыкънен айырмакъ догъру дегиль, чюнки лексик васталарындан фаркълы оларакъ, морфологик васталары нутукънынъ эписи услуб, жанр ве шекиллеринде къулланылырлар» [10, 139]

Исимлердеки чокълукъ бильдирген ялгъамаларынынъ (-лар/-лер) сойдаш азаларында къулланылувы эки чешитке болунир: биринджиси, сойдаш азаларынынъ эписинде къулланылыр: *Москва къар куртюги астында эди. Сокъакълар, эв сачакълары, копюрлер – эписи. (Ш.А.);* экинджиси исе, ялынъыз сонъки сойдаш азасында къулланылыр: *Бутюн ерлер: орман, батакълыкъ, байыр – байыр-тёпелер, тёпелер – эписи мудафаа ичюн азырлангъан (М.Аб.)*

Публицистик услубинде умумийлештириджи мананы ифаделемек ичюн исимлер чокълукъ ерине теклик шекилинде къулланылалар: инсан, окъуйыджи, сейирджи в.и. Меселя: Инсан юреги пек назик ола. Инсан бахты – эбедий мевзу.

Келиш ялгъамаларынынъ услубиети ве манадашлыгъынен багълы олгъан къаиделер нутукъта муим ер туталар:

1. Келиш ялгъамалары, биринджиден, сёз багъланмасына хызмет этелер, лякин вазифе, услуб, къулланылувына коре, бири-биринден айырылалар. Тюшюм ве саиплик келишлерининъ ялгъамалары лакъырдыда шекиль джеэттен ошайсалар да, мана джеэттен бири-биринден, эльбетте, айырылырлар: *Даниярнынъ ихтиярында машина бар (Ш.А.). ... Медиев халкъкъа Русиедеки вазиятни анълатты ... халкъ акъкъатны Медиевден эшитти (Ш.А.).*

2. Бир келишнинъ ялгъамалары ян-янаша ишлетильмез, бойле алда тиль къабалаша. Мында келиш ялгъамаларындан манадаш кельген сойлары я да мунасебетчилернен къулланылмалы.

3. Киби, акъкъында, хусусында, берабер, дайын мунасебетчилери Б.к. сёзден сонъ келип, шу сёзнен бирликте джумледе бир де бир вазифе беджерелер.

Сыфатларнынъ услубий имкянлары тенъештирме дередженинъ саде ве муреккеп шекиллеринден ибареттир. Сыфатларнынъ адий тенъештирме дереджеси умумен битараф, эр бир услупке аит, муреккеп сою исе базы китабийликнен айырыла: кучьлюдже – даа кучьлю, къаттыджа – даа къатты.

Фииль шекиллерине кенълештирильген манадашлыкъ аит олгъаны ичюн, онынъ услубий имкянлары, башкъа сёз чешитлерине коре кучьлюдже. Фиильнинъ зияде къулланылувына коре ильмий ве ресмий нутукъ бедий ве лакъырды чешитине къарама-къаршы къоюлып. Чешит фииль шекиллерининъ услубий ренклери иле функциональ услуплеринде тюрлю къулланылувы тайинлене. Месея, фиильнинъ эмир мейили лакъырды, бедий ве публицистик нутукъларында чокъ къулланылып, ильмий ве ресмий нутукъларда деерлик расткельмей. Фииллернинъ шахыс-сайы ве заман ялгъамалары нутукъта базада бири-дигерининъ ерине къулланып, ишарекетнинъ ифаделев усулына къошма мана берелер.

Замирлер де услубиетте корюмли ер туталар. Мен замирининъ фииль-хабер янында къулланылувы лакъырды эткен шахыснынъ айрыджа къайд этильмесине алып бара, онынъ ичюн, адети узьре мен замирини тюшюрелер. Ялынъыз Къырым ханларынынъ ресмий весикъаларында мен замирининъ къулланылмасы къараргъа къаттылыкъ ренк къошмакъ макъсадынен къулланылып.

Ильмий тильде *мен, сен* замирлери умумен къулланылмаз.

Лакъырды услуби де *мен* ерине *биз* замирининъ къулланылувы умумлештириджи ренкни ташый: *Биз фелекнинъ ченберинден кечмишлерденмиз (У.И.).*

Инсаннынъ дуйгъу ифадесинен багълы олгъан нидалар эмоциональ ве экспресив ренкли олгъан лакъырды, публицистик ве бедий услуплерде кенъ даркъалгъандырлар. Нидаларнынъ буюк къысмына ачыкъ-айдын ифадели услубий ве эмоциональ-экспресив ренки аиттир: *Вай! Кетмек керек! (Ш.А.)*

Синтактик услубиетте джумледеки фикирни ифаделемек ичюн энъ къолай усулларны сайлап алувы, оларнен келишкен алда къулланылувы, джумле азаларынынъ манадашлыкъы, джумленинъ чешитлерини ве шу чешитлер арасында олгъан манадашлыкъны, оларнынъ тюрлю нутукъ услуплеринде къулланылувы, джумле азаларынынъ тертиби киби меселелери огрениле. Мезкюр макъаледе биз ойле кениш алда огренмейип, ялынъыз бир къач экспрессияны мейдангъа кетирген мисаллерни огренеджекмиз.

Бедий сёз усталары тюрлю синтактик конструкциялар ярдымынен сейир эткен вакъиаларыны тасвирлейлер, образларны ифаделейлер, озь фикирлери, дуйгъулары ве къайгъы-къасеветлерини такъдим этелер. Онынъ ичюн синтактик категориялар эсерининъ бутюнлей идракъ этильмеси, онынъ гъае ве мундериджесининъ тайинленмеси, персонаж нутукъларынынъ хусусиетлерининъ ачылмасы, эм языджынынъ индивидуаль услубининъ хусусий чизгилерининъ изар этильмеси ичюн артыкъ муимдир.

Языджынынъ эдебий тилининъ о я да бу синтактик конструкцияларгъа мунасебети чешиттир. Эр языджы озь эсеринде синтактик къурулушларынынъ насылдыр муайен чешитини сайлап ала. Бу ал языджынынъ услубининъ индивидуаль хусусиетлерининъ огренильмесине ярдым эте. Базада несир эсерлерини яраткъан языджынынъ эсерлери ичюн типик олгъан олгъан джумле чешитлери онынъ индивидуаль услубининъ черчивесинден тыш чыкъалар ве мезкюр девирнинъ эдебий тили

ичюн характерли олалар. Бойлеликнен, земаневий несирджиликте яыздыгъа фикирни парлакъча ифаделемек, окъуйдыжынынъ дикъкъатыны джелъп этмек ичюн ярдым эткен бойле синтактик усул кениш даркъалды. Бу усул шундан ибареттир. Адий джумле фикирни толусынен къаплап оламагъаны ичюн, бу вазифени онынъ артындан кельген муреккеп джумле устуне ала. Адий джумледе олгъан насылдыр вакъиа акъкъындаки тасдикъланувы кене текрарлана ве анълатыла муреккеп джумледе. Меселя: *Эрте-ярыкъ эсимизни башымызгъа топламакъ керекмиз, ёкъса сонъки пешман – башкъа душман дегенлер. Уджу кеткен йипнен къопкъа да кетер. Йип исе, мырзалар, ишанычсыз къолда булуна. Йип къачар, къопкъа кетер, биз исе агъыз ачып къалырмыз (Ю.Б.).*

Земаневий къырымтатар несирджилиги тилининъ характерли синтактик хусуиетлеринден бири компонентлери «ки» багълайдыжысы ярдымынен багълангъан муреккеп джумлелернинъ къулланылмасынынъ кенишленмесидир.

Къырымтатар тили синтаксисининъ специфик чизгилеринден бири таби джумлелерининъ огюнде ишарет ве суаль замирлеринен, эм де вакъыт ве феца маналарыны ифаделеген исимлернен берабер кельген «ки» багълайдыжысынынъ къулланылмасыдыр. Шунунъ нетиджесинде пейда олгъан ве шимдики лакъырды тильде кенъ даркъалгъан таби багълайдыжылар «ойле ки», «о вакъыт ки», «о заман ки», «не вакъыт ки», «о ерде ки», баш джумленинъ вакъыт ве ер таби джумлелерининъ багъ васталары оларакъ чыкъалар. Земаневий яыздыжылар озь эсерлерининъ тилини саделештирмек макъсадынен бойле, умумхалкъ тилине аит олгъан, синтактик конструкцияларыны сыкъ къулланалар. Чюнки къырымтатар халкъы этник территориясы ве тарихий ветаны олгъан Къырым АССР территориясындан зорбалыкънен сюргюн этильмеси себебинден чокъ вакъыт девамында ана тилинде ялынъыз турмуш шараитинде лакъырды эте эди.

Земаневий несирджиликте энъ сыкъ расткельген «ойле ки» табилев багълайдыжысынен кельген таби джумлелердир.

М: Аvasы ойле сыджакъ экен ки, бутюн отлар сувсузлыкътан ве сыджакътан янып-къаврап къалгъан экенлер. (У.Э.)

Агъыр иш, ачлыкъ, хорлукъ баламны ойле хырпалады ки, атта бу чыкъымсыз, матюв биле бегенмеди, деп ындыжынды. (У.Э.)

Лякин, «ки» багълайдыжысынынъ ялынъыз сонъки йыллары фааль къулланып башлагъаныны къайд этмек керекмиз. Эвель шу багълайдыжынынъ къулланылмасы бизим тилимиз ичюн ляйыкъ дегиль эди, буны биз, мисаль оларакъ «Алим» романы эсасында айтып оламыз, ве, фикиримзге коре, сонъки заманларда шу ялгъаманынъ артып тильге насылдыр сунъий ренк къошкъаны тильнинъ инкишафына зарар кетирген алдыр.

Бундан гъайры, несир эсерлеринде алфииль ве сыфатфииль оборотлары керегинден чокъ олгъан джумлелерни расткетирмек мумкюн. Бу джумлелернинъ къабул олунмасы къыйын олгъаны себебинден, оларны бир къач адий джумлелерге болонмелери яхшыджа олур эди.

Нетидже. Исимлернинъ экспрессивлиги келиш ялгъамаларынынъ тюрю къулланылмасына багълыдыр. **Сыфатларда** бу вазифени дереджелер беджермекте. **Фииль** сёз чешитининъ услубий имкянлары шахыс-сайы ве заман ялгъамаларында

сакълыдыр. Демек, чешит замирлер тюрлю нутукъ чешитлеринде къулланылувы бир олмай. Лакъырды ве бедий нутукъта деерлик эписи шахыс замирлери сыкъ рас-ткелер. Ресмий нутукъта исе мен, биз, сен, сиз замирлери аризалардан гъайры асыл къулланылмай. **Чокъусы** нидалар услубий ренклилер, лякин ялынъыз нидалардан тешиль олунгъан услубий парадигманы тизмек мумкюн дегильдир.

Земаневий несир эсерлерининъ тили бир сыра **синтактик** хусусиетлер иле ха-рактеризлене. Муреккеп джумлелернинъ къулланылмасы баягъы кенишленди, янъы хусусан адий джумледе олгъан тасдикълавнынъ артындан кельген муреккеп я адий джумледе текрарланмасы киби синтактик усуллар пейда олды. М:

– Алла, Алла шааттыр! – деп алды...

- Эбет, Алла шааттыр. Иниалла, меселе акъ ёлунда чезилер, - деди. (У.Э.)

- Ялан! Ялан айтасынъыз! – деди Сара ... (У.Э.)

Бу усул языджыгъа озъ фикирини парлакъча ве там ифаде этип, бойледже окъ-уйыджыгъа ёллангъан тесирини арттырмагъа ярдым эте.

Илеридеки тедкъикъатларнынъ перспективасы. Макъаленинъ сонъунда чыкъ-арылгъан нетиджелер шу меселенинъ илеридеки огренильмесине ёл ачмакъталар.

Къулланылгъан эдебият

1. Курбатов, Х. Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика [Текст]/ Х. Р. Курбатов. – М.: Наука, 1978. – 218 с.
2. Кунгуров, Р. К. Стилистика имени существительного в узбекском языке [Текст]/ Р.К. Кунгуров. – Ташкент: Фан, 1983. – 160 с.
3. Голуб, И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка [Текст]/ И.Б. Голуб. – М.: Высш. шк., 1989. – 208 с.
4. Бельчиков, Ю. А. Функциональная стилистика русского литературного языка: (Конспект лекций) [Текст]/ Ю.А. Бельчиков. – М., 1997. – 66 с.
5. Мацько, Л. І. Стилiстика української мови [Текст]/Л.І. Мацько, О.М. Сидоренко, О.М. Мацько/пiд ред. Л.І. Мацько. – К.:Вища шк., 2003. – 462 с. – ISBN 966-642-155-0.
6. Тимерханов, А. А. Язык деловых бумаг в современном татарском языке [Текст]: автореф. дис. ... докт. филол. наук:10.02.02/ Тимерханов Айнура Ахатович; Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. – Казань, 2006. – 51 с.
7. Торотоев, Г. Г. Функционально-стилистическая дифференциация определений в современном якутском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.02/ Торотоев Гаврил Григорьевич; Якутский государственный университет им. М.К. Аммосова. – Якутск, 2006. – 27 с.
8. Алиев, А. А. Художественный стиль современного азербайджанского языка (проза) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.06/ Алиев Арастун Агалар оглы; Институт языкознания им. Насими. – Баку, 1975. – 30 с.
9. Псянчин, Ю. В. Стилистика падежной системы современного башкирского литературного языка [Текст]/ Ю.В. Псянчин. – Уфа: РИЦ «Старая Уфа», 2000. – 52 с.
10. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка [Текст]/ М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.

Шартлы къыскъартувлар:

Ш.А. – Шамиль Алядин

М.Аб. – Молла Абдураман

Ю.Б. – Юсуф Болат

У.Э. – Урие Эдемова

Меметова Э. Ш. К проблеме грамматических экспрессивных средств крымскотатарского языка

Статья посвящена изучению грамматических экспрессивных средств крымскотатарского языка. В ней предложены следующие варианты рассмотрения морфологической стилистики: изучение экспрессивных возможностей частей речи и рассмотрение экспрессивной морфологии не по частям речи, а по свойственным им категориям, использование которых нередко дает яркие выразительные эффекты. В качестве изучения выбран первый путь. Таким образом рассмотрены экспрессивные возможности существительных, прилагательных, глаголов, местоимений, междометий. Экспрессивные возможности синтаксиса представлены рассмотрением передачи утверждения в предложениях, а также использования союза «ки».

Ключевые слова: крымскотатарский язык, экспрессия, грамматическая экспрессия, морфологическая стилистика, синтаксическая стилистика

Меметова Е. Ш. До проблеми граматичних експресивних засобів кримськотатарської мови

Статтю присвячено вивченню граматичних експресивних засобів кримськотатарської мови. У ній вивчені експресивні можливості частин мови: іменників, прикметників, дієслів, займенників, вигуків. Експресивні можливості синтаксису представлені розглядом передачі твердження в простих і складних пропозиціях, а також використання сполучника «ки».

Ключові слова: кримськотатарська мова, експресія, граматична експресія, морфологічна стилістика, синтаксична стилістика

Memetova E. S. To the problem of grammatical expressive facilities of Crimean Tatars language

The article is devoted the study of grammatical expressive facilities of Crimean Tatars language. Expressive possibilities of parts of speech are studied in her: nouns, adjectives, verbs, pronouns, interjections. Expressive possibilities of syntax are presented consideration of transmission of assertion in simple and difficult sentences, and also the uses of «ki» conjunction.

Key words: Crimean Tatars language, expression, grammatical expression, morphological stilistika, syntactic stilistika

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК – 811.512.145'33

ФУНКЦИИ И СЕМАНТИКА ПРОШЕДШЕЙ ФОРМЫ ГЛАГОЛА ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ *-МАКЪТА ЭДИ* В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л. И.

В статье исследуются основные функции и семантика прошедшей формы глагола изъявительного наклонения – *макъта эди* в современном крымскотатарском языке. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре и семантике систему. Определена форма прошедшего времени на – *макъта эди*, которая относится к аналитическим формам прошедшего времени.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, морфология, глагол, семантика, прошедшее время.

Введение. Аффикс, послуживший основой для образования этой аналитической формы, - *макъта* интересен тем, что он представлен в тюркских языках, не соприкасавшихся между собой ни в период их становления, ни в процессе их дальнейшего развития: в азербайджанском, крымскотатарском, узбекском и уйгурском. Несмотря на это, форма на *-макъта* имеет всюду одинаковое содержание, которое в существующей тюркологической литературе получило достаточное отражение, за исключением крымскотатарского языка, материалы которого до сих пор не были привлечены в орбиту тюркологических исследований.

В наиболее древних памятниках она не отмечена, встречается в чагатайских и старотатарских памятниках, чаще всего - в памятниках среднеазиатского «тюрки». Как полагает А.А.Юлдашев, от «тюрки» шло самое интенсивное ее распространение на другие тюркские языки, например, она была широко представлена в татарском варианте «тюрки», через традиции которого проникла даже в литературный татарский язык начала XX века, всецело ориентированный на общенародный устный язык, затем эта форма полностью была вытеснена другой формой - на *-а эди*, сходной с ней по значению [1, с.151].

Для сохранения в крымскотатарском языке формы на *-макъта* и на ее основе создания аналитической формы, по-видимому, имело послужили контакты с узбекским, как письменным, так и устным языком в 40-90 годах XX столетия во время выселения крымских татар в Узбекистан.

Как отмечает А.Ходжиев [2, с.149], в современном узбекском языке эта форма (*-моқда эди*) характерна для книжного, письменного языка, для стиля докладов и торжественных выступлений и не употребляется в разговорной речи. В крымскотатарском языке тоже происходит подобное явление. Этим можно объяснить, например, редкое употребление этой формы в первом и втором лицах, в отрицатель-

ном аспекте, отсутствие ее в аспектах возможности и невозможности. В современном узбекском языке форма на *-мокъда*, послужившая основой для формы *-макъда эди*, которая обычно называется формой настояще-длительного времени, характерна для литературной нормы и употребляется, как отмечают узбекские лингвисты, главным образом, в языке прессы.

В чагатайском литературном языке эта форма наблюдалась только в отдельных памятниках, причем в единичных случаях в 3-м лице единственного числа она отмечена в «Огуз-намэ»: ... *Кэнаъ келиб коърди ким, бир шунъкъар къятнынъ ичаъгуъсин йэмаъктаъ турур*. 'И вот, вернувшись сюда, увидел он: какой-то ястреб пожирает внутренности единорога'. В других лицах, а также во множественном числе эта форма и сейчас употребляется редко. После «Огуз-намэ» эту форму узбековеды встретили только у двух авторов, живших в различные века, - у Навои (15 век) и Муниса (19 век).

На вопрос о том, является ли форма на *-мокъда* исконно узбекской или нет, по мнению Ш. Шукурова возможен двойкий ответ:

1) она исконно узбекская;

2) она заимствована из других тюркских языков, очевидно, в староузбекский язык она проникла из огузской группы, но широкое распространение она получила в современном узбекском литературном языке [3, с.45-48].

Особенностью форм на *-мокъда* в узбекском языке является ее употребление только в форме положительного аспекта и невозможность образования от нее формы отрицательного и других аспектов [4, с.156].

А. М. Меметов и К. М. Мусаев форму на *-макъта эди* назвали «прошедшее длительное время» [5, с.217] и «прошедшее продолженное время» [6, с.226]. Значение продолженности действия в прошлом всегда присутствует в этой форме во всех примерах, извлеченных нами из письменных текстов.

Форма на *-макъта*, обычно в крымскотатарском языке выражающая настоящее продолженное время, сочетаясь с вспомогательным глаголом *эди*, выражает прошедшее время, обозначающее продолжение действия в определенный период до момента речи: *Толкъун башыны къоллары арасына алып, тирсеклерини столгъа тиреп, пенджеренден узакъкъа бакъып турмакъта эди* [7, с.132]. 'Упираясь локтями за стол и схватившись двумя руками за голову, Толкун смотрел (продолжал смотреть) из окна вдаль'. В разных ситуациях, эта форма выражает определенную или неопределенную длительность действия.

В этом примере сочетание *турмакъта эди* указывает на то, что действие продолжалось на некоторое время в прошлом (как настоящее в прошедшем). При этом, отрезок времени в нем не указан.

В примере перечислены три глагола, а вспомогательный глагол, к которому присоединяется форма на *-макъта эди* - *турмакъта эди*, находится при последнем глаголе, а предыдущие глаголы принимают форму деепричастия на *-п*.

Функционирующие формы прошедшего времени на -макъта эди

Эта форма состоит из сочетания аффикса имени действия на *-макъ*, называемого иногда в тюркологии «инфинитивом», который принимает аффикс местного падежа *-та* и служебного глагола *эди*.

Форма имеет два фонетических варианта:

1) после глаголов с заднерядным гласным в конце – *-макъта эди*, после основ с переднерядным гласным в конце – *-мекте эди*: *о,окъу+макъта эди* ‘он учился’, *о ишле+мекте эди* ‘он работал’.

Вся модель этой формы прошедшего времени состоит из структуры: глагол+макъта+эди. Глагол в этой форме выполняет четыре грамматические функции:

- 1) обозначение прошедшего времени;
- 2) выражение третьего лица, для обозначения форм других лиц требует присоединения соответствующих аффиксов лица;
- 3) обозначение единственного числа, для обозначения форм множественного числа необходимо присоединить соответствующий аффикс;
- 4) выражает также форму положительного аспекта, для образования других форм аспектов: отрицательного, возможности, невозможности и вопросительного, требует присоединения определенных служебных элементов.

При спряжении к этой форме присоединяются аффиксы лица второй группы (подробно см. форму на *-гъан эди*), которые одинаковы для всех аналитических форм прошедшего времени с *эди*.

Парадигма спряжения формы на *-макъта эди*
в положительном аспекте

Единственное число Множественное число

1л. *-макъта эди+м -макъта эди+к*

2л. *-макъта эди+нъ -макъта эди+нъиз*

3л. *-макъта эди -макъта эди(+лер)*

Спряжение глаголов *бакъ-* ‘смотреть’
и *кулюмсире-* ‘улыбаться’ в форме на *-макъта эди*

Единственное число

1л. *мен бакъ+макта эди+м* ‘я смотрел (наблюдал) определенное время’

2л. *сен бакъ+макъта эди+нъ* ‘ты смотрел определенное время’

3л. *о бакъ+макъта эди* ‘он смотрел определенное время’

Множественное число

1л. *биз кулюмсире+мекте эди+к* ‘мы улыбались определенное время’

2л. *сиз кулюмсире+мекте эди+нъиз* ‘вы улыбались определенное время’

3л. *олар кулюмсире+мекте эди(+лер)* ‘они улыбались определенное время’

В третьем лице множественного числа присутствие аффикса множественного числа является факультативным. Главной сферой функционирования формы на *-макъта эди* является третье лицо. В других лицах она употребляется весьма редко.

Отрицательный аспект редко встречается в языке, он образуется присоединением к глагольной основе перед аффиксом *-макъта* безударного аффикса с вариантами *-ма/-ме*: *биз бакъ+ма+макъта эди+к* ‘мы не наблюдали долго’, *сиз кулимсире+ме+мекте единъиз* ‘вы не улыбались долго’.

Вопросительный аспект образуется от формы положительного аспекта посредством аффикса, подчиняющегося только закону нёбной гармонии: *-мы* после глаголов с заднерядным гласным и *-ми* – после основ с переднерядным гласным. Он присоединяется к форме *-макъта*, а *эди*, принимающий аффиксы лица и числа, остается

без изменения: *сен бакъ+макъта+мы эди+нъ?* ‘ты тогда наблюдал?’, *о кулюмси-ре+мекте+ми эди?* ‘он тогда улыбался?’ В этом крымскотатарский язык отличается от языков, в которых аффикс отрицания присоединяется к *эди*.

Об употреблении данной формы в формах других аспектов глагола можно говорить, в основном, теоретически, практически она употребляется редко. На употребление формы *-макъта эди* в аспектах возможности и невозможности нам не удалось найти примеров из художественной литературы.

Семантика формы на -макъта эди

Форме на *-макъта эди* также свойственны парадигматические и синтагматические семы, свидетельствующие о широкой употребительности этой формы.

Парадигматические семы:

1. Обозначает как и все формы прошедшего времени, действие или состояние, которое совершилось в прошлом, до момента речи.

Действие: *Тынчлыкъта аякъ давуилларынынъ дюкюльдиси биле узакъкъа эшитильмекте эди* [8, с.43]. ‘В этой тишине даже звуки шагов были слышны далеко-далеко.’

Состояние: *Эр кес орта бойлу, эслидже, устюнде мавы оръме костюми олгъан къызгъа бакъмакъта эди* [9, с.66]. ‘Все смотрели на взрослую девушку среднего роста, одетую в голубой вязаный костюм’

2. Достоверность обозначаемого действия и состояния. В этом значении эта форма сближается с большинством форм прошедшего времени, в особенности – с аналитическими формами с *эди*, а также с формой прошедшего категорического времени на *-ды*, и отличается от формы на *-гъан*. *Ананынъ къуванчнен толу юреги сыкъ-сыкъ урмакъта эди* [10, с.15]. ‘Сердце матери наполненное счастьем, учащено билось’.

3. Отнесенность обозначаемого действия и состояния к полностью истекшему периоду. По этой семе данная форма объединяется со всеми аналитическими формами прошедшего времени изъявительного наклонения, содержащими в своем составе служебный элемент *эди*. *Къаршысында узун бойлу, отуз-отуз беи яшларында бир адам турмакъта эди* [11, с.88]. ‘Перед ним стоял высокий человек тридцатитридцати пяти лет’.

4. «Самым ярким моментом» среди сем этой формы является значение незаконченности обозначаемого ею действия, отмеченное всеми исследователями по тюркским языкам. Некоторые тюркологи считают это значение единственным различительным признаком формы на *-макъта эди* [12, с.152]. По данному своему значению эта форма противопоставляется формам, обозначающим законченное действие, в частности, форме на *-гъан эди*. По этому же значению форма на *-макъта эди* объединяется с другими формами имперфекта, несмотря на то, что они не заменяют друг друга. *Акъикъатен де энди баягъы вакъыт, эксери адамлар раатлыкъ багъчасындан чыкъмакъта эдилер* [13, с.36]. Действительно, уже большинство людей выходило из парка отдыха. В этом примере незаконченность действия выражена даже с предельным глаголом *чыкъ-* ‘выходить’. *Эди* принимает аффикс множественного числа, этим происходит согласование с подлежащим *адамлар*.

В выражении конкретных сем определенную роль в тюркских языках играет принадлежность исходного глагола к числу предельных: *кет-*, *чыкъ-* и т.д. и неопредельных: *тур*, *яша* и т.д. Особенно это относится к семе «длительность». В крымскотатарском языке, как видно из примера, это не имеет особого значения.

Синтагматические семы формы на -макъта эди:

1. «Длительное действие» – это распространенное название основного значения формы на *-макъта эди* в исследованиях тюркских языков. Однако это следует считать одним из синтагматических значений этой формы. «Длительность» характерна и для ряда других аналитических форм прошедшего времени: *-а эди*, *-р эди*, формы на *экен* и др. Как и другие формы прошедшего времени, данная форма также может обозначать действие самой различной длительности, которые привносятся обстоятельными словами, оборотами, предложениями, в самой же форме подобная сема отсутствует.

Как подчеркивал А.А.Юлдашев, термин «длительный» исследователями языка понимается в трех значениях: одни подразумевают незаконченность, другие – продолжительность во времени: непрерывность, непрестанность, третьи – процессуальность [14, с.152]. *О исе, къалын дудакъларыны сувландырып, козлерини къысып, кулюмсиремекте эди* [15, с.43] ‘Он же, смочив свои толстые губы и прищурился, продолжал (слашаво) улыбаться’. Действие в этом примере происходило непрерывно, процесс продолжался, пока присутствующие наблюдали за человеком, во время наблюдений действие не закончилось.

Продолжительность действия в определенный момент относится и к явлениям природы, поэтому это – не длительность, а продолжительность: *Мавы кок ортюсининъ бир четини йырттып, ер юзюне адсыз-эсапсыз ал ренкли чызыкълар чызаракъ, танъ ярыкъланмакъта эди* [16, с.15]. ‘Оборвав краешек покрывала синего неба и, зарисовывая сень земли бесчисленными розовыми полосами, начала освещаться утренняя заря’. В этом примере показано, как долго восходила заря – в определенное время, отсутствует подчеркнутое значение непрерывности или многократности действия. Действие не завершено, оно только началось.

Козълери тюшюнджели бакъмакъта эдилер [17, с.66]. ‘Его глаза смотрели задумчиво’. Действие происходило в какой-то момент коммуникации в прошлом.

2. Настоящее время, перенесенное в прошлое, обычно выражается имперфектными глаголами. Как подчеркивал А.Н.Кононов в отношении узбекского языка, форма на *-мокта эди* – это форма настоящего времени, перенесенная в прошедшее время [18, с.184-185]. В другой своей грамматике турецкого языка он писал, что эта форма выражает «длительное действие в настоящем, но не переходящее в постоянное», характеризует «развитие действия по признаку длительности» [19, с.208-230]. *Онынъ огюнде, буюк ярнынъ тюбюнде, тар демир елчыкънынъ кенарында, сув электрик станциясы бинасынынъ котлованы джаилмакъта эди* [20, с.30]. ‘Перед ним, под большим обрывом, на краю узкой железной дороги, расположилось здание водяной электростанции’. В этом примере выражено не действие, а состояние, которое может быть отнесено и к настоящему времени.

3. Аффикс *-макъта*, представляющий собой исходный элемент для формы на *-макъта эди*, характеризует обозначаемое ею действие как совпадающее по времени

с актом коммуникации – моментом речи, без уточнения его завязки, развязки. С этим тесно связано выражение формой на *-макъта эди* значения, близкого к настоящему времени:

О, агъыр-агъыр нефес алмакъта эди [21, с.11]. ‘Он дышал прерывисто и очень тяжело’. В этом примере не указано другое действие, на фоне которого происходит действие формы на *-макъта эди*. Также как оно отсутствует в следующем примере: *О адамнен бир ода ичинде яшамакъта эдилер* [22, с.93]. ‘Он жил с тем человеком в одной комнате’. Но в обоих случаях подразумевается наличие второго действия, по времени совпадающего со временем действия глагола в форме на *-макъта эди*. Во втором примере выражено состояние.

Указание на процессуальность, совпадающую с актом коммуникации, исключает возможность ее образования от ряда категорий глаголов. Как отмечает А. А. Юлдашев, в составе структуры *-макъта эди* начальная форма *-макъта* сохраняет свое первичное значение и поэтому эта форма не может образовываться от всех глаголов [23, с.154].

4. Начало действия. *Кок юзюни сия булутлар къаплап алмакъта эди* [24, с.134]. ‘Все небо охватили черные тучи’.

В современных тюркских языках значение формы на *-макъта эди* совпадает в преобладающем большинстве случаев со значениями формы имперфекта на *-р эди*, это очень близкие по значению формы, хотя и не тождественные. «Различие и даже противопоставленность этих форм между собой заключается прежде всего в том, что форма на *-макта эди* неизменно характеризует обозначаемое ею действие как единичное, форма же на *-р эди* – как типичное, причем она сама по себе придает значение типичности перфектным глаголам. Форма на *-макта эди* обычно не образуется от глаголов содержащих значение типичности или приобретающих его с помощью контекста, тогда как форма на *-р эди* от этих глаголов возможна форма на *-макта эди* выражает совпадение времени совершения действия с моментом его фиксации, в форме на *-р эди* нет значения фиксации момента действия» [25, с.154]. При этом следует подчеркнуть, что форма на *-р эди* по своему происхождению, безусловно, является более древней, чем форма на *-макъта эди*. Это в полной мере относится и к крымскотатарскому языку. *Эвде Алиме Каримовнаны эки телеграмма беклемекте эди* [26, с.54]. ‘Дома Алиме Каримовну ждали две телеграммы’. В этом примере по контексту форму на *-макъта эди* можно было бы заменить формами на *-р эди*, *-а эди*. В последнем примере действие происходит непрерывно в момент прихода героя. Действие - поступление телеграммы произошло до момента наблюдаемого состояния - ожидания.

Выводы. Как видно из описания формы прошедшего времени на *-макъта эди*, она отличается довольно большим разнообразием семантики.

В крымскотатарском языке в близких значениях находятся три формы прошедшего времени: *-а эди*, *-р эди*, *-макъта эди*. В современном языке они являются как бы конкурентами. Идет процесс специализации форм. Намечается определенная тенденция замены формы на *-макъта эди* формой на *-а эди*, которая получила большее распространение в современном языке, чем первая.

Список литературы

1. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках [Текст]. – М., 1965.- 190 с.
2. Хожиев А. Фъел [Текст]. - Ташкент, 1973. – 160 с.
3. Шукуров Ш. История развития глагольных форм узбекского языка [Текст]. Изд-во «Фан». – Ташкент, 1966.- С.45-48
4. Шукуров Ш. История развития глагольных форм узбекского языка [Текст]. Изд-во «Фан». – Ташкент, 1966. – 170 с.
5. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч.І. Общие сведения о языке. Ч. ІІ. Морфология. Учебное пособие [Текст]. – Симферополь, 2003.-288 с.
6. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч.І. Общие сведения о языке. Ч. ІІ. Морфология. Учебное пособие [Текст]. – Симферополь, 2003.- 288 с.
7. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
8. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
9. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
10. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
11. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков [Текст]. Морфология. – М., 1988.- 368 с.
13. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
14. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках [Текст]. – М., 1965.- 190 с.
15. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
16. Осман А. Тутушув: Повестлер, икяелер [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешр., 1988.-400 с.
17. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
18. Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка [Текст]. – Ташкент, 1948.- 240 с.
19. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка [Текст]. – М.-Л. 1956.- 569 с.
20. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
21. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
22. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
23. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках [Текст]. – М., 1965.- 190 с.
24. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.
25. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках [Текст]. – М., 1965.- 190 с.
26. Умеров Э. Ёйлдыларгъа догъру: Повестлер = К звездам: Повести [Текст]. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешриаты, 1983.- 278 с.

Бекирова Л. И. **Функції і семантика минулої форми дієслова дійсного способу -макъта еді в сучасній кримськотатарській мові**

У статті досліджуються основні функції і семантика минулої форми дієслова дійсного способу – макъта еді в сучасній кримськотатарській мові. В ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові являє складну і багатобразну за граматичною структурою та семантикою систему. Визначена форма минулого часу на – макъта еді, яка відноситься до аналітичних форм минулого часу.

Ключові слова: кримськотатарська мова, морфологія, дієслово, семантика, минулий час.

Bekirova L. I. **Functions and semantics of the last form of verb of indicative of -makta edi are in a modern Crimean Tatar language.**

Basic functions and semantics of the last form of verb of indicative are explored in the article – makta edi in a modern Crimean Tatar language. It is set during research, that a category of past tense of indicative in a Crimean Tatar language is difficult and varied on a grammatical structure and semantics system. The form of past tense is certain on – makta edi, which behaves to the analytical forms of past tense.

Key words: Crimean Tatar language, morphology, verb, semantics, passing time.

Стаття постуила в редакцію 27.08.2009 г.

УДК: 811.512.145'373.4

**СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОДРАЖАНИЙ ГРОМУ,
ГРОХОТУ, ДРЕБЕЗЖАНИЮ И ДРУГИМ ШУМАМ, ПРОИЗВОДИМЫМ В
РЕЗУЛЬТАТЕ МНОГОКРАТНЫХ ВИБРИРУЮЩИХ ДВИЖЕНИЙ
ПРЕДМЕТОВ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аджимуратова З. Н.

В статье рассматриваются функции корней гур-, гьур-, гьыр-, дыр-, зыр-, кьыр-, тар-, тыр-, чыр-, гудюр-, гьыдыр-, гьаджыр-, гьуджыр-, гьыджыр-, которые соответствуют звукам грома, грохота, дребезжания и другим шумам, производимым в результате многократных вибрирующих движений предметов.

Ключевые слова: сравнительно-типологический анализ, подражания грому, грохоту, дребезжанию, крымскотатарский язык.

Введение. С точки зрения Б. М. Юнусалиева, «человек, обладающий таким мощным орудием выражения своих чувств, мыслей, как язык с его членораздельной звуковой системой, при необходимости имеет возможность хотя бы приближенно воспроизвести полученные от внешней среды звуки теми средствами, какие имеются в его фонетическом инвентаре. Иначе говоря, человек вполне способен, используя фонетическую систему языка, отображать, хотя бы приблизительно, то, что воспринято его органами чувств от внешнего материального мира, то есть воспроизводить результат своих слуховых ощущений в виде звуковых комплексов. Так, должно быть, возникли корни-слова, выражающие представления о звуковых явлениях» [6, 155].

Во многих родственных и неродственных языках существуют звукоподражательные слова, соответствующие звукам грома, грохота, дребезжания и другим шумам, производимым в результате многократных вибрирующих движений предметов. В крымскотатарском языке это такие корни как: гур-, гьур-, гьыр-, дыр-, зыр-, кьыр-, тар-, тыр-, чыр-, гудюр-, гьыдыр-, гьаджыр-, гьуджыр-, гьыджыр-. Они образованы путём присоединения вибранта *p*, выполняющего главную звукоизобразительную функцию.

Производных, образованных от данных звукоизобразительных форм, много, это такие звукоподражательные слова как: гурюльдемек 'греметь (например, о громае)', гурс этмек 'грохнуть', гьырыл-дамакь 'скрипеть, хрипеть', гьырчылдамакь 'хрустеть', гьыджырдамакь, гьыдырдамакь 'звенеть, греметь цепями', гудюрдемек 'греметь', зырылдамакь 'брюзжать, бурчать', кьырылдамакь 'бурчать', кьырмакь 'скрести, царапать', тарс этмек 'треснуть', тырылдамакь 'тарахтеть', фырыл-фырыл подр. звуку при вращении, кружении, чырылдамакь 'трещать', чырылдамакь 'стрекотать, щебетать', чертмек 'чиркнуть спичкой', шырылдамакь 'журчать'. Основным звукоизобразительным элементом этих корневых морфем является дрожащий сонорный *p*, в силу своего артикуляторного своеобразия естественно передающий указанные значения.

Анлаутные согласные и инлаутные гласные обозначают лишь оттенки и силу звучания. Лабиальные гласные употребляются при передаче глухого раскатистого звука. Плоскощелевой *з* в анлауте указывает на более высокую тональность имитируемого звука.

В других тюркских языках данная звукоизобразительная модель обозначения грома, грохота и так далее оказывается также очень устойчивой, при этом семантический разнотип возможен только в связи с вторичной звуковой ассоциативностью того или иного модификатора: др.- тюрк. *kürlän*- 'гремять, грохотать' (МК II, 252), *tärs tärs ür*- 'колотить' (МК I, 348), *tirt tirt jirt*- 'разрывать что-либо с треском' (МК I, 341); каз.: *гүрлде*- 'гремять, гроыхать, гудеть', *гүрс ет*- 'грохнуться, бухнуться', *дарылда*- 'говорить громким грубым голосом, греметь, тарыхтеть', *дур-дур* подр. тарыхтению, гроыханию (например, землетрясения, мотора, огня, потока воды и так далее), *дыр ет*- 'затарыхтеть, загудеть, шумно разрывать (материю)', *дирлде*- 'дрожать, трястись (например, от холода или страха)', *зырыл* 'гул, шум визгливо дребезжащих станков и так далее, күрилде- 'гудеть, шуметь, гроыхать, греметь (о грома, моторе, горной реке, грубом голосе)', *тарсылда*- 'стучать, колотить, тарабанить', *тырыл* 'дребезжание, гул мотора, трескотня'. Кирг. *гүрүлдө-күрүлдө* 'гремять, бушевать, реветь (о реке)'; туркм. *гүр* подр. тарыхтению трактора, гудению самолета, шуму разговора и так далее; узб. *гүр* подр. гулу, грохоту, шуму, *гурилла*- 'пылать, гореть (с шумом, треском, гулом)'; уйг. *гүрүлдәш* 'грохот, гроыхание', *гүрсүлдәп чүшмәк* 'грохнуться'; кирг. *даркылда-*, *даркыра-* 'говорить громко и грубо, гаркать, горланить'; туркм. *дарав-дарав* образн. слово, означающее разорванные в клочья предметы (например, ткань, бумага); як. *дар* подр. громкому дребезжащему звуку (например, расколотой доски), *дир* подр. глухому дребезжанию; узб. *дардарак* 'жужжалка-трещотка (у бумажного змея в виде бумажной ленты)', *дир-дир титра*- 'сильно дрожать, трястись, трепетать'; тув. *даре дээр-*, *даре кынныр-* 'треснуть, издавать треск (например, о выстреле)', *дарыла-* 'тарыхтеть (например, о тракторе)', *дириле-* 'гудеть, производить гул (например, о моторе, станке)', *дирт* - *дарт* подр. внезапному шуму; туркм. *тирс-тирс* подр. легкому вздрагиванию; як. *дир* подр. глухому дребезжанию; кирг. *зыр* подр. быстрому продолжительному движению, *зыркыра-*, *зырылда-* 'мчаться'; як. *сир* подр. свистящему звуку быстро промчавшегося в воздухе предмета; узб. *зирилла-* 'дрожать, трястись, дребезжать', *зир* подр. быстрому отрывистому движению.

Рассматриваемая модель и в других языках полисемантическая, и может обозначать самые различные оттенки гремящего, гроыхающего и так далее звучаний и вибрирующих движений, например, в значении 'гром': рус. *гром-/грем-*; тадж. *грум*; малай. *gurungurun*; евр., араб., эфиоп. *R'M*, прасемит. *RGM*; в значении 'грохот': рус. *грох(от)*; тадж. *гүрс, гулдур, тарак, такар*; яп. *todoroku; koro-*; евр. *R'S*; в значении 'звук разрывания, распарывания': рус. *пор-*, литов. *brik/g-*, тадж. *тапп-, чар-*; осет. *p'aer-, paert-*; евр. *PRM, PRR, KR*.

Фоносемантическая выразительность дрожащего *p* во всех приведенных примерах выполняет преобладающую звукоизобразительную функцию. Подражательное значение других звуков можно интерпретировать по-разному, в частности, как дополняющих или в той или иной степени усиливающих звукоизобразительность формы.

Однако, определенные различия обозначений рассматриваемого понятия, очевидно, должны толковаться в основном с точки зрения закономерностей фонетической структуры и морфологического состава конкретного языка. В противном случае субъективные объяснения особенностей звукоизображения, на наш взгляд, неизбежны.

Выводы. Таким образом, на основании рассмотрения фактического материала, отражающего фонетические и семантические соответствия подражаний грому, грохоту, тархтению, дребезжанию и другим шумам, производимым в результате многократных вибрирующих движений предметов можно утверждать, что существующая в крымскотатарском языке звукоподражательная подсистема имеет ряд общих черт с аналогичными подсистемами в тюркских языках. Существование подобных соответствий в разносистемных языках говорит о сохранении определенных функций звукоизобразительности (фонетической мотивированности) в лексике большинства современных языков.

Список литературы

1. Русско-казахский словарь [Текст] / [Под ред. Н. Сауранбаева] – Алма-Ата.: Изд-во иностран. и национальн. словарей, 1954. – 935 с.
2. Русско-киргизский словарь [Текст] / [Ред. К.К.Юдахин] – М.: Изд-во иностран. и национальн. словарей, 1957. – 991с.
3. Русско-чувашский словарь [Текст] / [Под ред. И.А.Андреева и Н.П.Петрова] – М.: Сов.Энциклопедия, 1971. – 893 с.
4. Русско-якутский словарь [Текст] / [Ред.; П.С.Афанасьев] – М.: Сов.Энциклопедия, 1968. – 720 с.
5. Хусаинов К. Ш. Звукоизобразительность в казахском языке: Монография [Текст] / Хусаинов К. Ш. – Алма-Ата: Наука, 1988. – 232 с.
6. Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология [Текст] / Юнусалиев Б. М. – Фрунзе: Учпедгиз, 1959. – Ч. 1. – 248 с.

Аджимуратова З. Н. Порівняльно-типологічний аналіз наслідувань грому, гуркоту, деренчання і інших шумам, виробленим в результаті багатократних віброуючих рухів предметів в кримськотатарській мові.

У статті розглядаються функції коренів гур-, гур-, гур-, дир-, зир-, кьир-, тар-, тир-, чир-, гудюр-, гьидир-, гьаджир-, гьуджир-, гьиджир, які відповідають звукам грому, гуркоту, деренчання та інших шумів, вироблених в результаті багатозових віброуючих рухів предметів.

Ключові слова: порівняльно-типологічний аналіз, наслідування грому, гуркоту, деренчання, кримськотатарська мова.

Adjimuratova Z. N. The comparative-typological analysis of imitations a thunder, a roar, jingle and other noise made as a result of repeated vibrating movements of subjects in the crimeantatar language.

The article discusses the functions of roots as gur - gur - gyr - holes - zyr - kyr - tar - tyr - chyr - gudjur - gydyr - gadzhyr - gudzhyr – gydzhyr, which correspond to the sounds of thunder, clatter, chatter and other noises produced by the vibrating motion of multiple objects.

Keywords: the comparative-typological analysis, imitations a thunder, a roar, jingle, Crimean Tatar language.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 811.512.145

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ АЙЫРЫЛМА АЛЛАРНЫНЪ ХУСУСИЕТЛЕРИ

Алиева Л. А.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с грамматическими, семантическими, коммуникативными признаками обособленных обстоятельств в современном крымскотатарском языке.

Ключевые слова: синтаксис современного крымскотатарского языка, грамматические, семантические, коммуникативные признаки обособленных обстоятельств, классификация.

Меселенинъ къоюлмасы. Айырылма азаларнен багълы меселе тильшынаслыкъта озь теткъикъатыны беклеген меселелерден бири сайыла. Славян тиллеринде XIX асырнынъ сонъунда, Греч Н.И., Буслаев Ф.И., Востоков А.Х. киби, рус алимлери айырылма азаларны теткъикъ этип, «табили муреккеп джумле» оларакъ, талиль этелер. Оларнынъ фикирлерини тенкъит эткен Потенбя А.А. бойле къысымларны, «джумле азасы» оларакъ, Пешковский А.М. исе, «экинджи дередже аза» киби, къайд эте. XX асырнынъ орталарында бойле азалар «уточняющие, поясняющие члены предложения» истилаласынен адланалар. Украин тильшынасларнынъ фикирлерине коре, экинджи дередже азасы, оборот шеклинде келип, джумлелерни коммуникатив севиюде кенишлете [1, с.160].

Тюркий тиллерде, айырылма азалар бир сыра лисаншынас алимлер тарафындан теткъикъ этильди [9]. Закиев М.: «... джумледе хабер берген меркез – предикатив негиздир. Лякин предикатив меркез пек аз малюмат бере. Шу себептен, нуткъумызда малюматларны муайенлештириджи васталар, яни янъы синтактик къурулышлар, пейда ола», – деген фикирни беян эте [3, с.223]. Байрамова А.К. айырылма азаларны татар тилинде, «уточняющие, поясняющие члены предложения» истиласына эсасланып, «аныклагъыч» сёзюнен адландыра [4, с.54].

Къырымтатар тилинде дженктен эвельки девирде А.Ислямов [5], дженктен сонъ Э.В. Севортян [6], Акъмоллаев Э.С. [7] бир сыра дерслик ве макъалелерде айырылма азаларнынъ грамматик аляметлерини изаладылар. Э.С. Акъмоллаев «Къырымтатар тилининъ амелияты» дерслигинде: «Айырылма аллар иш-арекетнинъ беджерилюв тарзыны, вакътыны, себебини, шартыны, макъсадыны, тенъештирме ве керилеме маналарыны ифаде этер. Языда айырылма аллар вергул-лернен айырылалар», – деген къайдени бере [7, с.75].

Къырымтатар тилинде мезкюр меселе терен, тавсиятлы суретте огренильмегени себебинден, бу макъалемизде айырылма алларнынъ грамматик, коммуникатив ве семантик аляметлерини талиль этип, хусусиетлерини теткъикъ этмекни огюмизге, макъсат оларакъ, къойдыкъ. Макъсадымызгъа иришмек ичюн, бир сыра тедбирлер кечирдик: бу меселе боюнджа лисаниетте олгъан менбаларны огренип чыкътыкъ; бедий эдебияттан айырылма алларнен кельген джумлелерни сайлап, оларнынъ семантик маналарыны ве коммуникатив, грамматик аляметлерини талиль эттик.

Коммуникатив ве семантик аляметлерини козетюв ве талиль этюв нетиджесинде, айырылма алларнынъ бир сыра хусусиетлерини къайд эттик:

1. Айырылма аллар джумледе, айырылмагъан аллардан фаркълы оларакъ, коммуникатив – семантика джеэттен мустакъильджедирлер. Бу мустакъиллик ашагъыдаки аляметлерде акс олуна:

а) айырылма аллар джумледе эсас сёзнен багълы олмайлар. Айырылма алларнынъ теркибинде кельген алфииллер мустакъиль олып, джумленинъ хаберинен багъланмай, къошма малюмат берелер. Месея: *Къой-эчкилер, бири-бирине башларыны къойып, ельнинъ увулдысына динъленелер* [15, с.87]. Бу джумледе айырылма алнынъ теркибинде кельген *къойып* алфиили мустакъиль олып, джумленинъ хаберинен багъланмай, онъа *ельнинъ увулдысына динъленегенде, башларыны бири-бирине къойгъаны акъкъында* къошма малюмат бере;

б) джумленинъ теркибинде айры грамматик бирлешме шеклинде келелер. Месея: *Бир кунъ, къалдырымдан кетеегъанда, ипраныкъ урбалы, атлет къыяфетли йигит Ислямнинъ къаршысына чыкъты* [15, с.135]. джумлесинде *къалдырымдан кетеегъанда* бирлешмеси *Ислям къалдырымдан кетеегъан* вакътыны изалай ве айры грамматик бирлешмени тешкиль эте;

в) семантика джеэттен, джумледе ифаделенген эсас фикирге муайенлештириджи, изалайыджи мана берелер. Месея: *Азиз, елькесиндеки чувалны ерлештирип, элини силькитип, аркъадашларына мураджаат этти* [13, с.59]. джумлесинде *Азиз аркъадашларына мураджаат эткени* акъкъында эсас фикир ифаделенген. Айырылгъан ал исе *елькесиндеки чувалны ерлештиргени, элини силькиткенини* изалай, муайенлештире.

2. Оборот шеклинде кельген айырылма аллар муайенлештирген сёзден сонъ келир, изалайыджи сёзге нисбетен постпозицияда ерлешелер. Месея: *Андан, чинарлар ятагъындан, таштан ясалгъан кираметли эвчиклер ай ярыгъында дюльбер корюне эдилер* [12, с.171]. *Бир кунъ, тамам бекленмеген бир вакъытта, Азизовнен расткелишитик* [12, с.41].

3. Айырылма аллар къошма, экинджи дередже иш-арекетни ифаделеген мана бильдирип, ярыпредикувативлик мунасебетини ифаделейлер. Ярыпредикувативлик – хабер бильдирген манагъа бакъкъанда, пек муим олмагъан, къошма мана бериджи, мунасебетни ифаделей. Бундан гъайры, айырылма аллар коммуникатив севиiede джумлени кенишлетелер. Месея: *Йыкъылгъан курешчи, ерден турмаздан эвель, нефес алдырмайып, барып, онынъ белине сарылмагъа башлады* [11, с.25]. джумлесинде айырылма аллар белли бир мана ифаделейлер: *ерден турмагъаны, нефес алдырмагъаны, баргъаны* акъкъында *сарылмагъа башлады* хаберине къошма малюмат берелер ве джумлени коммуникатив джеэттен кенишлетелер.

Бойлеликнен, айырылма алларнынъ синтактик, коммуникатив ве семантик хусусиетлерини теткъикъ этерек, ашагъыдаки къаидени тизмек мумкюн: **ярыпредикувативлик ве муайенлештириджи вазифени беджерген, джумлени коммуникатив севиiede кенишлетип, интонация ве пунктуация васталарынен айырылгъан алларгъа айырылма аллар дерлер.**

Ифаделенювине коре, айырылма алларнынъ талили шуны косьтерди ки, алларнынъ ашагъыдаки чешитлери джумле ичинде эксериетнен айырылалар:

1. Алфииллернен ифаделенген аллар. Алфиильнинъ грамматик аляметлерини изаларакъ, проф.А.Меметов ашагъыдаки фикирни беян эте: «Алфииль, эсасен, аркетни экинджи бир аркетнинъ бельгиси оларакъ анълаткъан, джумледе тарз, себеп, вакъыт алы, я да табили джумледе хабер вазифесини беджерген фииль шеклидир. Алфииль иш-аркетнинъ насыл тарзда япылгъаныны бильдире ве джумледе шахыс япкъан эсас аркетке къошма мана бере» [8, с.242]. *Темет, истер-истемез башыны котерип, Шерифовгъа бакъты* [14, с.31]. *Эмджем, Къырымгъа кочъмеден, бабамнен корюшип, лаф этти* [11, с.18].

2.Тюрлю келишлерде кельген исимлернен ве зарфларнен ифаделенген аллар. **Меселя:** *Узакъта, къаришы маалленинъ артында, тюфек сеслерине ошагъан сеслер эшитильди* [13, с.149]. *Мустафа, козьлери денъизге бакъкъан алда, къалын дудакълары арасындан шу сёзлерни фырлатты* [11, с.28].

3.«Ичюн, макъсадынен, коре» киби багълайдыжыларынен кельген себеп, макъсат, шарт аллары. *Ниает, джума акъшамы куню Азамат акъай ве эгизлер, ишке башламаздан эвель, акъыл танышмакъ макъсадынен, койнинъ бирден бир улемасы олгъан Ресуль эфендининъ эвине бардылар* [8, с. 242]. *Биз, кучълеримизни ольчештирмек ичюн, оларны ярышкъа чагъырамыз* [14, с.98].

Шуны къайд этмели ки, айырылма аллар бир сёзнен де ифаделенелер: *Анда, денъизде, дерсинъ, орталыкъны зиндан къаранлыгъы басты* [12, с.171]. *Этисини анда, сюрюде, тешкере билесингиз* [14, с.7]. *Мында, котлованда, комюр къазылмай* [11, с.32].

Семантика джеэттен айырылма алларны Э.С. Акъмоллаев ашагъыдаки чешитлерге тасниф эте: тарз, вакъыт, себеп, шарт, макъсат, тенъештирме ве керилеме [7, с.48].

Айырылма вакъыт алы иш-аркетнинъ олув вакътыны ве не къадар вакъыт девам эткенини бильде: *Тезден, январь айында, имтианлар да башланаджакъ* [11, с.169]. *Нефизе, тёшегинде тургъанынен, анасынынъ одасына кирди* [10, с.231]. *Аким, кунь чыкъкъангъа къадар, бу ишни битирмек керек* [10, с.164].

Айырылма тарз алы кърымтатар тилинде, башкъа тюркий тиллеринде олгъаны киби, иш-аркетнинъ хусусиетлерини, беджериллов тарз-алыны косътерир. *О, апансыздан тайып, ерге йыкъылды* [13, с.15]. *Нефизе, одагъа кирмеден, Мустафаны чагъырды* [12, с.123]. *Меселени тюшюммеден, Эрнест ишни девам этти* [15, с.138].

Айырылма себеп алы иш-аркетининъ беджериллов себеби я да вазиятини анълатыр, «ичюн», «себеп» деген мунасебетчилернен берабер кельген исимфииль, исим, зарфларнен я да чыкъыш келишинде кельген сёзлернен ве базы бир себеп манасыны анълаткъан алфииллернен ифаделенир: *Пек алсызлангъаны ичюн, о, бугуньки корюшювге келип оламады* [15, с.11].

Айырылма макъсат алы иш-аркетнинъ олув макъсадыны бильдирир ве *не ичюн?, не макъсатнен?* деген суаллерден бирине джевап олып келир: *Темет, эвден вакътында чыкъмакъ макъсадынен, эрте уянды* [14, с.16].

Айырылма шарт алы **иш-аркетининъ беджериллов шартыны** изалар: *Рустем, ярын эртедже кельсе, бу ишни битирир* [13, с.67].

Айырылма тенъештирме алы **джумленинъ эсас къысмында ифаделенген малюматны тенъештире** : *О, Асиеге бакъкъанда, муляйимдже лаф эте* [13, с.67].

Айырылма керилеме алы ифаделенген иш-аркет эсас къысымдакине кедер этсе де, оладжагъы ифаделенир: *Баягъы кеч къалсам да, мен топлашувгъа кельдим* [13, с.73].

Джумлелерде ифаделеген семантик маналарны талиль этип, къырымтатар тилинде айырылма алларнынъ даа бир сыра чешитлерини къайд эттик:

Айырылма ер алы. Ер алыны ашагъыдаки чешитлерге тасниф этмек мумкюн :

1) иш-арекетнинъ беджерильген ерини муайенлештирген аллар: *Анда, дагънынъ этегинде, чинарлар ята. Мында, тѣпелик устюнде, таштан ясалгъан кираметли эвчиклер дюльбер корюне эдилер* [14, с.12].

2) беджерильген арекетнинъ умумий тарафыны изалагъан аллар, озь невбетинде, учь чешитке болюнелер:

а) беджерильген арекетининъ башлангъыч ерини косьтерген аллар:

Мындан, университетнинъ бинасындан, студентлер догъру ятакъханеге ъл алдылар [10, с.15]. *Ашагъыдан, биринджи къаттан, редакция хадимлерининъ сеслери эшитильди* [14, с.12].

б) беджерильген арекетининъ сонъки ерини бильдирген аллар: *Олар койдеки сонъки бинагъа, Алиме яшагъан эвге, кельдилер* [14, с.98].

3) иш-арекетнинъ ълуны муайен косьтерген аллар: *Музаффар тышарыгъа, кенъ мейданлы азбаргъа, чыкъкъан* [13, с.38]. *Энвер дурбинины козюне якъынланштырып, ашагъы, койлюлер келеяткъан тарафкъа, бакъты* [13, с.88];

Айырылма микъдар-дередже аллары иш-арекетнинъ олув микъдарыны ве дереджесини я да ольчюнен багълы маналарны муайенлештирелер: *Дава пек чокъ, секиз саат къадар, девам этти* [13, с.287].

Айырылма ошатув аллары джумленинъ эсас къысмындаки мананы ольчештирелер, ошатув манасыны изалайлар: *Бабасына бенъзеп, Рустем юксек бойлу, дюльбер йигит олды* [12, с.93].

Бойлеликнен, айырылма алларнынъ грамматик, коммуникатив, семантик аляметлерини талиль этерек, биз ашагъыдаки нетиджелерни чыкъардыкъ:

1. Айырылма аллар джумледе, айырылмагъан аллардан фаркълы оларакъ, коммуникатив – семантика джеэттен мустакъильджедилер.

2. Оборот шеклинде кельген айырылма аллар муайенлештирген сѣзден сонъ келир, изалайдыкы сѣзге нисбетен постпозицияда ерлешелер.

3. Айырылма аллар къошма, экинджи дередже иш-арекетни ифаделеген мана бильдирип, ярыпредицивлик мунасебетини ифаделейлер.

Демек, ярыпредицивлик ве муайенлештириджи вазифени беджерген, джумлени коммуникатив севиюде кенишлетип, интонация ве пунктуация васталарынен къайд этильген алларгъа айырылма аллар дерлер.

Нетидже. Къырымтатар тилинде алларнынъ ашагъыдаки чешитлери джумле ичинде эксериетнен айырылалар: алфиилернен; тюрлю келишлерде кельген исимлернен ве зарфларнен ифаделенген, багълайыджыларнен кельген себеп, макъсат, шарт аллары.

Семантика джеэттен, айырылма алларны ашагъыдаки чешитлерге тасниф этмек мумкюн: вакъыт, тарз, себеп, макъсат, шарт, тенъештирме, керилеме, микъдар-дередже, ошатув, ер (иш-арекетнинъ беджерильген ерини; тарафыны: башлангъыч, сонъки ерини; ълуны ифаделеген) аллары.

Къулланылгъан эдебият

1. Шульжук, К. Ф. Синтаксис украинської мови. К. : Академия, 2004. – 408с. – ISBN 966 580 173 2

2. Слинко, И. И. Синтаксис сучасної української мови : Проблемні питання. [Текст] І. І. Слинко, Н. В. Гуйванюк, М. Ф. Кобилянська. – Київ, 1994. – 328с.
3. Закиев, М. З. Синтаксический строй татарского языка. [Текст] – Казань, 1966.
4. Байрамова, Л. К., Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков. [Текст] / Л. К. Байрамова, Ф. С. Сафиуллина. – Казань : изд-во Казан. ун-та, 1989. – 196с.
5. Ислямов, А. Татар тилининь грамматикасы. Синтаксис. [Текст] – Симферополь : КъАССР девлет нешрияты, 1940. – 120с.
6. Севортян, Э. В. Крымскотатарский язык [Текст] // Языки народов СССР, т.2. – Москва : Наука, 1966. – 432с.
7. Акмоллаев, Э. Кърымтатар тилининь амелияты. Синтаксис. [Текст] – Ташкент : Укьитувчи, 1989. – 160с. – ISBN 5 645 00686 0
8. Меметов, А. Земаневий къырымтатар тили. [Текст] – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2006. – 320с. – ISBN 966 354 025 7
9. Грамматика азербайджанского языка. /Фонетика, морфология, синтаксис/ [Текст] Под ред. М.Шералиева, Э.В.Севортяна.–Баку, 488с.; Решетов, В.В. Основы фонетики, морфологии и синтаксиса узб. языка [Текст] /Учебник для филол. фак. ун-тов историко-филолог. фак-тов пед. [Текст] / – Т. : Учитель, 1965 – 244с.; Алиев, У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. [Текст] – М.: изд-во «Наука», 1972. – 351с.

Бедий эсерлер

10. Алядин, Ш. С. Ер делиджелер. Эдебий-бедий макъалелер. [Текст] – Т.: Гъ. Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1991. – 248с.
11. Алядин, Ш. С.. Рузгярдан саллангъан фенерлер. [Текст] – Т.: Гъ. Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1969.
12. Октябрь ёлунен. Шиирлер, поэмалар, икяелер, очерклер. [Текст] – Т. : Гъ. Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1968. – 422с.
13. Осман, А. Тутушув. Роман, повестьлер. [Текст] - Т.: Гъ. Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1988. – 400с.
14. Паши, И. Джанлы нишан. Роман, повесть. [Текст] – Симф.: «Таврида» нешрияты, 1998. – 207с.
15. Тынчеров, Р. Сайлама эсерлер. [Текст] – Т. : Гъ. Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1975. – 305с.

Алиева Л. А. Деякі особливості відособлених обставин в сучасній кримськотатарській мові

У статті розглядаються проблеми, пов'язані з граматичними, семантичними, комунікативними ознаками відособлених обставин в сучасній кримськотатарській мові.

Ключові слова: синтаксис сучасної кримськотатарської мови, граматичні, семантичні, комунікативні ознаки відособлених обставин, класифікація .

Alieva L. A. Some features of the isolated circumstances are in a modern Crimean Tatars language

Problems, related to the grammatical, semantic, communicative signs of the isolated circumstances in a modern Crimean Tatars language, are examined in the article.

Key words: syntax of modern Crimean Tatars language, grammatical, semantic, communicative signs of the isolated circumstances, classification.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

МЕТАФОРА БОЛЮ ТА НЕПРИЄМНИХ ВІДЧУТТІВ З ДІЄСЛОВОМ «КЪЫМЫРЧИМЕК» У КРИМСЬКОТАТАРСЬКІЙ МОВІ

Тищенко-Монастирська О.

У статті проаналізовано один зі способів позначення болю у кримськотатарській мові, що відображає специфіку мовної картини болю. Проведено типологічні узагальнення закономірностей мовної репрезентації болю та механізмів семантичної деривації. Завдяки діалектному матеріалу і етимологічним даним визначено напрямок семантичного зсуву та парадигматичні властивості морфологічних форм.

Ключові слова: концептуалізація болю, кримськотатарська мова, метафоризація.

Вступ. Семантичні зони, що становлять джерельну базу для лексики болю, виявляють до певної міри подібність у різних мовах (див. дослідження [1-3]). Досліджуючи кримськотатарський матеріал, ми звернули увагу на схильність мови обирати певну стратегію як загальну характеристику її конструкцій болю. В рамках цього дослідження було зібрано унікальні для даної мови метафори, запозичені з інших лексичних полів (як наприклад, звуку, руху, втрати функціональності тощо), які відображають особливості мовної картини світу кримських татар (детальніше у [Тищенко-Монастирська, 2009]). Слід зазначити, що усі ці предикати можуть використовуватися для позначення болю чи неприємних відчуттів лише у складі певних конструкцій. Таким чином можна говорити про зв'язок значень багатозначного слова з певним контекстом. У рамках цієї статті ми пропонуємо звернутися до однієї конструкції: *богъазым къымырчий* 'дере у горлі', яка є наочним прикладом метафоризації фізичної сфери болю. Пропонуємо на прикладі цієї конструкції розглянути морфологічні та синтаксичні особливості вживання предиката, що й формують контекст болю¹.

За даними інформантів предикат *къымырчимек* (дехто з науковців подає *къымырчимакъ* див. [5, с. 129]) є спеціальним словом на позначення болю в горлі. Великий кримськотатарсько-російсько-український словник О. М. Гаркавця, С. М. Усеїнова [6, с. 440] фіксує такі значення, як рос. «першить, саднить», укр. «дерти, свербіти, дряпати», проте прикладом ілюструє лише семантичне поле, що в російській мові відповідає «першить», в українській – «дерти»: *богъазым/тамагъым къымырчий* «у мене дере в горлі». Причому конструкція складається з іменника з афіксом посесивності в ролі суб'єкта, що виконує функцію підмета: Nom <Poss> + V <Pres>. У Російсько-кримськотатарському кримськотатарсько-російському словнику С. М. Усеїнова подаються аналогічні значення [7, с. 186, 431]. Ймовірно, саме під впливом російсько-

¹ Принагідно висловлюємо вдячність усім інформантам, що взяли участь в анкетуванні та надали цінний матеріал сучасного розмовного вживання досліджуваної лексики, а також спеціалістам у даній галузі, зокрема викладачеві Н. С. Сейдаметовій (Кримський інженерно-педагогічний університет), яка дала корисні зауваження стосовно семантики та вживання кримськотатарських предикатів болю. Однак відповідальність за викладення та трактування конкретних прикладів несе автор статті.

го «першити», слова з вузькою валентністю, у кримськотатарській мові звузилося значення предиката *къымырчимек*.

При моделюванні прототипних ситуацій, пов'язаних з фізичним болем, можуть виявитися корисними діахронічні, в тому числі етимологічні дані. Не зважаючи на наявність регулярних відповідностей, дієслово не має загальноприйнятої етимології, а для семантичної реконструкції бракує вихідного конкретного значення, на базі якого сформувалася семантика негативної оцінки. Прірва між розумінням пов'язаного з внутрішньою перцепцією дієслова у представників різних діалектів кримськотатарської мови і спонукала нас зайнятися пошуками можливих етимологій. Для цього ми вирішили звернутися до діалектного матеріалу та етимологічних словників. ЭСТЯ пояснює походження лексеми, що у кримськотатарській мові функціонує у фонетично зміненій формі *къырмыскъа* „мураха”, яка реконструюється етимологами як **къымырсага*, дієслівною основою **къымырса-*, що представлена у туркменській мові *къымырса-* зі значенням „повзати, ворухитися” (про комах). Дієслівна основа містить імітатив **къым, къы:м*, що входить до складу туркменської *къы:мыл* (звук, що наслідують повзання комах), турецьких діалектів *kitiş-* (ворохобитися від комах), узбецької *қимир ет-* (ворухитися, рухатися). Семантичний зв'язок „мураха – ворухитися” зберігся в якутській мові [8, с. 140]. Якщо повернутися до предиката *къымырчимек*, ареалом функціонування якого, схоже, є кипчацькі мови, то етимологічний матеріал ілюструє семантичний перехід від дієслова руху до дієслова стану. За даними анкетування, мешканці або вихідці з гірської частини Криму (Бахчисарайський р-н) та інші носії так званого *орта йолакъ* знають лише вторинне значення слова, розглянутого вище. Проте дослідження говірок степового діалекту, а саме інтерв'ювання мешканців с. Гронове Чорноморського р-ну, а також вихідців з Красноперекопського та Євпаторійського р-ну дали несподівані пояснення семантики *къымырчимек* – «метушитися», «процес, викликаний дією мурах, комах, дрібних істот» тощо.

Зосередженість навколо ідеї чесання, свербіння, дертя підтверджує синонімічна конструкція, що її в більшості випадків наводили інформанти, з дієсловом *къашынамакъ* „чесати, свербіти”. Наприклад, *Бурну къашына* (У нього свербить ніс); *Тери къашына* (Шкіра чешеться) тощо. За первинним значенням цей предикат передбачає використання квазіінструментів, таких як пальці, нігті. Отже, іншою причиною звуження семантики дієслова *къымырчимек* могла стати саме близькість цієї конструкції. Представляючи клас процесів (дія інструментом та квазіінструментом), ці дієслова при переході в больову зону потребують переходу в інший аспектуальний клас, що передбачає стативізацію нестатичних у вихідному значенні дієслів. Це потребує особливого морфологічного маркування запозичуваних лексем.

Таким чином, ми маємо семантику неприємного відчуття свербіння, дряпання у горлі у більшості носіїв мови і, як наслідок, функціонування в цьому значенні, та процес метушіння, умовно кажучи, у північно-західних говірках Криму, що дає підстави визначити приналежність дієслова *къымырчимек* до кипчацького ареалу. Це підтверджують також дані татарської мови, де маємо досить широкий спектр функціонування цього дієслова. Наприклад:

(1) Küftilinde haman sikke ohşaş nerse *kımırjıy* [Flus Latıyfi] (Всередині схоже на підозру якесь почуття *бродило* (в значенні *кружляло, циркулювало*)).

(2) Arkası buylap eliden-eli salkın *kımırcı* yöğirip uza [Emirhan Eniki] (Час від часу зі спини холод викликав сухий *кашель* (букв. *першіння, дертя*)).

(3) Yatıp küzleren yomuga, ul, salkın bir çofıgilga batkanday, başta tunıp kitte, *kımırcıp*, akgın gına kaltırana başladı [Emirhan Eniki] (Лежачи з заплющеними очима, він лежав і трясся, немов пірнув в холодну воду).

Словник В. В. Радлова маркує лексему поміткою „казанскотатарский” та наводить значення „блевать, першить” [9, с. 853-854], проте сучасний словник дає значення „1) зудеть, свербеть; 2) першить, саднить” [10, с. 310]. Окрім суб’єктних конструкцій у татарській мові фіксуються також безособові: *кымыржыту* [там само]. У будь-якому разі ці дані зі спорідненої мови суперечать думці про приналежність до власне кримськотатарської лексики, висловленій у [11, с. 129]. Вживання дієслова *кымырчимек* у першому названому В. В. Радловим значенні у кримськотатарській мові не зафіксовано. До того ж функціонування дієслова *кымырчимек* у кримськотатарській значно вужче, порівняно з татарською мовою. Характерним є те, що у кримськотатарській мові в даному випадку біль сприймається як фізична категорія і не переходить у царину почуттів, на відміну від татарської мови (див. приклад 1: Приклади цитовано за антологією тюркської літератури *Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. Tatar Edebiyatı 17.-18.-19.Ciltler*, виданої та викладеної латинкою на сайті <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr> [12]). Цим дієсловом у кримськотатарській можуть позначатися тільки больові відчуття у запаленому горлі, грудях внаслідок алергії, застуди, а також неприємні відчуття від подразнень на тілі, ран. Наприклад:

(4) Богъаз-ым кымырчи- й.

Горло- мій-Nom. дерти- Pres.3 ос.

(У мене дере в горлі; букв. Моє горло дере).

(5) Тамагъ- ым кымырчи- й.

Горлянка- мій-Nom. дерти- Pres.3 ос.

(Мені свербить у горлянці; букв. Моя горлянка дере).

(6) Яра- йым кымырчи- й.

Рана- мій-Nom. дерти- Pres.3 ос.

(Моя рана свербить).

Як показують приклади обох кипчацьких мов, прослідковується певна семантична однорідність, яка вказує на те, що вихідним значенням є неперехідна конструкція зі стативним значенням „відчувати біль, дертя, свербіж”. До певної міри цей спосіб перебудови дієслова (тобто перехід у больову зону зі стативізацією) є ключовим, оскільки біль становить собою безперервне тривале відчуття і, відповідно, концептуалізується саме як стан. І дійсно, дуратив поєднує стани і процеси, відображаючи ідею тривалості і в тих, і в інших [13, с. 301]. Дієприслівникова форма розглядуваного дієслова на *-н*, що зафіксована у татарській мові, однак не функціонує у кримськотатарській, надає відтінку дії з обмеженням, наприклад: *кымыржып авъырту* (букв. болить дряпаючи), що зміщує предикат від дуративності до результативності дії з перфектною семантикою. Проте основною в даному випадку є дура-

тивна стратегія. Поза тим схильність до дуративних чи результативних конструкцій не носить універсального характеру, інакше кажучи, існують зони виключень у морфологічному оформленні, що відхиляються від основних тенденцій. У розподілі цих зон важливу роль відіграє семантика вихідних дієслів та особливості ситуації в цілому. Очевидно, зона перетину дієприслівникової та дієслівної конструкцій виділяє ядро області – біль, найімовірніше зумовлений не зовнішніми, випадковими причинами, а внутрішніми системними порушеннями (див. розгляд іменних, дієприкметникових та дієприслівникових конструкцій [14]).

Оскільки в нашому випадку внаслідок лексичної перебудови відбулася втрата зв'язку з лексемою-джерелом, є сенс говорити про розвиток спеціального слова для больової метафори, що пов'язане з семантикою роїння комах. Відмінність його від інших предикатів болю полягає в тому, що воно має обмежену сполучуваність з іменниками на позначення частин тіла, в даному випадку горло, горлянка та рани. Зіставивши лексичну область дієслова *кьымырчимек*, яка об'єднує дві мови, можна стверджувати, що семантичний зсув відбувся в напрямку суб'єкт – його дія. З етимологічної точки зору предикат слід розміщувати у семантичній зоні руху, проте сучасне вживання дієслова змістило його в групу дії інструментом, на що й указує лексичне значення „дерти, свербіти, дряпати” на позначення інтроспективних больових відчуттів. Показовим є висловлювання у третій особі замість безособових конструкцій, що вказує на зміну перспективи. Підметом-експерієцером є власне частина тіла, що відчуває дискомфорт. Таким чином, механізм перебудови вихідної синтаксичної конструкції у семантичну область больової зони відбувається з фіксацією у певній морфологічній формі з новими парадигматичними властивостями, а точніше з частковою втратою своєї аспектуально-темпоральної парадигми.

Висновки. Отже, спостереження над семантичною зоною предикатів болю дають можливість прояснити уявлення про закономірності процесів в області лексики та прослідкувати в історичній перспективі зв'язок між значеннями окремих слів та конструкцій, які вони утворюють.

Список літератури

1. Садовникова Р. И. Боль и части человеческого тела [Текст] / Р. И. Садовникова // Труды Междунар. семинара Диалог'2002 по комп. лингвистике и ее приложениям. – М: Наука, 2002.
2. Lascaratou Ch. Language of Pain: Expression or Description [Текст] / Ch. Lascaratou. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2007.
3. Резникова Т. И. Глаголы боли в свете Грамматики конструкций [Текст] / Т. И. Резникова, А. А. Бонч-Осмоловская, Е. В. Рахилина // НТИ, сер. 2. – № 4. – 2008.
4. Тищенко-Монастырская О. Метафоры боли в крымскотатарском языке [Текст] / О. Тищенко-Монастырская // Концепт *боль* в типологическом освещении. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 281–313.
5. Усеинов К. А. Къырымтатар тили. Фонетика. Лексикология. Фразеология. Лексикография [Текст] / К. А. Усеинов, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. – Симферополь: СОНАТ, 2001.
6. Гаркавец А. Н. Большой крымскотатарско-русско-украинский словарь. Т. 1 [Текст] / А. Н. Гаркавец, С. М. Усеинов. – Симферополь: СОНАТ, 2002.
7. Усеинов С. М. Русско-крымскотатарский, крымскотатарско-русский словарь [Текст] / С. М. Усеинов. – Симферополь: ИД «Тезис», 2007.

8. Этимологический словарь тюркских языков: Общeturкские и межтюркские основы на букву «К» [Текст] / Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. – М., 2000.
9. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2 [Текст] / В. В. Радлов. – СПб: [б.в.], 1899.
10. Татарско-русский словарь. Около 38 000 слов [Текст] / Казанский институт языка, литературы и истории. – М.: Изд-во „Советская энциклопедия”, 1966.
11. Усеинов К. А. Кырымтатар тили. Фонетика. Лексикология. Фразеология. Лексикография [Текст] / К. А. Усеинов, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. – Симферополь: СОНАТ, 2001.
12. Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi. Tatar Edebiyatı 17.–18.–19. Ciltler [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ekitap.kulturturizm.gov.tr>
13. Плуноян В. А. Общая морфология [Текст] / В. А. Плуноян. – М.: УРСС, 2000.
14. Тищенко-Монастырская О. Метафоры боли в крымскотатарском языке [Текст] / О. Тищенко-Монастырская // Концепт *боль* в типологическом освещении. – К.: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2009. – С. 281–313.

Тищенко-Монастырская О. А. Метафора боли и неприятных ощущений с глаголом «кымырчимек» в крымскотатарском языке

В статье автор анализирует один из способов обозначения боли, отображающий специфику языковой картины боли в крымскотатарском языке. Проводится типологическое обобщение закономерностей языковой репрезентации боли и механизмов семантической деривации. Диалектный материал и данные этимологии позволили определить направление семантического сдвига, а также парадигматические особенности морфологических форм.

Ключевые слова: концептуализация боли, крымскотатарский язык, метафоризация.

Tyschenko-Monastyrskaya O. O. The Metaphor of Pain and Disagreeable Sensation with Verb kimirčimek in Crimean Tatar

One of the ways to define the pain in Crimean Tatar which reflects also language seeing the pain is described in the article. The author integrates typological patterns of pain representing in language as well as semantic derivation mechanisms. Dialects and etymological data allowed defining semantic. The features of morphological forms have been observed.

Key words: conceptualization of pain, Crimean Tatar language, metaphor.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК: 81'1:81'373.7:811.512.19

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ РАЗЛИЧНЫЕ ОЩУЩЕНИЯ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Джелілов А. А.

В статье рассматриваются фразеологические единицы крымскотатарского языка, относящиеся к семантической группе “ощущение”. Проводится классификация фразеологизмов в соответствии с видами ощущений.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, фразеология когнитивной сферы деятельности человека, семантические группы фразеологических единиц, процесс ощущения.

Введение. Когнитивизм – это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые связаны с ним. Это наука знания и познания, о восприятии мира в процессе деятельности людей.

Процессы, связанные с получением знания и переработкой информации, называются когнитивными, или когницией. Их синонимами также являются слова «интеллектуальный», «ментальный», «рассудочный». [10, с. 7 – 9].

Когниция – основное понятие когнитивной лингвистики, оно охватывает знание и мышление в их языковом воплощении, поэтому когниция и когнитивизм оказались тесно связаны с лингвистикой.

Когнитивная лингвистика вместе с когнитивной психологией призвана ответить на вопросы о том, как язык репрезентирует ментальное пространство, каким видят мир разные люди и нации и как эти различия выражаются в их языке и речи. [9, с. 20 – 27].

В современном языкознании когнитивная лингвистика занимает активную позицию. Особого внимания заслуживают современные научные труды, посвящённые исследованиям когнитивной семантики на материале языков родственных и неродственных [1; 3; 6; 9; 12; 14; 16; 19].

Крымскотатарский язык, располагающий довольно большим лексико-фразеологическим фондом, остро нуждается в исследованиях с позиции когнитивной лингвистики.

Фразеологией крымскотатарского языка, её сбором и систематизацией на протяжении долгих лет занимался известный учёный Усеин Куркчи. Его рукописные фразеологические словари (толковый и переводный) хранятся в Республиканской крымскотатарской библиотеке имени И. Гаспринского, г. Симферополь. Часть фрагментов толкового фразеологического словаря (буквы А – К) были опубликованы на страницах журнала «Йылдыз» с 1987 по 1989 годы под общим названием “Сёз бирикмелери” [19, с. 5].

Среди современных исследований, посвящённых крымскотатарской фразеологии, следует отметить работы профессора А.М. Эмировой, касающиеся различных аспектов изучения фразеологической семантики крымскотатарского и русского языков, а также изданный в 2004 г. «Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь», которые явились весомым вкладом в развитие крымскотатарской фразеологии [14, с. 252 – 256; 19, с. 3 – 15].

Цель статьи: выявить и охарактеризовать семантическую группу фразеологических единиц крымскотатарского языка, характеризующих различные ощущения.

При воспроизведении и актуализации фразеологических единиц, говорящий всегда обращается к семантическим, тематическим и ассоциативным полям. Понятийные и ассоциативные поля являются той когнитивной «упаковкой», в которой систематизируются и хранятся знания говорящего о внешнем мире, накопленные им в процессах практической и познавательной-классифицирующей деятельности [13, с. 58].

В данной работе в основу рубрикации фразеологических единиц положена разработанная профессором А.М. Эмировой классификация, соответствующая номенклатуре когнитивных процессов [13, с. 70 – 76]. Языковой материал выбирался из толковых, переводных и фразеологических словарей крымскотатарского языка [4; 7; 17 – 19]. Идиомы репрезентируются следующим образом: инвариантная форма ФЕ, её буквальное значение, толкование, эквивалент или аналог.

Фразеология когнитивной сферы деятельности человека разделена на следующие группы: фразеологические единицы, обозначающие различные ощущения, процессы восприятия, памяти, воображения, мыслительной деятельности и умственных способностей человека, а также характеризующие речевую деятельность человека.

В данной работе подробно рассматривается семантическая группа ФЕ, обозначающих различные ощущения (кр. тат. – *дуюв*).

В современной психологической науке под ощущением понимается психофизический процесс чувственного отражения отдельных свойств явлений и предметов объективного мира при непосредственном воздействии различных стимулов на органы чувств и возникающее в результате указанного процесса субъективное психическое переживание силы, качества, локализации и других характеристик воздействия на органы чувств [20, с. 271].

Многообразие ощущений отображает качественное многообразие окружающего мира. Ощущения человека опосредствованы его практической деятельностью, всем процессом исторического развития общества. В качестве источника знаний человека об окружающем мире ощущения входят в целостный процесс познания, образуя чувственную ткань человеческого сознания [20, с. 272 – 275].

Ощущения часто сопровождаются эмоциями, совместно с которыми они составляют фундамент познавательной деятельности человека, поэтому в содержании идиом, обозначающих различные внешние, внутренние и смешанного характера (внешне-внутренние) ощущения, может быть указание на определённую эмоцию.

В данной группе ФЕ, можно выделить идиомы выражающие тактильные ощущения холода – *дыр-дыр къалтырамакъ* (букв. дрожать дыр-дыр) ‘замёрзать от хо-

лода, зуб на зуб не попадает'; *буз-бузламакъ* (букв. как лёд застыть) 'замёрзнуть, застыть от холода' и др.

Различные внутренние (мышечно-суставные, вибрационные и статико-динамические) ощущения выражаются следующими фразеологизмами: *башы агъыр олмакъ* кимнинь (букв. голова стала тяжелой у кого) 'плохо себя чувствовать, голова стала тяжелой'; *башы айланмакъ* кимнинь (букв. голова кружится у кого) 'испытывать головокружение, голова идёт кругом'; *къолларындан айырылмакъ* (букв. руки отнимаются у кого) 'очень устать от работы, руки отваливаются у кого'; *манълай тери тѣкмек* ким (букв. проливать пот со лба) 'затратить много усилий для выполнения чего-либо, пролить семь потов'; *козюне къаранлыкъ басмакъ* кимнинь (букв. темнота наступила в глаз) 'испытать сильное утомление, темнеет в глазах у кого'; *козьлери оюлып кетмек* кимнинь (букв. глаза впали у кого) 'очень устать от тяжелой работы'; *зорнен аякъта турмакъ* (букв. еле держаться на ногах) 'очень устать от работы, кое-как на ногах стоять'; *аякъларындан айырылмакъ* (букв. отделиться от своих ног) 'быть усталым, не чувствовать ног' и др.

Органические ощущения, возникающие вследствие сдвигов, происходящих во внутренней среде организма характеризуются следующими ФЕ: ощущение голода, жажды – *ачтан ольмек* (букв. умирать от голода) 'быть очень голодным, умирать с голоду'; *копек киби ач олмакъ* (букв. быть голодным как собака) 'сильно проголодаться, быть голодным как волк'; *агъызына бир чѣп биле алмамакъ* (букв. во рту не было и щепки) 'кто-либо ничего не ел, не пил, маковой росинки во рту не было'; *аш дамары [тамырлары] ачылмакъ* кимнинь (букв. открылся пищевод) 'начинать испытывать сильный голод, проголодаться, разгулялся аппетит у кого'; *силикейлери акъмакъ* – (букв. слюнки текут) 'кто-либо испытывает сильное желание поесть, слюнки текут' и др.

Внешние ощущения (зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные) передаются такими фразеологическими единицами:

- зрительные ощущения: *козъге илишимек* (букв. прицепиться к глазу) 'останавливать на себе чѣ-либо внимание, бросаться в глаза' и др.;
- вкусовые ощущения: *дады-тузы ѳкъ* (букв. нет ни вкуса, ни соли) 'не вкусный'; *зеэр киби* (букв. как яд, отравка) 'очень острый, острый как перец'; *дадыны [лезетини] алмакъ* (букв. пробовать на вкус) 'постепенно проявить всё больший интерес к чему-либо, ощущая удовольствие, входить во вкус'; *агъызгъа алынаджакъ шей дегиль* (букв. в рот нельзя взять) 'что-либо очень горькое, кислое, и в рот не возьмѣшь'; *лезети агъызында къалмакъ* кимнинь, ненинь (букв. вкус остался во рту) 'что-либо очень вкусное, вкус остался во рту' и др.;
- слуховые ощущения: *тик кельмек* (букв. приходит грубым, резким) 'производит неприятное впечатление на слух, ухо режет'; *юрегине [джанына] тиймек* (букв. затронуть сердце, душу) 'сильно, глубоко волновать, тревожить, брать за душу';
- обонятельные: *башыны тутмакъ* (букв. охватить голову) 'кружить голову от резкого запаха, затхлого воздуха'; *бурныны йыртмакъ* кимнинь – (букв. порвать нос кого, чей) 'ощутить резкий запах чего-нибудь' и др.

Выводы. Фразеосемантическая группа «ощущение» включает в себя идиомы, характеризующие следующие виды ощущений: тактильные, внутренние (мышечно-суставные, вибрационные и статико-динамические), органические (возникают вследствие сдвигов, происходящих во внутренней среде организма: голод, жажда) и внешние (зрительные, слуховые, вкусовые, обонятельные).

Особого внимания заслуживает лексический состав идиом. Семантическая характеристика отдельных подгрупп ФЕ тесно связана с их составляющими – лексическими элементами. Это в основном соматизмы, которые символизируют тот или иной когнитивный процесс [13, с. 78]. Элементами фразеосемантической группы “ощущения” являются ФЕ с компонентами *баши, козь, агъыз, къулакъ*, обозначающими вид анализатора.

Список литературы

1. Аюпова Р.А. Семантическое поле “любовь и ненависть” в русской и английской фразеологии / Р.А. Аюпова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: 2003. – Т. 2. – С. 121 – 123.
2. Болдырев Н.Н. Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты / Н.Н. Болдырев // Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии). Тамбов: Издательство Тамбовского университета, Издание 2-ое стереотипное, 2001. – С.5 – 18.
3. Галиуллина К.Р. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, ориентированных на человека в русском и английском языках. / К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань, Издательство КГУ, 2003. – Т. 2. – С.121 – 123.
4. Девлетов Р.Р. Русско-крымскотатарско-украинский фразеологический словарь для начальных классов / Р.Р. Девлетов. – К.: Пед. думка, 1999. – 27 с.
5. Карасик В.И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов. Антология концептов. Т.1. / В.И. Карасик., Г.Г. Слышкин – Волгоград, 2005. – С.13 – 15.
6. Кубединова Л.Ш. Особливості фразеологічної мікросистеми “Мовлення” (на матеріалі субстантивних та дієслівних фразеологічних одиниць російської, кримськотатарської та англійської мов): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.15 “Загальне мовознавство”/ Л.Ш. Кубединова. – Донецьк, 2008. – 20 с.
7. Куркчи У. Сёз бирикмелери / У. Куркчи // Йылдыз. Ташкент, 1987, №№ 1 – 4, 6; 1988, №№ 1, 3, 4; 1989, №№ 1, 2.
8. Куртсеитов А.М. Къырым татар тили фразеологиясынынъ пейда олув ёллары ве семантик джеэтинден бирлешюви. Къырымтатар тилининъ къыска фразеологик сёзлюги / А.М. Куртсеитов. // Йылдыз. – 1995. – № 5 – 6. – С. 77 – 86.
9. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. – Киев: Знання, 2004. – 326 с.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
11. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. / З.Д. Попова, И.А. Стернин – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – С. 3 – 5.
12. Шараева Г.З. Сопоставительный анализ способов объективации концепта «Истина» в английской и татарской языковых картинах мира: автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.19 “Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание” / Г.З. Шараева. – Казань, 2007. – 24 с.
13. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А.М. Эмирова. – Ташкент: ФАН, 1988. – 86 с.

14. Эмирова А.М. Аспекты сопоставительного изучения фразеологической семантики / А.М. Эмирова. // Проблемы зіставної семантики. Збірник наукових статей. Випуск 7/ Відп. ред. Кочерган М.П. – К.: Вид. центр КНЛУ. – 2005. – С. 252 – 256.
15. Janssen T. Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology / T. Janssen, G. Redeker. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter. – 1999. – 270 p.
16. Rosh E. Cognitive representation of Semantic Categories / E. Rosh // Journal of Experimental Psychology. – 104. – 1975. P. 27-48.
17. Айтымлар лугъаты (тургъун сѣз бирикмелери) / [авт.-сост. Озенбашлы Э.] – Симферополь: Доля, 2008. – 120 с.
18. Крымскотатарско-русский словарь / [авт.-сост. Усеинов С.М.]. – Симферополь: Оджакъ, 2005. – 396 с.
19. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / [авт.-сост.: Эмирова А.М.] – Симферополь: Доля, 2004. – 176 с.
20. Современный психологический словарь / [под. ред. Б.Г. Мещерякова и др.]. – СПб.: прайм-Евро-Знак, 2007. – 490 с.

У статті розглядаються фразеологічні одиниці кримськотатарської мови, що відносяться до семантичної групи “відчуття”. Проводиться класифікація фразеологізмів відповідно до видів відчуттів.

Ключові слова: кримськотатарська мова, фразеологія когнітивної сфери діяльності людини, семантичні групи фразеологічних одиниць, процес відчуття

The article deals with phraseological units, related to the semantic group “feeling” in the Crimean Tatar language. It shows the classification of phraseological units according to the types of feeling activity.

Key words: the Crimean Tatar language, phraseology of person’s cognitive processes, semantic groups of phraseological units, feeling process.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.2

ХУДОЖНЄ ОСЯГНЕННЯ КРИМСЬКОТАТАРСЬКИХ РЕАЛІЙ В ОПОВІДАННІ МИХАЙЛА КОЦЮБИНСЬКОГО «В ПУТАХ ШАЙТАНА»

Гуменюк В. І.

У статі детально аналізується одне з кримських оповідань класика української літератури доби раннього модернізму. Звертається особлива увага на роль кримськотатарських реалій у його вишуканій образній системі. Письменник не обмежується принадною етнографічною екзотикою, а досягає з її допомогою імпресіоністичної настроєвості, філософічної медитативності.

Ключові слова: Коцюбинський, кримські оповідання, кримськотатарські реалії, поетика.

Вступ. Кримські мотиви в творчості Михайла Коцюбинського були предметом вивчення багатьох дослідників [див. зокрема: Калениченко 1968, 1983. 1984; Коцюбинська-Єфименко 1972; Шева 1964]. Однак окремі твори письменника, основою образності в яких слугують кримські, зокрема кримськотатарські, реалії, ще потребують ґрунтовного літературознавчого аналізу. Ця моя стаття, як і попередня, в якій розглянуто оповідання «Під мінаретами» [Гуменюк 2009], покликано певною мірою заповнити цю прогалину.

Оповідання М. Коцюбинського «В путях шайтана» (1899) має авторське жанрове означення «Нарис». Оповідання це в багатьох своїх аспектах традиційне – тут вельми ретельно, з мальовничою етнографічною колоритністю, часом навіть з виразними натуралістичними подробицями відтворено побутові картини кримськотатарського приморського села наприкінці XIX століття. Однак ця реалістична традиційність образної фактури подана в ракурсі аж ніяк не традиційному, ознаменованому згаданим жанровим означенням. Тут маємо дві нібито мало пов'язані між собою частини. Дещо подібним чином сполучені й дві частини вірша Лесі Українки «Уривки з листа» (цикл «Кримські відгуки»). І оця позірна малопов'язаність, буцімто недбалість (отак собі автор кинув ніби ненароком два грайливих мазки, дві барвисті плями) надає особливій вишуканості (легкості, ескізності – «нарисовості») насправді глибоко продуманій та стрункій композиції твору. Перегук натуралістично точних картин витворює неповторну атмосферу, своєрідну імпресіоністичну настроєвість, яка прилучає нас до відчуття й осягнення властивої твору філософічності. Така манера ще більш явна в пізнішій творчості М. Коцюбинського, скажімо, в повісті «Fata morgana», але вже в кримських оповіданнях автора, зокрема в нарисі «В путях шайтана» вона виразно відчутна.

Ще одна явлена тут суттєва риса нетрадиційності, «нарисовості» художнього письма – відсутність чітко виписаної фабули, близькість епічного сюжету твору до

ліричного. Згадана колоритність побутових деталей, етнографічна достовірність, виразність портретних та пейзажних штрихів не означена безпосередньо оповідачем, голос якого важливий, але вкрай ненав'язливий і ніби відсунутий на другий план, а подається крізь призму внутрішнього сприйняття персонажів, насамперед кримськотатарської дівчини Емене. Емене вже далеко не підліток і сягнула того віку, коли треба думати про заміжжя. Відтак згідно зі своїм статусом вона повинна, коли не зайнята роботою, сидіти вдома й не виходити за межі двору, а коли раптом має з'явитися гість чоловічої статі, про що звичайно сповіщає спеціальний вхідний дзвоник. зникати у своїй кімнаті чи принаймні, як доводиться потрапляти гостеві на очі (як-от при частуванні), запинатися чадрою. Необхідність дотримуватися суворих традиційних приписів та природні для юного віку поривання (цікавість до навколишнього світу, потреба в спілкуванні, мрійливість) вступають у конфлікт, який становить основу тієї емоційної напруги, яка надає епічному письму М. Коцюбинського і глибокої драматичної тривожності, і зворушливої ліричної схвильованості.

Ми стрічаємося з Емене у святковий день, байрам, коли самота, на яку приречена мусульманська дівчина в цвіті літ, самота, не притлумлена буденною хатньою й городньою роботою, відчувається дуже гостро. Промовисті мусульманські реалії, на які звертається пильна увага вже в перших абзацах, відразу ж надають оповіді особливого колориту. З нагоди байраму батько дівчини хаджі (себто той, хто здійснив почесний хадж до святих місць) Бекір Мемет-оглу вдруге подався «до мечету», звідки, точніше з мінарету долинає голос муедзина, підкреслюючи гнітючу тишу. Внутрішнє молодецьке сприйняття означених реалій ще не скуте суспільними умовами й далеке від належної побожності, тому поклики мулли в цьому сприйнятті «скрипучі, як немазане колесо, різкі» [Коцюбинський 1988, с. 278; надалі при посиланні на це видання вказується сторінка в тексті]. До того ж вони аж ніяк не здатні розвіяти «святну нуду», яка так глибоко діймає мрійливу запальну юнку. Тож у її сприйнятті навіть пес може здатися святотатцем:

В самому повітрі розлита нуда, про нуду тихо дзюрчить струмок по камінчиках подвір'я, од нуди скаче на ланцюгу старий пес і, глухо побрязкуючи залізом, хрипливим голосом скаржить на небові:

– Алла-алла!.. Алла-алла!.. [с. 279].

Коли зважити на те, що дещо подібні гуки щойно доносилися до дівочих вух з високого мінарету («Ла алла... іль алла-а...»), то можна лише подивуватись тій особливій силі затаєної й майже не усвідомленої гіркоти, яка ятрить душу юної добропорядної кримчаночки.

Відтворюючи неповторні кримські краєвиди, автор ненав'язливо, але промовисто акцентує увагу на розкиданих по схилах гір плантаціях тютюну й винограду (саме на таких плантаціях в будень зайняте місцеве жіноцтво, зокрема й Емене), на розміщених нижче «розкішних віллах “гяурів” з рядками чорних струнких кипарисів». Авторська поетизація чарівних пейзажів не позбавлена сумовитого відтінку, до того ж вона виявляється вельми тактовно й поступається розкриттю світосприймання героїні:

Емене байдужно дивиться на знайомий краєвид: їй нудно... [с. 278].

Особливу роль у творі відіграють лаконічні й мальовничо-тривожні морські пейзажі, радше пейзажні штрихи, які раз-у-раз, немов своєрідні рефрени, увиразнюють оповідь:

А далі було море.

Блакитне, сліпучо-блакитне, як кримське небо, воно мліло у спеці літнього дня, дихало млою і, делікатними тонами зливаючись з далеким небосклом, чарувало й вабило у свою чисту, теплу й радісну блакить...

З правого боку горбатою тінню ліг в море Аюдаг і, мов спраглий у спеку звір, припав до води [с. 278].

Очі її, як і думка, блукають десь по далекому безкрайому морю.

А воно, невинне і чисте, як дівчина, в сліпучо-блакитних шатах, з низкою перлів-піни на шиї, радісно осміхається до берега, і пеститься, і тулиться до нього, немов кохаюча істота. Далеко од берега грає в морі табун веселих дельфінів: чорні потвори, мов виводок чортів, випливають з глибини, перекидаються в повітрі, стрімголов пірнають в море і знов вириваються, щоб наново розпочати веселі грища [с. 282].

Але навіть такі красюди не здатні розвіяти душевної скрути Емене. Ніщо, навіть велична краса моря, не тішить її. Більше того, в цих тонко, ніби акварельно виписаних морських пейзажах відлунюються складні переживання дівочої душі.

На якусь хвилю увагу дівчини привертає велика жаба, така ж самотня, як і вона сама. Описові жаби, не лише доволі мальовничому, але й звуково виразному («підняла окату голову і випускає з себе згуки, раз жалібні, повні скарги й мелодії, то знов сердиті, буркотливі, немов всередині у неї, в її великому біластому череві щось клекотить»), присвячено мало не три абзаци, які завершуються характерним (рефренним) підсумком: «Але й се видалось їй нудним» [с. 279].

Навіть така чи не єдина розвага юної кримської татарки як святкове вбрання не тішить дівчини ні цієї миті, ні пізніше, коли вона після гострих переживань знову впадає в «святну нуду». Етнографічна детальність, ґрунтовність, може, навіть прискіпливість в описі того вбрання, так само як і ретельна виписаність морських пейзажів чи окатої жаби, невіддільна від діткливої передачі душевного стану героїні:

Емене скинула з ніг капці, затиснула між коліна червоні шаровари і почала мити ноги. Сліпуче сонце осявало струнку постать татарки, грало на рудих, свіжо-пофарбованих косах, жовтому халаті і червоних шароварах, і підмальовані чорним брови і червоні, теж пофарбовані, нігті на руках і ногах так і блищали до сонця, мов наведені політурою [с. 279].

Емене розчесала й заплела дрібушками свої червоні, як племін, фарбовані коси, накинула на себе новий халат з дивними арабесками й підперезалася косинкою так, що яскраво розмальований кінець її закривав її фігуру, відповідно етикетові, ззаду нижче стану. Потому вона начепила на шию своє багатство – рясне намисто з золотих дукачів, а на голову накинула маленький фез, густо зашитий монетами. Легка чадра на плечі і червоні капці доповняли її туалету. Лишалось ще нарум'янити лиця та звести до купи фарбою дуги брів. Коли вона була готова, то виглядала, як індійський божок, і була дуже задоволена з себе.

Та на подвір'ї, куди вона повагом вийшла, нікому було милуватися красунею. Бідна дівчина зітхнула [с. 283–284].

Ці портретні описи дещо перегукуються з тими, які подає Леся Українка у своєму вірші «Татарочка» з циклу «Кримські спогади» [Українка 1975, с. 106].

Отож ні звичні пейзажі, ні святкові строї, ніщо не спроможне розряти прикру нудьгу спраглої повноти життя мрійливої юнки. Навіть моменти особливо гострих та інтенсивних переживань, які набувають у психологізованому епічному викладі статусу подій, подієвих вузлів, лише підкреслюють, так само як, скажімо, й поклики мулли з мінарету, тоскно-тужливий стан дівочої душі, невіддільний від переважно зворушливо ліричної атмосфери першої частини оповідання. Такою подією не так зовнішнього ряду, як виразно відтворюваних автором психічних процесів у естві героїні, стала поява в полі її зору вродливого парубка Септара, «краси кучукоюського [себто села Кучук Кой] парубоцтва», в якого, як стає очевидно, таємно закохана Емене. Ця поява виписана з характерною для М. Коцюбинського образною динамікою, в якій зміни планів зображення реалій римуються зі змінами плину душевних переживань персонажа:

Дівчина хлюпалась у теплій воді, коли враз, глянувши на прибережні оселі, вона так і залякла, зігнута й заціпеніла. Те, що її зацікавило, було не що інше, як трое осідланих коней під танком вілли, а коло них татарин-провідник, видимо, чекав на когось. Та ось од білої стіни будинку oddілились дві жіночі постаті, тонкі, високі, мов молоді кипариси, і підійшли до коней. Тут Емене не витримала, вискочила з води і без капців, мокрими ногами, перебігла подвір'я, злягла на тин і цікаво виставила голову з-за древа. Серце в неї тьохнуло: вона пізнала Септара... [с. 279].

«...так і залякла», «Серце в неї тьохнуло», а далі – «гаряча хвиля крові б'є їй до серця й голови», «Серце в грудях тріпалось, як риба в руці» – ці й подібні промовисті фразеологізми, які з'ясовують несподіване дівоче збудження, своєрідним рефренним пунктиром проходять крізь легке мереживо образних деталей, виразно розкриваючи затаєні в них підтекстові нюанси.

В описі провідника Септара та пов'язаних з ним реалій особливо чітко простежуються характерні для панівної у творі оповідної манери два наративні плани, тут автор-оповідач часом ніби міняється місцями з героїнею і означається дещо відчутніше, а потім знову на перший план виходить сприйняття Емене, відтак Септар подається одразу з двох точок зору – іронічної авторської та захопленої дівочої:

Емене так і їла очима провідника. А він, круто упершись рукою в бік, випинав золотом шиті груди і зухвалим хижим поглядом оглядав жінку в синьому... На його гладко голеному, червоному й блискучому, як стиглий помідор, виду, що виглядав з-під круглої з золотим верхом шапочки, малювалась зарозумілість з одтінком презирства до жіноти, яка свідчила, що він добре розібрав смак провідницького життя, та що не одна московська «бариня его любил... денга давал» і що він на ті «денга гулял». Емене любила його міцним, здоровим, як огірок, тілом, тісно затяжним в тонке сукно, його нахабним поглядом, який приймала за ознаку сміливості й лицарського духу [с. 280].

Психологізована гра різних точок зору, різних емоційних відтінків власне і є суттєвою прикметою імпресіоністичого письма. Так само пойняте різними нюанса-

ми й авторське ставлення до палких почуттів Емене, оповідач не лише наголошує на їх наївності, а й поетизує світлі поривання юної душі:

Він здавався їй ясним місяцем, що одбився в морі її серця та простяг блискучий шлях до щастя [с. 280].

Грайлива компанія вершників, яка так схвилювала Емене, сприймається ще й з іншої точки зору. Бентежну хвилю дівочого зачудування осадив раптовий вхідний дзвоник, осоружність якого для дівчини підкреслюється відповідними епітетами («розбитий дзвоник», «прохрипів дзвоник»). Саме той дзвоник, який сповіщає про прибуття у двір чужого чоловіка, внаслідок чого дівчині належить ховатися. Кількома лаконічними штрихами подається колоритна й виразна характеристика прибульця, а водночас ескізно окреслюється один з цілком можливих варіантів розвитку побутової фабули, яка загалом в оповіданні, як зазначалося, не грає першорядної ролі:

...ледве Емене встигла сховатися, як у двір увійшов її батько, старий хаджі Бекір в товаристві молодого різника Мустафи. З сим богобійним різником, що наскрізь пропах овечим лоєм, старий хаджі вічно мав справи, в яких будучність Емене грала не останню роль [с. 280–281].

Відкрита зору Емене та інших присутніх на обійсті звивиста гірська дорога, на якій подорожні (як ось компанія вершників – кавалькада, що тривалий час є в творі одним з композиційних центрів) то зникають з очей, то з'являються знову, дає змогу автору вільно вдаватися до динамічно й пластично виразних (можна навіть сказати, кінематографічно виразних) образних штрихів та чітко й невимушено окреслювати суттєві в художньому тексті реалії і їх різногранні сприйняття персонажами.

– Кепек [Собака]!.. – зі злісним лаконізмом підсумовує своє промовисте мовчазне сприйняття кінної компанії, а радше провідника Септара, старий хаджі Бекір.

Це ключове тут слово «кепек», яке потім не раз відлунується в болісних переживаннях-роздумах дівчини, стає імпульсом її розлого-експресивного внутрішнього монологу, в якому означається не лише прикра образа за, як здається Емене, вкрай несправедливе ставлення до її ідеалу, а й прозирає наростання бунтівливої незгоди з традиціями, що обмежують волю кримськотатарської жінки, з чим пов'язана доброзичлива заздрість до жінок із середовища «гяурів»: Емене «мала очі» і «бачила там жінку – істоту вільну, товариша – не рабиню чоловіка... бачила, як та «невірна» жінка гойдалася на човні, сміялася, жартувала з чужими чоловіками, як вона гарцювала на коні або лазила по горах та лісах, заходила до мечету, мов до себе в хату» [с. 281].

Під безнастанний супровід якщо не поклику муедзина, то давно слуханої й переслуханої, цього разу зверненої до гостя батькової оповіді про відвідання святих місць («старий хаджі, може, вже сотий раз оповідав про свою подорож до Мекки»), дівчина продовжує снувати свій внутрішній монолог, поінтий увиразненими її яскравою уявою візіями:

...уявляється Емене картина, яку вона бачила з виноградника і яка її сильно вразила. Там, над морем, під золотистими від заходячого сонця кипарисами, танцюють гяури. Мов різнобарвні метелики, пурхають дівчата по зеленому моріжку, а хлопці підбігають до них, обіймають отак впоперек, стискають руки... зазирають в очі і крутяться разом, як зірвані вітром квітки... [с. 282].

А її дійсне становище невблаганно, неухильно контрастує з осяяними палкою уявою юними пориваннями.

Ще одна подія, котра на якусь мить відіграла журливість Емене і пройняла не лише її, але й її літню матір гострим збудженням, – випадкова поява в їхньому дворі двох нетатарських дівчат, які заблукали й марно намагалися розпитатися дороги. Здається, увесь свій захват мало знаним їм життям, за яким досі випадало спостерігати тільки здаля, дівчина та її матір просто обрушили на прибулих, тож «незабаром європейки опинились немов у неволі у диких; вони почали уже боятись коли не за цілість боків, то за одягу... не випускаючи їх з рук, татарки позносили їм усяких ласощів: частували їх кислим молоком з брудної посудини, свіжим інжиром та смаженими на овечім лоу коржиками» [с. 283].

На основі цього невеликого оповідання можна написати цілу етнографічну розвідку про умови побуту кримських татар Південнобережжя, особливості їхніх звичаїв, господарювання, архітектури, одягу, кулінарії тощо. Але ще раз хочеться підкреслити, що всі ці дбайливо виписані деталі невіддільні (і щойно наведена цитата це знов підтверджує) від глибинного художнього психологізму, вони напрочуд елегантно увиразнюють своєрідну поетичну систем твору.

Морські, а також гірські пейзажі, релігійні реалії, зокрема батькові оповіді про подорожі до святих місць, рух кавалькади вершників на чолі з Септаром (наприкінці першої частини оповідання поява кавалькади, що надвечір поверталася з прогулянки, та її сприйняття дівчиною становить особливий, емоційно насичений акорд), згадані етнографічні штрихи й пасажі – все це, підпорядковане насамперед розкриттю внутрішнього світу героїні, перебуває у вишуканому перегуку, являє собою ніби поліфонічну взаємодію різнорідних музичних тем, що сприяють творенню неповторної імпресіоністичної настроєвості.

Конфлікт, який таємно ятриться в душі Емене, у другій частині оповідання набуває зриміших зовнішніх ознак, хоч уже безпосередньо не пов'язаний з дівочими переживаннями. Дія тут відбувається пізно вечері, коли «муедзин востаннє проскрипів із мінарета «ла алла»... і правовірні спочивають». Похмурі тьмяні пейзажі відповідають суворій урочості панівного в цій частині настрою:

...невсипує море бухає десь вдалеку, немов незримий велет видихає з себе денну спеку, та зорі тремтять в нічній прохолоді, ховаючись одна по одній за чорні, як хмари, шпилі яйли [с. 283].

В урочистій тиші чулось лиш бухання моря та срібне, мелодійне цвірінкання південного цвіркуна. В далеких гаях тоненьким голоском плакала сплюшка: сплюю... сплю-ю... Чорні гори стояли, мов привиди, й дивились на злотистий від місяця шлях на морі, що весь тремтів і мінився золотою лускою [с. 286].

Сільський люд (звісно, самі чоловіки) зібрався в прихистку генуезької башти за кавою. Тут круг вогню, який «осяває смагли обличчя», «підібгавши східним звичаєм ноги, сидять бородаті хаджі у великих завоях і прості мусульмани у фезах». Властива таким зібранням поважність нині особливо відчутна, адже поруч з хаджі Бекіром сидить «миршавий турок у білому халаті та зеленій чалмі» (поки що слово «миршавий» лишається ніби непоміченим, випадковим, принаймні нейтральним, як слово «худий») – то софта, поважна духовна особа зі Стамбула. Його тривала проповідь, виклад

якої займає чи не половину другої частини твору, проповідь «майстерна й поетична», відтінена згаданими пейзажними штрихами, зводиться врешті до категоричного підсумку – негоже правовірним скніти у ворожій їм країні гяурів, тож слід негайно перебиратися в ту країну, де підданців захищає «справедливий і мудрий султан».

Та попри рідкісну красномовність прибульця, окрім хаджі Бекіра, у якого «горіла душа», жоден з тих, хто, здавалося, уважно дослухався до навального плину палких слів, не підтримав його – правовірні «сиділи зі спущеними очима, і немов лукава усмішка блукала по їх смаглих лицах», осяяних вогнем багаття (психологічні деталі, як здебільшого завжди у М. Коцюбинського вельми виразні у своїй мальовничості й пластичності). Незручну мовчанку, яка затягнулася і «ставала прикрою», несподівано перервав Септар, котрий, може, й менш красномовно, але цілком переконливо висловив мовчазні міркування більшості присутніх, міркування, квінтесенцією яких можна вважати його лаконічний вираз: «Гяур живе і нам дає жити».

Кількома промовистими штрихами М. Коцюбинський тонко й зримо передає і психологію маси, і психологію окремих її представників, насамперед таких двох антагоністів як Септар та хаджі Бекір. Опісля несхвальних звернень останнього до провідника той не змовчав і відрубав: «... тебе заздрощі хапають за мої зарібки, яких ти через власну запеклість не маєш». А далі подається лаконічний авторський коментар, в якому своєрідно поєднуються як іронія оповідача, так і елементи внутрішнього монологу персонажа: «Ах, се була правда, глибоко, старанно затаєна правда...» [с. 288].

Знов зринає вже знане нам слово «кепек», яке тепер ще й посилюється – «асма кепек!» [«скажений пес!»]. Реакція на таку лайку, ніби несумісну з постаттю поважного хаджі, подається з характерним тут виразним лаконізмом: «Очі в провідника налялялися кров'ю і вилізли наверх, як у барана, але Септар перемиг себе». Він зрештою «круто обернувшись, відійшов, насвистуючи до танцю».

Вражені до глибини душі (гадали, «що зараз розступиться земля»), грізні фанатики, непримиренні борці з новими суспільними віяннями софти й хаджі Бекір, покинуті всіма, виглядали тепер просто немічними й нещасними людьми, до потерпань яких, здається, навіть природа не лишалась байдужою: «Сумні і розчаровані, виливали старі один одному свої жалі – і, немов спочуваючи їм, зітхало оддалік море та тоненьким голоском плакала в галях сплюшка...» [с. 288].

Висновки. Хоч в оповіданні, надто в другій його частині виразні публіцистичні штрихи, все ж воно надто далеке від однозначної публіцистичності. Вирування пристрастей, суспільні конфлікти, різкі протистояння, так само як, скажімо, раніше відзначені етнографічні пасажі, важливі як у першій, так і в другій частині твору, – все зрештою проймається грою імпресіоністичних нюансів, таємничою недомовленістю. Оповідач, здається, цілком на боці Септара в його ідейному двобої з хаджі Бекіром, але згадаймо, з якою іронією він перед тим змальовував постать провідника. До того ж за якусь мить він уже начебто співчуває хаджі Бекіру й софті. Хіба ж у справді фанатичній проповіді останнього немає і переконливих аргументів? Ці аргументи певною мірою перегукуються з тими, що їх так само пристрасно висловлює Леся Українка в циклі «Кримські спогади», зокрема у вірші «Негода» [Українка 1975, с. 104–105]. Де межа між релігійним обскурантизмом, який сковує людську волю, і плідними традиціями минулого, які дають змогу плекати й розвивати власну ідентичність? На це та

інші подібні питання твір не дає готових вичерпних відповідей, але ставить ці питання гостро й хвилююче, сягаючи граней незглибимої художньої філософічності.

Неоднозначний, поійнятий грою настроєво-семантичних відтінків і заголовков твору. Що воно, пута шайтана – ті затаєні прагнення до волі, що проймають ество юної Емене, чи закостенілі приписи, які тут волю так рішуче й немилосердно обмежують?

Список літератури

1. Гуменюк В.І. Художнє осягнення кримськотатарських реалій в оповіданні Михайла Коцюбинського «Під мінаретами» [Текст]/ В.І. Гуменюк // Культура народів Причорномор'я: Научний журнал. – 2009. – № 158. – С. 44–46.
2. Калениченко Н.Л. Михайло Коцюбинський [Текст]/ Н.Л. Калениченко // Історія української літератури : у 8 т. – Т. 5. – К. : Наукова думка, 1968. – 524 с. – С. 151–152.
3. Калениченко Н. Л. Українська література кінця ХІХ – початку ХХ ст.: Напрямки, течії [Текст]/ Н.Л. Калениченко. – К., 1983
4. Калениченко Н.Л. Михайло Коцюбинський: Нарис життя і творчості [Текст]/ Н.Л. Калениченко. – К., 1984.
5. Коцюбинська-Єфименко З.Х. Крим в житті і творчості М.М. Коцюбинського / З.Х. Коцюбинська-Єфименко [Текст]// Коцюбинський М. На камені: Кримські оповідання та листи. – Сімферополь : Таврія, 1972. – 120 с.
6. Коцюбинський М.М. Твори: у 2 т. – К.: Наукова думка, 1988 [Текст]/ Михайло Коцюбинський. – Т. 1. – 579 с.
7. Українка Леся. Зібрання творів : у 12 т. [Текст]/ Леся Українка. – К. : Наукова думка, 1975–1979. – Т. 1. – 448 с.
8. Шева О.С. М.М. Коцюбинський і Крим [Текст]/ Олександр Шева // Коцюбинський М. Кримські оповідання. – Сімферополь : Крим, 1964. – 128 с.

Гуменюк В.І. Художественное постижение крымскотатарских реалій в рассказе Михаила Коцюбинского «В путах шайтана»

В статье детально анализируется один из крымских рассказов классика украинской литературы эпохи раннего модернизма. Особое внимание обращается на крымскотатарские реалии в его изысканной образной системе. Писатель не ограничивается привлекательной этнографической экзотикой, а достигает с ее помощью импрессионистической одухотворенности, философичной медитативности.

Ключевые слова: Коцюбинский, крымские рассказы, крымскотатарские реалии, поэтика.

Humeniuk V.I. The artistic comprehension of crimeatatarian reality in Mykhaylo Kotsiubynsky's short story "In the chains of devil"

The author of the article investigates one of the Crimean short stories by the classic of Ukrainian literature of the epoch of early modernism. Special attention he pays on the crimeatatarian reality in its image system. The writer does not limit himself by attractive ethnographic description, but he achieves with the help of it the impressionistic mood and the philosophical considerateness.

Key words: Kotsiubynsky, Crimean short stories, crimeatatarian reality, poetics.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК – 821.512.145-32.09.

**НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ
КАК ОСНОВНОЙ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ПРИЁМ
В РАССКАЗЕ ЭРВИНА УМЕРОВА «СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ»**

Джемилева А. А.

В данной статье раскрываются возможности несобственно-прямой речи как основного повествовательного приёма в рассказе Эрвина Умерова «Счастливый билет». Показано взаимодействие различных точек зрения, которые позволяют создать художественную картину жизни.

Ключевые слова: рассказ, автор, повествователь, несобственно-прямая речь, герой, судьба, трагедия.

Введение. В современной прозе немало произведений, где рассказ ведётся, на первый взгляд, с точки зрения объективного повествователя, но на самом деле повествование в них представляет собой от начала до конца несобственно-прямую речь, то есть говорящий в третьем лице – это не повествователь, а герой. В лингвистике нарратива подобное повествование получило название свободно-косвенного дискурса (СКД) [1]. В. Шмид определяет несобственно-прямую речь как отрывок повествовательного текста, передающий слова, мысли, чувства, восприятие или только смысловую позицию одного из изображаемых персонажей, причем передача текста повествователя не маркируется ни графическими знаками (или их эквивалентами), ни вводными словами (или их эквивалентами) [2, с.225].

СКД в крымскотатарской прозе 1970-80-х гг. представлен широко. Крымскотатарские писатели используют различные формы несобственно-прямой речи. Одним из образцов данного типа повествования служит рассказ Эрвина Умерова «Счастливый билет». Настоящий художник обязательно преломляет в своём творчестве собственные наблюдения и размышления над жизнью, создавая целостную художественную концепцию. Рассказ организован гетеродиегетическим повествованием [3, с.38-39]. Автор время от времени прибегает к методу совмещения различных точек зрения. Смена точек зрения не нарушает выбранного стиля произведения; точки зрения суммируются, образуя целостную картину жизни.

В рассказе «Счастливый билет» нарратив ведётся не от одного лица, а от разных субъектов, которые наблюдают за событиями и их комментируют. Такой повествовательный приём носит название сменной фокализации [4, с.318], когда события изображаются под разными углами зрения, с позиций героев и наблюдателя-нарратора. Художественный дискурс рассказа направлен на раскрытие внутреннего мира героев и логики их поведения, их поступков. Нарратор использует цитатный дискурс, передавая внутреннюю речь героев, которая определяет напряжённое развитие сюжетного действия. Автор не стремится удержать повествование в рамках

одной повествовательной инстанции. В повествование включаются цитируемая прямая речь, несобственно-прямая речь других персонажей.

Героиня рассказа – Капитолина. В начале рассказа нарратор знакомит читателя со своей героиней. Капитолина работает на фабрике, где изготавливают ткани. После работы многие женщины пытаются вынести с завода немного ткани, чтобы продать. На проходной их проверяют, но некоторые приспособляются, как например, Надежда. Капитолина не такая, она не позволит себе взять ничего чужого. Рассказывая о Надежде, автор-нарратор использует несобственно-прямую речь, т.е. когда события формально описываются автором, но фактически мысли принадлежат персонажу: *«Сейчас она проедет трамваем шесть остановок, вернётся чуть назад, свернёт налево и войдёт во дворик, огороженный старой кроватью, тёмсом, горбылями, дырявым цинковым корытом, какими-то жестяными листами с ровными рядами отверстий и крикнет хриплым, невесть откуда вновь взявшимся вызывающе задорным голосом: «Манюня, бери сырьё – гони червонец, буржуй ты без пуза» [6, с.63].* Писатель объясняет, почему Надежда этим занимается: поступать так её вынуждает муж, который пьёт и дома и на работе. Надежда не понимает Капитолину, её рвения к добросовестной работе: *«И чего человеку неймётся? Муж есть (говорят, надо же! – этот татарин, за кого она выскочила, капли в рот не берёт!), дитё есть, оба работаете, чего ещё? Устроилась, так и грейся в свою пользу чего высовываться-то? Зачем других-то подводить, не видишь, как они трепыхаются? Ну, хорошо, Капа разрывается, носится, как угорелая по цеху... но ради себя же старается, своего детёныша да муженька ненаглядного! Это, конечно, пожалуйста, это её право. Но ведь и вокруг иногда следует посмотреть! «Все ли смогут ишачить, как я, не подвожу ли других своим усердием?» [6, с.64].* Здесь образ Капитолины раскрывается с точки зрения Надежды, хотя вначале мы смотрели на Капитолину глазами автора. В повествование вклинивается речь героев, которая меняется в зависимости от того, чью точку зрения освещает автор, чей взгляд на событие интересует его. Рассказывая о Капитолине, писатель, используя несобственно-прямую речь, придерживаясь устной народной речи: *«Здорово она устала, даже ругаться неохота. Уж если Надька не вывела из себя, значит выдохлась. А может, это и к лучшему? Побережёт нервы. А потом не станет же она базарить с юнцом. Ругаться – так с Надькой следовало. А она даже и не подумала, хотя от Надьных слов и выходов просто тошнит. Чего ей, агитаторы, что-ли, нужны, указывать – это, мол, хорошо, а это плохо? Сама не маленькая, понимает, небось» [6, с.65].* Нарратор объединяет разные точки зрения. Сознание каждого персонажа для него открыто. Предоставив голос герою, автор подробно воспроизводит мысли во внутреннем монологе Капитолины: *«Вот её Капу, каждый день за жабры берут, на месте преступления хотят поймать. Пустил кто-то слушок, будто она ради денег мать родную не пожалеет, ради денег в передовицы лезла, по две нормы знала. Двойная, мол, выгода – хорошую денгу зашибёт, да и доверие будет. А доверия добился – тебя трогать не станут, тащи себе ровницы, толкай по пять рублей катушку! Уж такая гнусность, а кое-кто поверил, побежал на поводке, что собачка твоя. Путь проверяют, если, конечно, не лень. Только обидно вот» [6, с.66].* Такой способ повествования «о самой себе» занимает большую часть текста, и именно

этот приём организует структуру повествования. Иначе говоря, коммуникативная «передача событий» осуществляется данным текстом преимущественно в форме несобственно-прямой речи, имитируя непосредственное «восприятие» происходящего [5, с. 54].

Главная героиня – Капитолина выступает одновременно и носителем оценки, и её объектом. Её проблемы, её жизнь с Закиром вызывают сочувствие и сопереживание повествователя. События не притягивают к себе большого внимания, нарратора интересует, прежде всего, мир психологических переживаний Капитолины, выяснение внутренних мотивов её поведения. Персонажи раскрывают свою позицию в диалогах, внутренних монологах. Эксплицитный автор следит за тем, чтобы читатель не ошибся в оценке, направляет внимание читателя и часто сам разъясняет сказанную героями речь. Повествователь концентрирует внимание читателя на переживаниях героев.

Автор-повествователь рассказывает историю жизни героини: до недавнего времени Капитолина жила неплохо, не жаловалась, хотя их с мужем зарплаты не хватало, еле сводили концы с концами. Однако Капитолина знала, многие живут ещё хуже. Капитолина вышла замуж за крымского татарина. Закир рассказывал ей о трагедии своего народа. От того, что он рассказывал, *«у Капы в ужасе сжималось сердце...: она будто воочию видела, как ни в чём не повинных людей сутками держали в запертых скотских вагонах без еды и питья; как мертвецы лежали, разлагаясь, рядом с живыми в этих вагонах (при коротких остановках их оставляли, завёрнутых во всякое тряпье, прямо на перронах станций и полустанков, под стеночкой; где-то остался и дедушка Закира, отец боевого красного командира); видела, как людей, оставивших на родине добротные дома, скот, хозяйство, скарб, поселяли в непригодных для жилья помещениях, а местные относились к ним как к врагам, потому что их хорошо обработали опытные агитаторы; в одной из таких землянок умерли, вспухнув от голода, как бочки, мать и младший брат Закира, и он сам хоронил их, вырыв нечто вроде могилки; она видела всё это как наяву, и ей становилось страшно»* [6, с.79]. От мужа героиня узнала о крымских татарах, о трагедии этого народа. Слушая Закира, Капитолина проникалась невольным уважением и гордостью за его народ, она переживала и сочувствовала вместе с ним. Закир любил её, и они были счастливы. У них родилась дочка Танечка. Но в один прекрасный день всё закончилось. Однажды Капитолина заметила, что возле их калитки стоит чёрная «Волга», а жили они в бедном районе. Обратим внимание на внутренний монолог Капитолины, в котором Закиру даётся психологическая характеристика: *«Это к кому же прикатили на таком «кадиллаке»? Ну и ну! Обычно в их улочку не осмеливались заезжать даже таксисты, хоть им тройную цену назначь. Неужто отцы города откликнулись на хор жалоб шанхайцев, приехали посмотреть, правду они пишут или нет? Вот-то обрадуется Закир, если это так. Он тоже не одно заявление написал, другим тоже помогал. Он вообще такой – никогда не промолчит, если видит несправедливость. Всё близко к сердцу принимает. Потому-то, верно, и покидают дурные волосы его умную головушку»* [6, с. 83]. Дома она увидела, как двое молодых людей производят у них обыск. Когда Капитолина поинтересовалась, ей ответили, что ищут какие-то бумаги мужа. Женщина

знала, что Закир обращался к руководителям страны, призывая их обратить внимание на беззакония в стране. Всё проясняется в ключевом эпизоде: «- *Ишь ты, народволец!* – усмехнулся молодой человек, который предлагал Капитолине выйти поговорить. – *Наполеоном, небось, себя возомнил...* - *Сказал и как-то быстро, виновато кинул взгляд на сотоварища, усерднее прежнего завозился с чемоданом. Муж и жена успели перехватить этот взгляд, и им обоим стало ясно, какая участь ждёт Закира*» [6, с.85-86]. В финале рассказа автор приводит диалог, в котором протупает кульминация события:

« - А куда вы его повезёте? – спросила Капитолина молодых людей, когда подошла последняя минута.

- Туда же, куда он любил писать.

В Москву, значит, белокаменную, которой бил челом бедный Закир!

- Где мне его искать, когда я приеду?

- Приезжать не надо. Вас известят, когда это можно будет» [6, с.86].

Так, в одно мгновение женщина лишается семейного счастья, остаётся без любимого человека. У неё есть дочка, но та слишком мала, чтобы понять и поддержать её. Автор на психологическом уровне показывает, что героиня никак не может свыкнуться с мыслью о том, что теперь Закира нет: «Потом раскрыла кошелек, порылась в нём, но не найдя монет, подала старичку рубль: - Налейте ещё стаканчик. И сигарет дайте две пачки. «Джебель». Она положила тугие оранжевые пачки ароматных сигарет в ридикюль, погладила их прохладный целлофан. На душе вдруг потеплело – вот обрадуется Закир! А то последнее время «Джебель» тоже стал дефицитным, он курил «Приму» и очень кашлял. Не те сигареты, к которым привык ... **Она подняла стакан, поднесла к губам и застыла, вдруг похолодев: «Почему я постоянно забываю, что Закира теперь нет? Кому я купила его любимые сигареты?!»** [6, с.76]. Писатель отразил всю глубину переживаний Капитолины, её безмерную любовь к Закиру. Оставшись без мужа, героиня не может смириться с тем, что его рядом нет, её сознание отказывается воспринимать это событие. В рассказе «Счастливый билет» писателем верно выбран угол освещения событий. Только таким образом, посредством точки зрения другого персонажа, Капитолины, можно было рассказать о трагедии героя Закира, выразить всю драму крымскотатарского народа. Эта история жизни крымскотатарского народа, показанная глазами Капитолины, пропущенная через её сознание, находит отклик в душе читателя, который сопереживает и сочувствует ей.

Выводы. Таким образом, в творчестве крымскотатарских писателей 70-х - 80-х годов XX века проявляются новаторские приемы, художественные поиски в сфере повествования. Несобственно-прямая речь становится основным повествовательным приёмом. Формируется новая стилевая манера писателей, художественный метод. Основные составляющие метода - отсутствие прямого авторского вмешательства и полное проникновение во внутренний мир персонажа, переданное посредством несобственно-прямой речи.

Список литературы

1. Падучева, Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. - М., 1996. - С. 335 - 353.
2. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 312 с.
3. Ильин, И. П. Постмодернизм. Словарь терминов [Текст] / И.П. Ильин - М.: ИНИОН РАН (отдел литературоведения) – INTRADA, 2001. - С. 38-39.
4. Ильин, И. П. Там же - С. 318.
5. Тюпа, В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова) [Текст] / В.И. Тюпа. - Тверь, 2001. - С. 54.
6. Умеров Э. Счастливый билет [Текст] //Умеров Э.Надежда: Повести и рассказы. – Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1988. – С. 63-87.

Джемилева А. А. Невласно-пряма мова як основний розповідний прийом в оповіданні Ервіна Умерова «Щасливий квиток»

У даній статті розглянуто можливості невластно-прямої мови як основного оповідного прийому в оповіданні Ервіна Умерова «Счастливый билет» - «Щасливий квиток». Показана взаємодія різних точок зору, що дозволяють створити художню картину життя.

Ключові слова: оповідання, автор, розповідач, невластно-пряма мова, герой, доля, трагедія.

Jemileva A.A. Quasi-direct speech as the primary narrative device in the story of Erwin Umerova "lucky ticket"

In this article possibilities of unactually-direct speech open up as a basic narrative reception in the story of Ervina Umerova the «Winning ticket». Co-operation of different points is shown sights which allow to create the artistic picture of life.

Key words: story, author, narrator, несобственно-direct speech, hero, fate, tragedy.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 8.82.821.

ТЕМА ПАТРИОТИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ 80-90-х ГОДОВ XX ВЕКА

Масимов А. В.

В статье рассматриваются образцы Азербайджанской поэзии 80-90-х годов XX века. Среди таких литературных образцов – стихотворения незабвенного Али Керима «Вершины шехидства» и «Руки Бабека», поэма Наримана Гасанзаде «Нариман», поэма Нусрета Кесеменли «Не забыть мне Карабах...» и др. Если в произведениях 60-70-х годов, в силу известных идеологических цензов, трагическая участь жертв репрессий изображалась как бы в обособленном, личностном плане, а социально-политические корни зла обозначались под сурдинку, или читателю оставлялась возможность догадываться о них, то позднее, в конце восьмидесятых – начала девяностых, с отменой цензурных фильтров и клапанов, литература все смелее движется к более полному осмыслению и раскрытию несправедно и жестоко загубленных жизней и исковерканных судеб в контексте истории, природы господствовавшего тоталитарного режима.

Ключевые слова: патриотизм, стихотворения, идеологические цензы, литература.

Введение. Подвиг, героизм - понятия многомерные, емкие, обозначающие не только физическое деяние, отвагу, самоотвержение, - они выражают и являют духовную силу, бесстрашие мысли, таланта личности. В судьбоносные часы истории подвиг личности претерпевает рамки локального эпизода и обретает символическое значение, переживает столетия, знаменует взлет духа нации на трагических изломах истории.

На такие вершинные взлеты человеческого самоотвержения литература, и поэзия в частности, отзывалась яркими воплощениями шехидов духа. Среди таких литературных образцов – стихотворения незабвенного Али Керима «Вершины шехидства» и «Руки Бабека», созданные в конце шестидесятых годов. В первом стихотворении – картина мученической смерти великого поэта Имадеддина Насими.

При всем трагизме воссозданной атмосферы, стихотворение отнюдь не проникнуто безысходностью – от него веет энергией неколебимой человеческой воли, восхищением перед мощью Личности - Насими.

Происходит поэтический парадокс – страх, ужас, которые вызывает у очевидцев эта изуверская казнь, передается самим палачам, изумленным бесстрашием жертвы.

Насими, умирая, уничтожает палачей, смертью смерть поправ.
Тому назад шестьсот годов,
Последнюю теряя кровь,
Терпя безумные терзанья
На этой распроклятой тверди,
Он уходил в бессмертье...

Стихотворение «Руки Бабека» роднит с названным поэтическое утверждение героического самоотвержения, силы духа человека, убежденного в праведности своей борьбы за свободу, честь и достоинство родного народа.

В кровавом омуте, поверх
Голов глядящий вдоль Бабек:
Восстаньте, други, и полками
Врагов отечества гоня,
Моими грозными руками
Рубитесь, бейтесь без меня!

«Руки Бабека» - один из прекрасных поэтических образцов, посвященных великому воителю – патриоту.

Жизнь, подвиг и героическая гибель народного героя ярко и своеобразно отражены в пьесах «Невеста Огня» Дж. Джабарлы, «Орла на плече носящий» Ильи Сельвинского, «Белый сокол хуррамитов» Энвера Мамедханлы, «Бабек» Османа Сарывелли. Образ Бабека предстает во множестве поэтических посвящений. Народный поэт Расул Рза в последние годы своей жизни вознес еще один поэтический памятник герою стихотворением «Бабек», решенным в оригинальных ритмах и интонациях, в емких деталях, средствами свободного стиха. Приводим фрагмент в русском переводе.

Ни стоны, ни мольбы из уст.
Лишенный рук,
он ржанье верного коня,
услышал вдруг.
Из окровавленного рта,
как гул грозы
два слова выдавил, хрипя:
Сатрапы!.. Псы!..

Память о героях, вставших на смертный бой во имя свободы родины, нетленна. Она передается из поколения в поколение, переживает века. Литература, в особенности поэзия, - хранительница этой исторической памяти о заступниках народа и поборниках свободы.

Стихотворение Мирзы Алекпера Сабира, посвященное лидеру национально-освободительного движения в Южном Азербайджане Саттархану, в среде иранских революционеров переходило из уст в уста. Пьеса Самеда Вургуня «Вагиф» ярко раскрыла высокий патриотический смысл подвижнической жизни Молла Панаха Вагифа – великого поэта и выдающегося государственного деятеля.

Уже в 80-90-е годы появился ряд произведений, воскрешающих славные исторические страницы отечественной истории, образы народных героев, полководцев, правителей – патриотов.

К образу Саттархана обратился народный поэт Сохраб Тахир в одноименной поэме, пока незавершенной. Но и опубликованная часть дает основание говорить о значимом литературном явлении, раскрывающем характер пламенного борца за народное счастье.

В эпоху тоталитарного советского режима целый ряд выдающихся личностей нашей истории был предан забвению в силу известных причин.

Одной из таких ярких фигур является героический сын нашего народа, правитель Гянджинского ханства Джавад хан, образ которого предстает в одноименной поэме Сабира Рустамханлы. Джавад хан пал смертью храбрых в бою, защищая Гянджу. Решалась судьба национального самостояния и государственности. Хотя отдельные правители ханств осознали необходимость сплочения и единения, были и удельные князья, предпочитавшие личные амбиции и узкие интересы, и такая рознь обернулась трагической междоусобицей и расчленением Азербайджана после известных исторических событий. Поэт всматривается в этот судьбоносный излом истории, побуждая читателя к небесполезным раздумьям.

Джавад хан на фоне исторических событий и в свете истин современной реальности предстает полнокровным, цельным характером; привлекают внимание переживания, мир дум и чаяний, тревог и забот этого отважного и прозорливого правителя. Перед лицом трагедии он с горечью осознает и свои промахи, и ошибки, прозревает цепь событий, предопределившую роковую развязку.

Дробясь, попали в обмолот,
и нас мололи жернова,
Всяк пекся о своей мошне,
урвать побольше норовя,
Друг к другу на поклон идти?
Да ни за что и нипочем!...

Наша история хранит имена замечательных женщин, которые обогатили духовную сокровищницу народа, а в ряде случаев были и предводителями, отстаивавшими родину от посягательств чужеземцев: поэтесса Мехсети – современница Низами, древние правительницы Томирис и Нушабе, Бурла-хатун в эпосе «Книга Вещего Горгуда», Хуршидбани Натаван – доблестная дочь карабахского хана, чья поэзия стала достоянием нашей литературной классики... Число таких славных имен можно умножить...

Обаятельный образ Натаван – патриота, радетельница народа, прекрасного лирика предстает в стихотворении Самеда Вургуня, поэме Рагима, в пьесе Ильяса Эфендиева, успешно идущей на национальной сцене. В ряду таких литературных воплощений – лирическая поэма Гусейна Арифа «Натаван», где образ героини согрет непреходящим теплом благодарной любви.

Конечно, тема героических страниц истории в нашей литературе не замыкается только национальными рамками, и интернациональные горизонты ее художественного преломления требуют отдельного разговора. Аббас Абдулла воссоздал в поэме «Вазех» образ Мирзы Шафи, блестящего поэта и мыслителя, чья посмертная слава оспаривалась на Западе из-за литературных мистификаций Ф.Боденштедта, переведшего стихи мудреца из Гянджи на немецкий язык. Наряду с этим, перу Аббаса Абдуллы принадлежит поэма «Грозный путь-кресный путь», посвященная трагической гибели великого поэта и пламенного патриота Грузии Ильи Чавчавазде.

В ряду эпических поэтических полотен о героических сынах Азербайджана, подвижниках духа - поэма Наримана Гасанзаде «Нариман», раскрывающая драма-

тические страницы деятельности Нариман Нариманова – писателя, просветителя, выдающегося государственного деятеля, который, являясь активным участником революционного переустройства, осознал и пережил трагический разрыв между коммунистическими декларациями и большевистским произволом, в частности, в области национальной политики.

Поэма Нусрета Кесеменли «Не забыть мне Карабах...» воскрешает печальный и пленительный образ Агабейим-ага, поэтессы, дочери карабахского хана, выданной замуж за именитого иранского правителя, горько переживавшей разлуки с родиной. Трепетные движения души и сокровенные чаянья героини переданы Нусретом Кесеменли убедительно и естественно:

«Ветен багы!»¹ Я жизнь отдам
за землю горькую твою!
Будь на чужбине для меня
помином родины моей.
Как птица, упорхнула жизнь,
о том печалюсь и пою,
Пою тоску в чужом краю,
как безутешный соловей.

(¹. Ветен багы – сад родины)

Обозревая пространство исторического времени, охватываемого названными и неназванными произведениями нашей литературы, мы увидим довольно-таки протяженную хронологию – от незапамятной старины времен легендарного Бабека до времен советской эпохи, оставившей свои роковые отметины на нашей истории. Одна из этих черных вех – большевистские репрессии против инакомыслия, начатые ЧК и достигшие апогея в тридцатые годы. После смерти «отца народов жертвы» репрессий будут реабилитированы, но незаживающие раны, нанесенные по духовному потенциалу и генофонду народов бывшего Союза, в том числе и жестокие расправы с цветом азербайджанской нации, останутся непреходящей болью в сердцах поколений.

Первые произведения на эту тему в нашей литературе стали появляться в конце пятидесятых. Конечно, при всех послаблениях хрущевской оттепели, позднее сменившихся новым закручиванием гаек, всей правды о 37-м годе литература не могла знать ввиду тщательно скрывааемых (к тому же зачастую фальсифицированных) документов.

Если в произведениях 60-70-х годов, в силу известных идеологических цензов, трагическая участь жертв репрессий изображалась как бы в обособленном, личном плане, а социально-политические корни зла обозначались под сурдинку, или читателю оставлялась возможность догадываться о них, то позднее, в конце восьмидесятых – начала девяностых, с отменой цензурных фильтров и клапанов, литература все смелее движется к более полному осмыслению и раскрытию несправедно и жестоко загубленных жизней и исковерканных судеб в контексте истории, природы господствовавшего тоталитарного режима. Народный поэт Халил Рза Улутурк переосмыслил роковую дату «37-й» в емкую метафору, символ разрушительного начала. Конечно же, художественную логику популярного стихотворения «Продол-

жається 38-ой» нельзя понимать буквально – речь идет о вредоносной и опасной инерции определенной психологии, о вирусах властолюбия и покорства в душах и сознаниях.

Пока родину делят
на семьдесят вотчин сыны.
Пока кто-то грызется
за лавры и чины,
Пока недоучки при деле,
профанов – хоть пруд
пруды,
Продолжается Тридцать седьмой...

Эта поэма – своеобразная панорама социально – политических бед, произвола насилия, которым подвергался Азербайджан на протяжении XX века, трагический урок истории.

К теме жертв красной инквизиции обратился и талантливый поэт Иса Исмаилзаде в поэме «37-й год». Автор не проследивает конкретные трагические судьбы, он говорит об атмосфере страха, подозрительности, порожденной репрессиями. Задумываясь о природе тоталитарного режима, поэт отмечает параллели на страницах истории современного мира.

Сдается мне, «Хайль Гитлер»
у нас отозвался потом
рефреном, сочиненным
в тридцать седьмом...

Никто не забыт, ничто не забыто, - этот нравственный девиз можно отнести не только к жертвам войны, но и к убиенным и загубленным тоталитарной машиной. Среди них – блистательный, вдохновенный поэт Микаил Мушфиг. О нем в свое время пронзительно-горькую поэму написал народный поэт Рясул Рза.

Выводы. Мы сосредоточили внимание на произведениях, созданных в последние два десятилетия, попутно обозначив вехи предшествующего художественного опыта в воплощении темы самоотверженного служения высоким идеалам национального самостояния и свободы. Литература, поэзия и впредь, несомненно, будет обращаться к образам шехидов духа, к нравственным и духовным светочам, которые сопутствуют движению свободного Азербайджана в достойное будущее.

Масимів А. В. Тема патріотизму в Азербайджанській поезії 80-90-х років ХХ століття

У статті розглядаються зразки Азербайджанської поезії 80-90-х років ХХ століття. Серед таких літературних зразків – вірші незабутнього Алі Керіма «Вершини шехидства» і «Руки Бабека», поема Нарімана Гасанзаде «Наріман», поема Нусрета Кесеменлі «Не забути мені Карабах.» і ін. Якщо в творах 60-70-х років, через відомих ідеологічних цензів, трагічна доля жертв репресій відображалася як би у відособленому, особовому плані, а соціально-політичне коріння зла позначалося під суридину, або читачеві надавалася можливість здогадуватися про них, то пізніше, в кі-

нці восьмидесятих – почала дев'яностих, з відміною цензурних фільтрів і клапанів, література все сміливіше рухається до повнішого осмислення і розкриття неправедно і жорстко занападених життів і понівечених доль в контексті історії, природи пануючого тоталітарного режиму.

Ключові слова: патріотизм, вірші, ідеологічні цензи, література.

Masimov A. V. The theme of patriotism in the Azerbaijan poetry of 80-90th years of the XX-th century

In article samples of the Azerbaijan poetry of 80-90th years of the XX-th century are considered. Among such literary samples – a poem of unforgettable Ali Kerim «Top of shehids» and «Hands of Babek», a poem of Nariman Hasanzade "Nariman", a poem of Nusret Kesemenli «Not forget Karabagh ... », etc. If in products of 60-70th years, owing to known ideological qualifications, the tragical fate of victims of reprisals was represented as though in the isolated, personal plan, and sociopolitical roots of all evil were designated on the sly, or to the reader possibility to guess them later, in the late eighties – the beginnings of the ninetieth, with cancellation of acceptable filters and valves, the literature all moves to fuller judgement and disclosing unjustly and severely ruined lives and the deformed destinies in a context of history, the nature of a dominating totalitarian mode more safely was left.

Key words: patriotism, poems, ideological qualifications, the literature

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 398.838 (=512.145)

ВИВЧЕННЯ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ НАРОДНОЇ ПІСНІ В ЧАСИ ПЕРШОГО ВІДРОДЖЕННЯ НАЦІОНАЛЬНОЇ КУЛЬТУРИ

Гуменюк О.М.

Дослідниця розглядає здобутки фольклористів кінця XIX – перших десятиліть XX ст. у галузі фіксації та вивчення кримськотатарської народної пісні, зокрема праці Василя Радлова, Олексія Олесницького, Олександра Самойловича, Аркадія Кончевського, В'ячеслава Пасхалова, Асана Рефатова, Юсуфа Болати, Ібраїма Бахшиша, Климента Квітки. Особлива увага звертається на проблеми класифікації та жанрової типології кримськотатарської народної пісні.

Ключові слова: кримськотатарський фольклор, жанри фольклору, фольклорна лірика, фольклористика.

Вступ. Початок наукових студій над кримськотатарським фольклором і зокрема народною піснею припадає на кінець XIX – перші десятиріччя XX століття. Тут маємо згадати вагому працю Василя Радлова «Зразки народної літератури північних тюркських племен. Частина 7: Наріччя Кримського півострова» [Радлов 1896]. Видання В. Радлова являє собою об'ємний том, у якому зібрано численні фольклорні твори – казки, легенди, епічні оповіді, приказки й афоризми тощо. На жаль, кримськотатарська лірична пісня представлена тут лише кількома зразками. Значно ширше подані караїмські пісні, що, за словами Олександра Самойловича, «доволі щедро компенсує» їх малу кількість у розділах, присвячених кримськотатарському фольклору. О. Самойлович здійснив детальний огляд фольклористичної праці видатного тюрколога [Самойлович 1916]. «Роботами Радлова та інших збирачів, – відзначає він, – покладено солідну основу для вивчення кримськотатарської і караїмської народної словесності» [цит. за: Самойлович 2000, с. 119].

Серед продовжувачів справи В. Радлова О. Самойлович називає насамперед Олексія Олесницького. Український і російський фольклорист О. Олесницький видав доволі ґрунтовну працю «Песни крымских турок» [Олесницкий 1910]. Це зібрання зразків пісенного фольклору, яке вийшло під маркою московського Лазаревського інституту східних мов. Автор влітку 1909 року здійснив дослідницьку подорож по кримському південнобережжю, побував у Дерекі, Гаспрі, Корейзі, Місхорі, Алупці, Сімеїзі, Кікінеїзі, Байдарах, Озенбаші, Гурзуфі та інших селах і селищах, де ретельно записав з вуст місцевих мешканців 62 фольклорні твори – 60 ліричних пісень та 2 поданих у додатку епічні співи (розлогий дестан «Про переселення з Криму» та фрагмент жартівливого опису кримського південнобережжя). У збірнику подаються оригінальні тексти, російські підрядкові переклади, ноти. Тут вміщене коротке вступне слово редактора Володимира Гордлевського, в якому висловлюється жаль з приводу того, що О. Олесницьким охоплений лише один регіон Криму, та характеризується запропоноване видання як чи не перше, де пісенний фольклор кримських татар знайшов вдумли-

вого збирача. О. Самойлович, розглядаючи працю В. Радлова, полемізує з цим твердженням, однак це аж ніяк не применшує заслуг О. Олесницького.

Відкриває книгу також доволі простора передмова О. Олесницького. Фольклорист систематизував зібраний ним матеріал таким чином: *Ашыкъ тюркюлери* (Лирические песни); *Маскъара тюркюлери* (Игривые песни); *Салдат тюркюлери* (Солдатские песни); *Рус-япон дженки тюркюлери* (Песни о русско-японской войне); *Дестанлар* (Дестаны); *Муаджир тюркюлери* (Переселенческие песни). «Ліричні» пісні – тут це власне пісні кохання, що підтверджує і їх тюркське означення (*ашыкъ*). Як відзначає дослідник, це група «найбільш поширена» в кримськотатарській народній поезії. До цієї групи належать тридцять три твори з шістдесяти зібраних зразків лірики, таким чином решта (менше половини) припадає на всі інші розділи, де також стрічаються пісні, в яких присутні любовні мотиви. За спостереженнями фольклориста це пісні переважно печальні, в них оспівується «туга закоханого за своїм предметом» [Олесницький 1910, с. IX].

О. Олесницький вказує на особливу популярність серед кримців таких фольклорних творів як «Демирджилер» («Ковалі») та «Одунджилар» («Дроворуби»). Ці пісні, а також переважна більшість інших пісень, записаних фольклористом, зокрема таких як «Сени манъа гъаєт гузель дедилер» («Кажуть, чарує усіх краса твоя»), «Эля козьлю» («Кароока»), «Арабалар» («Гарби»), «Гидинъ, булутлар, гидинъ» («Линьте, хмари, линьте»), «Дерменджи» («Мельник»), пізніше, щоправда здебільшого в інших варіантах, ввійшли до наступних фольклорних збірників. У ташкентському збірнику Я. Шерфедінова подаються, як правило, варіанти лаконічніші й довершеніші. Однак провідні тематичні мотиви, інтонаційне багатство, образна вишуканість, ритмічна примхливість, точність і чіткість рим, які переважно подаються за способом, найбільш поширеним у формі рубаї (ааба) і часто набувають редифного характеру, вигадливий звукопис та інші характерні риси кримськотатарської фольклорної пісенності цілком виразні у піснях, записаних О. Олесницьким. Хочеться відзначити зокрема прикметні для ряду пісень промовисті образи гіперболічного чи зменшено-пестливого характеру, такі відповідні інтенсивності й складності душевних переживань палко закоханого: *Козюм яши дегирменлерни дѣндюре* (Від сліз моїх закрутиться млин); *Къара денъиз мерекеп олса, / Язылмаз меним дердим* (Навіть якби Чорне море було повне чорнила, / Не списав би своїх страждань); *Буну язан янлыш язмыш юху шеринден; / Гетириг мана, мен язайым зюльфю телинден* (В цьому листі від недосипу багато помилок; / Прийди, я напишу волоском кучерика) [Олесницький 1910, с. 15, 31, 22].

Свідомий виняткової важливості своєї справи, О. Олесницький пише про загрозу занепаду традицій народної пісенної культури під впливом чужоземних та загальномовних чинників. «Тепер, – зазначає фольклорист, – на все село ледве відшукається дві-три людини, що цікавляться піснями й співають їх, а за словами літніх, був час, коли щоп'ятниці влаштовувалися ігри й співи, в яких брало участь усе село: збиралася молодь, юнаки й дівчата розділялися на дві партії і поперемінно співали «чин» та «мане», причому особа, яка вигадувала більш вдалий чотиривірш, зазнавала захоплення й схвалення всього села. В Алупці мені навіть показували майдан, де відбувалися ці ігри і де була споруджена традиційна гойдалка

«Салланджак». Але ці часи минули...» [Олесницький 1910, с. XII]. Цікаво, що мо-лодь Алупки співала не лише мане (*манелер*), характерні для мешканців південного берега, а й чини (*чиньлар*), поширені переважно серед степових кримців. Мабуть, це свідчення певної інтеграції внутрішньо споріднених, хоч і відмінних культурних традицій різних ареалів Криму, інтеграції, завдяки якій значною мірою вдалося про-тостояти нівеляційним процесам, на які вказує дослідник.

Безпосередньо за розділом «Ашыкъ тюркюлери» в збірнику О. Олесницького подається порівняно невеликий розділ «Маскъара тюркюлери», що його точніше було б перекласти як «Сороміцькі пісні». Це дотепні твори доволі відвертого фри-вольного характеру, в яких ідеться не про високі почуття, а головним чином про чуттєву втіху й не раз вживається народна лексика, що може вважатися ненормати-вною. Якщо в оригіналі ця лексика подається, то в перекладній частині збірника ві-дповідні слова й рядки замінюються крапками. Дослідник зазначає, що це пісні пе-реважно з репертуару так званих «кримських провідників», які допомагають бага-тим туристам, надто ж туристкам, подорожувати гірськими нетрями. Одного з таких завязців виведено в оповіданні М. Коцюбинського «В путях шайтана» [Коцюбин-ський 1988, т. 1, с. 278–288]. Очевидно, що такого роду пісні потребують окремого детального вивчення.

В піснях інших розділів збірника О. Олесницького також не раз звучать любов-ні мотиви. Скажімо, в печальній солдатській пісні «Мен бир гуль идим...» («Я був квітом троянди...») [с. 32] ліричний виклад ведеться від імені померлого від бойо-вих ран вояка, який згадає свою кохану. Думається, розділ «Дестанлар» («Дестани») озаглавлений не зовсім правомірно. Сюди фактично включені не дестани (розлогі епічні оповіді), а історичні пісні й балади, в яких епічні («дестанні») елементи хоч і виразно даються взнаки, але не є визначальними. Це можна сказати, наприклад, про пісню «Мурад реис» («Капітан Мурад») [с. 43], в якій ідеться про печаль розлуки з рідною землею й коханою дівчиною та про сподівання на щасливе повернення.

Збірник О. Олесницького – перша ґрунтовна фольклористична праця, присвя-чена кримськотатарській народній пісні. Тут зафіксовані чудові зразки національно-го пісенного фольклору, здійснено першу вагому спробу їх систематизації й науко-вого осягнення. Дослідник підкреслює особливе поширення в кримськотатарському фольклорі любовної пісні, насамперед пісні про печальне кохання. Прикметно, що саме з пісень кохання й починається збірник О. Олесницького, їм присвячено пер-ший розділ, чого не спостерігаємо у фольклористичних виданнях пізніших часів.

Ряд вагомих фольклористичних праць, присвячених кримськотатарській пісні, з'являється у 20-х роках ХХ століття. Серед них – розвідка С.Б. Єфетова та В.І. Фі-лоненка «Пісні кримських татар», яка побачила світ у ґрунтовному науковому ви-данні, присвяченому питанням історії та культури Криму [Єфетов 1927]. Це стаття джерелознавчого характеру, де публікуються й коментуються матеріали рукопису із зібрання Таврійської вченої архівної комісії – невеликого зошита, озаглавленого так: «Сборник ногайско-татарских песен крымских мусульман, собранных во всей местности Крыма А. Мурасовым в 1903–1910 годах». Цей рукопис привертає увагу насамперед як свідчення того, що О. Олесницький був не єдиний, хто цікавився кримськотатарською піснею, дарма що праця А. Мурасова не така ґрунтовна (маємо

тут усього 13 пісень) і не була свого часу доведена до публікації. С.Б. Єфетов та В.І. Філоненко поділяють твори цього рукописного збірника на такі тематичні групи: 1) Пісні переселенські; 2) Пісні історичні й побутові; 3) Пісні любовні; 4) Рісале (віщування релігійного характеру); 5) Весільні пісні. Чотири з п'яти вміщених тут любовних пісень, окрім пісні «Джанай» («О душа!»), варіанти якої знаходимо у пізніших опублікованих фольклорних збірниках, мають доволі ускладнену поетичну манеру, яка свідчить про їхнє літературне походження, про що до того ж маємо свідчення записувача (в даному разі переписувача), котрий зазначає, що переніс їх до свого зошита не з народних вуст, а з «внутрішньої сторони палітурки» якоїсь старовинної книги [Єфетов 1927, с. 72].

Публікація С.Б. Єфетова та В.І. Філоненка підтверджує, що любовна лірична пісня – це давно усталений жанрово-тематичний різновид різногранної кримськотатарської словесності, як усної, так і писемної.

На 20-і роки ХХ століття припадає активна фольклористична діяльність Аркадія Кончевського, який цікавився різними жанрами кримськотатарського фольклору, видав зокрема книжку, присвячену казкам, легендам і переказам [Кончевский 1930], але сам будучи співаком, або, як він називав себе, «співаком-етнографом», найбільше прислужився популяризації й вивченню народної ліричної пісні. Серед відповідних численних публікацій дослідника, які з'явилися в часописах «Искусство трудящихся», «Музыкальная новь», «Крым» та вийшли окремими книжками (відомості про них знаходимо в бібліографічному розділі виданої нещодавно народознавчої хрестоматії [Крымские татары 2005, с. 543]), виділяється праця «Песни Крыма», що вийшла двома виданнями – в 1924 і 1929 роках.

Дослідником від мешканців різних регіонів Криму записано й опубліковано в збірнику пісні різного характеру – історичні, переселенські, патріотичні, колискові, весільні. Найбільше маємо тут зразків любовної лірики, зокрема таких як «Багъа вардым юзюме» («Я в лози за виноградом»), «Багъчаларда гуль, ляле» («В садах троянди, тюльпани»), «Шу Ялтадан» («Оце з Ялти»), «Юксек минаре» («Високий мінарет»), «Къара къуш минер терекке» («Чорна пташка спустилась на дерево»), «Элимде багълама» («В руці в мене стрічка»), «Гюндюз варалмайман, яврум» («Вдень я не прийду, крихітко моя»). Особлива увага звернена А. Кончевським на записи музичних текстів, причому поруч із вокальними партіями подаються фортепіанні переклади музичного супроводу, хоча фольклорист у вступі вказує на побутування в Криму таких народних смичкових, духових та ударних інструментів як саз, зурна, кевал, даре, баул. Віршовані тексти подаються вкрай скупко – переважно один-два куплети, внаслідок чого може скластися враження, що кримськотатарські народні пісні – це головним чином настроєві замальовки імпресіоністичного характеру, тоді як у варіантах багатьох аналогічних пісень, поданих в інших збірниках, часто маємо вирування пристрастей, мінливий емоційний плин, що визначає динаміку розвитку ліричного сюжету.

У згаданому вступі А. Кончевський відзначає образне та мелодійне багатство кримськотатарських народних пісень, їх глибоку самотність, говорить про любов до народної пісні різних вікових груп кримчан, про талановитих майстрів народного співу [Кончевский 1929, с. 5]. На своєрідності кримськотатарської народної пісні,

яка не нівелюється, а увиразнюється внаслідок засвоєння пісенних традицій інших етносів, наголошує у передмові до збірника А. Луначарський. «Високо обдарований тюркський народ, – зазначає він, – на півострові, де перетиналися шляхи стількох народів, де перехрещувалися впливи сходу і заходу, не міг не розгорнути цілком своєрідної м'якої, яскравої та поетичної культури. Все це якнайкраще дається взнаки в піснях кримських татар, які вражають вишуканим поєднанням східних та західних мелодій і своєю, рідко в якійсь іншій народній пісні стріваною, витонченістю» [Луначарский 1929, с. 4].

Спостереження А. Луначарського та А. Кончевського конкретизує й розвиває автор ще одного вступного матеріалу Вячеслав Пасхалов, котрий піддає ретельному аналізу музичні тексти пісень, вміщених у збірнику. В. Пасхалов відзначає особливу пластичну виразність мелодій як протяжного, так і жвавого характеру. Він вказує на особливо притаманну протяжним мелодіям неповторну східну орнаментальність, яка, на його думку, значною мірою пов'язана з впливом музичного супроводу, що аж ніяк не затінює, а ефектно увиразнює вокальний плин: «Морденти, групетто, форшлагги, пунктировані ноти, вся ця орнаментика, якою багаті кримські пісні, становить звичний атрибут зурни, в чалах (оркестрах) останнього часу заміненої кларнетом. Стрічаються в протяжних піснях також інші засоби, облюбовані кримською сопількою: пасажі з повторюваними нотами, ступеневий рух мелодії вгору і вниз». Натомість у жвавих піснях більшою мірою даються взнаки відгомони танцю: «Пісні швидкого темпу – ніщо інше як вокальна музика для танців. Різкі акценти на сильних частинах такту, а іноді й на слабких (синкопи) дуже характерні для «явлукь аваси» (танець хустини) та «кьайтарми», двох улюблених танців кримських татар, з яких перший тридольний, а другий дводольний» [Пасхалов 1929, с. 6].

Дослідник детально простежує та аналізує особливе ладове багатство кримськотатарської пісні, значною мірою зумовлене тим прикметним для Криму перетином шляхів різних народів, про який пише А. Луначарський. Зауважує він і українські впливи, особливо відчутні в піснях степового Криму. При тому зазначає, що «характерною ознакою цих пісень є широка кантелена і наявність чисто українських мелодичних зворотів», як, наприклад, у пісні «Бен бу гедже бир дюш гёрдим» («Мені цієї ночі наснилося»). Щоправда лексика цієї пісні, яка має в збірнику підзаголовок «Ногайская», більшою мірою південнобережна (мабуть, це можна пояснити якимись внутрішніми кримськими взаємовпливами). Кримськотатарська народна пісня, доводить В. Пасхалов, настільки тривка й сильна у своїй засадничо орієнтальній своєрідності, що віяння інших культур здатні її збагатити, але аж ніяк не знівелювати. «У Криму, – підкреслює дослідник, – збереглися зразки справді народної музичної творчості. Цілком ясно також, що обрусіння чи, вірніше, українізування кримського сходу не вплинуло руйнівним чином на кримську пісню, її споконвічні риси лишилися не стертими, навпаки, в деяких випадках спостерігається не позбавлена принакності асиміляція стилів» [Пасхалов 1929, с. 9]. Ці спостереження фольклориста важливі для з'ясування особливостей не лише музичної, а й словесної поезики кримськотатарської народної пісні.

Праці А. Кончевського та його сподвижників, насамперед розглянутий збірник, що його перше видання, як зазначалося, побачило світ 1924 року, суттєво спричи-

нилися не лише до збереження, а й до поширення кримськотатарської народної пісні, до того ж не лише в Криму, а й далеко за його межами, до появи публікацій, що популяризували пісенну культуру Криму [Квітка 1925; Боровко 1925; Глазунов 1928; Шацкая 1935].

На деякі особливості кримської народної пісні вказується в короткій статті, вміщеній в караїмському альманасі «Бизым йол (Наш путь)», виданому 1927 року. Стаття підписана коротким найменням Авах. Тут ідеться про тісну спорідненість кримськотатарського й караїмського фольклору, що підкреслюється навіть назвою – «Караимско-татарские народные песни». Автор говорить про давнє побутування пісень у Криму, про їх особливу роль на весіллі, а також під час учти, що має назву конушма (це учта, стверджується в статті, увесь сенс якої полягає либонь не у «випивці», а в пісні, танці й музиці). Якщо на весіллі співи мають здебільшого цілком визначене спрямування, зумовлене драматургією обряду, то під час конушми виконуються пісні різноманітного характеру – сумовито-протяжні, бурхливо-молодецькі, жартівливі тощо. Не обходяться без пісень і дівочі вечорниці, під час яких подруги піддають одна одну незлостивим кпинам або ж вихваляють чесноти одна одної. Це вони роблять найчастіше з допомогою своєрідних співанок, так званих «чи» або «варелуш». Дописувач альманаху говорить також про побутування в Криму історичних та воєнних пісень і насамкінець висловлює жаль з приводу пригасання традицій народної культури під тиском нової доби [Авах 1927].

Вагомі фольклористичні збірники як наслідок копіткої пошуково-дослідницької роботи продовжують виходити і в 30-і роки. Над вивченням та збиранням кримськотатарської народної пісні плідно працює композитор Яг'я Шерфедінов, який на початку 30-х видає свій перший збірник [Шерфединов 1931]. «Цей збірник, – зазначає дослідник у передмові, – є результатом багаторічного знайомства з піснями рідного мені народу з дитячих літ, а також спеціального вивчення їх в подальші роки. Постійні контакти з різними виконавцями, які давали мені можливість записувати різні варіанти пісень, були використані мною для ретельної та багатократної перевірки фіксованого матеріалу». З огляду на особливу ритмічну виразність, часом навіть акцентованість, яка є прикметною рисою кримськотатарського співу, Я. Шерфедінов пише: «У свої записи я завжди вважав за необхідне вводити акомпанемент бубна, що веде підкреслюваний ритм пісні» [Шерфединов 1931, с. 3]. Хоча слід зазначити, що в пізніших своїх збірниках фольклорист далеко не завжди подає партію бубна, бо така акцентованість все ж таки не для кожної пісні характерна. У цій досить ґрунтовній книзі, окрім передмови, в якій коротко характеризуються особливості пісень степових та південнобережних і вказується на значну роль весільного обряду в розвитку національної пісенності, подано детальні музичні записи, поетичні тексти, підрядкові російські переклади й примітки з короткою характеристикою записаних зразків. Здобутий дослідницький досвід фольклорист плідно використовує й розвине у своїх пізніших виданнях.

Досить ґрунтовний також збірник, підготовлений до друку видатним композитором Асаном Рефатовим [Refatov 1932]. Тут, як і в Я. Шерфедінова, вміщені детальні варіанти поетичних текстів, чого не було в збірнику А. Кончевського, а при тім велика увага приділяється нотним записам. У вступній статті Я. Азізова, виразно

позначеній характерним для того часу вульгарним соціологізмом, навіть не згадуються ліричні любовні пісні (мабуть, автор відносить їх до «незначної частини пісень, що виражають бажання й почуття татарської бідности» [Refatov 1932, с. 12]). Та попри це в самому збірнику любовна лірика посідає чільне місце. Тут зокрема представлені варіанти таких її чудових зразків як «Турнам» («Мій журавлю»), «Къара къыз» («Чорнявка»), «Шу Ялтадан» («Оце з Ялти»), «Демирджилер» («Ковалі»), «Сабанынь ссарь вакътында» («В пору раннього світання»), «Гединъ булутлар» («Линьте, хмари»), «Армут далда» («Груша на гіллі»), «Назлы, назлы» («Чарівлива, чарівлива»), «Сом сырмадан» («Біліше срібної ниті»). Друга вступна стаття, яка належить перу самого А. Рефатова, присвячена окресленню особливостей кримськотатарської народної музики [Refatov 1932, с. 13–20]. Слідом за В. Пасхаловим А. Рефатов веде мову про ладове багатство кримськотатарської народної пісні, а також розглядає особливості темпоритмічної організації пісенних текстів. Він теж говорить про численні впливи, які йдуть, за словами дослідника, з трьох основних джерел – «ірано-арабського світу, Європи й Греції», та про те, що ці впливи не применшують місцевої самобутності. Відзначаючи певні відмінності в локальному колориті музики різних кримських регіонів – степової частини, серединних теренів (Бахчисарай з Карасу-базаром і широким прилеглим довкіллям) та приморського півдня, А. Рефатов підкреслює, що ці відмінності не варто абсолютизувати.

Доволі об'ємний збірник віршованих текстів кримськотатарських народних пісень опублікували письменники Ібраїм Бахшиш та Юсуф Болат [Бахшиш Ібр. 1939]. Тут враховано досвід попередніх фольклористів, але певна частина пісень записана з народних вуст (на жаль, без відповідної атрибутики). Окремі пісні, як-от «Порт-Артур», «Агълама келин» («Не плач, наречена»), «Ай нени» («Колискова»), «Эля козьлюм» («Кароока моя»), «Турнам» («Мій журавлю»), подаються в різних варіантах.

У передмові «Йырлар акъкъында» («Про пісні») Ібр. Бахшиш та Ю. Болат пишуть про давнє походження й побутування народної пісні, роблять спробу тематичної класифікації кримськотатарської фольклорної лірики. Спершу ведуть мову про соціально-історичні пісні, куди включають твори про тяжке становище народу в умовах царського самодержавства, а відтак про пов'язані з цим становищем переселенські пісні, слушно відзначаючи їх значне поширення. Сюди входять також пісні про трагічні події в житті народу, як-от пісня про безвинно страчених Сейдаметів у селі Таракташ («Таракъташлы Сейдаметнинъ йыры») чи про голод («Эмине шерфе» – «Поштива Еміне»). У піснях про народного месника Аліма звучать ноти протесту проти несправедливості. Дослідники виділяють значний масив солдатських пісень і слідом за О. Олесницьким окремо розглядають пісні про російсько-японську війну, також про воєнні події, розпочаті 1914 року.

Опісля соціально-історичних пісень виділяється ще один великий розділ: *турмуш йырлары* (побутові, житейські пісні). Серед них у свою чергу виділяються пісні соціально-побутові. Фольклористи зазначають, що це доволі поширені пісні з виразними любовними мотивами, але тут досягаються насамперед суспільні проблеми, наприклад, майнова нерівність. В підрозділ таких соціально-побутових пісень укладачі збірника включили пісні весільного обряду, як-от «Агълама келин» («Не плач, наречена») чи «Къыналы пармакъ» («Обарвлені хною пальці»), та пісні про

насильне видання дівчини заміж, про продаж її нареченому, якого вона навіть не бачила, – «Бир данем Айшем» («Єдина моя Айше»), «Гульсюм кьыз» («Дівчина Гульсюм»). Деякі пісні, присвячені складнощам любовних стосунків, Ібр. Бахшиш та Ю. Болат теж залучають до цього підрозділу і порівнюють з різновидами пісенної лірики провансальських трубадурів, такими як канцона, серенада, альба. Скажімо, «Пенжереси ешил боя» («Вікно в зеленій рамі») справді дещо нагадує серенаду, вечірню пісню біля вікна милої, а «Саба олса, уянсама» («Вже ранок настає, прокинься») – альбу, пісню ранкового прощання закоханих після таємно проведеної ночі.

Ібр. Бахшиш та Ю. Болат пишуть, що в кримськотатарському фольклорі дуже поширені любовні ліричні пісні, які переважно пройняті тужливими настроями. «Попри те, що таких пісень дуже багато, – відзначають фольклористи, – майже всі вони про нещастя, про нещасливе кохання, а коли якісь надії на щастя й з'являються, то все одно пісня здебільшого закінчується сумно» [Бахшиш Ібр. 1939, с. 17].

Висновки. Більшість зразків пісенної фольклорної лірики, і не лише кримськотатарської, справді присвячені печальному коханню. Тут дослідники мають рацію. Але все ж над ними надто тяжіють суспільні стереотипи їхньої доби, згідно з якими всі печалі в минулому, а в радянські часи – усе радісне та й годі. Тож вони не приділяють уваги пісням про щасливе кохання. яких менше, але які все-таки присутні в кримськотатарському фольклорі.

Список літератури

1. Авах. Караимско-татарские народные песни [Текст]/ Авах // Бизым йол (Наш путь) : Издание Крымского объединения караимских общин. – Симферополь, 1927. – С. 84–86.
2. Араджиони М.А. Крымские татары : Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре [Текст]/ Авт.-сост. М.А. Араджиони, А.Г. Герцен. – Симферополь : Доля, 2005. – 576 с.
3. Бахшыш Ібр. Къырым татар йырлары [Текст]/ Ибраим Бахшыш, Ильяс Бахшыш. – Симферополь : Госиздат Крымской АССР, 1940. – 142 с.
4. Болат Юс. Кърым татар йырлары [Текст]/ Юсуф Болат, Ибраим Бахшыш. – Къырым АССР девлет нешритты, 1939. – 150 с. [Передмова: Йыр акъкъында. – С. 3–30].
5. Боровко Н. Сборник татарских песен [Текст]/ Н. Боровко. – Стокгольм, 1925.
6. Глазунов А.К. Песни крымских татар / Александр Глазунов [Текст]/ Гул земли. – Ленинград, 1928.
7. Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): Библиографический словарь [Текст]/ Гл. ред. и сост. Д. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – 240 с.
8. Ефетов С.Б. Песни крымских татар / С.Б. Ефетов, В.И. Филоненко [Текст]/ Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. – Т. 1 (58). – Симферополь, 1927. – С. 69–84.
9. Квитка К.В. Избранные труды: В 2 т. [Текст]/ Сост. и коммент. В.Л. Гошовского / К.В. Квитка. – Москва: Советский композитор, 1971–1973.
10. Квітка К.В. До питання про тюркський вплив на українську народну мелодику [Текст]/ Климент Квітка // Вісник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук. – 1928. – № 76 – 6. – С. 374–384.
11. Квітка К.В. Труды государственного института музыкальной науки. Песни Крыма. Собраны и записаны певцом-этнографом А.К. Кончевским / Климент Квітка [Текст]/ Записки історично-філологічного відділу Української академії наук. – Кн. 5. – К., 1925. – С. 238–250.
12. Кончевский А.К. Сказки, легенды и предания Крыма [Текст]/ А.К. Кончевский. – Москва–Ленинград : Физкультура и спорт, 1930. – 91 с.

13. Кончевский А.К. Песни Крыма [Текст]/ Собраны и записаны А.К. Кончевским. – Москва: Гос. и-во.; Муз. сектор, 1929. – 50 с.
14. Кончевский А.К. Прошлое и настоящее в песнях Крыма / А. Кончевский [Текст]// Забвению не подлежит...: Из истории крымскотатарской государственности и Крыма / Сост. Н. Ибадуллаев [Текст]. – Казань : Татарское кн. и-во, 1992. – С. 250–253.
15. Коцюбинський М.М. Твори [Текст]/ Михайло Коцюбинський: у 2 т. – К. : Наукова думка, 1988.
16. Луначарский А.В. Предисловие к сборнику «Песни Крыма» / А. Луначарский [Текст]// Песни Крыма / Собраны и записаны А.К. Кончевским. – Москва : Гос. и-во.; Муз. сектор, 1929. – 50 с. – С. 4.
17. Непомнящий А. Забутий кримський етнограф О. Олесницький / Андрій Непомнящий [Текст]// Народна творчість та етнографія. – 2007. – С. 47–48.
18. Олесницький А.И. Материалы по изучению крымской народной поэзии / Алексей Олесницький [Текст]// Восточный сборник. – Т. 1. – Спб., 1913. – С. 44–53.
19. Олесницький А.И. Песни крымских турок. Текст, перевод и музыка / Алексей Олесницький [Текст]/ Под ред. Вл. Гордлевского. – Москва, 1910. – 85 с. (Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков. Выпуск 32).
20. Пасхалов В. Музыкальная структура крымских песен / Вяч. Пасхалов // Песни Крыма [Текст]/ Собраны и записаны А.К. Кончевским. – Москва: Гос. и-во; Муз. сектор, 1929. – С. 6–9.
21. Песни крымских татар : Бытовые / Записаны и музыкально обработаны М. Карасевым, литературно обработаны Т. Чурилиным, М. Карасевым [Текст] – Москва: Гос. и-во; Муз. сектор, 1929. – 24 с.
22. Радлов В.В. Образцы народной литературы северных тюркских племен / Василий Радлов. – Ч. 7: Наречия Крымского полуострова [Текст]. – Санкт-Петербург : Издание Императорской академии наук, 1896. – XVIII + 932 с.
23. Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме [Текст]/ А.Н. Самойлович. – Симферополь : Доля, 2000. – 296 с.
24. Самойлович А.Н. О материалах Радлова по народной словесности крымских татар и караимов [Текст]// Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы (за 1916 г.) – Симферополь, 1917. – Т. 6. – С. 118–124.
25. Шацкая О. Заметки о крымском фольклоре / Ольга Шацкая [Текст]// Красный Крым. – Симферополь, 1935. – № 221.
26. Шерфединов Я. Песни и танцы крымских татар [Текст]/ Ягъя Шерфединов. – Симферополь : Крымское гос. из-во; Москва: Гос. муз. и-во, 1931. – 94 с.
27. Refatov N. Qъgъm tatar jъglagъ [Текст]/ N. Refatov. – Симферополь : Qъgъm devlet nesriyatъ, 1932. – 52 + 98 b. [У виданні вміщена вступна стаття кримськотатарською та російською мовами: Azizof J. Muqaddime. – Азизов Я. Вступительная статья. – С. 3–12; передмова: Refatov N. Qъgъm tatar halq musikas. – С. 13–20; подаються тексти – с. 21–52; ноти – с. 1–97; на звороті титульної сторінки нотного розділу зазначено: Нотная часть сборника исполнена в нотопечатне Гиза РСФСР, Москва].

Гуменюк О.Н. Изучение крымскотатарской народной песни во времена первого возрождения национальной культуры

Исследовательница рассматривает достижения фольклористов конца XIX – первых десятилетий XX века в области фиксации и изучения крымскотатарской народной песни, в частности работы Василия Радлова, Алексея Олесницкого, Александра Самойловича, Аркадия Кончевского, Вячеслава Пасхалова, Асана Рефатова, Юсуфа Болата, Ибраима Бахшиша, Климентия Квитки. Особое внимание уделяется проблемам классификации и жанровой типологии крымскотатарской народной песни.

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, жанры фольклора, фольклорная лирика, фольклористика.

Humeniuk O.M. The studying of Folk Song by Crimean Tatars in the period of the first renaissance of national culture

The exploreress considers the acquisitions by the folklorists of the end of XIX – first decades of the XX century in the branch of the fixation and studying of the Crimean folk songs, particularly the works by Vasil Radloff, Alexey Olesnytsky, Alexander Samoylovych, Arcadiy Konchevski, Viacheslav Paskhalov, Hasan Refatov, Yusuf Bolat, Ibraim Bakhshysh, Klyment Kvitka. She pays special attention on the problems of classification and genre typology of the folk songs by Crimean Tatars.

Key words: folklore by Crimean Tatars, genres of folklore, folklore lyrics, folkloristic.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 8.80.821

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ МИФОВ

Векилова А. И.

В азербайджанской народной литературе существуют некоторые архаические жанры, к которым относятся мифы, легенды и предания. Эти жанры сохраняют ту информацию, о художественно-эстетическом мышлении и мировоззрении народа, которое не смогло продолжить свое существование до наших дней. Как и во французской мифологии, так и Азербайджанском мифологическом мышлении существуют мифы, посвященные различной тематике. Статья посвящена сравнительному изучению Азербайджанских и французских мифов.

Ключевые слова: архаические жанры, мифы, предания, Азербайджанское мифологическое мышление, Французская мифология

Введение. В азербайджанской народной литературе существуют некоторые архаические жанры, к которым относятся мифы, легенды и предания. Эти жанры сохраняют ту информацию, о художественно-эстетическом мышлении и мировоззрении народа, которое не смогло продолжить свое существование до наших дней [1, 3]. Эти интереснейшие фольклорные образцы, которые пройдя, все испытания веков и тысячелетий, дошли до наших дней, являются богатым источником для изучения общетюркского мифологического мышления. Представления о потусторонних силах, об астральных явлениях, о возникновении вселенной и земли, а также о создании человека, которые отражены в этих текстах, дают возможность познать общетюркскую мифологическую систему в законченной и полноценной форме.

Азербайджанская мифология является неотъемлемой частью общетюркской мифологии [2, 143]. Она (т.е. Азербайджанская мифология), выражает эстетические идеалы Азербайджанского народа, который, в определенный период своего существования отделился от древнетюркских мифологических источниках, и прошел своеобразный путь развития.

Как и во французской мифологии, так и Азербайджанском мифологическом мышлении существуют мифы, посвященные различной тематике. Эти мифы можно классифицировать нижеследующим образом (Эта классификация по тематическим признакам, является универсальной. Так как мифы других народов также могут классифицироваться таким образом):

1. космогонические мифы
2. этногонические (генеалогические) мифы
3. календарные мифы [3, 15]

Все мифологические сюжеты, верования, культы поклонения, обряды, обычаи и т.д. не могут существовать вне этой триады [1, 145-146].

Мысли о сотворении земли занимали людей испокон веков. В большинстве случаев, древние люди предполагали что, земля и все живое было создано одним творцом. Этим творцом, по первобытным верованиям, был – Бог.

В «Авесте» сохранился миф о том, как Ахурамазда сотворил землю: «...потом Ахурамазда начал создавать все из своего тела: в первую очередь из его головы образовалось Небо. Ахурамазда со всеми, что создал до этого, поместился в Небе. Земля образовалась из его ног. Вода была создана из его слез. Растения возникли из его волос. Из его души произошел огонь. Из вечного света появилось его сияние» [4, 139].

Схожесть и связь между такими мифами (т.е. мифами о сотворении мира у разных народов) очевидна. Стоит отметить и тот факт, что во времена распространения Исламской религии, были созданы многие мифы схожей тематики.

Мифы о сотворении вселенной и земли имеют аналогии и в Азербайджанской устной народной литературе. В одном из таких мифов говорится, что, земля полностью погружается в воду. Бог создает одну птицу и называет ее Умай и поручает ей лететь над водой и проследить где вода убыла, а где прибыла. И в месяц один раз докладывать об этом. Много времени проходит с этого дня. Однажды сильно уставшая Умай, приходит к Богу и начинает докладывать. Бог видит, как это птица устала, но не жалуется, он берет ее в руки и кладет на свое плечо, чтобы она отдохнула. Птица засыпает. Когда просыпается, Бог дает ей 3 драгоценных камня, размером в горошину, и говорит, чтобы она спрятала их под своим языком и улетела. И каждый день чтобы бросала по одному камню в воду. Умай делает все как указано и прилетает к Богу. Остается там 9 дней, на десятый день Бог повелевает ей вернуться в те места, где она уронила драгоценные камни. Там встретишь зеленый остров на котором выросло дерево. На этом дереве разобьешь гнездо. В море, куда был брошен третий камень, найдешь много рыб для пропитания». [4, 142] (А.Нябийев)

А сейчас рассмотрим схожий мотив во французских мифах. Аналогичный миф имеется и у французского народа. В мифе «Comment est apparue la Terre» («Как сотворилась земля») говорится: «Il y a bien longtemps, dans les temps plus reculés, l'eau atteignait le ciel, et il n'y avait pas du tout de terre sur notre planète : Et sur l'eau, n'ageait un oiseau appelé Plongeon. Dieu qui habite au ciel, lui dit : «Tu nages bien, Plongeon, et tu sais même plonger. Sous l'eau il y a de la terre. Rappelle-en tout petit peu ! On vit bien, sur la terre, mieux que dans l'eau». Plongeon lui répondit : «Je n'ose pas. Et d'ailleurs, je vis très bien dans l'eau, moi. Je n'ai pas besoin de terre...». В содержание текста говорится: «Очень давно, в древние времена вода доходила до неба и на нашей планете не было земли. Над водой жила птица Плонжон – нырявшая под воду. Бог, живущий на небе говорит ей: «Ты хорошо ныряешь. Под водой есть земля. Окунись в воду и принеси мне немного земли. Жить на земле лучше чем над водой». Плонжон отвечает ей: «Я не решусь на это. Мне и над водой хорошо, я не нуждаюсь в земле». Тогда Бог обратился к утке: «Окунись в воду и достань мне немного земли». Утка говорит: «Я тоже боюсь. Но я это сделаю». Утка нырнула под воду и три дня осталась там. На четвертый день она принесла немного травы и водорослей. Бог сказал: «Брось их на воду и из них образуется земля». Утка бросает их на воду и действительно образуется земля. И утка начинает жить на земле. Но Плонжон в наказание начинает жить на болоте».

В приведенных текстах - и в Азербайджанском мифе, и во французском мифе вначале всего существования была только вода. Единственная разница в том, что в Азербайджанском тексте птица была создана самим Богом, но во французском тексте птица не создается Богом, она лишь посланница Бога, которая отказывает ему.

Этногонические (генеалогические) мифы тесно связаны с космогоническими мифами. Их содержание охватывает такие мотивы как, происхождение человека, создание норм связанных с родственными отношениями, возникновением праздников, государства и социальных отношений и др. Широко распространенные этногонические мифы связаны с демонологическими образами того или иного народа. В Азербайджанской мифологии такие образы идентичны с образами демонологии других народов, лешими, водяными, домовыми и др.

«Все что мы видим глазами, имеет покровителей. Эти покровители невидимы. Они живут в тех местах, где хозяйствуют. Например, духи, покровители садов живут в садах. Их нельзя повстречать в лесу или на болоте. Точно так же, леший живет в лесу, в водяной в воде. Но есть такие духи, они живут везде, и могут навредить людям. Это духи судьбы, болезни, смерти». В Азербайджанской демонологии дух судьбы называется – «кара чуха». Идентичный образ французской демонологии называется «эние фамилиер». «Le génier d'une personnes, appelé génie familier, accompagnait ce dernier, dès sa naissance et jusqu'à sa mort «comme son double; son demon, son ange gardien, son conseiller etc» [5, 810-813]. «Дух судьбы – кара чуха сопровождает человека от рождения до самой смерти. Дух судьбы является двойником человека, его советчиком и хранителем».

Известный исследователь демонологии Жан Бодер подтверждал, что «affirmait avoir connu un homme qui était toujours accompagné d'un esprit familier : Ce dernier lui donnait un petit coup sur l'oreille gauche quand il se conduisait mal ou pour l'avertir qu'il se trouvait avec une personne malhonnête». «он знал человека, дух судьбы которого, всю жизнь преследовал его. Когда этот человек делал что то плохое, кара чуха ударял его по уху. Или же предупреждал его о будущих неудачах».

«l'empereur Napoleon fut protégé jusqu'à l'âge de 45 ans, dit-on, par un génie appelé le «petit homme rouge», qui lui dévoilait l'avenir et le conseillait sur les affaires du pays : Il lui annonça notamment son accession à l'Empire, les victoires d'austerlitz, de Friedland, d'Iéna, de Wagram, sa chute et son exil». «поговаривают, что императора Наполеона до 45 лет преследовал дух по прозвищу - «маленький красный мужчина». Он предсказывал ему будущее, давал советы о государственных делах. Он предсказал императорство Наполеона, его победы, поражения, ссылку и др.»

«Les anciens reconnaissent trois sortes d'esprits, qu'il appelaient démons» - les bons, les mauvais et les neutres» - «древние люди верили в существование трех духов (демонов): духи-доброжелатели, плохие духи и нейтральные духи».

«Une théorie veut qu'il y ait six grandes sections de demons» - «По одной версии демоны делятся на шесть больших групп».

1. Les démons du feu qui habitent les régions éloignées – демоны огня, живут вдалеке.

2. Les démons de l'air qui volent autour de l'homme et excitent les orages – демоны воздуха, летают вокруг человека, создают ураганы

3. Les démons de la terre qui se melent aux hommes – живут на земле, джины, они примыкают к людям.

4. Les démons des eaux, familiers des mers et des rivières et qui causent tempêtes et naufrages – демоны, живущие в воде, в морях и в реках. Они создают штормы и ураганы, это духи, водяные, русалки и др.

5. Les démons souterrains qui provoquent les tremblements de terre, les éruptions volcaniques, font écrouler les puits et tourmentent les mineurs ; les démons ténébreux qui se trouvent loin du soleil. – демоны, живущие под землей, создают вулканы, землетрясения и др. Это духи, отдаленные от солнца.

Календарные мифы и календарная обрядность занимают особое место в мифологической системе. Азербайджанская мифология богата текстами такого содержания. Привлекают внимание, тексты, посвященные названиям годов, годовому календарю. «В дни празднования Новруза ученые собрались и решили назвать года именами животных. Они встречают 12 животных и года называют именами этих животных».

В французских источниках можно встретить множество интересных текстов посвященных этой тематика. В этих источниках говорится, что проводы одного года, и встреча другого всегда праздновалось обрядами и праздниками. И этот день считался пустым днем. «Les premières célébrations du nouvel an remontent à 2000 ans avant notre ère dans la ville de Babylone où la nouvelle année qui correspondait à la fin du mois de mars, était salué par des festivités onze jours durant» - «Празднование нового года датируется 2000 годом до нашей эры и соответствовал концу месяца март. Праздник продолжался одиннадцать дней».

По древним представлениям, сохраненным во французских источниках, проводились праздники в честь бога земледелия Мардака. «Dans l'Antiquité, il était de tradition de faire du bruit (avec des cors et des tambours) pendant la nuit de la nouvelle année pour chasser les mauvais esprits». «В древние времена, в новогоднюю ночь, играя на трубах и тамбурах, хотели напугать злые силы и прогнать их».

«Les forces mauvaises étaient boutées dehors par de jeune garçons porteurs de taches et dansant la danse des douze animaux (comme les 12 mois)». Злые силы прогонялись двенадцатью юношами с факелами в руках, символизирующие месяцы года и танцующие танцы животных». После, эти юноши прогонялись к водоему, чтобы смыть всю нечисть и неудачу уходящего года. В дни этих праздников, чтобы предотвратить повторения, плохие события уходящего года писались на бумаги и эти бумаги сжигались на костре, с верой в то, что как только рассеяться дым от костра, так и неудача, невезение уйдет прочь.

Как видим, этот праздник идентичен Азербайджанскому народному празднику. Во первых, время проведения этих двух праздников совершенно идентичны. С другой стороны, эти праздники идентичны по программе поверий, верований и программе действий праздника.

Празднование нового года в марте месяце, как у азербайджанцев, продолжалось вплоть до 153 года до нашей эры. После этот праздник начал праздноваться 1 января. После принятия христианства, церковь запретила справлять этот праздник в марте. «Au Moyen Age, les Anglais fêtaient le nouvel an le 25 mars, les italiens le jour de Noël puis le 15 décembre, les Espagnols le 1er Janvier» - «В средние века англичане справляли

новый год 25 марта, итальянцы 15 декабря, испанцы 1 января». Но во Франции и ее провинциях этот праздник праздновался 1 марта, 25 декабря, 25 марта и др.

У французов поверия, связанные с новым годом, сохранились до наших дней. Для этого праздника люди особо готовились. В момент вступления нового года (в 12.00), открывались все двери, чтобы дух старого года смог спокойно уйти. А дух нового года спокойно войти. В эти минуты запрещалось говорить плохие слова, даже думать о плохом (похожее поверье существует у азербайджанцев в обрядовом комплексе, связанным с праздником Новруз).

Когда часы пробьют 12, загадывали 12 желаний, один на каждый бой курантов. И поедали виноград. Это поверье широко распространилось не только во Франции, но и других государствах Европы.

Выводы. Таким образом, в азербайджанской народной литературе существуют некоторые архаические жанры, к которым относятся мифы, легенды и предания. Эти жанры сохраняют ту информацию, о художественно-эстетическом мышлении и мировоззрении народа, которое не смогло продолжить свое существование до наших дней.

Список литературы

1. Азербайджанская фольклорная антология, III часть
2. Набиев, А. Азербайджанская народная литература [Текст] / А.Набиев. - I часть. - Баку: Туран, 2002. - 678 с. (на азерб.яз.)
3. Аджалов, А. Вступление [Текст] / А.Аджалов // Азербайджанские мифологические тексты. - Баку: Элм, 1988. - 194 с. (на азерб.яз.)
4. Эфендиев, П. Азербайджанская народная литература [Текст] / П. Эфендиев. - Баку: Маариф, 1992. - 477 с. (на азерб.яз.)
5. Mossani, Eloise. Le livre des superstitions (mythes, croyances et légendes) [Текст] / E. Mossani. - p. 810-813. (на франц.языке)
6. Азербайджанские мифологические тексты [Текст] / - Баку, Элм, 1988.- 194 с. (на азерб.яз.)

Векилова А. И. Порівняно-порівняльне вивчення Азербайджанських і французьких міфів

У азербайджанській народній літературі існують деякі архаїчні жанри, до яких відносяться міфи, легенди і перекази. Ці жанри зберігають ту інформацію, про художньо-естетичне мислення і світогляд народу, який не зміг продовжити своє існування до наших днів. Як і у французькій міфології, так і Азербайджанському міфологічному мисленні існують міфи, присвячені різній тематиці. Стаття присвячена порівняльному вивченню Азербайджанських і французьких міфів.

Ключові слова: архаїчні жанри, міфи, перекази, Азербайджанське міфологічне мислення, Французька міфологія

Vekilova A. I. About comparative studying of the Azerbaijan and French myths

In the Azerbaijan national literature there are some archaic genres to which it is possible to carry myths and legends. These genres keep that information, on is art-aesthetic thinking and outlook of the people. As well as in the French mythology and the Azerbaijan mythological thinking there are the myths devoted to various subjects. Article is devoted comparative studying of these ancient folklore samples.

Key words: archaic genres, myths, legends, Azerbaijan mythological thinking, French mythology

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

ТУРЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.512.161

ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА ТУРЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА АНГЛИЙСКИМИ ЗАИМСТВОВАНИЯМИ

Мамедова Н. Я.

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной тюркологии. В данной статье речь идет о языковых контактах современного турецкого литературного языка с английским языком и заимствовании терминов, которое является богатым источником развития и обогащения словарного состава современного турецкого литературного языка в процессе международного сотрудничества и взаимопроникновения культуры и цивилизации.

Ключевые слова: обогащение лексики, заимствование терминов, языковые контакты

Введение. Научно-технический прогресс, достижения в области культуры и образования одного народа, как правило, со временем становятся достоянием и других народов. В процессе общения, обмена информацией неизбежно осуществляется и обмен определенными языковыми элементами, чаще всего лексическими. Лексические изменения различной степени интенсивности происходят в разные эпохи развития языка. «...Постепенная эволюция словарного состава приводит при соответствующих условиях, в определенный исторический момент к существенным его преобразованиям. Лексика изменяется не только постепенно и непрерывно, но и неравномерно, в эпохи особенно интенсивной общественной жизни, в эпохи очень значительных и глубоких социально-культурных перемен...» [4, стр. 566]. Турецкий язык в этом отношении не является исключением. В частности, его контакты с мировыми языками уходят своими корнями в далекое прошлое. Процесс иноязычных заимствований присущ всем периодам развития турецкого литературного языка. На протяжении всей истории своего развития агглютинативный турецкий язык испытывал сильное воздействие разносистемных языков.

Одним из основных источников обогащения словарного состава турецкого литературного языка и по сей день явились его языковые контакты с одним из основных мировых языков-английским языком. «Каждый мировой язык современного развития человечества выступает в функции: 1) языка, на котором создана одна из величайших национальных культур; 2) основного языка современной науки, культуры, техники и сотрудничества народов одного или нескольких больших регионов мира; 3) одного из языков мирового развития...; 4) одного из языков международного общения и сотрудничества» [1, стр. 32]. Нет сомнения, что английский язык в наибольшей степени соответствует этим требованиям. Важность и влияние английского языка в мире определяется следующими факторами, соответствующими

проникновению англицизмов в развитые языки мира, в том числе и тюркские, в частности, турецкий:

1) Количество носителей: как родного — около 410 млн, говорящих (включая второй язык) — около 1 млрд. людей (Великобритания, США, Канада, Ирландия, Мальта, Новая Зеландия, Индия, Пакистан, Австралия и т.д.)

2) Географическая распространенность: ½ земной территории

3) Средства массовой информации

4) Фактор престижа: США и Англия являются наиболее передовыми в техническом отношении странами, от политики которых зависит часть развивающихся стран и спокойствие во всем мире. Велико значение и воздействие англоязычной культуры, получающей большое распространение практически во всех государствах и регионах.

5) Языковая политика англоязычных стран, направленных на пропаганду и укрепление престижа английского языка как внутри государственных границ, так и за их пределами. «Действительно, в мире нет такого народа, литературный язык которого не обогатился бы достижениями английского литературного языка, не воспользовался бы, путем прямого заимствования, его лексикой, фразеологией, средствами образного выражения, его словообразовательными и другими конструкциями и моделями для своего усовершенствования» [3, стр.244].

Исследование исторических контактов английского и турецкого языков показывает, что турецкий литературный язык вплоть до 30-х гг. XX века не испытывал заметного влияния английского языка. Это обстоятельство объясняется следующими причинами. Во-первых, сильным влиянием письменности семито-хамитской языковой группы, т.е. арабо-персидских элементов. Во-вторых, функциональными особенностями турецкого литературного языка в дореспубликанский период его развития. В-третьих, языковой политикой духовенства, придворных кругов, законодательных органов, направленных на отделение литературного языка от народной речи. Нельзя также забывать и тот исторический факт, что в ту пору английский язык не имел столь важный международный авторитет, т.к. в то время Англия претерпевала деградацию и экономический упадок, а США не вышли на авансцену мировой политики.

В словарном составе современного турецкого литературного языка важное место занимают неологизмы республиканского периода. Кемалистская революция, в корне изменившая экономику и быт, породила новые отношения, предметы и понятия, для обозначения которых появились новые слова, заимствованные главным образом из английского языка. Более широкое распространение заимствований из английской лексики началось с перехода на латинскую графику и они стали заимствоваться письменным путем, которое проникало и усваивалось в значительной степени через переводы. В процессе переводов вошло в турецкий язык огромное количество слов и терминов, относящихся к различным пластам словарного состава турецкого литературного языка. Среди интернациональных терминов огромное количество занимают английские термины, охватывающие различные отрасли человеческих знаний. Английский язык сыграл роль авангарда в научно-технической революции. В свою очередь, бурное развитие науки и техники в эпоху НТР вызвало своего рода

терминологический взрыв. Известный турецкий ученый Т. Бангуоглы утверждает, что «приток английской и интернациональной лексики (главным образом научной терминологии) с каждым годом развития турецкого народа все более и более увеличивается, и уже в современном языке в области научной и общественно-политической терминологии количество заимствований превышает запас коренных турецких слов»[5,стр.314]. Следует отметить, что заимствование терминов через английский язык происходило и происходит по сей день без каких-либо изменений фонетического облика заимствованных слов.

Современный поток англицизмов в турецком языке - объективное явление, результат изменения государственного строя и политической обстановки, переоценки социальных ценностей и открытой ориентации на Запад в области экономических и политических отношений. Л.П.Крысин упоминает, что «чем больше вовлечена та или иная сфера деятельности в международное сотрудничество, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям»[2,стр.142-161].

Англицизмы в современном турецком литературном языке образуют многочисленную группу лексических единиц, характеризующихся тематическим и семантическим разнообразием. Они систематизируются по определенным предметно-тематическим группам с последующим выделением внутри каждой из них лексико-семантических парадигм:

1. Научно-техническая терминология. Важнейшим фактором освоения данной группы слов является потребность обозначения новой реалии в принимающем языке. Появляющиеся новые научно-технические изобретения нуждаются в своем наименовании. В данной тематической группе выделяются заимствования, относящиеся к разным отраслям науки:

а) медицинская терминология: acut(acute)-острый; stres(stress)-стресс; çekap(check up)- профилактика; katgüt(cat gut)-кетгут; epikriz (epicrisis)-эпикриз; nod(node)- нарост, утолщение; peeling(peeling)-чистка; liposuction (liposuction)-липосакция; obezite(obesity)-ожирение

б) компьютерная терминология: bit(bit)-бит(минимальная единица информации); sobol(Cobol)-Кобол(язык программирования); çet(chat)-чат; dvd (digital video disk) -цифровой видеодиск; hekir (haker,hacker)-хакер; hiperlink (hyperlink)-гиперссылка; host(host)-хост, локальный компьютер; IP(internet protokol)-информационный провайдер; internet(internet)-интернет; intranet(intranet)-интранет; laptop(laptop)-лэптоп, небольшой портативный компьютер.

в) растительный и животный мир: buldok(bulldog)-бульдог; çita(cheetah)-гепард; flâmingo(flamingo)-фламинго; legorn(leghorn)-леггорн(порода кур); ararot(arrowroot)-аррорут(крахмальная мука), маранта; çarliston (charleston) - чарльстон(разновидность перца); greypfrut(grape fruit)-грейпфрут

г) искусство: caz(jazz)-джаз; cazbant(jazz-band)-джаз-банд; fokstrot(fox-trott)-фокстрот; folk (folk) -фолк (поп - музыка, основанная на народных мелодиях); hit(hit)-хит; longpley (long play) -долгоиграющая пластинка; kiç (kitsch)-кич(художественный стиль); film(film)-пленка, фильм, фотопленка.

Анализ научно-технической терминологии английского происхождения показывает ее неоднородный характер как со структурной, так и с семантической точек зрения.

2) Вследствие экономического развития и преобразований в экономике, экономическая лексика турецкого языка представляет собой многочисленную группу лексических заимствований из английского языка. Развитие рыночных отношений вызвало интенсивное использование англицизмов для наименования появляющихся новых реалий в области экономики. Активное освоение именно англоязычной лексики в турецком языке по этой предметно-тематической группе обусловлено общим стремлением к интернационализации экономической терминологии, базу которой составляют англицизмы: *bar (bar)* - бар, буфет, стойка, ресторанчик; *akseptans (acceptance)* - уведомление о зачислении; *banknot (bank-note)* - банкнот; *çek (check, cheque)* – чек; *fob (free on board)* - фоб, франко-борт (с оплатой фрахтователем расходов по погрузке); *holding (holding)* - холдинговая компания; *kliring (clearing)* – клиринг (система безналичных расчетов); *aktüeryal (aktuarial)* - страховой; *marketing (marketing)* - маклер; *partner (partner)* - партнер; *hipermarket (hypermarket)* - супермаркет; *brokır (broker)* - маклер, комиссионер.

3) В турецком литературном языке общественно-политическая лексика охватывает своеобразный и довольно многочисленный разряд слов, относящихся к названиям общественных формаций, политических, научных, идейных течений и направлений и т.д. Основным источником на путях создания этой лексики в конце XIX в. и в начале XX века становится заимствование слов из английского языка, например: *aparhayd (apartheid)* - апартеид, расовая изоляция; *boykot (boycott)* - бойкот, *dominyon (dominion)* - доминион, *fabyanizm (fabianism)* - фабианство, *fundamentalizm*, *lider (leader)* - лидер, *lobi (lobby)* - лобби, *lord, lort (lord)* - лорд и т.д.

4) Большое количество английских заимствований в турецком литературном языке наблюдается в области спортивной терминологии. Среди экстралингвистических причин интернационализации спортивной терминологии можно выделить следующие: 1) влияние НТР; 2) широкое распространение спортивной рекламы; 3) рост интереса к массовому спорту. Слова, входящие в эту тематическую группу, распределяются по нескольким лексико-семантическим парадигмам: *averaj (average)* - среднее количество очков; *çelenç (challenge)* - переходящий кубок; *ralli (rally)* - авторалли; *jogging (jogging)* - джоггинг; *sprint (sprint-)* - спринт, бег на короткую дистанцию; *hokey (hockey)* – хоккей; *kriket (cricket)* - крикет; *kros (cross)* - кросс; *ski (ski)* - лыжи

Спортивные термины английского происхождения в турецком литературном языке систематизируются по отдельным видам спорта:

а) игры в мяч (футбол, баскетбол, гандбол и т.д.): *dripling (dribbling)* - дриблинг; *haftaym (half-time)* - перерыв между таймами в футболе; *ofsayt (off side)* - офсайд, вне игры; *pas (pass)* - пас; *santıfor (centr-fore)* - центральный игрок в футболе; *set (set)* - сет в теннисе; *pingpong* - пинг-понг; *basket (basket)*; *basketbol (basketball)* - баскетбол; *aut, avut (out)* - уход мяча за пределы поля; *bek, bask* - защитник в футболе; *korner (corner)* - угловой удар; *penalti (penalty)* - пенальти; *taç (touch)* - а) боковая линия, б) площадь за боковыми линиями игрового поля; *gol (goal)* - гол; *golf (golf)* -

гольф; forvet(forward) -форвард,нападающий; frikik(free kick)-свободный удар; step(step)-шаг;faul(fault)-фол(нарушение правил игры); fikstür(fixture)-точно намеченная и установленная дата спортивных состязаний; hentbol(hand ball)-гандбол

б)в боксе: boks(box)-бокс; arakat(uppercut)-апперкот,удар снизу; handikap (handicap)-гандикап;

г)в теннисе: ace(ace)-очко, выигранное одним ударом, броском; kort (court)-корт, теннисная площадка

Некоторые спортивные термины были заимствованы с целью более рационального выражения уже известных спортивных явлений, например:overtaım-дополнительное время;pley-off-повторная игра после ничьей, переигровка;transfer-переход игрока из одного клуба в другой;draft-призыв(система пополнения команд в профессиональном спорте) и т.д.

5)Лексика, называющая реалии шоу-бизнеса. Многочисленную группу английских заимствований в современном турецком литературном языке составляют слова, связанные с молодежной модой, культурой, музыкой, кино, телевидением, рекламой и т. д. Например, blucin (blue-jeans) - джинсы; blazer (blazer)-блейзер; bermuda (bermudas, bermuda shorts) - бермуды, шорты до колен; cin (gin) - джинсы; frak (frock) - фрак; keп (cap) - кепи, бескозырка; kot (cot) - хлопок; medya (mass media) - средства массовой информации; feding (feding) - фединг, замирание, затухание(радио);star(star)-звезда(кино, театра); skeç(sketch)-небольшая пьеса шуточного содержания; spiker(speaker)-диктор;şov (show)-шоу, представление; tabloid (tabloid)-таблоид, малоформатная газета со сжатым текстом, обычно бульварного содержания; rating (rating)- рейтинг, zaping (zapping) -переключение телевизионных каналов пультом; hit(hit)-хит;remix-ремикс (новая аранжировка музыкального произведения; enkıрман, ankorman (anchorman)-диктор; soundtrack-саундтрек (песня из кинофильма); kasting(casting)- распределение ролей; prime time-прайм-тайм, наиболее выгодное и дорогое время для размещения теле- и радиорекламы;poster-афиша, объявление; slogan-лозунг и т.д.

Выводы. Таким образом, заимствование иноязычных терминов является богатым источником развития и обогащения словарного состава современного турецкого литературного языка в процессе международного сотрудничества и взаимопроникновения культуры и цивилизации. Научная терминология, лежащая почти целиком за пределами основного фонда турецкого языка, очень проницаема в отношении иноязычных заимствований и большую ее часть составляют термины иностранного происхождения.

Список литературы

1. Журавлев, В.К. Современная идеологическая борьба и проблемы языка [Текст] / В.Журавлев. – Москва: Наука, 1984.
2. Крысин, Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни [Текст] / Л.Крысин // Русский язык конца XIX столетия (1985-1995). – Москва: Языки русской культуры, 2000. - стр. 142-161.
3. Ледаева, С.Д. Из области заимствований в английском языке [Текст] / С.Ледаева. – Кишинев: Изд-во Штинца, 1975. - 80 стр.
4. Сорокин, Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90 гг. XIX века [Текст] / Ю.Сорокин. - Москва-Ленинград: Наука, 1965.
5. Banguoğlu, T. Türkçenin Grameri [Текст] / T. Banguoğlu. - İstanbul, 1974 (на турецком языке)

Мамедова Н. Я. **Збагачення словарного складу турецької літературної мови англійськими запозиченнями**

Стаття присвячена одній з актуальних проблем сучасної тюркології. Робота присвячено вивченню мовних контактів сучасної турецької літературної мови з англійською мовою і запозиченням термінів, яке є багатим джерелом розвитку і збагачення словарного складу сучасної турецької літературної мови в процесі міжнародної співпраці і взаємопроникнення культури і цивілізації.

Ключові слова: збагачення лексики, запозичення термінів, мовні контакти

Mamedova N. Y. **Enrichment of vocabulary of a Turkish literary language by English loanwords**

Article deals with one of actual problems of modern study of Turkic languages. Given article describes the contacts of a modern Turkish literary language with English language and borrowing of terms which is a rich source for development and enrichment of vocabulary of a modern Turkish literary language in the process of the international cooperation and interpenetration of culture and civilization.

Key words: enrichment of vocabulary, borrowing of terms, language contacts

Стаття поступила в редакцію 27.08.2009 г.

УДК 811.512.161

ЗВ'ЯЗОК МОВИ, КУЛЬТУРИ, МИСЛЕННЯ ТА ЛІТЕРАТУРИ: ПОГЛЯДИ ДЕЯКИХ ТУРЕЦЬКИХ МОВОЗНАВЦІВ

Костюк А. В.

У статті репрезентовано праці провідних мовознавців Туреччини, присвячених вивченню зв'язку між мовою, культурою, мисленням та літературою. Проаналізовано стан розробки даного питання у турецькому мовознавстві, виділено ключові проблеми дослідження.

Ключові слова: мова, культура, мислення, література.

*“Зв'язок між національною свідомістю та мовою – дуже сильний.
Існування багатой національної мови –
необхідна передумова подальшого вдалого розвитку країни”.*

*Мустафа Кемаль Ататюрк
(Перший президент Турецької Республіки)*

“Основа Турецької Республіки – культура”.
*Мустафа Кемаль Ататюрк
(Перший президент Турецької Республіки)*

Вступ. На даному етапі розвитку мовознавчої науки остаточної популярності набули дослідження, присвячені взаємозв'язку мови, культури, свідомості людини та дійсності, що її оточує. А вивчення культурної самобутності народу, відбитої в національно-мовній картині світу, давно стало одним з найактуальніших напрямків розвитку сучасної лінгвістики.

У центрі уваги більшості дослідників опинилися праці провідних російських, західних та українських вчених: Є.Верещагіна, В.Костомарова, В.Телії, Г.Томахіна, Ю.Степанова, В.Маслової, В.Красних, О.Шейгал, А.Вежбицької, В. Гумбольдта, Е.Сепіра, Б.Уорфа, О.Потебні, Р.Зорівчак, І.Голубовської та ін. При цьому не представлені широкому науковому загалу залишилися роботи лінгвістів країн Сходу.

Заданням даної статті є представлення та науковий огляд праць провідних турецьких мовознавців, присвячених дослідженню зв'язку мови, культури, мислення та літератури.

Мета – визначити погляди вчених Туреччини на природу взаємодії цих явищ, з'ясувати стан розробки даного питання у турецькому мовознавстві, виділити ключові проблеми дослідження. Передбачається, що представлення робіт закордонних вчених, присвячених вивченню феномену взаємозалежності мови, культури, мислення та літератури сприятиме більш чіткому окресленню проблематики дослідження й зміцнить його статусу в цілому.

На початку наведемо визначення мови, мислення, культури та літератури, які подано у великому тлумачному словнику турецької мови Турецького лінгвістичного товариства. “Мова – це 1) повідомлення думок та почуттів людини за допомогою слів

або знаків. Напр., *Лише з мови було зрозуміло, що він з Анатолії*. 2) Притаманні певній епосі, групі, письменнику словниковий запас та порядок слів. Напр., *мова творів Ахмета Хамді Тантинара*. 3) Мова, притаманна певній професії. Напр., *юридична мова*. 4) Будь-який засіб передачі думок та почуттів. Напр., *мова музики*” [9].

“Культура – це 1) сукупність усіх матеріальних та духовних цінностей, які визначають місце людини в природньому та соціальному середовищах, що були створені під час історично-соціального розвитку людства та передані наступним поколінням. 2) Сукупність думок та творів мистецтва, притаманних одному народові. 3) Освідченість, здобута за допомогою осмислення, насолоди та критики, а розвинута в залежності від способу життя” [9].

“Мислення – це 1) реальність, тлумачення, судження та ідеї, що існують самі по собі по іншу сторону простору та часу, поза суб’єктом. Їх неможливо відчутти, а можливо осягнути лише з психологічної точки зору; 2) відображення навколишнього світу в свідомості людини” [9].

“Література – це мистецтво передачі подій, думок, почуттів та мрій за допомогою усного чи писемного мовлення” [9].

Тлумачний словник професора Мехмета Догана вміщує наступні дефініції основних понять нашої статті: “Мова – це 1) система знаків, переважно система звукових знаків, що використовується з метою порозуміння. 2) Словниковий фонд та структура речень притаманних певному періоду часу, певному письменнику тощо. Напр., *мова Фузулі*. 3) Система порозуміння в професіях, галузях науки та деяких ситуаціях. Напр., *мова птахів*. 4) Засіб та спосіб вираження думок та почуттів. Напр., *мова кіно*” [2, 312].

“Культура – це 1) сукупність системи цінностей, витворів мистецтва, способів сприйняття суспільством подій та задач, а також судження, здобуті способами мислення під час історичного розвитку. 2) Розвиток смаку, уміння критикувати та робити висновки у ерудованій та мислячій людини. 3) Системні та обширні знання з певної теми, просвіта” [2, 823].

“Мислення – це процес виникнення думок у розумі людини, що чергується з процесом їх класифікації” [2, 350].

“Література – це 1) мистецтво гарного опису думок, почуттів та мрій за допомогою мови усно або на письмі. 2) Зібрання творів літератури певного народу, країни або ж періоду. Напр., література Анатолії, література Дивану тощо. 3) Зібрання робіт, присвячених певній науці, її галузі тощо. Напр., хімічна література.” [2, 358].

Турецький мовознавець Доган Гюнай у своїй праці “*Мова та комунікація*” (2004р.), описуючи загальні властивості, функції та фактори взаємодії мови та мислення, зазначає наступне: “Мова таке ж давнє явище, як і історія людства. Подібне можна сказати і про мовні дослідження. Очевидним є те, що вчення про мову ніколи не вичерпають себе, оскільки мова є живим організмом, який постійно оновлюється та змінюється [3, 7].

“Людину робить людиною та відрізняє її від інших живих істот, перш за все, здатність мислити та розмовляти. Саме завдяки їм людині вдалося взяти гору над природою” [3, 7]. “Зв’язок між мисленням та мовою дуже тісний. Якби не було мови, мислення також не існувало б. Називання предметів, можливо, є першим творін-

ням мислення. Де немає мислення, там немає науки, немає прогресу. Без мислення унеможливується діяльність людини, тому що будь-яка діяльність – це продукт мислення, це його результат” [3, 18].

“Змога думати за певною схемою та бажання поділитися своїми думками з іншими можливі лише з механізмом обміну повідомленнями, що називається мовою. Мова – невід’ємний засіб комунікації кожного суспільства. При цьому користування цим засобом не залежить від рівня розвитку громади. Як у первісних племен, так і в інформаційного суспільства була і є мова. Досі не відомо про існування спільноти, яка б не користувалася усним мовленням. У даному випадку слід зазначити, що існують й інші засоби передачі інформації (мова жестів, мова квітів, мова одягу і т.п.), але при цьому жоден з них не здатен настільки широко, як мова, передати висловлюване” [3, 9].

“Мова, якою розмовляє людина, може вказати на її політичні погляди, соціальний статус, тощо. У такому ж контексті слід говорити і про мову суспільства в цілому. Дослідивши лексичний склад мови, якою говорить чи говорив народ у конкретний період, можна скласти картину суспільного стану того часу, політичного устрою, соціального розвитку і т.п.” [3, 9].

“Мова називає предмети. У людини, яка чує певне слово в уяві виникає його образ (напр., лимон), при цьому на згадку їй обов’язково приходять назва цього предмету мовою, якою вона розмовляє. Якщо звернути увагу, можна зрозуміти, що назви всіх предметів у реальному житті були утворені за таким же принципом, а це дає змогу стверджувати наступне: назва будь-якого предмета в усній чи письмовій мовах є системою, яка складається з суміші самого слова та образу, що виникає у нас в уяві при його називанні. Виникнення в уяві образів на позначення слів, що вживаються нами у мові, є частиною процесу їх озвучення. І якщо існуєть предмети та явище, особливості яких є однаковими по всьому світі, назви для них кожна мова утворила та засвоїла свої власні” [3, 12].

У зв’язку з цим, **Доган Гюнай** задається питаннями про те, “чи однаковим є механізм утворення цих назв у різних мовах, і наскільки правила одієї мови є чинними по відношенню до іншої” [3, 19]. І тут же наводить приклади формування одного і того ж речення різними мовами: “Запитання турецькою “Kalemim sende mi?” (*Моя ручка у тебе?*), китайською звучатиме як “Benim sahip olduğum kalem sende, sende değil mi?” (*“Ручка, власником якої я є, у тебе, чи не в тебе?”*). Як бачимо, кожній мові притаманні різні граматичні форми, правила словотвору тощо. І якщо між граматичною будовою мови та суспільним устрієм країни, в якій нею говорять, зв’язок віднайти досить важко, то дослідивши лексичний склад певної мови (*частоту вживання окремих слів (напр., слова верблюди в арабській мові, сніг – у мові ескімосів), кількість лексем, що існують на позначення предметів та явищ різних сфер (напр. велика кількість термінів на позначення родинних зв’язків в турецькій мові), деталізація за допомогою окремих слів певних явищ і т.п.*) можна віднайти ключ до розуміння суспільного устрою країни, яку вона обслуговує” [3, 19]. А за допомогою дослідження сівлреалій, фразеологізмів, приказок, прислів’їв та сталих виразів мови, можна встановити й інші сторони життя суспільства, що нею говорить [3, 18].

Професор Середземноморського університету (м.Анталья) **Мехмет Ялчин** характеризує зв’язок мови з мисленням наступним чином: “Мова є основою мислення,

і його носієм водночас. Основою тому, що за допомогою свого формотворення пояснює зміст думок, а носієм, тому що є обраною системою передачі думок відправника отримувачу” [8, 69].

У своїй роботі “*Культура та Мова*” (вересень 2007р.) науковець Мехмет Каплан уособив думки турецьких вчених з приводу взаємодії мови, культури та літератури. Слово “культура”, пише він, є значно ширшим за своїм значенням ніж слово “література”. Крім літератури, разом з такими прекрасними мистецтвами, як архітектура, музика, танці тощо, поняття культури включає в себе і такі предмети людської діяльності як їжа, напої, одяг, зброя, речі повсякденного вжитку і т.п. Незважаючи на це, автор вважає ці два поняття рівними. Рівними, але не ідентичними. “Вони наче дзеркальне відображення одне одного. Література у цьому випадку – відображення культури: усе, що включає поняття культури можливо віднайти в літературі” [8, 69]. Мехмет Каплан цитує французького письменника Стендаля, який порівняв роман “з дзеркалом, яке проносять по вулицям міста”.

Разом з цим, на думку вченого, життя настільки різноманітне, що “повністю відобразити його не здатен жоден роман” [8, 69]. Кожен роман обмежений поглядами та манерою письма його автора. І лише якщо розглянути всю літературу, вона співпаде з культурою. Як людина є частиною життя в цілому, так і літературні твори є частиною культури. У кожному літературному творі проглядається частина життя або культури. Наприклад, як відомо, тюрки вірили в те, що на землю вони зійшли з небес на коні. Тюркські шамани на небо до Небесного Божества (*Gök Tanrı*) також піднімалися на коні. Підтвердження цьому знаходимо у словнику Кашгарли Махмуда “Дівани Люгаті’т Тюрк” (*Divanü Lugati’t Türk, 1077*), де зустрічається прислів’я, яке є ключем до розуміння тогочасного способу життя тюркських народів: “Птах з крилом, солдат – з конем” (“*Kuş kanadı ile er atı ile*”). У цьому випадку, як бачимо, мова сказала нам більше ніж деякі знахідки археологів. То ж літературну мову можна з повним правом вважати “скарбницею культури” [4, 12].

Результатом досліджень, присвячених взаємозв’язку мови, мислення культури та літератури керівника відділення турецької мови та літератури Стамбульського університету Мустафи Їозкана стала не так давно опублікована його книга “*Людина, комунікація та мова*” (січень 2008р.).

Основні ідеї цієї роботи можна виразити за допомогою наступних тез:

- мова – основа людських взаємовідносин;
- дійсність та життєвий досвід неодмінно знаходять своє відображення в мові;
- комунікація – одна з найнеобхідніших умов спільного проживання людей;
- у процесі комунікації основну роль грають: джерело (*kaynak*), повідомлення (*mesaj*), отримувач (*alıcı*), канал (*kanal*) та код (*kod*).

При цьому, “джерело – це той, хто говорить, повідомлення – це те, що говорять, отримувач – той, кому спрямоване повідомлення, канал – засіб, за допомогою якого відбувається передача повідомлення (письмо, мовлення, рухи, тощо), код – спільна мова комунікантів. Кожна окрема мова є кодом, системою шифрування. З цієї точки зору порозумітися можуть лише ті, хто знає цей код.” [5, 16-17].

- кожна мова, членуючи дійсність по-своєму, по-різном називає однакові для всіх предмети, події, явища, тощо.

“Для позначення об’єктів природи, станів та явищ кожна мова, використовуючи певний набір звуків, надає їм значення того чи іншого поняття за власними правилами, що притаманні лише їй” [5, 20].

- науковий, мистецький культурний та будь-який інший досвід своєю догочасністю завдячує мові;
- мова та мислення співіснують одне в одному.

“Між мовою та буттям існує дуже сильний взаємозв’язок. Мислення не може існувати без мови. Адже процес мислення, як такий, виникає лише тоді, коли слова знаходять свої відповідники та наповнюються зміст у сфері буття людини. Те, що зміст кожного слова відбивається в дійсності, означає його виникнення шляхом бачення та осмислення” [5, 30].

- Дослідження турецької літератури – ключ до пізнання історії та культури турецького народу.

Праця сучасного дослідника турецької мови **Шюкрю Юналана** “*Мова та Культура*” (лютий 2005р.) починається наступним епіграфом зі словами великого китайського філософа Конфуція, якого запитали, з чого б він почав, якби раптом став керівником держави. Подумавши, мислитель відповів: Без будь-якого сумніву, я спершу переглянув би мову тієї держави. Тому що, якщо мова не досконала, словами не вдається добре передати думки. Якщо думки не будуть добре передані, буде погано виконано те, що має бути зроблено добре. А якщо не належно виконувати свої обов’язки – зіпсуються звичаї та порядок. Якщо зіпсуються звичаї та порядок, з правильного шляху зіб’ється правосуддя. Правосуддям, що йде хибним шляхом, спантеличить народ, який не знатиме що робити та до чого прагнути. Тому немає нічого важливішого, ніж мова” [7, 1].

Взагалі зазначена книга написана в науково-популярному стилі та містить багато цитат філософів, письменників, поетів, психологів, культурологів та громадських діячів різних країн щодо ролі мови в суспільстві та її зв’язку з діяльністю людини. Серед з них: **Хайдегер, Джон Девей, Поль Валері, Альбер Камю, Мустафа Кемаль Ататюрк, Ахмет Хамді Танпинар, Юсуф Хас Хаджіп, Доган Аксан, Омер Асим Аксой, Філіп Чорлукіч.**

За результатами проведених досліджень **Шюкрю Юналан** стверджує, що “кожна мова відображає спосіб життя, культуру, бачення світу, періоди історичного розвитку того народу, який нею говорить. У той же час, у кожній мові своє розуміння світу та форма його вираження. Форма ця визначається шляхом лексико-семантичного аналізу слів-реалій, приказок, прислів’їв, тощо” [7, 4]. Щодо зв’язку мови та мислення, автор переконаний, що “мова є відображенням думок, продуктом мислення” (напр., за мовою дестанів можна простежити також і структуру мислення народів тих часів). Культура, за словами науковця, залежить від мови: “без мови – немає культури”. А “якщо немає культури, то немає і паспорту (*людини, нації*). Немає паспорту, значить немає честі, достоїнства. А без достоїнства особа не може бути людиною” [7, 16]. Як доказ того, що за допомогою аналізу лексичного складу мови, можливо отримати різноманітні дані стосовно життя народу, який нею говорить, **Шюкрю Юналан** наводить приклад частого зустрінання в письмових згадках першої тюркської держави таких слів, як *budun* (*плем’я, народ*), *kagan* (*каган, хан*), *sü* (*воїн, армія*), *sülemek* (*посилати*

воїна), sınıuş (війна, сутичка), уаѓи (ворог), що є свідченням того, що той період життя тюркського народу був бурхливим та сповненим війон.

Висновки. З вищевикладеного зрозуміло, що ідеї наукових робіт сучасних турецьких мовознавців щодо зв'язку мови, культури, мислення та літератури в цілому не відрізняються від панівних ідей мовознавчих досліджень вітчизняних вчених. А деякі з них, такі, як наприклад, про первісне творення слів на основі асоціацій, сприйняття людиною світу через призму мови, якою вона говорить та своєрідність системи мислення кожного народу, на яку вказує структура його мови є прямим продовженням гіпотез, висунутих ще у XIX ст. українським вченим О.О.Потебнею.

Разом з цим, у перспективі подальших досліджень турецьких вчених – постановка та розробка іншого питання: чим слід вважати “мову” людини, коли вона “говорить” сама до себе, коли хоче сказати співрозмовнику одне, а прокрутивши в голові декілька варіантів – вирішує сказати зовсім інше. Отже правий був Мехмет Каплан, який сказав про те, що “мовознавчі дослідження ніколи не вичерпають себе, адже припинити досліджувати мову, означало б припинити пізнавати людину” [4, 11].

Список літератури

1. Dil ve Kültür [Electronic resource] / Çeşitli İsmail. Access mode : <http://www.ismailcetisli.com/ismailcetisli/denemeler/dil-ve-kultur/>.
2. Doğan, M. Büyük Türkçe Sözlük [Text] / İst.: Pınar Yayınlar, 2006. – 1424 s.
3. Günay, D. Dil ve İletişim [Text] / İst.: Multilingual, 2004 – 282 s.
4. Kaplan, M. Kültür ve Dil [Text] / İst.: Dergâh Yayınları, 2007 – 216 s.
5. Özkan, M. İnsan İletişim ve Dil [Text] / İst.: 3F Yayınevi, 2008 – 175 s.
6. Sakaoğlu, S. Atatürk'ün dil ve kültür anlayışı [Electronic resource] / access mode : http://turkoloji.cu.edu.tr/makale_bilgi_sistemi_02/tum_list.php.
7. Ünalın, Ş. Dil ve Kültür [Text] / Ankara: Nobel Yayın Dağıtım, 2005 – 254 s.
8. Yalçın, M. Şiirin ortak paydası: Şiirbilime giriş [Text] / İzmir: Dokuz Eylül Yayınları: 2000 – 160 s.
9. Великий тлумачний словник Турецького лінгвістичного товариства [Електронний ресурс] / Режим доступу : <http://tdkterim.gov.tr/bts/>.

Костюк А.В. Связь языка, культуры, мышления и литературы: взгляды некоторых турецких лингвистов

В статье репрезентированы работы ведущих языковедов Турции, посвященные изучению связи между языком, культурой, мышлением и литературой. Выполнен анализ состояния разработки данного вопроса в турецком языкознании, выделены ключевые проблемы исследования.

Ключевые слова: язык, культура, мышление, литература.

Kostyuk A.V. Relationship of language, culture, thought and literature: the views of some Turkish linguists

The article is devoted to the representation of already studied in works of leading Turkish linguists the relationship between language, culture, thinking and literature. Current state of development of such phenomena in Turkish linguistics is analyzed. Key problems of the study are also set and determined.

Key words: language, culture, thinking, literature.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 811: 792.082=512.161

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРУ В НЕУСПІШНІЙ КОМУНІКАЦІЇ (НА ПРИКЛАДІ ТУРЕЦЬКОЇ МОВИ)

Цимбал К. В.

У даній роботі розглядається гендер як прагматичний фактор виникнення комунікативних невдач між комунікантами. Звертання до усного діалогічного мовлення між представниками різних статей дозволяє прослідкувати, як гендер комунікантів постає у вигляді суттєвої риси комунікації, яка визначає вибір форм та засобів адресації повідомлення, а також його інтерпретації.

Ключові слова: комунікативні невдачі, гендерний конфлікт, мовна особистість, гендер комунікантів, лінгвістична гендерологія, лінгвопрагматика.

Вступ. Сучасна лінгвістика характеризується інтенсивним розвитком нових напрямків, оснований на принципі антропоцентризму. Згідно з цим принципом в центрі наукових досліджень постає людський фактор, тобто усі індивідуальні характеристики мовної особистості, в тому числі її приналежність до тієї чи іншої статі, яка відіграє основну роль в соціальній, культурній та когнітивній орієнтації людини. Дана робота присвячена дослідженню проблеми гендеру комунікантів в неспішних діалогах, при цьому гендер розглядається, як прагматичний фактор комунікативних невдач.

Актуальність дослідження визначається недостатнім вивченням комплексу проблем, пов'язаних із гендерними проблемами текстів різних сфер спілкування в турецькій мові. Активний розвиток гендерних досліджень в останні роки потребує звернення до всіх аспектів комунікативної взаємодії, в тому числі до питання гендеру як прагматичного фактору комунікативних невдач.

Метою роботи є дослідження аспектів взаємодії та взаємовпливу комунікантів одне на одного з огляду на гендерний аспект їхньої комунікативної поведінки.

Нагадуємо, що на відміну від української мови в турецькій мові немає категорії роду. Турецька мова не має розподілу іменників за родами, тому у відношенні особи з метою розрізнення роду-статі використовується категорія статі, яка виражається лексичним способом та визначається лексичним значенням самого слова або синтаксичним способом, коли приналежність особи до статі визначається за допомогою спеціальних слів. Проте в даній роботі нас цікавить комунікативно-прагматичний підхід до аналізу гендеру адресата як фактора, що визначає формування висловлювання та вибір мовних засобів для оптимального впливу на нього, а також ролі гендеру в неспішній комунікації.

Поняття «гендеру» увійшло в сучасну лінгвістичну парадигму набагато пізніше, ніж в інші гуманітарні науки. Перші праці в даній галузі виникли на Заході, а перші системні описи чоловічих та жіночих особливостей мовлення були зроблені на базі мов із германської та романської мовних груп (Homberger [1]; Payne [2]; Staley [3]). Що стосується вітчизняної лінгвістики, то перші регулярні дослідження з цієї тематики почали проводитися тільки в кінці 80 – на початку 90 років, і з сере-

дини 90-х почали стрімко розвиватися, тому зараз ми говоримо про появу ще однієї галузі вітчизняного мовознавства – *лінгвістичної гендерології* (або *гендерної лінгвістики*). У даному напрямку необхідно відмітити внесок таких вітчизняних (російських) лінгвістів, як Горошко [4], Городнікова [5], Картушина [6], Кириліна [7], Пушкарьова [8], Троїцька [9] Халеева [10], ін. Гендерні дослідження в лінгвістиці розвиваються дуже інтенсивно та привертають все більшу увагу вчених своєю перспективністю. Не дивлячись на появу нових робіт, присвячених аналізу комунікативних невдач, їх гендерний аспект в турецькій мові досить залишається однією з найменш досліджених галузей лінгвістичної науки.

Термін *гендер*, таким чином, використовувався для опису соціальних, культурних, психологічних аспектів «жіночого» в порівнянні з «чоловічим», тобто «у виділенні всього, що формує риси, норми, стереотипи, ролі, типові та бажані для тих, кого суспільство визначає як жінок та чоловіків» [8, с. 16]. І іншій трактовці більш широким поняттям є *гендер*, що об'єднує біологічну та соціальну стать: «Гендер – свого роду міждисциплінарна інтрига, в основі якої переплітаються багато наук про людину, про її не тільки біологічну, але й соціально та культурно зумовлену специфіку, інтригу як сукупність обставин, подій та дій, в центрі яких знаходиться людина, особистість» [10, с. 9]

Отже, гендер або соціокультурна стать людини – це сукупність соціальних сподівань та норм, цінностей та реакцій, які формують окремі риси особистості. Як і в багатьох інших культурах, у турецькій культурі гендер тісно пов'язаний з біологічними та анатомічними ознаками людини та набуває характеру нормативності. Важливу роль у розвитку та підтримці гендерної системи відіграє свідомість людей. Конструювання гендерної свідомості відбувається через розповсюдження та підтримку соціальних та культурних стереотипів, норм та правил.

Антропоцентрична парадигма сучасної лінгвістики ставить в центр уваги людину, яка відображається у мові та використовує мову. Лінгвістика відстоює уявлення про людину, здатну до комунікації, про мовну особистість: це структура особистості, що є загальною для усіх членів суспільства та формується під впливом соціального середовища (Караулов [11]; Прохоров [12]).

Визначною рисою радянської, а потім російської та української (Базилів [13]; Холод [14]) лінгвістичної гендерології можна також назвати виражену практичну направленість дослідження чоловічого та жіночого мовлення.

Дослідники лінгвістичної прагматики почали акцентувати увагу на позиції мовця по відношенню до адресата, його комунікативних намірах, способах їх мовного вираження, стратегіях і тактиках комунікантів для досягнення ними певної мети. Н. І. Формановська пише: «...комунікативно-прагматичний підхід до мови розставляє нові акценти і в характеристиках мовних та мовленнєвих одиниць, і в самому виділенні таких одиниць. Виникає глобальний напрямок, що називається комунікативною лінгвістикою, або лінгвістикою спілкування» [15, с. 23]. Учений відмічає, що в центрі лінгвістичної прагматики знаходяться обидва комуніканти, адресант та адресат спілкування. Дослідниця вводить поняття «смислу мовця» та «смислу адресата», розуміючи під ними установки, інтенції, ілюктивні сили, явні та скриті наміри мов-

ця, можливості та способи інтерпретації явних та скритих намірів адресатом, перлокутивний ефект [15, с. 33].

В центрі сучасної лінгвістичної прагматики інтерес до гендерних параметрів особистості стає все більш інтенсивним. На думку гендерологів, інтерес був викликаний як зміною наукової парадигми (перехід від структуралізму до прагматики), так і змінами в соціальному середовищі [7, с. 15-20]. Т. Г. Копанева вказує на особливу роль дослідження гендеру як параметра, що розділяє суспільство на дві макросоціальні групи, в умовах швидкого розвитку інформаційних процесів та підвищення ролі мови в суспільстві [16, с. 15]. Як відмічає автор, в наш час «дослідження механізмів гендерної комунікації, її структури та ролі в сучасному суспільстві дозволяє використовувати результати даного дослідження в якості вироблення практичних способів, форм та технологій ефективного ведення соціального діалогу» [16, с. 15].

Отже, повертаючись до ефективності спілкування, нагадаємо, що ефективним прийнято називати оптимальний спосіб мовленнєвого спілкування, який є успішним, гармонійним, корпоративним. При його вивченні розглядаються шляхи створення мовленнєвого комфорту для учасників комунікації, засоби та способи, що використовуються комунікантами для забезпечення гармонійного спілкування. Оскільки, як було зазначено вище, існують певні фактори, що порушують гармонійне спілкування, спричиняють непорозуміння та викликають негативні емоційні та психологічні стани співрозмовників, то мова йде саме про комунікативні невдачі, або, як їх визначають різні дослідники, «комунікативний збій» (Падучева [17]), «комунікативна невдача» (Городецький, Кобозєва, Сабурова [18]; Земська, Єрмакова [19]), «комунікативні девіації» (Бацевич [20]), мовленнєвий конфлікт тощо. Ці явища вказують на негативне поле комунікативної взаємодії. Для позначення різних збоїв та непорозумінь в ході мовленнєвого спілкування ми користуємося термінами «неуспішна комунікація» та «комунікативна невдача», під якими розуміється повне або часткове нерозуміння висловлювання партнером комунікації, тобто нездійснення або неповне здійснення комунікативного наміру мовця та нанесення негативного емоційного ефекту.

Гендерний конфлікт через категорії домінування та влади є одним із базових основ соціальної стратифікації. Ключовим у визначенні гендерних протиріч в Туреччині є не так різниця у статусах, ролях чи інших аспектах взаємодії чоловіків та жінок, скільки на рівні авторитетності, впливу та підкорення, що затвердилися в даному історичному суспільстві через гендерні ролі та відносини. На прикладі побутового діалогу можна прослідкувати ієрархію відносин між чоловіком (Бурханом) та жінкою (Макбуле), які нещодавно заручилися («Avtupa Yakasi»):

- *Burhan Bey, verin yardım edeyim.*
- *Ya, Makbule, çekil! Burada erkekler iş yapıyoruz, görmüyor musun!*
- *Переклад*
- *Пане, Бурхане, дайте допомогу.*
- *Та, Макбуле, відійди! Тут чоловіки справою займаються, не бачиш?*

В даному комедійному серіалі на прикладі відносин між даними персонажами відображається алегоричне втілення ідеї висміювання ієрархії відносин між чоловіками та жінками за допомогою лексичних та граматичних засобів (звертання на «Ви», спо-

нукальний стан, тощо), а також за допомогою прагматичних засобів (з боку жінки – вираження поваги та намір допомогти, з боку чоловіка – мета довести свою самостійність та відсутність потреби у допомозі, тим паче представниці «слабкої статі»).

Проте характеризувати різницю в поняттях взаємодії статей або гендерних протиріч уже недостатньо. Підхід до аналізу гендерної різниці при конфліктологічному підході передбачає соціокультурний аналіз. Історичні умови, що змінили зміст гендерних відносин в ХХ ст. у світі, а відповідно, і в Туреччині, привели до конфлікту старих культурних норм (властивих традиційному, ісламському, патріархальному суспільству) та нових, що привело до так званого культурного шоку. Тому з іншого боку вихід певної частини турецьких жінок із приватного (сімейного) культурного середовища в зовнішнє, традиційно пов'язане з чоловічим, середовище привело до зміни норм, цінностей, моделей, взірців поведінки як жінок, так чоловіків.

Розглянемо діалог із фільму «Yaprak Dökümü», ситуацію, в якій немолодий чоловік (Нітхат) в силу обставин познайомився із молодою жінкою (Ферхунде, що представилась як Нурдан), яка йому сподобалась, та наступного дня намагається запросити її на побачення, використовуючи предмет їхнього вчорашнього знайомства, а саме будинок батька колишнього чоловіка Ферхунде, який сім'я була змушена продати та який нещодавно придбав Нітхат. Прийшовши до будинку, Ферхунде зустрів теперішнього хазяїна, який подумав, що жінка теж зацікавилась будинком. Отже, розмова по телефону наступного дня:

Ferhunde.: Efendim Nihat bey,

Nihat.: Günaydınlar, Nurdan Hanım.

F.: Günaydın.

N.: Numaramı kaydetmişsiniz demek. Çok memnun oldum.

F.: Buyurun

N.: Sabah sabah rahatsız ettiysem özür dilerim. Ben şey diyecektim. Ben her sabah yürüyüş yaparım sahilde. Gene yaptım da. Bir iki yer gözüme çarptı. Diyorum ki. Buluşsak, önce güzel bir kahvaltı yapsak. Sonra gidip evlere baksak. Olur mu acaba?

F.: Kusura bakmayın. Bugün eşimin bulduğu yerlere bakmaya gideceğiz.

N.: Ya...Tüf.. Benim de tuzum olur diye düşünmüştüm ama. Yani bilmiyordum. Ay Allah ya. Kusura bakmayın.

F.: İyi günler.

N.: Başka bir niyetim yoktu. Yanlış anlaşılmasın. Tamamen yardımcı olmak için. Sizin de işiniz görülsün. İnsaniyet namına.

F.: Anladım. İyi günler.

N.: Size de yengem. Beyefendi ağabeyimize hürmetler.

Переклад:

Ферхунде: Слухаю, пане Нітхате

Нітхат: Доброго ранку, пані Нурдан.

F.: Доброго ранку.

N.: Мій номер записали, значить. Дуже приємно.

F.: Слухаю..

N.: Пробачте, якщо потурбував вас з самого ранку. Я от що хотів сказати. Я щоранку прогулююсь по набережній. От знову вийшов. І мені приглянулися декілька

місць. *От і кажу, аби нам зустрітися, спочатку поснідати, потім піти подивитися будинки... Це можливо?*

F.: Пробачте. Сьогодні ми підемо дивитися будинки, які знайшов мій чоловік.

N.: Яя... хмм.. А я подумав, що зможу допомогти, але.. Тобто, я не знав.. О, Боже... Пробачте.

F.: До побачення.

N.: У мене не було іншого наміру. Не зрозумійте неправильно. Тільки з метою допомогти... Щоб і ви вирішили свої справи. З метою гуманності.

F.: Зрозуміла. До побачення.

N.: І вам також, невістко. Моє шанування панові вашому чоловікові.

У діалозі спостерігається комунікативна невдача, оскільки чоловік, не зважаючи на акцентування своїх добрих намірів показати будинки, все ж обрав невідповідну стратегію розмови та проявив зацікавленість партнеркою з комунікації, як жінкою, яка, в свою чергу, відмовила, даючи зрозуміти, що одружена, таким чином використавши неправдиву інформацію. За контекстом нам відомо, що Ферхунде цікавиться справами сім'ї свого колишнього чоловіка та причинами й умовами продажу будинку, проте вона не згодна дізнатися деталі від чоловіка, що проявив до неї зацікавленість. Більш того, якщо контакт з цим чоловіком стане відомим, то це в умовах турецького суспільства дискредитує її перед сім'єю колишнього чоловіка.

В наступному діалозі чітко спостерігається природна жіноча реакція на обставини, що склалися, з проявом чуттєвості, емоційності, оціночності, страху. Молода подружня пара Джем та Неджла («Yaprak Dökümü») з метою віддалитися від сімейних проблем та трохи перепочити вирішили провести коротку відпустку на європейських гірськолижних курортах, заїжджаючи до сестри Джема Селін, що навчається у Швейцарії. Проте між Неджлою та молодшою сестрою Джема існує конфлікт, що є причиною занепокоєння Неджли:

Cem: Ne oldu?

Necla: Niye önce İsviçre'ye gidiyoruz? Seline dönüşte uğrayacaktık hani.

C: Kızın ders programı uymadı, ne yapalım. Sonuçta iki gün kalacağız onun yanında. Ha önce uğramışız ha sonra. Ne fark eder?

N: Doğru, her iki durumda da burnumdan getirecek nasılsa.

C: Ne oluyor sana, Necla?

N: Selinle şu sıra karşılaşmak istemiyorum.

C: Ya yapma bunu şimdi. O benim kardeşim. Kendi kendini saçma sapan doluruyorsun.

N: Başıma geleceklerini biliyorum da ondan. Laf sokuşturacak, sinirimi bozacak yine. Bakma öyle. Bana yaptıklarını unuttum daha.

C: Onun da unutamadıkları var, benim de. Ama ikide bir gündeme getirip sıcak tutmuyoruz. Unutmaya çalışıyoruz.. Sen de öyle yap.

N: Çalışyorsun... Ama pek başardığı söylenemez senin de. (kapıdan çıkıyor)

Переклад:

Джем: Що трапилось?

Неджла: Чому ми спочатку їдемо до Швейцарії? Ми ж мали заїхати до Селін на зворотному шляху!

Д.: У дівчини незручний розклад уроків, що ж поробиш. В результаті все одно будемо у неї два дні. Раніше заїхали чи пізніше. Яка різниця?

Н.: Правильно, в будь якому випадку вона зіпсує настрій.

Д.: Що з тобою коїться, Неджла?

Н: Я не хочу зараз зустрітися із Селін.

Д.: Не поведься так зараз! Вона моя сестра. Ти сама себе даремно налаштуєш на погане.

Н: Я знаю, що станеться, тому так. Вона знову буде обмовляти мене, псувати мої нерви.... Не дивись так! Я ще не забула все те, що вона мені зробила.

Д: І у неї є те, що вона не забула, і у мене. Але ми не виносимо це періодично на розсуд, не згадуємо про це. Намагаємося забути. І ти теж так роби.

Н: Намагаєшся... Проте не можна сказати, що успішно (виходить із кімнати).

Як бачимо, реакція чоловіка в якості логічної, конструктивної, холоднокрової відповіді на збуджений емоційний стан дружини з метою запобігти виникненню сварки приводить до припинення розмови з чітко вираженим негативним ефектом для обох сторін, оскільки, жіноча імпульсивність, емоційність та чуттєвість не дозволяють їй розсудливо чинити в даній ситуації, тому жінка переводить негатив на чоловіка, завершуючи розмову, виходячи із кімнати ображеною.

Висновки. Отже, одним із актуальних завдань прагмалінгвістики та соціолінгвістики на сьогоднішній день є перевірка на матеріалі різних мов існуючих досліджень про характеристики гендерних проявів у спілкуванні. Гендер комунікантів є суттєвою характеристикою комунікації, що визначає вибір форм та засобів адресації та інтерпретації повідомлення. Даною роботою ми намагалися заповнити прогалину в комплексному питанні специфіки гендерної комунікативної поведінки з огляду на успішність комунікації в межах гендерних стереотипів, соціальних норм турецького суспільства. Перспективою подальших досліджень гендеру комунікантів нам вбачається глибше вивчення комунікативних конфліктів та способів їх вирішення, досліджуючи усне мовлення.

Список літератури

1. Homberger D. Männersprache-Frauensprache: Ein problem der Sprachkultur? [Text] / Muttersprache, 1993. – S. 89-112.
2. Payne F.D. «Masculinity», «Femininity» and the Complex Construct of Adjustment [Text] / Sex Roles, 1987. – Vol. 17. – P. 359-374.
3. Staley C. Male-Female Use of Expletives: A Heck of a Difference in Expectations [Text] / Anthropological Literature, 1978. – Vol. 20. – P. 367-380.
4. Горощко, Е. И. Пол, гендер, язык [Текст] // Женщина. Гендер. Культура. - М., 1999. - С. 98-110.
5. Городникова, М. Д. Гендерный аспект обращения как фактор речевого регулирования [Текст] / Гендер как интрига познания. Сб. статей / Московский государственный лингвистический университет. Лаборатория гендерных исследований. - М.: изд-во "Рудомино", 2000. - С. 81-92.
6. Картушина, Е. А. Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Картушина Е.А. ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2003. – 21 с. Шифр НББ: 2АД102316.
7. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике [Текст]. (Фило-софский и методологический аспекты) / Общественные науки и современность, №4, 2000. - С. 139
8. Пушкарева Н. Л. Зачем он нужен, этот гендер? [Текст] / Социальная история 1998/1999. М., 1999. - С. 155-177.

9. Троицкая, О. Г. Гендерные особенности коммуникации [Текст]// Проблемы межкультурной коммуникации. Иваново, ИГХТУ, 2000. – С. 374-380.
10. Халеева, И. И. О гендерных подходах к теории обучения языкам и культурам [Текст] / Известия Российской Академии Образования. - 2000. - № 1 - С.11-18.
11. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст]. – М., 2007. - 264 с.
12. Прохоров, Б. Б. Экологическая экспертиза - источник конфликтов и путь их преодоления [Текст] / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Вып. 15. М., «Феникс», 1999. - С.177-204.
13. Базылев, В.Н., Сорокин, Ю.А. Феминолект и маскулинолект: модусы существования [Текст] / Пол и его маркировка в речевой деятельности / Под ред.Е.Н.Шовгеля. - Кривой Рог: МИЦ ЧЯКП, 1996. - С. 4-18.
14. Холод, А. М., Речевые картины мира мужчин и женщин [Текст]. - Днепропетровск: Пороги, 1997. - 229 с.
15. Формановская, Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения [Текст]: Учеб. пособ. / Н.И.Формановская. – М.: Ин-т рус. яз. им. А.С.Пушкина, 1998. – 291 с.
16. Копанева, Т. Г. Гендерный аспект языка и коммуникации [Текст] : (соц.-филос. анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Т. Г. Копанева . - Ростов н/Д, 2003. - 27 с.
17. Падучева, Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла [Текст] / Семиотика и информатика, вып.18, М.: ВИНТИ, 1982. – С. 76-119.
18. Городецкий, Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач [Текст] / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: Сб.ст. – Новосибирск, 1985. – С. 64-78.
19. Ермакова, О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) [Текст] / Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. – С.30-65
20. Бацевич, Ф. С. Основи комунікативної девіатології [Текст]. – Львів: Видавничий центр ЛНУ, 2000. – 237 с.

Цимбал К.В. Проблема гендера в неуспешной коммуникации (на примере турецкого языка)

В данной работе рассматривается гендер как прагматический фактор возникновения коммуникативных неудач между коммуникантами. Обращение к устной диалогической речи между представителями разных полов позволяет отследить, как гендер коммуникантов выступает в виде существенной особенности коммуникации, опередающей выбор форм и средств адресации сообщения, а также его интерпретации.

Ключевые слова: коммуникативные неудачи, гендерный конфликт, языковая личность, гендер коммуникантов, лингвистическая гендерология, лингвопрагматика.

Tsymbal K.V. The problem of gender in unsuccessful communication (for example on the Turkish language)

This article examines gender as a pragmatic factor in the emergence of communication failures between participants of communication. Referring to verbal dialogue between representatives of different sex allows to follow up how gender of interlocutors appears as the essential feature of communication, which determines the choice of forms and means of addressing the message and its interpretation.

Key words: communication failure, gender conflict, linguistic identity, gender of communication participants, linguistic genderology, linguopragmatics.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 81'367.4=512.161

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ НЕПОВНИХ РЕЧЕНЬ У ТУРЕЦЬКОМУ РОЗМОВНОМУ МОВЛЕННІ

Терещенко Т. М.

У статті розглядаються особливості неповних конструкцій на матеріалі турецької розмовної мови, визначаються основні ознаки, ступінь і характер неповноти цих структур на формально – синтаксичному та комунікативному рівнях.

Ключові слова: мовлення, розмовна мова, неповне речення, еліпсис, синтаксичні конструкції, реальна комунікація, діалог, монолог.

Вступ. Характерною особливістю розмовної мови є вживання неповних синтаксичних одиниць. Як відомо, неповні речення – явище граматичне, синтаксичне, а, отже, і їхня класифікація повинна ґрунтуватися на граматичній основі. Неповні речення "конструюються" з урахуванням моделі повних речень, які слугують тією "нормою", на якій розвиваються й такі утворення, як речення неповні. "... Різні випадки лаконізму зрозумілі й можуть бути пояснені лише тому, – пише О.О. Потебня, – що є готові складні схеми речень, схеми, у яких уривки мовлення... кожного разу займають своє певне місце" [14, с. 85–86]. Утворення неповних речень можливе лише тому, що відповідні думки можна передати у повній їхній формі.

Мова – система схем, які реалізуються в мовленні. Але мовлення це не пасивне відображення мовної системи. У мовленнєвій діяльності виявляється творча природа людини не лише в доборі найефективніших засобів, але й у здійсненні певних дій над ними з метою їхньої зміни й удосконалення. Речення у сфері мови – "це ізольована, "самодостатня" одиниця, що складається з мінімальної кількості конститутивних елементів" [2, с. 48]. Речення у сфері мовлення – "це його роль у контексті, у мовленнєвій ситуації. У мовленні воно набуває додаткових функцій, виступаючи частиною більшого синтаксичного цілого, його ланкою" [див. там же, с. 48]. В. Матезіус наголошує, що "речення як абстрактна модель є синтаксичною формою", а в мовленні "речення реалізується як конкретне висловлення" [6, с. 5].

Мова змінюється в мовленні залежно від умов конкретного акту комунікації, коли ті чи інші чинники не лише включаються в процес спілкування, але й впливають на конкретні форми мовленнєвих утворень (висловлень), формують їх.

Вплив цих чинників на мовленнєві утворення (висловлення) виявляється перш за все в тому, що вони здатні створювати умови, коли стає непотрібним словесне вираження тієї чи іншої ланки дійсності. Таким чином, окремі елементи мовленнєвого ланцюжка випадають. Але випадає лише словесна оболонка, звукова форма, а лексична одиниця, яка виконує номінативну функцію у процесі спілкування, залишається. Виникають так звані неповні конструкції.

У науковій і навчальній літературі вітчизняних синтаксистів питання про повні та неповні речення висвітлюється досить-таки суперечливо. Тракткування цієї категорії, її істоти, ознак, меж залежить багато в чому від вирішення основних проблем

синтаксичної теорії. Не дивлячись на чималий літературний доробок вітчизняних фахівців, присвячений функціонуванню неповних конструкцій, не було проведено чіткого розмежування між повними і неповними реченнями, що і зумовлює **актуальність нашого дослідження**.

Джерелом дослідження є драматургічні твори сучасних турецьких письменників, теле- і радіопередачі турецькою мовою, записані у період 2007-2008 рр.

Завдання роботи. Автор, поставивши перед собою як основне завдання висвітлення питання про критерії розмежування повних і неповних структур, водночас має на меті виконати наступне: визначити повноту або неповноту речення у турецькому розмовному мовленні в структурному та формально-семантичному аспектах; спираючись на доробок вітчизняних та радянських синтаксистів, дослідити питання про статус неповних речень у синтаксичній ієрархії мови. Цей факт зумовлений тим, що існують різні погляди щодо термінологічного позначення таких синтаксичних утворень і навколо такого лінгвістичний об'єкта, як неповні речення, й донині точаться дискусії в різних аспектах дослідження.

Тривалий час у лінгвістичній науці існувала думка, що неповні речення – це варіанти повних, у яких з певною метою випускається головний чи другорядний член речення (О.М. Пешковський, О.О. Шахматов, П.С. Дудик, І.Р. Вихованець). Дещо інше трактування неповноти речень пов'язане із виникненням теорії про детермінанти (її започаткувала Г.О. Золотова), яким стали приписувати функцію вторинного імпліцитно-предикативного позначення дії (Н.Ю. Шведова, О.А. Бех, І.І. Слинко, Н.В. Гуйванюк, М.Ф. Кобилянська).

У цьому разі можна розглядати неповне речення: 1) як варіант повного; 2) як окремий різновид синтаксичних конструкцій, що актуалізує проблему співвідношення формально-граматичного, семантико-синтаксичного й комунікативного рівнів речення, оскільки опозицію повноти / неповноти речення можна розглядати на кожному з цих ярусів.

Для з'ясування статусу неповних речень спробуємо простежити, як визначається речення та які ознаки воно повинно мати на формально- синтаксичному та комунікативному рівнях.

У формально-синтаксичному плані речення ґрунтується на синтаксичних зв'язках і виділованих на їх основі компонентах формального типу (членах речення). Особливість формально-синтаксичного аспекту речення полягає також у тому, що речення з боку формально-синтаксичної структури автономне й самодостатнє, тобто для визначення синтаксичних зв'язків і реченнєвих компонентів формального типу не потрібно якихось (зовнішніх) показників. Зокрема речення типу *Ahmet geldi; Ninem döndü; Doktor gitti.* – /*Ахмет приїхав; Моя бабуся повернулася; Лікар пішов.*/ навіть в ізолюваному вигляді характеризуються виразною формальною побудовою: воно формується поєднанням на основі предикативного зв'язку у формі координації обов'язкових компонентів – іменників "Ахмет", "бабуся", "лікар" у формі основного відмінка в ролі підмета й дієслів "приїхав", "повернулася", "пішов" у ролі присудка.

Ізольовані речення, у яких порушуються, перериваються синтаксичні зв'язки й один або кілька формальних компонентів "випадає", модифікується їхня лінійність, при цьому для їх відновлення не потрібні зовнішні показники, традиційно на-

зивають еліптичними. Варто відзначити, що хоча еліптичне речення і є самодостатнім, навіть в ізольованій позиції, належить воно все-таки до формальних неелементарних. Формальне непоширене елементарне речення будується за певним зразком, таким зразком є структурна схема. Пропущення ж будь-якого члена речення розглядається як неповна реалізація структурної схеми конкретного речення і виступає вже явищем мовлення.

Еліптичні речення – кількісно найбільш репрезентований різновид неповних речень, для яких характерні "свої", тільки їм властиві граматико-семантичні ознаки. Головною особливістю таких речень є те, що уявлення про відсутній елемент їхньої структури (найчастіше присудок) встановлюється не з сусідніх речень, а безпосередньо впливає з лексико-граматичних особливостей цих речень, підказується їхнім значенням і формою.

У тій формі, у якій еліптичні речення функціонують у художньому тексті чи розмові, їх не можна поповнити точним значенням неназваного слова, саме тому, що таке слово ніде не було вжите. "В еліптичних реченнях дійсне значення тієї чи іншої дії, що їх постійно супроводжує, усвідомлюється синонімічно, із деякою семантичною неокресленістю, через що ці речення не можуть або майже не можуть бути замінені будь-якими повними конструкціями. Нестача (еліпсис) члена речення в еліптичних реченнях є їхньою відносною постійною структурною рисою і не створює неповноти їх змісту" [5, с. 218]. Через таку особливість еліптичних речень їх варто вважати явищем мови, і тільки їх розглядати як формально неповні конструкції.

Зокрема більшість науковців схилиються до думки, що ступінь і характер неповноти речення визначають такі чинники:

а) функціональна спрямованість мовлення, його соціальні завдання загалом, настанова відповідно до цього на точність і фактичність викладення або на його образність, на емоційний вплив і т. п.;

б) конкретні структурно-функціональними форми висловлення: питання, відповідь, вираження почуттів, емоційна оцінка, констатація факту, повідомлення тощо;

в) умови та форма перебігу мовлення й спосіб його викладу (значною мірою зумовлені соціальною спрямованістю мовлення)

Отже, "механізм комунікативної організації речення зрозумілий в умовах реальної комунікації" [4, с. 5], результатом якої є діалог чи монолог. Своєрідність діалогічного мовлення полягає в тому, що воно поєднує в собі "дві різні діяльності, оскільки є два суб'єкти" [9, с. 8], які характеризуються власними завданнями, метою й мотивом. До того ж кожен із суб'єктів – адресант і адресат – реалізує свою комунікативну програму у спосіб заміни ролей мовця та того, до кого адресується мовлення. Такий обмін ролями створює динамічну взаємодію, що відбувається шляхом обміну репліками. Варто зазначити, що у переважній більшості діалогів кожна наступна репліка є реакцією на попередню. Наприклад:

1) – *Merhaba, kardeşim!* – *Merhaba, dortum!* – *Bu apartmanda mı oturuyorsun?* – *Hayır! Annem oturuyor burada.* – *Çoktan mı?* – *İki senedir [Int.].* –

(– *Привіт, друже!* – *Привіт, брате!* – *Ти мешкаєш у цьому будинку?* – *Зовсім ні! Тут мешкає моя мама.* – *Давно?* – *Два роки.*)

Як бачимо, у подібних діалогічних утвореннях одна з реплік будується відносно вільно і є "функціонально провідною" [5, с. 145], а кожна наступна репліка доповнює попередню та підпорядковується їй структурно, функціонально й інтонаційно, оскільки мовець не створює її заново, а використовує слова співрозмовника, опирається на вже відомі, словесно виражені поняття. Таким чином, ці репліки, нашаровуючись одна на одну, "добудовують повідомлення", створюючи лексико-синтаксичну єдність, яка є своєрідним контекстом діалогу.

Проте існують репліки настільки граматично та семантично поєднані, що поза діалогом вони втрачають свою синтаксичну самостійність і містять не завжди зрозумілий зміст. А їхні значення передається завдяки цілісності всього діалогу. Наприклад:

İşte temizledim. - Yürürken ayağım kaydı, çamurların içine yuvarlandım. - Hem de yeni pantolonunla? - Evet. Çıkarmaya vakit bulamadım da...[Int.] - (Ну ось, прибрала. – Та я коли йшов, поскокзнувся і впав прямо у болото. – У нових штанах? – Так. Не встиг зняти...)

Як бачимо, успішність діалогового спілкування досягається лише за рахунок цілеспрямованої комунікативної діяльності його учасників, що забезпечує зв'язність діалогу. Із цього приводу Н. Арутюнова зазначає, що "зв'язність діалогу визначає не лише зв'язок окремих реплік, а й типи чи жанри людського спілкування, у межах яких формуються характерні для комунікації рольові структури" [1, с. 52].

Варто відзначити, що протилежним діалогічній формі організації процесу комунікації є монологічне мовлення. Для діалогу необхідними є як мінімум дві особи, хоча й ця кількість не є сталою для існування діалогу тому, що в ньому може брати участь необмежена кількість промовців. У цьому й полягає відмінність його від монологу, у якому суб'єкт один. Тому, якщо діалог – це результат колективного мовленнєвого процесу, то монолог є наслідком односторонньої індивідуальної творчості і "утворюється внаслідок активної мовної діяльності, розрахованої на пасивне й опосередковане сприйняття" [12, с. 310].

Суттєвою відмінністю монологічного мовлення від діалогічного є його розгорнутість, оскільки тут меншою мірою позначається вплив позамовних факторів, зокрема порівняно мало використовується немовленнєва інформація, яку отримують співрозмовники із ситуації мовлення. Замість того, щоб лише зробити вказівку на певний предмет, явище чи факт дійсності, мовець змушений у більшості випадків звернути на нього увагу, назвати його, а якщо слухач (або слухачі) не мають відповідної інформації, то ще й описати цей факт, явище тощо [11, с. 241–255].

Усна діалогічна форма спілкування втілюється не лише у вустах мовця та в сприйнятті слухача. Вона може фіксуватися засобами механічного запису та друкованого слова. Але при цьому живе слово не уподібнюється письмовій нормі мови. Усна монологічна форма спілкування є відносно розгорнутим видом мовлення. Замість того, щоб вказати предмет, у монологічному мовленні в більшості випадків згадують про нього, називають його, а якщо слухачі не зіштовхувалися з ним раніше, описують його. Монологічне мовлення є в більшій мірі активним видом мовлення. Для його реалізації мовець повинен вміти у невимушеній формі комунікативного акту побудувати на основі неситуативного та немовленнєвого змісту своє повідомлення чи послідовність повідомлень. Таким чином, монологічне мовлення є

досить організованим видом мовлення, у якому наперед програмуються кожна окрема думка й монолог в цілому. У багатьох випадках такий спосіб передачі інформації визначається ситуацією безпосереднього контакту з слухачем, причому може бути запрограмованим і попередньо підготовленим (лекція, доповідь чи ораторський виступ) чи непередбаченим та імпровізованим (побутова оповідь). Наприклад:

"Biz İngiliz müstemlekesi miyiz de okullarımızda çocuklarımıza çıkış yerinin gösterildiği tabelaların neredeyse tamamı İngilizce. Bu durum ancak bir sömürge ülkesinde yaşanabilir. Okul müdürlerine İngilizce tabelaların yanına Türkçe karşılıklarının da asılması konusunda direktif vereceğiz. Bu uygulama, öğrencilerin İngilizce eğitimine katkı amaçlı gerçekleştirilmektedir". (İl Milli Eğitim Müdür Yardımcısı Remzi Sav; 'Milliyet' Gazetesi) – /Хіба ми є англійською колонією? У наших школах переважна більшість написів евакуаційних виходів зроблено англійською мовою. Така ситуація може спостерігатися лише в колоніальній країні. Ми обов'язково дамо вказівку директорам шкіл розмістити поряд із цими написами їхні турецькі відповідники. Головна мета такої практики полягає у внесенні доповнень у вивчення студентами англійської мови. (Із виступу Ремзі Сава, заступника директора обласного департаменту з питань освіти, газета "Мілієт")./

Функціонально-змістові особливості діалогічного мовлення і неповних речень як особливо характерної для нього синтаксичної побудови найповніше виявляються в живомовних діалогах, тому що лише вони супроводжуються інтонацією, паузами, мімікою й жестами. Проте, як бачимо з вищенаведених прикладів писемного монологу у турецькій мові, відсутність у ньому міміки, жесту, інтонації, прямого контакту зі слухачем зумовлює більшу його структурну складність і розгорнутість. Однак, порівняно з усним мовленням ця структура організації спілкування більш довільна та невимушена: мовець не просто здійснює відбір і пристосування мовних одиниць для передачі тієї чи іншої інформації, а послідовно свідомо оцінює можливі їхні найоптимальніші варіанти. Отже, письмова монологічна форма спілкування наближується за своїми характеристиками до усної монологічної. Проте порівняно з усним монологом письмовий монолог більш розгорнутий, структурно складений, організований, логічно зв'язаний. Письмове мовлення включається в інтелектуальну поведінку людини, регулюючи його теоретичну та практичну діяльність. Уміння письмово виражати свої думки позитивно впливає на усне мовлення, удосконалюючи її логічність, чистоту.

Отже, комунікація – це не спілкування в усьому його комплексі, а лише акт спілкування. Таким чином, спілкування передуює комунікації. А комунікація, яка виступає актом спілкування, виходить із спілкування. Передача цієї інформації може здійснюватися, як нами вже відзначалося, за допомогою вербальних і невербальних (міміка, жести, голос, його тональність, діапазон, взаєморозташованість партнерів, паузи, плач, сміх) засобів комунікації. Природа діалогічної форми спілкування зумовлює те, що саме вона є джерелом поповнення як лексичного, так і граматичного ладу мови оригінальними одиницями, до яких належить і неповні речення. Так, можливість не вербалізувати частину інформації за допомогою мовних засобів можна пояснити тим, що співрозмовники в процесі спілкування створюють своєрідний дія-

логічний мікроклімат на основі суспільно-рольових відносин (співробітники, родичі), почуттів симпатії, антипатії, дружби.

Паузи, міміка й жести, які не є безпосередніми елементами мовлення, в усному розмовному мовленні, на відміну від писемного, досить часто проявляються відносно самостійно. Вони, як правило, виконують функції своєрідних "речень-реплік", які в системі лексично та граматично виражених, діалогічних конструкцій, що вживаються у певній конкретній життєвій ситуації, є достатніми для забезпечення окремих ланок у взаємодії та встановлення порозуміння між учасниками розмови. Речення – репліки цього типу забезпечують комунікативну повноцінність словесних реплік, які на них реагують, цим самим збільшуючи кількість можливих діалогічних конструкцій, у тому числі й неповних. Підтвердження цьому можемо віднайти у наведених нижче неповних структурах, функціонування яких зумовлене мімікою, паузами або жестами, наприклад:

1) – *Kim o? Cemal avucu içinde Zeliş'in elini sıkarak karşılık verdi: – Biz(-iz)...[Int]. – /Хто то? Джемаль, потиснувши у своїй долоні руку Зеліш, відповів: "Ми"./*

2) *Ethan karşısındakilere (onlara başını öne doğru salladı) gülümseyerek karşılık verdi: – Bu bir felaket!(tir)[Int]. – /Етхан, посміхаючись, відповів тим, хто сидів напроти нього, похитуючи при цьому головою: "Це – катастрофа!"/*

Формальна нестача членів речення в діалогічних репліках – явище досить поширене та природне. Окрім цього, такий пропуск членів речення дає значну "мовну економію", а з нею й комунікативну зручність. Вона є досить важливим засобом внутрішньо синтаксичної організації діалогу, що виразно прослідковується у випадках, коли неповне речення повторюється, даючи кожного разу новий поштовх дальшому розгортанню діалогічної дії, її поширенню в одному напрямі, який визначається семантикою неназваного члена речення. Принагідно зазначимо, що у цілому ряді випадків неповні речення-запитання й речення-відповіді бувають розгорнутими, багатослівними. Однак, досить часто у них не вистачає одного чи кількох членів речення, значення яких зрозуміле з їхнього власного контексту, або ж контексту сусідніх структур.

У турецькому розмовному мовленні [18; 21; 22; 23; 24] залежно від значення та синтаксичної функції питального слова в питальній репліці речення-відповідь може являти собою будь-який член речення, як головний, так і другорядний, із залежними словами та без них, зокрема **підмет**:

1) *İter: Kimlermiş o bırakmayacak? Ses: En başta Serdar (bırakmaz)! (Devetabanı, s. 21) – /Льтер: А хто ж ті, що не залишать? Голос: У першу чергу Сердар (не залишить)!/*

2) *İter: Tema? Serdar: Tema da güzel. (Devetabanı, s. 19)– /Льтер: А тема? Сердар: І тема теж – хороша./*

присудок:

1) – *Şimdi senin bana anlatacağın öykünün sonu nasıl? – (Sana anlatacağım öykünün sonu) acılı. (SEK, s. 8)– /А яка ж кінцівка цієї історії, яку ти мені зараз розповідатимеш? –(Кінцівка цієї історії, яку я тобі зараз розповім) сумна./*

2) *Arif: Nerde bu kahve? İnci: (Bu kahve) Kandilli'de. (YS, s. 308) – /Аріф: А де ця кав'ярня? Інджі: (Ця кав'ярня) у Канділі./*

додаток:

1) – *Ne arıyorsun burada? – Kitaplarımı (arıyorum). (Zeliş, s. 40)– /– Що ти тут шукаєш? – (Я шукаю) свої книжки./*

2) *Sultan: Kiminle gidiyorsun sinemaya? Ayten: Hesna'larla.. (gidiyorum). (YS, s. 216)– /Султан: З ким ти йдеш у кінотеатр? Айтен: (Я йду) Із сім'єю Хесни./ (Див. далі Додаток I № 18)*

обставина, найчастіше місця, часу, міри та ступеня:

1) – *Bir direniş dilinden söz edebilir miyiz? – Kesinlikle (söz edebilirsiniz). (Aktüel, 22–28 Eylül 2008, sayı 98, s. 95)– /– Чи можемо ми говорити про мову суперечок? – Звичайно (можете говорити)/*

2) *Serdar:(...) Kaç yatak odan var? İlter: İki (yatak odası var). (Devetabanı, s. 8)– /Сердар: ... Скільки у тебе спальних кімнат? Ільтер: (У мене є)2 (спальні)/*

3) *Serdar:(...) Kaç yaşındasın? Otuz yedi mi? İlter: Otuz sekiz (yaşındayım). (Devetabanı, s. 9) – /Сердар: ... Скільки тобі років? 37? Ільтер: 38 (мені років)/*

Висновки. Таким чином, проаналізовані у нашому дослідженні неповні діалогічні речення турецької мови з погляду їхніх семантичних та функціональних особливостей можуть бути характерними і для монологів, як власне побутового, так і офіційно-ділового, дидактично-педагогічного характеру. Вони відрізняються лише функціонально, адже основна особливість речень монологічного мовлення полягає у тому, що вони не безпосередньо адресуються співрозмовникові та не вимагають від нього прямої реакції на репліку мовця. Отже, функціональна специфіка відповіді на питання полягає в тому, що в ній актуалізується й есплікується насамперед очікуваний адресантом зміст – рематичний компонент повідомлення, тоді як інші можуть залишатися невираженими.

Список літератури

1. Арутюнова, Н. Д. Человеческий фактор в языке [Текст] : Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – 281 с.
2. Вихованець, І. Р. Граматика української мови. Синтаксис [Текст]. – К.: Либідь, 1993. – 368 с.
3. Дзюбак, Н. М. Структурно-комунікативні ознаки неповноти речення [Текст] : автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.01 / Дзюбак Наталія Миколаївна ; Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. – К., 1999. – 20 с.
4. Дудик, П. С. Еліптичні речення в українській мові [Текст] // Українська мова і література в школі. – 1958. - №2. – С. 3 - 7.
5. Дудик, П. С. Синтаксис сучасного українського розмовного літературного мовлення [Текст]. – К.: Наукова думка, 1973. – 288 с.
6. Иванова, Л. И. Структурно-функциональный анализ простого предложения [Текст]. – Киев: Вища школа, 1991. – 166 с.
7. Инфантова, Г. Г. О способах реализации принципа экономии в синтаксисе русской разговорной речи [Текст] // Вопросы грамматики русского языка: Программа и краткое содержание докладов. – Л.: ЛГПИ, 1971. – С. 61–63.
8. Инфантова, Г. Г. Очерки по синтаксису современной русской разговорной речи [Текст]. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.-на-Дону гос. пед. ин-та, 1973. – 133с.
9. Кучинский, Г. М. Диалог и мышление [Текст]. – Минск: Изд-во БГУ, 1983.– 190с.
10. Леонтьев, А. А. Функции и формы речи [Текст] // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 241 – 255.

11. Леонтьев, А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации [Текст] // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 18 – 37.
12. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) [Текст]. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
13. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст], М., 1956.
14. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст]. – М.: Учпедгиз, 1958. – Т. 1-2. – 536 с.
15. Чередниченко, І. Г. граматична структура неповних речень та основи їх класифікації [Текст] // Українська мова в школі. – 1954. - № 3. – С. 14 –20.
16. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст]. - 2-е изд. Л., 1941. -620 с.
17. Aksan, D. Türkiye Türkçesinin Dünü, Bugünü, Yarını [Text], - Ankara, 2000.
18. Banguoğlu, T. 'Türkçenin Grameri, TDK Yayınları, Ankara [Text], 2000, s. 522.
19. Beşerek, A. Türkçe'de Cümle Yapısı [Text], M.EB Yayınları, İstanbul, 1991, s.44.
20. Ediskun, H. Türk Dil Bilgisi [Text], İstanbul 1985.
21. Ergen, İ. Konuşma Dili ve Türkçenin Söyleyiş Sözlüğü [Text]. - Ankara 2002. – 488 s.
22. Özmen, M. Bir Eksiltili Cümle Tipi Üzerine [Text], Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi Journal Of Social Sciences, Cilt: 4, Sayı: 4, Yıl: 1996, s. 71-82.
23. Sarıca, M. Sözlü Dil Yapısı [Text], Multilingual yay. - İstanbul, 2005. – 151 s.
24. Şimşek, R. Örneklerle Türkçe Sözdizimi [Text], 1. Baskı, Trabzon, 1987.

Терещенко Т. Н. **Формально-семантические особенности неполных предложений в турецком разговорном языке**

В статье рассматриваются особенности неполных конструкций на материале турецкого разговорного языка, определяются основные признаки, степень и характер неполноты этих структур, на формально –синтаксичном и коммуникативном уровнях.

Ключевые слова: разговорный язык, неполное предложение, эллипсис, синтаксические конструкции, реальная коммуникация, диалог, монолог.

Tereshchenko T. **Formal and semantic features of incomplete sentences in Turkish colloquial speech**

In this article the author tries to define features of incomplete constructions on the material of colloquial Turkish speech, also this article is the attempt to determine basic signs, degree and character of incompleteness of these structures and to describe its basic syntactic characteristics in a formal, syntactical and communicative levels.

Key words: speech, colloquial speech, incomplete sentence, ellipsis, syntactic constructions, real communication, dialog, monologue.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 821.512.161 – 31.09

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ОБРАЗ СТАМБУЛА ОРХАНА ПАМУКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «СТАМБУЛ: ГОРОД ВОСПОМИНАНИЙ»)

Посохова Е. В.

Настоящая статья посвящена исследованию истоков черно-белого образа Стамбула в автобиографическом романе Орхана Памука «Стамбул: город воспоминаний». Проанализированы факторы, повлиявшие на формирование подобного образа, и художественные средства, которые использовал автор, воплощая этот образ в тексте. Отмечено, что основным источником черно-белого видения города явилась «хюзюн», коллективная печаль Стамбула, связанная с исчезновением османской культуры.

Ключевые слова: Орхан Памук, образ, Стамбул, «хюзюн», культура, Восток и Запад.

Введение. Автобиографический роман «Стамбул: город воспоминаний», за который Орхан Памук был удостоен Нобелевской премии по литературе, посвящен родному городу романиста, Стамбулу, служившему пространством многовекового диалога культур. Проблема образа города в творчестве писателя, несомненно, является *актуальной* и заслуживает внимания исследователей. Тем не менее, ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении до настоящего времени не существовало работ, посвященных системному анализу стамбульского текста Орхана Памука и, в частности, романа «Стамбул: город воспоминаний», несмотря на очевидную необходимость такого исследования. На сегодняшний день автобиографический роман Орхана Памука упомянут только в одной работе, — в диссертации А.С. Сулеймановой «Постмодернизм в современном турецком романе» [5]. Однако данное исследование не затрагивает обозначенную нами проблему, фокусируясь на реконструкции жизненного пути турецкого романиста, основанной на интерпретации текста его произведения.

Вплетая в ткань повествования свои собственные воспоминания, Орхан Памук пишет, что город его детства — черно-белый, как старые фотографии и фильмы. *Целью* данной статьи является выявление истоков подобного черно-белого образа Стамбула и факторов, повлиявших на его формирование.

С черно-белым образом Стамбула тесно связаны размышления на темы упадка, запустения, исчезновения и заброшенности, которыми полон автобиографический роман Орхана Памука. Все это стало следствием падения Османской империи и способствовало возникновению эмоции особого рода — «хюзюн» (hüzün). Данное турецкое слово, дословно непереводимо на русский язык, но семантически близко таким понятиям как «печаль», «грусть», «меланхолия», «тоска» и «ностальгия».

Чтобы проникнуть в общую атмосферу романа «Стамбул: город воспоминаний» и обнаружить главный источник черно-белого видения Стамбула, необходимо понять, что собой представляет концепт «хюзюн».

Это слово происходит из арабского языка и пять раз встречается в Коране — в двух айатах как *huzn* и в трех — как *hazen*. Оно определяет чувство глубокой душевной потери, поскольку даже пророк Мухаммед назвал год смерти его жены Хатидже и дяди Эбу Талиба «сент-уль-хюзн» — годом печали [3, 122].

В исламской философии существует несколько взглядов на то, что такое печаль. В отрицательной оценке это чувство считают следствием чрезмерной привязанности к материальному миру, потери в котором неизбежны и не должны вызывать подобных эмоций.

Однако печаль рассматривают и с абсолютно другой стороны. Так, согласно суфийской традиции, это — неудовлетворенность, душевная тоска, которая протекает от невозможности быть достаточно близко к Аллаху и обогатить свою духовную жизнь. Таким образом, в исламской культуре возникает положительное отношение к печали. Отсюда же следует и убеждение, что ее отсутствие — не благо, а недостаток. Орхан Памук считает, что подобное «уважительное отношение — причина того, что стамбульцы последние два столетия так широко употребляют слово «хюзюн» в повседневной жизни и в литературе...» [3, 123]. Однако только этим невозможно объяснить, почему это ощущение укоренилось в Стамбуле и стало неотъемлемой частью жизни его обитателей. Для этого необходимо прояснить сам концепт «хюзюн», обратиться к истории Стамбула после падения Османской империи и тому, как оно отразилось на внешнем виде города.

В первую очередь отметим, что «хюзюн» — чувство не индивидуальное, а коллективное. Оно описывает состояние тоски по утраченному великому прошлому: «Это эмоция особого рода. <...> Она шире, чем индивидуальный рок и вмещает в себя историю страны, города, семьи...» [6]. Данный концепт содержит в себе идею о спокойном и достойном принятии судьбы. Так и Орхан Памук, которой в своем автобиографическом романе пытается объяснить печаль целого города, не стремится вернуть былое величие, а сознательно выбирает данность утраты, и, более того, находит в ней источник утешения и поэзии. Он пишет, что «печаль Стамбула — это и настроение его музыки, и главное понятие его поэзии, и определенный взгляд на жизнь, и состояние души, и некая субстанция, без которой Стамбул не был бы Стамбулом, — все сразу» [3, 123-124].

Крушение Османской империи оставило по себе это чувство, ведь в настоящее время мало кто помнит, что в XVI-XIX вв. большинство потоков культурных и материальных богатств проходили через Стамбул. Флобер, находившийся под впечатлением от увиденного в свое время в Стамбуле, написал, «что он уверен: через сто лет Константинополю суждено стать столицей мира» [3, 12]. Однако это предсказание сбылось «с точностью до наоборот». Когда родился Орхан Памук, город заполнили развалины, а роль Стамбула в мире была наименее значительной за все две тысячи лет его существования. Поэтому родной город всегда ассоциировался у писателя с печалью, навеянной воспоминаниями о былом величии Османской империи.

В одном из интервью Г. Шульпяков, беседуя с романистом, высказал мысль о том, что внешняя — шумная и пестрая — жизнь Стамбула прикрывает некую пустоту. Орхан Памук прокомментировал данное высказывание следующим образом: «Это ощущение пустоты, оно есть, просто пустота, возможно, не то слово. Скорее,

меланхолия, уныние, чувство поражения. Дело в том, что прошлое Османской империи было таким пышным и великим, таким великолепным, торжественным и победоносным, что по сравнению с ним настоящее выглядит совершенно убого. Отсюда ощущение потери, печали и меланхолии этого города в новое время. Болезненная реакция на любую критику» [2, 173]. Дело в том, что времена расцвета османской культуры закончились не так давно, и их следы остались в Стамбуле повсеместно: источники, арки акведуков и небольшие мечети, напоминающие об оставшейся в прошлом империи.

Стамбул, в котором родился и вырос писатель, «пропитан» печалью, поэтому Орхан Памук всю свою жизнь пытался побороть ее или же, как все стамбульцы, смириться с этим чувством. Романист пишет о данном феномене следующее: «Если вы чувствуете эту печаль, если вы ощущаете ее присутствие в городских пейзажах, на улицах, в людях, то порой она становится почти видимой, куда бы вы ни посмотрели, словно легкая дымка, поднимающаяся над Босфором, когда зимним днем из-за облаков вдруг выглянет солнце» [3, 133]. Он сближает «хюзюн» с понятием печали, которое К. Леви-Стросс использует в книге «Печальные тропики» [1]. Общим знаменателем служит, конечно же, не географическое положение и не тяжелое материальное положение, ведь в Стамбуле нет такой нищеты, как в тропических городах, а отдаленность от центров западной цивилизации, непонимание европейцами существующих в этих городах отношений между людьми и некая «ненадежность» жизни. Все это создает своеобразную «культуру» печали, в которой живут миллионы людей.

Следует отметить, что отношение к руинам кардинально отличалось на Западе и в Турции. В Европе исторические здания, оставшиеся со времен рухнувших империй Запада, охраняются; горожане с гордостью демонстрируют их туристам как музейные ценности. Жители Стамбула, в свою очередь, просто живут среди «развалин», не обращая на них никакого внимания. Орхан Памук следующим образом комментирует данную ситуацию: «Этими строениями, такими же заброшенными, грязными и пыльными, как и все вокруг, невозможно гордиться, как невозможно было гордиться особняками, горевшими один за другим в годы моего детства» [3, 136-137]. Руины напоминают стамбульцам о том, что величие империи и ее культура остались в прошлом, а на смену им пришли бедность и растерянность. Пытаясь избавиться от тоски, горожане не обращают никакого внимания на исторические здания. Порой это приводит к печальным последствиям: «Потеряв всякое представление о значении слова «история», жители города растаскивают камни из городских стен, чтобы использовать их для собственных построек, или подновляют их с помощью бетона» [3, 137]. Еще один способ отделяться от воспоминаний – это построить на месте руин «современный дом». Однако уничтожение следов прошлого не приносит желаемого результата, а только усиливает присущую городу печаль.

В годы детства романиста большинство следов прошлого еще не было уничтожено застройкой многоквартирных домов. Так, лицей Ышик, где Орхан Памук учился в начальных классах, находился в особняке принца Юсуфа Иззеддин-паши, затем писатель ходил в школу, расположенную в здании, ранее принадлежавшем визирю Халилю Рифат-паше. В районе Нишанташи, где жил автор, также находился

старый особняк, который когда-то служил резиденцией великих визирей. Окна дома семейства Памук выходили в сад на проспекте Тешвикийе, где среди деревьев стоял полуразрушенный особняк Хайреттин-паши. Как и во многих других стамбульских семьях, дома у романиста не говорили об «этим погорелых и разрушенных особняках (они были связаны <...> с историями о принцах, сошедших с ума, о придворных, курящих опиум, о детях, запертых на чердаке, о дочерях султана, изменивших мужьям, об отправленных в ссылку или убитых пашах), напоминающих об упадке и падении Османской империи» [3, 46]. Тем не менее, вид обугленных руин особняков, кирпичных стен, поросших папоротником, покосившихся ступеней и разбитых стекол всегда навевал на Орхана Памука печаль о погибшей культуре. Писатель полагает, что стремление к европеизации во многом объяснялось желанием избавиться от оставшихся со времен империи вещей, напоминающих о прошлом: «Построить на месте развалин что-то новое, сильное и могучее, некий модернизированный мир, по западному образцу или нет, не получалось, так что все усилия помогали главным образом забыть прошлое» [3, 46-47].

Итак, «хюзюн» для Стамбула — это не болезнь и не беда, а выбор, сделанный по доброй воле: «Отступление перед трудностями жизни, оправдываемое суфийским уважением к печали, подается как сознательный выбор, которым можно гордиться, выбор, следствием которого и стали неудачи, нерешительность и бедность» [3, 140]. И это чувство переживают сообща все жители города. Оно становится неотъемлемой частью всех литературных произведений и черно-белых фильмов того периода, затрагивающих тему Стамбула, чьи герои обречены на поражение, поскольку печаль лишает их воли и делает невозможной счастливую любовь. Примером такого произведения служит роман А.Х. Танпынара «Спокойствие», персонажи которого, как только их отношения заходят в тупик, бродят в одиночестве по узким улицам, глядя на развалины, или отправляются к Босфору. По мнению Орхана Памука, чтобы понять историю героя и почувствовать его тоску, нужно просто смотреть на эти урбанистические пейзажи, поскольку печаль «живет» на стамбульских улицах.

Говоря о противопоставлении черного и белого цветов, определяющих видение Стамбула автором, следует отметить, что Орхан Памук предпочитает зимний город, когда вечерние сумерки опускаются рано, погружая все в полутьму. Об этом времени суток он пишет следующее: «Мне кажется, что вот сейчас ночная тьма скроет бедность жизни, улиц и вещей и все мы, укрывшиеся в своих домах, отдыхающие в своих постелях, окунемся в мир грез и фантазий, сотканных из легенд и воспоминаний о канувших в небытие величественных зданиях и оставшемся в далеком прошлом богатстве Стамбула» [3, 54]. К тому же, писатель не мог представить себе Стамбул без снега, который за зиму шел всего несколько раз и оставался лежать чуть дольше недели. Однако именно в это время город казался романисту более «красивым», поскольку снег также на время скрывал грязь и неухоженность, но главное — заставлял всех жителей испытывать чувство общности. Город и его обитатели как бы оставались оторванными от остального мира, и Орхану Памуку казалось, что именно «в снежные зимние дни Стамбул становился более пустынным и <...> похожим на тот город, каким он был когда-то, в сказочные дни своего прошлого» [3, 63].

Кроме того, страницы романа «Стамбул: город воспоминаний» украшены десятками лирических черно-белых фотографий, отражающих видение города автором и общую атмосферу стамбульской печали. Большая их часть взята из архива турецкого фотографа А. Гюлера. Орхан Памук вспоминает, что, отбирая фотографии для своей книги и изучая этот архив, он «часто сталкивался с хорошо <...> знакомыми в детстве, но с тех пор забытыми образами старого Стамбула <...> — при встрече с ними я [Орхан Памук – Е.П.] испытывал ностальгию по былым временам...» [3, 491].

Альбом А. Гюлера под названием «Потерянный Стамбул» содержит не только снимки района Бейоглу, где прошло детство романиста, но и живописные виды окраин, которые так привлекали печальных стамбульских писателей. Одна из фотографий, по мнению Орхана Памука, замечательно отражает те черно-белые сумерки, которые и делают для него Стамбул Стамбулом [3, 54]. На ней — пустынная улица на окраине города, обветшавшие бетонные и деревянные дома с решетками на окнах и двое людей, идущие домой. Больше всего на этой фотографии писателю нравится ощущение сгущающихся сумерек и атмосфера окраинной улочки Стамбула. Творчество А. Гюлера импонирует Орхану Памуку потому, что «на его черно-белых фотографиях Стамбул предстает городом, где, несмотря на все перемены, продолжают жить традиции старины, где старое и новое сливается в единой мелодии, тихо поющей о ветхости, бедности и скромности, где на пейзажах и на лицах людей лежит отпечаток одной и той же глубокой печали» [3, 343].

В своем романе Орхан Памук также использовал работы фотокорреспондента газеты «Джумхурийет» С. Гиза. Возможно, причина заключается в том, что ему, как и автору, нравились безлюдные пустые улицы и пейзажи заснеженного Стамбула. Помимо этого, на страницы произведения попали старые фотографии стамбульского журналиста Х. Шахенка и братьев Абдуллахов, владевших фотостудией в конце XIX в. Работы западных авторов также присутствуют в романе. Например, фотография Айя-Софии, сделанная в 1853 г. Д. Робертсоном [3, 297], или открытки М. Фрухтермана.

Помимо этих фотографий на формирования образа родного города романиста повлияли старые черно-белые фильмы. В 1950-60-е гг. во многих районах Стамбула можно было встретить небольшие съемочные группы, а через сорок лет, когда турецкая киноиндустрия пришла в упадок, отснятые ими киноленты стали показывать по телевидению. Они интересны тем, что запечатлели Стамбул того времени, его улицы, старые сады, ветхие особняки, многоквартирные дома и берега Босфора. Орхан Памук признается, что, просматривая эти фильмы и замечая какие-нибудь характерные детали, сохранившиеся в его памяти, он погружается в меланхолию [3, 56]. Такой деталью, к примеру, является уличная брусчатка, которая была для писателя неотъемлемой частью черно-белого образа Стамбула. В юности, когда Орхан Памук увлекался живописью, изображая улицы родного города, ему нравилось вырисовывать брусчатку — камень за камнем. Впоследствии улицы были покрыты слоем асфальта, который скрыл эту особенность старого города.

Стамбул был для писателя черно-белым еще и по причине особенного цвета старых полуразрушенных особняков, которым уделено немало внимания в романе

«Стамбул: город воспоминаний», поскольку они символизируют тот упадок и печаль, которые постигли город после крушения Османской империи. По определенным причинам, в том числе из-за бедности, их не красили. Впоследствии от возраста и воздействия природных факторов они темнели, приобретая «тоскливый, но при этом пугающе красивый» цвет [3, 57]. В детстве романист думал, что этот серый, местами с коричневым отливом, окрас был изначально присущ рядам таких домов, стоящих на окраинах. Однако в записи западных путешественников, приезжавших в Стамбул в XIX в., свидетельствуют о том, что в то время дома были окрашены в яркие цвета, что придавало городу блеск. После падения империя их старые почерневшие стены порождали особую атмосферу, которая стала для Орхана Памука неотделимой частью его видения города.

Соответствуют черно-белому образу Стамбула и нарисованные черной тушью изображения города, выполненные западными художниками, например, Ле Корбюзье (1887-1965). Романист пишет, что «укрепляет черно-белое восприятие и то, что жители оставшегося в прошлом Стамбула победных красочных времен не могли нарисовать свой город таким, каким он был на самом деле» [3, 67]. Это объясняется тем, что художники османских времен находились под влиянием персидского искусства миниатюры и изображали город плоским, как карта. К тому же они представляли Стамбул лишь как сцену, на которой проходят торжественные церемонии, поскольку их интересовало все, что было связано с султаном, а не повседневная городская жизнь. Следовательно, когда в каком-нибудь печатном издании требовалось поместить изображение Стамбула в прошлом, издатели использовали гравюры с рисунков западных путешественников, которые больше напоминали фотографии. Таким образом, «стамбульцы вынуждены были видеть прошлое своего города исключительно черно-белым. И этот взгляд как нельзя лучше соответствует печали, в которой они живут» [3, 68].

Как отмечалось ранее, Орхан Памук считал, что ночная тьма, так же как и снег, скрывала следы упадка Стамбула. Поэтому романисту нравится гравюра, сделанная в 1839 г. Томасом Алломом (1804-1872) и изображающая набережную и полулуние, спасающее от непроглядной тьмы. Вместе с тем на лик луны наползает облако, приглушая ее свет, и возникает ощущение, что где-то в этой полутьме совершается преступление. Сами стамбульцы, как и иностранные путешественники, любили истории об убитых злоумышленниках или женщинах из гарема, тела которых, как на этой гравюре, на лодке отвозили в море. По этому поводу писатель, снова обращаясь к точке зрения Другого, в данном случае носителя западной культуры, отмечает, что «взгляд путешественника-европейца на ночную темноту, как на таинственный покров, укрывающий этот загадочный город, способствующий совершению новых неприглядных деяний, похож на взгляд стамбульца, не понимающего сути плетущихся во дворцах интриг и заговоров» [3, 69]. Таким образом, ночь делает Стамбул похожим на сон или на сказку, что усиливает его черно-белую атмосферу.

Одной из главных причин черно-белого восприятия города является тот факт, что Стамбул, обладающий богатой историей, обнищал, поблек и оказался «на периферии». Стамбульцы ощущают, что по сравнению с жителями Европы, которая географически расположена совсем не далеко, они обречены на бедность и небреже-

ние. Возможно, именно поэтому современные горожане редко одеваются ярко, в противоположность своим предкам. Орхан Памук комментирует данную ситуацию следующим образом: «Ощущение поражения и утраты, постепенно проникавшее в город на протяжении последних полутора веков, оставило отпечаток бедности и обветшания на всем — от черно-белых пейзажей Стамбула до одежд его обитателей» [3, 65-66].

Романист пишет, что бродящие по улицам собачьи стаи привносили «некоторую напряженность» в его черно-белое восприятие города. Об этой особенности Стамбула писали многие западные путешественники, побывавшие в столице Османской империи в XIX в., включая Ж. Нерваля, А. Ламартина и М. Твена. Избавиться от собачьих стай пытались неоднократно. Махмуд II, уничтоживший янычарское войско, поскольку оно не хотело подчиняться реформам военной системы по западному образцу, решил покончить с бродячими собаками, но не достиг своей цели. Затем в 70-х гг. XIX в. во время правления султана Абдул-Хамида была предпринята еще одна попытка избавиться от стай: цыгане изловили всех собак и перевезли их на остров Сивриада в Мраморном море. Однако им удалось сбежать и, по выражению Орхана Памука, «триумфально» вернуться в Стамбул [3, 320]. Французы сочли это мероприятие не менее экзотическим и странным, чем сами стаи, бродящие по всему городу, а Ж.-П. Сартр многие годы спустя даже отпустил шутку по этому поводу в романе «Век разума» [4]. Эти похожие друг на друга собаки неопределенного цвета, которых до сих пор можно встретить вдали от людных проспектов, «служат напоминанием о том, что, несмотря на все усилия европеизации и модернизации, военные перевороты, <...> несмотря на устройство муниципалитетов по западному образцу и на все красноречие их руководителей, в Стамбуле могущество государственной власти отстает перед всеобщим ощущением тщетности, заброшенности и сожаления» [3, 66-67].

Подводя итог, турецкий романист пишет: «Встречающиеся тут и там разбитые источники, в которых уже несколько веков не журчит вода, <...> кипарисы, которые кажутся мне не темно-зелеными, а черными; расплзшиеся по склонам холмов старые кладбища; полуразрушенные городские стены, похожие на мощеные брусчаткой улицы, поставленные набок; <...> тусклые уличные фонари; пароходы городских линий, ходящие по Босфору; дым, поднимающийся из труб, и укрывающий город снег – вот он, мой черно-белый Стамбул» [3, 61-62]. Все это и создает ту черно-белую атмосферу Стамбула, о которой Орхан Памук пытается рассказать в своей книге.

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что черно-белый образ города, созданный писателем, неразрывно связан со снегом, сумерками, цветом полуразрушенных особняков, русинками западных художников и черно-белыми фотографиями, которые Орхан Памук использовал, воплощая этот образ в романе, а также газетами и фильмами, запечатлевшими урбанистические пейзажи. Однако, в первую очередь, он связан с той стамбульской печалью, которая является следствием крушения Османской империи и исчезновения ее культуры и объединяет всех жителей города.

Список литературы

1. Леви-Стросс, К. Печальные тропики [Текст] / К. Леви-Стросс — М. : АСТ, 1999. — 576 с. — ISBN : 996-7172-11-2, 5-237-00160-2.
2. Памук, О. Интервью Глеба Шульпякова «В моем Стамбуле всегда идет снег» [Текст] / Г. Ю. Шульпяков // Иностранная литература. — 2004. — №3. — С.168—174.
3. Памук, О. Стамбул: Город воспоминаний [Текст] / Пер. с тур. М. Шарова, Т. Меликова. — М. : Издательство Ольги Морозовой, 2006. — 504 с. — ISBN 5-98695-018-6.
4. Сартр, Ж.-П. Век разума [Текст] / Пер. с фр. Д. Вальяно, Л. Григорьян // Дороги свободы. — М. : АСТ, 1999. — С. 15—954. — ISBN: 5-237-01994-3.
5. Сулейманова, А. С. Постмодернизм в современном турецком романе [Текст] : дис... канд. фил. наук : 10.01.03 / Сулейманова Алия Сократовна — Санкт-Петербург, 2007. — 216 с.
6. Штутина, Ю. Городские пейзажи Орхана Памука [электронный ресурс] // Lenta.ru, 02.06.2006. — Режим доступа к источнику: <http://www.lenta.ru/articles/2006/06/02/pamuk/>.

Посохова К. В. Черно-білий образ Стамбула Орхана Памука (на матеріалі роману «Стамбул: місто спогадів»)

Ця стаття присвячена вивченню джерел чорно-білого образу Стамбула в автобіографічному романі Орхана Памука «Стамбул: місто спогадів». Проаналізовано фактори, що вплинули на формування подібного образу, та художні засоби, які використовував автор, втілюючи цей образ у тексті. Відзначено, що головним джерелом чорно-білого бачення міста є «хюзюн», колективний сум Стамбула, пов'язаний із зникненням османської культури.

Ключеві слова: Орхан Памук, образ, Стамбул, «хюзюн», культура, Схід та Захід.

Posokhova E. V. Orhan Pamuk's black and white image of Istanbul (on basis of the novel 'Istanbul: memories and the city')

The present paper is dedicated to the research of the sources of Istanbul's black and white image in the Orhan Pamuk's autobiographic novel 'Istanbul: memories and the city'. The factors which influenced on such an image formation and the expressive means and stylistic devices used by the author to embody this image in the text are analyzed. It's marked that the main source of black and white image of the city is 'huzun', a joint melancholy of Istanbul, connected with the evanescence of ottoman culture.

Key word: Orhan Pamuk, image, Istanbul, 'huzun', culture, East and West.

Стаття постуила в редакцію 27.08.2009 г.

ТЮРКОЛОГИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

УДК 811.512.1

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ТЮРКСКИХ НАРОДАХ» КРЫМА (часть 1)

Меметов А.

В статье рассматриваются разные точки этнической истории караимов, специфические особенности их языка и религии.

Ключевые слова: тюркские народы, тюркоязычные народы, Крым, караимы.

Введение. Поводом для написания данной статьи послужили взаимоисключающие друг друга точки зрения авторов о происхождении караимов и крымчаков, опубликованные в статьях и книгах различного уровня за последние десятилетия. Одна группа ученых считает и караимов, и крымчаков евреями, другая группа относит их к тюркским народам.

Глубокое изучение истории данного вопроса и всего того ажиотажа, который поднят вокруг этнической истории караимов и крымчаков свидетельствует о том, что эта проблема не настолько научная, как политическая. Соперничающие группы привлекают на свою сторону маститых, видных учёных для обоснования той или иной концепции происхождения караимов и крымчаков. При этом используются все методы, в том числе и фальсификация имеющегося материала, как это делал А.С. Фиркович.

Ярким примером может служить книга «Тюркские народы Крыма», опубликованная в Москве издательством «Наука» в 2003 году. Хорошая твёрдая обложка, белая бумага, 458 страниц, прекрасное оформление [13].

В Предисловии авторы пишут: «При работе над книгой возникла неожиданная проблема – как её назвать. Некоторые специалисты предлагали название «Тюркоязычные народы Крыма»... Однако мы всё же остановились на названии «Тюркские народы Крыма». Во-первых, строго говоря, оба понятия синонимичны» [13, 5]. Обратите внимание, для авторов тюркоязычные народы и тюркские народы синонимичны. По-видимому, авторы не знают, что между языком и народом нет тождества. В Крыму сейчас проживает около ста народов и народностей. Многие из них уже забыли свой родной язык и говорят на русском языке. По логике авторов «академического» издания русскоязычных немцев, греков, литовцев и др. следует также отнести к славянским народам.

В XV-XVII вв. на территории Крымского ханства проживало много армян. Их культурным наследием является огромное количество письменных памятников на тюркском (крымскотатарском) языке. Значит армян, говоривших и писавших на тюркском языке, следует также считать тюркским народом.

К тюркским народам, в указанной выше книге, наряду с крымскими татарами отнесены караимы и крымчаки [13, 5], о чём свидетельствует и название книги. В

самой же книге имеются убедительные доводы в пользу того, что этнически караимы и крымчаки являются евреями. Однако авторы этого не замечают, или умышленно не хотят замечать.

Этническая история караимов до XIX столетия ни у кого не вызывала сомнений. Во всех источниках караимами называют еврейский народ, исповедующий религиозное учение караимизм [6, 269; 15, 426; 7, 110], которое основывается на признании Пятикнижия Моисея, (т.е. книг Ветхого Завета) и не признании Талмуда – устного толкования Библии. Караимизм как иудейская секта возник в VIII веке в Багдаде и связан с именем Анана Бен-Давида [4, 426-430, 268-280].

В качестве обязательного постулата в учении Анана была вера в единого Бога и в то, что Моисей, Иисус и Магомет были равноапостольными его пророками. Таким образом, Анан пытался совместить ветхозаветный иудаизм с некоторыми идеями двух мировых религий, во имя избежания религиозных конфликтов [13, 37].

Особое место в религиозном учении Анана занимает заповедь благотворительности и милосердия, как и в исламе. Близость караимизма и ислама в религиозной практике и внешней атрибутике выражается в том, что алтарь караимского храма – кенасы – обращен к Иерусалиму так же, как михраб мечетей к Мекке; пол храма устлан коврами, перед молитвой караимы совершают омовение и в храм входят, как и мусульмане, без обуви. Последователи караимизма признают, что многим этим истинам Анан Бен-Давид научился у Абу-Ханифы, основателя религиозно-правовой школы (мазхаб), ставшей одной из четырех основных в суннитском исламе [13, 37]. Следует отметить, что Абу-Ханифа и Анан Бен-Давид были арестованы и брошены в тюрьму по обвинению в ереси во времена правления халифа Абу-Джафара Абдуллаха аль-Мансура (годы правления 754-775). Возможно, в период заключения и произошло взаимное влияние их друг на друга.

Вероучение Анана усилиями миссионеров распространилось далеко за пределами еврейской диаспоры Вавилона. В IX-X возникают многочисленные общины на Ближнем Востоке, Испании, Византии и на Балканах.

В конце XI в. крестоносцы, захватившие Палестину, уничтожили как еврейско-раввинистическую, так и караимскую общины. С этого времени центр духовно-интеллектуальной деятельности караимской общины перемещается в Испанию и Египет. Испанский период караимизма был, однако, недолгим: под влиянием евреев-раввинистов правитель Кастилии запретил караимизм. Вероятно, после этого часть евреев, исповедовавших караимизм, была вынуждена переселиться в Крым.

В Крымском ханстве наряду с евреями-караимами проживали также еврейско-раввинисты или еврейско-талмудисты, которые в наше время называются крымчаками. Крымские татары не делали никаких различий между отдельными их группами. В правовом отношении, у обеих этих групп было совершенно одинаковое положение, и шли они под общим названием «яхуди» - «иудей» в ханских ярлыках, а в разговорном крымскотатарском языке «чуфут» - «в том же значении с элементом пренебрежения».

После переноса резиденции крымских ханов из крепости «Кырк-Ер» в Бахчисарай на рубеже XVI-XVII столетия она, т.е. крепость была заселена караимами и получила название «Чуфут-Кале» - «Еврейская крепость». Название крепости «Кырк-Ер» у предшествующих исследователей переводится как «сорок человек», «сорок зам-

ков», «сорок братьев» [13, 22], что не соответствует действительности. В данном топониме первый компонент не **кыркъ** «сорок», как полагают исследователи, а **кырыкъ** «сломанный», «изломанный», второй компонент **ер** «земля», «возвышенность», **кырыкъ ер** «изломанная, извилистая земля», о чём свидетельствует внешний вид «Чуфут-Кале». Следует заметить, что евреям-караимам во времена Крымского ханства разрешалось иметь в Бахчисарае магазины, мастерские, лавки, в которых они работали с утра до вечера. Затем, после окончания рабочего дня, караимы должны были возвращаться в «Чуфут-Кале». Им не разрешалось на ночь оставаться в городе. Для них были введены и другие ограничения. Так, если караим ехал верхом на лошади или осле, то при встрече с крымским татаринном, шедшим пешком, он должен был спешиться и вести свою лошадь или осла под уздцы. Вряд ли такие притеснения могли бы иметь место по отношению к своим соплеменникам тюркам-караимам.

Крымские ханы традиционно выдавали жителям Чуфут-Кале так называемые тарханские ярлыки, предоставляющие право на значительные льготы при уплате налогов, причем в текстах ярлыков жителей крепости называют иудеями, или народом иудейским [11, 57-105]. Обращает на себя внимание тот факт, что при публикации документов «Крымскотатарские ярлыки» материал представлен таким образом, что текст ярлыка приводится на языке оригинала, снабжается дословным переводом и кратким предисловием на русском языке. Именно в этих комментариях на русском языке упоминаются караимы (например, ярлык, данный караимам, жившим в г. Чуфут-Кале...), в то время как в дословном переводе ярлыка на русский язык обычно сказано «ярлык, данный народу иудейскому». Следовательно, термин «караимы» используется только российскими публикаторами в редакторских предисловиях к подлинникам [13, 23]. Возможно, караимы сами и писали эти комментарии.

Как известно, в XIV веке часть караимов вместе с крымскими татарами была переселена литовским князем Витовтом в Литву (г. Тракай). «От Витовта трокские караимы получили, 24 июня 1388 г., грамоту, тождественную с грамотой, данной им же через несколько дней брестским и вообще литовским раввинистам. В означенной грамоте К. названы просто т р о к с к и м и е в р е я м и...» [15, 430].

Большой вклад в фальсификацию истории крымских караимов внесли их религиозные, политические и общественные деятели. В 1794 году в прошении на имя графа Платона Зубова – правителя Новороссии и Бессарабии караимы просят уравнять их в правах с татарами и освободить от двойной подушной подати, установленной в Российской империи для евреев. В этом прошении караимы утверждают, что они живут в Крыму 450 лет (т. е. с XIV столетия). В 1795 году евреям-караимам удалось добиться от Екатерины II указа о том, что они освобождаются от оплаты двойных податей, которые были возложены на всех евреев в империи и которым высказывалось благожелание караимам в смысле возможного предоставления им дополнительных льгот и облегчений.

Получив материальные выгоды, еврей-караимы этим не ограничились. В начале XIX столетия они добились изменения своего официального названия: вместо «еврей-караимы» их стали называть «русские караимы ветхозаветного вероисповедания», а затем с 1863 г. в официальных документах Российской империи их начали именовать просто «караимы». Этому предшествовала записка «О происхождении

караимов», опубликованная А.Фирковичем в 1859 г., где он «...от имени всех русских К., совершенно отрекается от названия евреев» [15, 431].

Теория А.С. Фирковича о нееврейском происхождении караимов вызвала немало споров и сомнений в подлинности использованных им материалов. По мнению многих востоковедов, часть надгробных надписей и рукописей Фиркович фальсифицировал в связи с необходимостью придать своей концепции документальную основу. Поскольку даты на еврейских памятниках обозначались буквами, то некоторые из них очень легко можно было переделать, изменяя или добавляя мелкие детали [13, 19].

Известный востоковед А.Я. Гаркави отмечал, что А.С. Фиркович на надгробных камнях, не имевших даты или эпитафии, фабриковал новые даты, а также подправлял даты на поздних надгробиях, в результате чего последние становились намного «старше» [4, 287].

Во второй половине XX в. исследование некоторых рукописей, на которые опирался А.С. Фиркович, в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах показало, что многие даты на документах подделаны путём зачистки и подрисовки [13, 19].

Таким образом, путём фальсификации исследуемого материала А.С. Фирковичу удалось обмануть Российскую администрацию и полностью уравнивать караимов в правах с коренным населением России.

Главными защитниками А.С. Фирковича выступили учёные В.В. Григорьев и В.Д. Смирнов. Они выдвинули так называемую хазарскую теорию происхождения караимов и утверждали, что хазарами был принят караимский вариант иудейской религии, и современные караимы являются прямыми потомками хазар. Более того, приверженцы хазарской теории полностью отрицали участие этнических евреев в этногенезе караимов. Серай Маркович Шапшал один из первых предложил считать караимов отдельным тюркским народом. Под знаменем этой идеи, подкреплённой хазарской теорией, караимское самосознание развивалось практически все советское время. Особый расцвет она получила в 1990-е годы [9, 4].

Совершенно противоположную В.В. Григорьеву и В.Д. Смирнову точку зрения о происхождении караимов высказали Б.Штерн, Д.А. Хвольсон, С. Пинскер, А.Я. Гаркави, А.А. Куник, Г. Штрак и другие, которые рассматривали этническую принадлежность караимов как несомненно еврейскую. Причём данные авторы единодушно отрицали участие хазар в этногенезе крымских караимов, как и религиозные и бытовые особенности, выделявшие караимов из среды евреев-иудаистов [13, 20].

Антрополог С.А. Вайсенберг, занимавшийся антропометрическими измерениями крымских караимов, отмечал, что с еврейским типом лица караимов сближают большие нос и рот, толстые губы, а также ранняя и значительная волосатость лица и тела [2; 3].

В пользу второй версии происхождения караимов от евреев свидетельствует и тот факт, что в настоящее время еврей-караимы проживают также в Египте, Ираке, Сирии, Ливане, Турции и т.д., т.е. там, где живут евреи в диаспоре. Все они считают себя евреями и только караимы Крыма настаивают на том, что они являются тюркским народом. При этом они утверждают, что говорят, т.е. говорили на самостоя-

тельном тюркском языке (в данное время караимы Крыма говорят в основном на русском языке).

Так называемый самостоятельный тюркский караимский язык в лексическом плане состоит из двух компонентов – тюркского (крымскотатарского) и семитского. Этимологический анализ лексического состава караимского языка показал, что более 90% слов, включенных в «Караимско-русский и русско-караимский словарь разговорного языка», составленного Захарием Синани, является тюркскими. Эта лексика полностью или частично совпадает как по фонетическому составу, так и по семантике с соответствующей тюркской лексикой крымскотатарского языка. В данном словаре нет ни одного общетюркского слова, которое отсутствует в крымскотатарском языке. Следовательно, тюркская часть караимской лексики идентична крымскотатарской лексике, что свидетельствует о заимствовании данной лексики караимами из крымскотатарского языка. Незначительный семитский компонент (в основном это религиозная и частично бытовая лексика) говорит о том, что языковые процессы у евреев-караимов протекали точно так же, как и у других евреев в диаспоре. Примером могут служить языки евреев, проживающих в Бухаре, в Австрии, Венгрии и Германии. Бухарские евреи в настоящее время говорят на таджикском языке, они забыли свой родной древнееврейский язык. Однако не претендуют на то, что являются коренными жителями Таджикистана. Точно также европейские евреи в силу ряда исторических причин забыли родной древнееврейский язык и создали новый язык – идиш, который относится к романо-германской семье языков. Заметим, что и в языке бухарских евреев, и в языке идиш, как и в караимском имеется семитский компонент в основном религиозного содержания.

Задумывался ли кто-либо из авторов, отстаивающих теорию тюркско-хазарского происхождения караимов, о том, на каком языке говорят караимы, проживающие в Египте, Ираке, Сирии, Ливане и Турции? Говорят ли они на тюркском языке крымских караимов, который, по мнению учёных, имеет три диалекта: крымский, тракайский и галицко-луцкий. Если нет, то о каком же хазарско-караимском языке может идти речь? В данном случае можно говорить лишь об этнодиалекте крымскотатарского языка. Нельзя не согласиться с мнением израильского учёного М. Занда о том, что еврейские группы в диаспоре используют язык основного населения страны, внося в него часть лексики родного языка [16, 429]. Евреи, проживающие в России, говорят на русском языке. Евреи, проживающие в Украине, - на украинском и русском языках. Некоторые из них в силу ряда известных причин скрывают свою этническую принадлежность. Однако открыто никто из них в научной литературе не заявляют о том, что они являются славянами, как это делают современные караимы, а вслед за ними и крымчаки.

Примечательным является и тот факт, что все исследователи сходятся в мнении о том, что средневековая караимская литература создавалась на древнееврейском языке. Наиболее выдающимися караимскими авторами того периода считаются Биньямин б. Моше Нахавенди (ок. 830-860 гг.), Яков (Иосиф) Киркисани (X в.), Салман б. Иерохам (X в.), Иосеф б. Ноах (X в.), его ученик – Ахарон б. Иехошуа Гарофэ (XIII в.), Ахарон б. Элиях из Никомедии (XIV в.) и др. «Их сочинения по большей части написаны на древнееврейском языке и представляют собой трактаты

по экзегетике, богословию, философии, лексикографии и грамматике древнееврейского языка» [13, 126].

Таким образом, основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующие выводы по караимам:

1. Современные караимы представляют собой часть еврейского населения, исповедующего караимизм, основателем которого является Анан Бен-Давид (VIII в.).

2. Представители этого религиозного течения в силу различных исторических причин (в том числе, возможно, и скрываясь от преследования со стороны других религий) разъехались в разные страны. В настоящее время часть евреев-караимов проживают в Крыму, куда они переселились в XIII-XIV в.в.

3. В период Крымского ханства (XV-XVIII вв.) караимы полностью потеряли свой родной древнееврейский язык и перешли на крымскотатарский, точно также как евреи Бухары – на таджикский, евреи Европы – на идиш, при этом все они частично сохранили элементы древнееврейского языка при богослужении. Заметим, что евреи в России говорят на русском, а евреи в Украине – на украинском и русском языках.

4. Тюрко-хазарская или хазарская теория происхождения караимов возникла в среде евреев-караимов Крыма и была рассчитана на отмежевание от еврейского общества. После завоевания Крыма Российской империей евреи-караимы добились изменения официального названия своей общины: вместо «евреи-караимы» они стали именоваться «русские караимы ветхозаветного вероисповедания», а позднее просто «караимы». Тем самым они получили моральную выгоду, а затем и экономическую, освободившись от двойных податей, которые платили все евреи в Российской империи.

5. Антропометрические измерения также подтверждают семитское происхождение караимов.

Выводы. В настоящее время, к сожалению, фальсификация караимской истории (истории в основном тех караимов, которые проживают в Крыму) продолжается. Какие ещё выгоды они преследуют, догадаться не сложно.

Список литературы

1. Берднікова О.М. Семітський компонент в мові ідиш// Автореф. канд. дис., Київ, 2006.- 16 с.
2. Вайсенберг С.А. Караимы// Русский антропол. журн. 1904. №1-2. Кн. XVII-XVIII. С. 66-75.
3. Вайсенберг С.А. Караимы и крымчаки с антропологической точки зрения// Русский антропол. журн. 1912. Кн. XXXII. С. 38-56.
4. Гаркави А.Я. Караимы//ЕЭ. Т. IX. СПб., 1912.- С. 268-290.
5. Григорьев В.В. Россия и Азия: Сб. исследований и статей по истории этнографии и географии, написанных в разное время В.В. Григорьевым, ориенталистом. СПб., 1876.
6. Журнал Министерства народного просвещения, 1843.- №7. Отд.6.- С.280-281.
7. Еврейская энциклопедия.- Т.9.- М., 1991.
8. Куник А.А. Тохтамыш и Фиркович: По поводу спора о двух искажённых еврейских надписях и двух вымышленных летоисчислениях// Приложение к 27 тому Записок императорской Академии наук. СПб., 1876. С.1-64.
9. Михайлов С.С. Западные караимы. М., 2001. Рукопись.

-
10. Путешествия Иоганна Шильтбергера по Европе, Азии и Америке с 1394 по 1427 год// Зап. Императ. Новороссийского ун-та. Т.1. Вып. 1-2. Одесса, 1867.
 11. Сборник старинных грамот, узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов/ Под ред. проф. В.Д. Смирнова, «От издателя» З.А. Фиркович. СПб., 1890.
 12. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты начала XVIII в. СПб., 1887.
 13. Тюркские народы Крыма. М.,2003.460 стр.
 14. Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей, содержащих надгробные надписи из Крыма и надгробные, и другие надписи из иных мест, в древнем еврейском квадратном шрифте, также и образцы шрифтов из рукописей от IX-XV столетия собрание и объединение Д.А. Хвольсона, заслуженным ординарным профессором при С.-Петербургском университете. СПб., 1884.
 15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.- Т. XIV. СПб., 1895.- С. 280-281.
 16. Zand M. Notes on the Culture of the Non-Ashkenazi Jewish Communities Under Soviet Rule // Ed. Y. Roi, A. Beker. Jewish culture and identity in he Soviet Union. N.Y.; L., 1991. P. 420-438.

Меметов А. Про так звані «тюркські народи» Криму

У статті розглядаються різні точки етнічної історії караїмів, специфічні особливості їх мови та релігії.

Ключові слова: тюркські народи, тюркомовні народи, Крим, караїми.

Memetov A. About the so-called «Turkish people» of Crimea

The different points of ethnic history of Karaites, specific features of their language and religion, are examined in the article.

Key words: Turkish people, people, which is talked in Turkish languages, Crimea, Karaites.

Стаття поступила в редакцію 27.08.2009 г.

УДК 811.512.162

**РОЛЬ МЕЖЖАНРОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СВЯЗЯХ СТИЛЕЙ
СОВРЕМЕННОГО АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОФИЦИАЛЬНОГО СТИЛЯ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)**

Агаева А. Р.

В статье приводится краткий обзор научно-теоретических исследований, посвящённый проблеме межстилевых отношений. Результаты показывают, что межстилевые отношения на разных (лексико-грамматических) уровнях языка, полностью или частично отражают те или иные научно-теоретические проблемы межстилевых связей (причинно-следственные отношения и т.д.), связи между стилями зарождаются по разным причинам, среди которых важное место занимает межжанровая интеграция.

Ключевые слова: стили, официальный стиль, публицистический стиль, художественный стиль

Введение. Если составить краткий обзор научно-теоретических исследований, посвящённых или затрагивающих вопросов межстилевых отношений, то ясно можно увидеть, что они охватывают разные стороны этой задачи: межстилевые отношения на разных (лексико-грамматических) уровнях языка, научные труды, посвящённые авторскому стилю и т.д.

Они полностью или частично отражают те или иные научно-теоретические проблемы межстилевых связей (причинно-следственные отношения и т.д.). Наблюдения показывают, что связи между стилями зарождаются по разным причинам. Одним из главных же причин в этой сфере является межжанровая интеграция.

В этой статье рассмотрена взаимосвязь публицистического и официального стилей через призму межжанровых интеграций.

Характер жанра играет ведущую роль в использовании в нём элементов «чужого» стиля. Например, художественные и публицистические произведения, написанные в жанре объявления, присущий деловому стилю, встречались ещё в журнале «Молла Насреддин» в начале XX века. Если рассмотреть разновидности статей, которые близки по духу, стилевой окраске и языковым особенностям деловому стилю – являются *статьи, посвящённые международным темам*. Их функция состоит из следующего: исполнять роль политического обозревателя, разъяснять читателю суть событий, происходящих на международной арене, учить их правильно понимать направления этих событий (1, с.89).

В таких статьях речь идёт о проблеме мира, демократии, о народных движениях, о народных войнах во имя свободы, о разных политических взглядах, точках зрения и т.д. Но категория статьи, в которой встречается наибольшее употребление деловых терминов – это *главная (основная) статья*.

В таких статьях больше используются материалы официального характера. Наряду с приведениями цитат из государственных указов, они и анализируют, в них характеризуется международное положение. По этим качествам главную и II статью в газете называют не разговором и предположениями, а политическим указанием, директивой. Эта специфика, прежде всего, связана с темой главной статьи. Её цель также направлена и на воздействие политической точке зрения народных масс. Конечно, нельзя выполнять все перечисленные функции без «помощи» элементов официального стиля. Например, в газете «Новая идея» в главной статье – «Наша свобода» употреблены более 40 терминов официального стиля (документ, суверенитет, сессия, конституционный, акт, контрольная комиссия, Верховный Совет, международная организация, режим чрезвычайного положения, отчёты и информации, министерство, декларация и другие термины (на азерб. языке – А.А.) (2). Но нельзя строить всю статью в официальной форме. По справедливости, такие статьи называют «знаменем газеты». Если делать экскурс в историю, главные статьи для азербайджанских газет в начале XX века, в основном, писал С.М.Эфендиев.

В докладах (в связи с тем, что они готовятся в письменном виде, их относят к письменным стилям) элементы публицистического стиля преобладают. Исследователи отмечают, что этот жанр занимает среднюю позицию между публицистическим и официальным стилями. Его даже называют «соседним текстом».

В *информационном* жанре (в относящихся событиям, происходящим в политической сфере в большом количестве используются термины официального стиля (например, в 1 статье – 20 терминов) (3).

Аналогическую ситуацию можно встретить и в комментариях, обзорах, в резюме и заключениях, в хрониках, судебных новостях, в комментариях судебных процессов, которые публикуются в судебных репортажах. Более схожими разновидностями интервью с официальным стилем являются интервью анкетного характера, интервью протокольного характера. В связи с событиями предыдущих годов в публицистике явно наблюдается тенденция усиления политического пафоса:

Тема шехидов становится главной темой публицистики и это, в свою очередь, влечёт за собой следующие последствия: автобиографии, заявления о просьбе разрешения добровольно уйти в армию, приказы государства, командира и тому подобные документы входят в этот стиль и разумеется, сопутствуют употреблению лексико-грамматических особенностей официального стиля. Эту попытку публицистов в науке принимают как стремление к созданию нового направления – создания документальной эпопеи эпохи.

Мы со всей уверенностью можем подтвердить, что вышеуказанное направление находится в стадии развития (*политические листовки, политический репортаж, политический плакат, политический лозунг, политическая реклама, политический памфлет, политический обзор, официальная хроника, политическая реплика, опрос политического мнения, опрос анкетного характера и т.д.*).

Политическая платформа, отражающая политическое мировоззрение, поступки претендента, директивы, указы, инструкции, декларативы, в которых речь идёт о недействительности пропавших документов, элементы официального стиля преобладают. Приведём к сведению, что *политический памфлет* в Азербайджанской пуб-

лицистике существует с 1900-1910-х годов. В связи с событиями текущих годов, политическая реклама (иногда его называют по-другому: *политический памфлет, характеристика лидера и т.д.*) приобрела широкий масштаб использования. Основой этого жанра является – представление политическими штрихами образа претендента. Объявление его программы, позиции, претензии, усиление мотивов призыва к голосованию в пользу его также приближает этот жанр к официальному стилю; укрепляет между ними связь и таким образом, естественно, обуславливает употребление элементов официального стиля (повелительных предложений, неких терминов и т.д.) Этот вопрос затрагивается и в русской публицистике.

В *политических лозунгах* (например: Да здравствует НАП! и т.д.), в *плакатах* (например: Все на выборы!) также функционируют элементы официального стиля. По этим качествам иногда этот жанр именуют «документом эпохи».

История жанра *«листовки»* имеет древние корни. Первичным примером прессы азербайджанских советских женщин была листовка с политическим мотивом, которая гласила: «Молодым женщинам Азербайджана». В годы войны бойцовские листовки, издаваемые республиканскими газетами, имели огромное значение. Не случайно этот жанр называют «самым боевым жанром». В наше время в связи с событиями, происходящими в политической сфере, этот жанр функционирует в своём новом амплуа. В *политических листовках*, издаваемых в связи с выборами и отражающих платформу кандидатов, всё часто встречаются термины «отчёт», «депутат», «конгресс», «парламент», «встреча» и т.д. (например: 5). В *опросах, анкетах политического характера*, проводимых с городскими, районскими и т.д. жителями с целью выявления политического мнения, отношения к политической ситуации, к определённым политическим мероприятиям (референдум и т.д.) также в большом количестве используются в большом количестве элементы официального стиля.

Из жанров репортажа самым близким к деловому стилю является – *политический репортаж*. В них особую роль и функцию выполняют термины и словосочетания терминологического характера. Исследователи пишут: «Политический репортаж в основном, затрагивает события, происходящие в политической сфере. Он по содержанию, языку и стилю близок к международному обзору» (6, с.121).

В последнее время отмечают образования жанра *политического очерка* в связи с широким развитием политической публицистики. Но не надо недооценивать жанры *политической хроники и политического обзора*.

А употребление элементов публицистического стиля в официальном, обычно связано с политическими неурядицами, с политической нестабильностью – революциями и т.д. Логинова, причину этого процесса анализирует следующим образом: «В это время перед официальной документацией ставится задача носить пропагандирующий характер, воздействовать на эмоции и чувства. А эту проблему, несомненно, можно решить приведением публицистических элементов в официальный язык» (7, с.17).

Сейчас этот процесс также продолжается с образованием жанра *«Шехидства»*, официальные документы полностью или частично отражаются в публицистических произведениях, или встречаются названия разных официальных организаций и т.д.). Особенно, в *декларациях и обращениях* (отметим, что последний жанр в официальном стиле сформирован под воздействием того же жанра публицистики), высокий

пафос, пропаганда, патетика, эмоциональный дух создаются с помощью элементов публицистического стиля.

Выводы. Таким образом, мы рассмотрели и проанализировали жанры политической публицистики с точки зрения лингвистической стилистики, охарактеризовали факты употребления элементов публицистического стиля в официальном. Процесс межжанровой интеграции во время политической нестабильности усиливается, а межжанровая интеграция играет, на наш взгляд, решающую роль в межстилевых отношениях.

Список литературы

1. Газета «Экинчи» (1875 -1877) [Текст] / под ред. А. Мирахмедова. - Баку: Азернешр, 1979. - 464 с. (на азерб. языке).
2. Велиев, А. Наша свобода [Текст] / А. Велиев // Газ. «Новая идея». - Баку, 1991. - 24 октябрь (на азерб. языке).
3. Отношения между двумя государствами развиваются [Текст] // Газ. «Экономика». - Баку, 2006. - 5-11 май (на азерб. языке).
4. Гринберг, Т.Э. Политический портрет в системе рекламы [Текст] / Т.Э. Гринберг // Вестник Московского Университета. - Серия 10, Журналистика. - 1994. - №9. - с. 28-37.
5. Иманов, Н. Человек, который не торгует политикой [Текст] / Н. Иманов. - Баку, 2005. - 1 октябрь (на азерб. языке).
6. Проблемы журналистики (II часть) [Текст] // под ред. Н. Бабаева. - Баку: Просвещение, 1972. - 330 с. (на азерб. языке).
7. Логинова, К.А. Деловая речь и её стилистические изменения в советскую эпоху [Текст]: автореф дис. ... канд. фил. наук. / К.А. Логинова. - М., 1975. - 25 с.

Агаева, А. Р. Роль міжжанрової інтеграції в зв'язках стилів сучасної азербайджанської літературної мови (за матеріалами офіційного стилю та політичної публіцистики)

У статті наводиться короткий огляд науково-теоретичних досліджень, присвячених проблемі міжстильових відносин. Результати показують, що міжстильові відносини на різних (лексико-граматичних) рівнях мови, повністю або частково відображають ті чи інші науково-теоретичні проблеми міжстильових зв'язків (причинно-наслідкові відносини і т.д.), зв'язки між стилями зароджуються з різних причин, серед яких важливе місце займає міжжанрова інтеграція.

Ключові слова: стилі, офіційний стиль, публіцистичний стиль, художній стиль

Agaeva Afak Ramiz kizi. The role of the intergeneric integration in relations of styles of modern Azerbaijanian literary language. (on materials of official style and political publicism)

The article provides an overview of the scientific and theoretical research on the problem between styles relations. The results show that between styles relations at different (lexical and grammatical) language levels, in whole or in part, reflect those or other scientific and theoretical problems between styles connections (causal relationships, etc.), communications between the styles originate from a variety of reasons, among which occupies an important place between genre integration.

Key words: publicistically genres, official style, political publicism

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК. 8.80. 82-95

КРИТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭЛЬЧИНА

Рагимова С. А.

В статье, посвященной изучению критических и методологических проблем творчества народного писателя Азербайджана Эльчина, многопрофильность и проблематика выдвигаются на первый план, рассматриваются его методологические проблемы, теоретические и эстетические принципы.

Ключевые слова: критика, методология, образ, художественная литература

Введение. Критика, являясь событием специфического познания, не только определяет перспективы развития художественной литературы, содержание, образ и классификацию характеров, но и непосредственно наблюдает за литературным процессом, анализирует в целом современную литературно-художественную мысль. Выступая в процессе мышления современного периода в комплексе литературной мысли и эстетических, научных критериев, критика становится характерной особенностью современного познания. Сочетающая в себе синтез литературы и науки, критика не ограничивается только анализом передачи образов. Критика также старается определить свой путь развития и методологии.

С методологической точки зрения, критика, не всегда сохраняющая одинаковую позицию в подходе к художественной литературе, временами выступает в различных, отличающихся друг от друга ситуациях. Поиски в литературно-художественной мысли не обошли стороной и критику. Они играют определенную роль в полемике литературно-художественной мысли, оживлении творческой атмосферы, формировании общественной и художественной мысли. Если так можно сказать, процесс самокритики и самопознания расширяет круг поиска критики, увеличивает возможности ее эстетического влияния. Иначе говоря, «если критика перестает говорить о себе, считает завершенным свою миссию, размышляя только о художественной литературе, она теряет достижения и способность определить свои недостатки» (2, 78).

В этом плане творчество Эльчина как критика, разностороннее, монументальное и проблематичное. Как критик, писатель не только анализирует конкретный материал. Он отдает предпочтение разработке теоретических, литературно-эстетических направлений критики. Хотя на протяжении длительного времени в нашей литературной критике не уделялось должного внимания научно-теоретическим, эстетическим концепциям, Эльчин, изучив состояние критики, ее проблемы, сумел разработать теоретические и методологические основы ее эстетических принципов.

Как верно отмечает критик Ш. Алышанов, «Эльчина очень беспокоит нынешний теоретический и эстетический уровень критики, культура анализа, методологическая подготовка. Наряду с профессиональным ростом азербайджанской критики в 60-70-х годах, автора в равной степени волнуют и проблемы, ставшие преградой в

развитии общественно – литературной мысли. Развивается образовательный уровень критики, она обогащается достижениями всесоюзной и мировой эстетической мысли. Это - один из важных ценностей, которые поощряет и требует автор» (1).

В этом плане в литературно – критическом творчестве Эльчина немало статей, определяющих направление, путь и познание критики с методологической точки зрения. Так, если в большинстве его статей методология критики и эстетическая концепция выступают в органической связи, то некоторые из них – теоретические, посвящены познанию критики, методологическим проблемам.

В статьях «Методологические проблемы нашей критики» (первая статья), «Методологические проблемы нашей критики» (вторая статья), «Поиски современной азербайджанской критики», «Творческие проблемы критики и литературоведения», «Современная критика, положение и задачи (Размышления о литературной критике)», «Я» критика и проблемы критики» объект исследования составляет проблема самопознания, методологические направления и закономерности художественной критики.

Отметим, что подобный подход к критике вполне уместен. Более того, позиция автора привлекает внимание тем, что это - новый фактор, ведущий жанр к методологическому направлению. Так, нередкое умалчивание критики при конкретном литературном событии, а зачастую и «беззубость», как отмечает Эльчин, приводит к «литературной хвальбе» (Я. Гараев). Хотя критика не должна плестись за литературным материалом (писателем или поэтом). Напротив, исходя из материала, критика должна опуститься до значимости жизни, общества, а также описываемых в произведении событий свойств и качеств. Критика должна стать анализом процессов в обществе, отражать их напрямую, со всеми противоречиями. Все это обеспечило бы аналитику и эффективность критики.

Положение азербайджанской критики как вида творчества, ее идея и содержание, круг и степень влияния на общественную мысль, интенсивное внедрение в литературный процесс. На все эти вопросы автор ищет ответ в статье «Поиски современной азербайджанской критики». Критик, фундаментальным образом исследуя состояние критики в начале 80-х годов, впервые называет факторы, тормозящие развитие литературной критики. Продукты литературной критики того периода автор делит на две группы:

1. Критика, по научно - теоретическому уровню ставшая событием и ускорившая развитие жанра. Подобные факты критики ведут общественные и литературные процессы по верному и аналитическому пути. К тому же, они в определенной степени открывают дорогу для обсуждений и научных споров, повышают уровень общественного мнения и мысли.

2. Критические материалы, не поднявшиеся выше уровня индивидуальных оценок и художественно – эстетического вкуса. В сравнении с первой группой, эти материалы, составляющие большинство, как отметил автор, «...зачастую даже не доходят до степени индивидуального самоутверждения, в итоге мы становимся свидетелями необъективных, в корне неверных, преувеличенных и вредных с методологической точки зрения опусов некомпетентных критиков» (3, 53).

Публикация повторяющихся рецензий - одна из наиболее волнующих критика проблем. По наблюдению автора, хотя в республиканской, а также и всесоюзной пе-

чати часто жалуются на «поток стихов, рассказов», почему-то никто не говорит о наплыве слабых критических статей и рецензий. Хотя именно подобные статьи и рецензии являются одним из главных факторов, препятствующих развитию литературы.

Правда, рецензия, как жанр и часто используемая форма литературной критики, всегда находилась в центре внимания. Однако их основу должен составлять профессионализм. В «описательных рецензиях» и юбилейных критиках редко встречаются факты, определяющие особенности развития литературы. При написании подобных статей не учитываются творческая позиция и мнение читателей. Уместно отметить, что Эльчин, привлекая внимание к интересу и мнению читателя, рассматривает литературный процесс в целом. В социалистическом обществе литература не учитывала мнение читателей и поэтому при издании сталкивались с противоречиями. Хотя мнение читателя в определенной степени определяющий фактор для литературной критики, при издании конкретного произведения или публикации статьи, не учитывались их (произведения, статьи) написание и ареал влияния, популярности. В таком случае нередко слабые произведения или статьи становились факторами, приводящими к ошибочному, неверному формированию эстетического вкуса читательской аудитории.

Занимаясь методологическими и творческими проблемами критики, Эльчин обосновывает свою мысль не только на теоретическом уровне, он старается использовать их в своих статьях. Таким образом, в статьях о творческом поиске критики автор не ограничивается тезисом «какой должна быть критика». Эльчин на фактах показывает, какой она должна быть по существу, дает научный анализ течений в литературном процессе. Теоретическая классификация критика еще более укреплялась фактами. В критике Эльчин отдает предпочтение обобщению. В каждой критике или исследовании он высоко ценит «широту мысли», «уровень научно – теоретического мышления», «умение вникнуть в глубины творческой психологии». Эльчин особенно подчеркивает проблемы критики в раскрытии психологии, философии описываемого предмета, периода, «иногда даже нежелания попытаться это сделать».

В этом плане Эльчин верит в перспективу литературной критики. Эта вера появилась в нем после издания Институтом литературы им. Низами серии книг «Литературный процесс» (1976, 1977 и 1998 гг.). Статьи талантливых авторов среднего и молодого поколения – Я. Гараевым, Ш. Салмановым, А. Гусейновым, А. Сафиевым, Ш. Алышановым, В. Юсифли, стали знаменательными событиями в критике. Их работы о конкретных авторах или книгах заслуживают внимание, они выступили с инициативой исследовать кардинальные проблемы критики. Наблюдение критика выглядит довольно объективно, ибо исследование многих кардинальных проблем, связанных с критикой, приходится на этот период.

На протяжении прежних десятилетий исследование нерешенных проблем литературного процесса по всем жанрам, концептуальное решение метода художественного творчества и роль мировоззрения в социалистическом реализме, вопросы сатиры, реализма и революционной романтики, многообразие стилей, новаторство и параметры творческих проблем составляли круг задач литературной критики.

Эльчин работает над проблемами критики, его привлекают методологические и творческие вопросы жанра, в этом направлении он создает новые принципы. Имен-

но благодаря этим проблемам, играющих основательную теоретическую и эстетическую роль в исследовании и анализе современной литературы, можно определить сложную психологию литературы того периода, характер событий и образов, отношения в обществе. Акцентируя внимание на проблеме, занимающей особое место в художественно - эстетическом познании критики, Эльчин, отмечая необходимость определения методологических принципов, пишет: «Литература во все времена шагала наравне с обществом. В развитии самой литературы, раскрытии ее закономерностей, особенности, сути специфики, определении художественно - эстетического и общественного образа методологические принципы, в широком понимании стили, достигают уровня эстетической категории.

Теоретическая классификация современной литературы, ее типизация тесно связаны с методологическим умением и объективностью литературной критики. Потому что теоретические высказывания, научные результаты и оценка художественности дается непосредственно на основе отношения критики к своему исследованию и предмету - т. е. на основе соблюдения методологических принципов (3, 138).

Выводы. Акцентируя внимание на методологических проблемах литературной критики, Эльчин старался устранить в литературной критике однообразие, субъективизм при оценке художественной составляющей в произведении. Он пытался освободить жанр от недостатков. Выявляя оплошности литературной критики в подходе к прозе, поэзии и драматургии, Эльчин страховал их от методологических ошибок.

Список литературы

1. Алышанов, Ш. Вескость критического слова [Текст] / Ш.Алышанов // газета «Литература и искусство». - 25 сентября 1987. (на азерб. языке)
2. Литературная критика. - Баку: Язычы, 1984. (на азерб. языке)
3. Эльчин. Проблемы творчества нашей литературы [Текст] / Эльчин. - Баку, Язычы, 1999. (на азерб. языке)

Рагимова С. А. Критичні і методологічні проблеми в творчості Ельчина

У статті, присвяченій вивченню критичних і методологічних проблем творчості народного письменника Азербайджану Ельчина, багатопрофільність і проблематика висуваються на перший план, розглядаються його методологічні проблеми, теоретичні і естетичні принципи.

Ключові слова: критика, методологія, образ, художня література

Rahimova S. A. Critical and methodological problems of criticism in Elchin's activities

In article devoted to studying of critical and methodological problems of creativity of the national writer of Azerbaijan Elchin, versatility and a problematics its methodological problems, theoretical and aesthetic principles advance to the forefront, considered.

Key words: criticism, methodology, activity, fiction

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 8.80.801.8

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СБОРНИКЕ СМОМПК

Алекперова Л. Ф.

В статье говорится о пословицах и поговорках, напечатанных в издававшемся в конце XIX начале XX веков в Тифлисе в сборнике СМОМПК. Здесь различные образцы этого жанра сгруппированы и исследованы согласно их тематике, выражено мнение об их вариантах, эквивалентах (аналогах) на русском языке. В статье также выражается отношение к неточностям в пояснении значения или же в переводе на русский язык некоторых пословиц и поговорок.

Ключевые слова: СМОМПК, пословицы, поговорки, переводы, эквиваленты

Введение. Пословицы и поговорки, будучи одними из древних, широко распространенных жанров фольклора, часто используются в речи и в наши дни. Пословицы, записанные в ряде областей Азербайджана различными собирателями, были напечатаны в нескольких выпусках «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа». Они в большом количестве представлены в I, XVIII, XIX, XXIV выпусках СМОМПКа.

Член-корреспондент НАН Азербайджана, профессор А.М.Набиев, исследуя пословицы и поговорки, отмечает, что этот жанр является художественным выражением испытанных историей наблюдений народа [7, с.300]. Эта мысль относится к таким пословицам, как «Предметы однородные не вредят друг другу», «От того, что будешь говорить «алва», «алва» во рту сладко не будет», «Кто не найдет себе товарища по своему характеру, у того день охом да ахом пройдет» [11,с.43-45]. А.М.Набиев указывает, что самые древние образцы пословиц и поговорок встречаются в Орхоно-Енисейских письменных памятниках, тюркском эпосе, записанных в средние века «Огузнаме», классической поэзии, а также в различных образцах похоронной поэзии. Часть их дошла до нас в письменных источниках. «Китаби-Деде Горгуд», «Огузнаме», «Амсали-Тюркани» и другие источники являются хорошим тому примером. Другая часть пословиц и поговорок, бытуя устно, претерпела различные реконструкции в разговорной речи народа [7,с.301].

По мнению ученых, пословицы – это краткие, меткие, глубокие по силе мысли народные изречения или суждения о жизненных явлениях, выраженные в художественной форме.

В пословицах нашел отражение длительный опыт социально-бытовой и исторической жизни народа, его идеология, психология и жизненная мудрость. Подчеркивая их значение, А.М.Горький писал: «В простоте слова - самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги» [10, с.103].

Азербайджанские пословицы издавна привлекали внимание русских и зарубежных ученых. Их собиранием и исследованием занимались русские ученые И.Березин, Ксенофонтов, Г.Вамбер, А.Берже и др. [16, с.11-19]

В XX веке продолжился процесс собирания и издания азербайджанских пословиц и поговорок. Наш выдающийся ученый Ганафи Зейналлы в 1926 году издал в действующем в Баку издательстве общества «Исследования и изучения Азербайджана» книгу под названием «Азербайджанские пословицы и поговорки». В ней автор использовал те образцы, которые были напечатаны в СМОМПКе [4, с.137].

Впоследствии этим делом занимался Абульгасым Гусейнзаде [9].

Профессор З.Ализаде, прослеживая историю издания и исследования азербайджанских пословиц и поговорок, отмечала важность сборника СМОМПК в этом деле [1].

Молодой исследователь фольклора М.Р.Имрани в своей кандидатской диссертации на тему «Паремиологические единицы в сборнике СМОМПК» наряду с пословицами и поговорками исследовал такие паремиологические единицы как клятвы, благопожелания, проклятья, загадки, верования, мольбы, скороговорки, заклинания-заговоры [6].

Как известно, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» издавался в конце XIX начале XX веков. С тех пор русский язык, как и многие другие, претерпел разные лексические и грамматические изменения. Все образцы жанров фольклора, представленные в СМОМПКе, были напечатаны соответственно языковым нормам того времени. По этой причине мы сочли целесообразным передать в настоящем исследовании переводы азербайджанских пословиц и поговорок так, как они были опубликованы в вышеназванном сборнике.

В I выпуске сборника были опубликованы 150 пословиц, собранных С.Зелинским в Иреване [11, с.43-54]. Среди них имеются довольно известные пословицы и поговорки на различные темы: «Лишний кусок пицци голову расколает [вреден]», «Что накрошишь себе в пищу, то и попадет в ложку», «Аппетит бывает под зубами» [11, с.43]. Многие азербайджанские слова, встречающиеся в пословицах и поговорках, напечатанных в I выпуске, поясняются в сносках. Например: «Никто своего айрана кислым не назовет» - в сноске – «Айран, пахтање, остающееся после сбивания масла, употребляемое татарами [азербайджанцами – Л.А.] как прохладительное питье [11, с.43]. Буквальный смысл некоторых пословиц дается сразу же после переносного в скобках. Однако зачастую эти попытки являются неудачными. Например: «Сироты не бей, не ругай, а ударь по голове и отними хлеб [т.е. не обидь и побереги его добро для него же» [11, с. 43]. Это неверное пояснение. На самом деле эта пословица означает: «Легко обмануть, не прилагая усилий, наивного, обездоленного, обиженного судьбой человека».

Следующие пословицы, в основном, о морали, о воспитании: «Умный враг лучше глупого друга» [11, с.45], «Лес без шакала не бывает» [11, с.46], «Трава растет на корню» [11, с.47]. Иногда после азербайджанских пословиц даются их русские эквиваленты: «Ужаленный змеей боится веревки [Ожогшись на молоке, дует на воду»] [11, с.47].

Как известно, часто в напечатанных в СМОМПКе текстах специальные слова, титулы, термины, названия предметов обихода при переводе заменялись русскими словами. Таким образом, в поговорке «Коню, подаренному беком в зубы не смотрят» слово «бек» заменено на самый высший титул в России – «князь» [11,с.47]. Или же в пословице – «Овраг глух – лиса бек» слово «бек» переведено как «барин» [11,с.48].

В опубликованных в I выпуске поговорках есть и такие, в которых слово «бек» сохранено: «Или под подошвой [защитой] горы, или под полый бека находишь» [11,с.54]

Среди напечатанных в I выпуске СМОМПКа пословиц есть следующая: «Вьюк не покривится, камень на чужбину не попадет» [11,с.48]. В сноске дается краткое пояснение этой пословицы. То есть когда стороны вьюка не равны по весу, то прибавляют камень на ту сторону, которая легче, этот камень выбрасывают на месте развьючения [доставки товара]. Эта пословица впоследствии была широко пояснена доктором филологических наук М.Гыпчагом. Он отмечает, что к этой пословице прибегают при объяснении связи какого-либо события с определенной причиной. В основе этой пословицы лежат события, связанные с бытом, жизненным укладом [3, С.97-99]. Исследователь поясняет, что «для того, чтобы создать равновесие во вьюке брали камень нужного веса и клали его на легкую сторону. По прибытии каравана к месту назначения камень выкидывали и создавали собственное равновесие вьюка. Пословица «Вьюк не покривится, камень на чужбину не попадет» появилась на этом основании. На прежнем месте камень считался «у себя на родине». Изменение места камня в результате искривления вьюка считается «попаданием камня на чужбину». Мудрость и образность в этом изречении находится на высоком уровне» [3, с.97-99].

Есть и другой вариант этой пословицы: «Если бык не покривит, камень на чужбину не попадет». Этот вариант поговорки опубликован в сборнике образцов азербайджанского фольклора под названием «Народные считалки, народные сказания», собранном и составленном профессором М.Гасымлы. Здесь говорится, что в давние времена у одного сельчанина была повозка, запряженная быком. У быка была странная привычка кривить хомут в тот момент, когда груженная повозка отправлялась в путь. Хозяин быка, видя это, придумал следующее: каждый раз он подкладывал в хомут камень. Камень выбрасывался по прибытии повозки к месту назначения. И каждый раз хозяин, выкидывая камень, говорил про себя: «Да, если бык не покривит, камень на чужбину не попадет». Как видно, этот вариант приобрел несколько иной оттенок значения. Он используется в случае, когда какое-либо дело идет криво в результате вредных уловок кого-то из окружающих [8, с.118].

Широко распространенная поговорка «Из-под дождя, да под ливень» имеет следующий вариант, напечатанный в СМОМПКе: «Из-под дождя взял, положил под желоб [водосточный]» [11,с.48]. Таких примеров, как было сказано, в СМОМПКе много.

Среди пословиц и поговорок, представленных в этом выпуске, есть и такие, в которых упоминаются имена выдающихся личностей: «Хотя нет ни айвы, ни граната, а все-таки скажут, что у Шах-Будага сад есть», «Не всякий грамотный делается

муллою Панахом», «Того, кто выколет глаз своему отцу, не назовут Кероглы» и т.д. [11,с.50-51]. Исследователь Г.Юсифов, говоря о разнице пословиц и поговорок, отмечает, что ряд имен конкретных личностей, имеющих в нашем языке, обобщен и используется как известные всем нам. Поэтому, все изречения, в которые входят эти имена, должны считаться пословицами. Они не всегда связаны с конкретным текстом, событием [17, с.172].

Порой известные всем пословицы поясняются иначе. Значение поговорки «Ходячая нога о камень ударится» таково, что человек, вышедший из дому по делам, либо путешествовать, чего-то добьется, что-то приобретет и принесет домой. Здесь же этот пример поясняется, как «Кто ходит, тот и спотыкается» [11,с .52]. Это неверное пояснение.

Среди фольклорных текстов, собранных и напечатанных А.Калашевым и А.Якимовым в XVIII выпуске СМОМПКа даны сначала 22, а затем 47 пословиц и поговорок.

Здесь также напечатаны широко распространенные пословицы. Профессор В.Велиев отмечал, что среди наших пословиц и поговорок огромное количество тех, что появились в процессе приобретения материальных благ в различных отраслях хозяйства. Эти образцы, зародившись в глубине веков, и сегодня не теряют свою художественную значимость, силу воздействия [2, с.239]. Например: «С опорой пес волка задавит», «Лиса, пока заставит узнать свой лисий характер, ее шкуру с горла снимут», «Голодная курица во сне просо видит», «Ворона, если будет ходить гусиной походкой, и свою походку испортит», «Из волка пастуха не будет» [12, с.51-53, 62].

Множество пословиц, бытующих в среде нашего народа, являются производными времен борьбы против арабского владычества [16,с.144]. Например: «Слепой [слепому] – или здесь, или в Багдаде [все равно] [12,с.51]. Опубликованные в СМОМПКе ряд поговорок, отражают исламские взгляды: «Сделай добро, брось в море: если рыба не узнает – Бог узнает», «Богом береженого волк не съест», «Если козла волк не тронет, он в Мекку пойдет», «Если у борзой есть хозяин, у зайца же есть Бог», «Я согласен, девица согласна [на брак]: ошибку делает кази [мы не нуждаемся в согласии духовного лица]», «Если правда правду срежет [станет преследовать], [то] Бог их обоих срежет [будет преследовать] и т.д. [12,с.61-65].

В XIX выпуске исследуемого нами сборника М.Махмудбеков опубликовал около 500 пословиц и поговорок. Они различаются по тематике, многие повторяются, и это отражается в сносках.

Так же, как и в предыдущих выпусках, эти образцы напечатаны на одной странице слева – по-русски, справа – по-азербайджански кириллической графикой. Даются пояснения слов, не известных иноязычному читателю. Например: «Лошадь – «пешенк» впоследствии будет носить мешки» - в сноске - «Пешенк – красивая, быстрая лошадь в дорогой сбруе, которая идет впереди каравана» [13,с.286]. Здесь также много поговорок на тему животноводства, земледелия и других видов ремесла.

В XIX выпуске представлены рифмованные пословицы: «Если у тебя два вола, то дело твое ладно; но если один вол, то дело твое скверно» [13, с.288]. Здесь есть также примеры пословиц и поговорок, посвященных женщинам: «Дочь будет ходить по веткам того дерева, на которое взобралась мать», «Когда в доме две женщи-

ны, то он останется не подметенным» [13, с.288]. В некоторых примерах отразились бытующие в обществе классовые взгляды: «Кто имеет кунаком бека, тот должен иметь широкие ворота», «Сытая собака лучше голодного бека», «Бекство [господство] одного дня – тоже бекство» [13, с.289]. Зачастую в сносках поясняется полностью смысл пословиц: «Где коза? где скала?» - в сноске: «Говорится, когда кто-нибудь отпирается от совершенного им дела» [13, с.288]. Даются пояснения о святых личностях, имена которых встречаются в поговорках, связанных с исламом: «Съел всех 12 имамов, а ждет Ахиррамазан» - в сноске «Ахиррамазан – 12-й имам у шиитов; от преследований врагов он скрылся неизвестно куда и придет во время второго пришествия Иисуса Христа» [13, с.290]. Много здесь назидательных поговорок: «Дурак бросил в яму камень, а десять умных не могли его оттуда достать», «О горы, я на вас надеялся, а вы покрылись снегом!», «Само дерево горько, а сливы сладки», «Пусть будут прокляты как белая, так и черная змея!», «Враг на ноги посмотрит, а друг – на голову» [13, с.291-293]. В некоторых поговорках говорится об ашугском творчестве: «У каждого ашика свой век», «Ашик поет о том, что видел», «Когда ашику не о чем говорить, то будет взывать: «о моя возлюбленная!» [13, с.293]. Есть здесь пословицы, в которых отражены времена татаро-монгольского ига: «Видишь – в городе все пучеглазые, и ты будь пучеглазым» [13, с.294].

Исследователь Т.Фарзалиев в свое время анализировал пословицы и поговорки и отмечал, что в них используются все средства художественного выражения – сравнение, эпитет, метафора, метонимия, синекдоха, ирония, преувеличение и т.д. [15, с.38-41]. В XIX выпуске СМОМПКа большое количество таких пословиц: «Собака лает, караван проходит», «Осел может ли понять, что такое шафран», «Смотрит так, как верблюд на подковщика», «Имей дармоеда, да не имей хулителя», «Если земля без владетеля, то свинья заберется на холм», «Пусть луна будет со мной дружна, а звездам пальцы в глаза!» [13, с.286-292].

Часть пословиц здесь представлена в нескольких вариантах: «Кто на Куру глядит, у того ума нет» - «Кто глядит на черное [писаное], у того ума мало» [13, с.296]. Или же: «Кто любит пчелу, должен любить и беду [ужаление пчелы]» - «Пожелал меда, а попал в беду» - «И мед пусть твой будет, и беда тоже» [13, с.297].

Очень часто пословицы и поговорки на одну тему, например, о гостях, даются последовательно [13, с.299-300].

Здесь мы встречаемся с полным вариантом известных пословиц: «По капле соберется – озеро будет; а будешь постоянно пробовать – уничтожится», «По ложке собирал, а по «чомче» разливал – в сноске – «Чомча» - большая разливная ложка» [13, с.301]. Поговорки, связанные с эпосом «Кероглу», здесь представлены так: «Коль скоро стал мельником, так кричи: «у кого помол?» [13, с.301]. Поговорки, в которых упоминаются малочисленные народы: «Из дерева не будет тендира, а из курда не выйдет святого» - в сноске – «тендир – туземный очаг» [13, с.302], «Тат на лошадь сел, так и о Боге позабыл» [13, с.324].

Происхождение нижеследующих пословиц восходит к другим жанрам: «При терпении даже из неспелого винограда будет халва, а при уходе – из листьев тутового дерева – атлас» - к народной песне, «Мола Насреддин настолько мертв, что не может есть порции халвы?» - к анекдоту о Молле Насреддине [13, с.308], «Полетел

саман – умер Заман» - здесь приводится небольшой рассказ–новелла [13, с.314], «Когда пахали, не был и когда жали, тоже не был, а как начали есть, то стал братом – соучастником» - народная драма [13, с.297].

Исследователь И.Ибрагимов, анализируя пословицы и поговорки, отмечал, что происхождение многих из них восходит к обрядам [5, с.132-138]. Таковые также встречаются на страницах исследуемого нами сборника: «Семейство жениха не ведет, а в семье невесты уже свадьбу правят» [13, с.311], «Поминки хороши, когда совершаются по дедушке, а свадьба хороша, когда играется для меня» [13, с.312], «Для всех это принятый обычай, разве только для нас нововведение [13, с.312], «Мужчину Хал не одолеет» [13, с.314].

Очень часто в памяти народа хранятся поговорки, связанные с обычными, ничем не прославившимися людьми. В СМОМПКе тоже можно найти такие: «Раньше имел красоту восхитительную, теперь стал дураком Байрам-Али», «Гёзаль-ага был очень красив, да оспою заболел», «Я – Ага-Назар, так и буду ходить» [13, с.307].

В данном выпуске в значительном количестве напечатаны пословицы, высмеивающие людские пороки: «Вору не напоминай камня», «Роющий яму сам сначала попадает в яму», «Рой шире и глубже, сам попадешь», «Масло слилось с маслом, а ярма осталась без масла» - в сноске – «Ярма - каша из пшеничной крупы» и т.д. [13, с.308-309].

Иногда исконно азербайджанские слова при переводе заменяются иностранными: «Языл архы туллан, сонра *бярякаллац* де» - «Сперва перепрыгни канаву, потом скажи *браво*» [13, с.310], «Гызылдан *чарых* эйсян, йеня дя *чарыхдыр*» - «Надень хоть золотые *лапти*, а все-таки будут называть их *лаптями*» [13, с.315]. Если в первом случае азербайджанское слово заменено на его иностранный синоним, то во втором случае название вида обуви азербайджанцев заменено на название совершенно другого вида исконно русской обуви. Такая замена неуместна.

Пословицы, посвященные Родине: «Перекочуй так, чтобы к твоему кошу не пристали чужие телята». В данной пословице сохранено слово «кюч» в искаженной форме, но здесь оно оставлено не к месту. Думается, правильно было бы здесь употребить слово «кочевье» [13, с.313]. Другая пословица: «Оставленный юрт ценят в новом юрте» [13, с.313]. Здесь также неуместно употребление азербайджанского слова «йурд» на русский манер. Читателю, не знающему нашего языка, оно может показаться словом «юрта». Лучше было бы заменить его на «дом», «очаг», «поселение». Есть здесь и пословицы, связанные с оружием: «Заряженное ружье напугает одного, а не заряженное – двух», «Кинжальная рана вылечивается, но рана, нанесенная языком, неизлечима» [13, с.313], «Выпустил стрелу, так не прячь тетиву» [13, с.319].

В ряде случаев человеческие качества в пословицах переносятся не на животных, а на растения. Например: «Если два мелких ореха соединятся, то могут разбить голову грецкого ореха», «Мы господские слуги, а не бадымджанские [баклажанские – Л.А.]» [13, с.316], «На огне сухого дерева будет гореть и сырое» [13, с.319], «Большой спешит, но плоды созреют в свое время» [13, с.323].

В пословицах и поговорках, напечатанных в XIX выпуске СМОМПКа, употребляются названия различных географических объектов: «Побродил по всему

Ирану, а раем признал Туран» [13, с.318], «Что бы ни было, лишь бы переправа через Куру непременно была» [13, с.324].

Временами, как мы уже говорили, пословицы переводятся неточно: «Башына эялян башмагчы олар» - «Кто ни встретился, тот и башмачник» [13, с.319]. Вернее было бы употребить здесь «С кем приключилось».

Следующая пословица привлекла нас тем, что мало употребляется в нашей речи: «Мир – усталая дичь – каждый новый охотник охотится за нею известное время» [13, с.320].

В XIX выпуске СМОМПКа также отведено место пословицам о героизме: «Осторожность тоже необходима», «В чем превосходство одного богатыря перед другим? В осторожности». «Богатырских приемов десять: девять из них – вовсе не показываться на глаза врагу, а десятый – уйти от него» и т.д. [13, с.321]. Слово «изид» переведено как «богатырь».

В XXIV выпуске СМОМПКа Н.Калашев опубликовал собранные и сгруппированные им самим 1982 пословицы и поговорки. Эта статья называется «Пословицы ширванских татар» и занимает свыше 200 страниц [14, с.1-211]. Здесь уже дана определенная классификация азербайджанских пословиц. Несмотря на первичность и примитивность данной классификации, она все же стоила значительного труда. Эти группы охватывают такие темы, как верования, ремесла, народы, территории и т.д. и в свою очередь делятся на подгруппы. Например: «Верования: Бог, дьявол, святые, пророки, имамы; сословия: цари, ханы и беки, духовенство, барин и прислуга» и т.д. В оглавлении данного выпуска также указаны страницы каждой подгруппы. Ознакомившись с классификацией Н.Д.Калашева, становится ясно, что опубликованные здесь пословицы охватывают все стороны жизни.

Выводы. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» является богатым источником азербайджанских народных песен, считалок, легенд, преданий, сказок, пословиц и поговорок, обрядов и т.д. Однако многие из этих образцов впоследствии не издавались и поэтому, не обретя широкую популярность, вскоре были забыты. На наш взгляд обработка и повторное издание этих примеров устного народного творчества будет большим вкладом в развитие нашей культуры и науки.

Список литературы

1. Ализаде, З.А. Лексико-семантические особенности азербайджанских пословиц и поговорок [текст] / З.А.Ализаде. – Баку, Издательство АГУ, 1980.-107 с. - (на азерб. языке)
2. Велиев, В.А. Азербайджанский фольклор [текст] / В.А.Велиев. – Баку, Маариф, 1985. - 414 с. - (на азерб. языке)
3. Гыпчаг, М.Д. Путешествие в мир слова [текст] / М.Д.Гыпчаг. – Баку, Издательство Бакинского Университета, 2002. - 241 с. - (на азерб. языке)
4. Зейналлы, Г.Б. Избранные сочинения [текст] / Г.Б.Зейналлы. – Баку, Язычы, 1983. - 320 с. (на азерб. языке)
5. Ибрагимов, И. Пословицы и поговорки [текст] / И.Ибрагимов // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. - I книга. – Баку, Издательство АН Азерб. ССР, 1961. - с.118-178 - (на азерб. языке)
6. Имрани, М.Р. Паремнологические единицы в сборнике СМОМПК [текст]: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / М.Р.Имрани. - Баку, 2008. - 28 с. - (на азерб. языке).

7. Набиев, А.М. Азербайджанская народная литература. I часть [текст] / А.М.Набиев. – Баку, Нурлан, 2002. - 678 с. - (на азерб. языке)
8. Народные считалки, народные сказания [текст] / Собрал и опубликовал М.П.Гасымлы. – Баку, Азернешр, 1993. - 176 с. - (на азерб. языке)
9. Пословицы [текст] / Собрал А.Гусейнзаде, составил Г.Гасымзаде. – Баку, Язычы, 1985. - 690 с. - (на азерб. языке)
10. Русское народное поэтическое творчество [текст] / под редакцией А.М.Новиковой. - Москва, Высшая школа, 1978. - 440 с.
11. СММПК, I выпуск - Тифлис, 1881
12. СММПК, XVIII выпуск - Тифлис, 1884
13. СММПК, XIX выпуск - Тифлис, 1894
14. СММПК, XXIV выпуск - Тифлис, 1898
15. Фарзалиев, Т.А. О своеобразии и некоторых других особенностях азербайджанских пословиц и поговорок [текст] / Т.А.Фарзалиев // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. VI книга. - Баку, Элм, 1981. - с.26-50 - (на азерб. языке)
16. Эфендиев, П.Ш. Азербайджанская устная народная литература [текст] / П.Ш.Эфендиев. - Баку, Маариф, 1992. - 477 с. - (на азерб. языке)
17. Юсифов, Г.Н. О различии пословиц и поговорок [текст] / Г.Н.Юсифов // Исследования по азербайджанской устной народной литературе. - III книга. - Баку, Издательство АН Азерб.ССР, 1968. - с.159-177 - (на азерб. языке).

Алекперова Л. Ф. Азербайджанські прислів'я і приказки, опубліковані в збірці СММПК

Стаття присвячено вивченню прислів'я і приказок, які надруковано в тому, що видавався в кінці XIX початку XX століть в Тіфлісе в збірці СММПК. Тут різні образки цього жанру згруповані і досліджені згідно їх тематиці, висловлена думка про їх варіанти, еквіваленти (аналогах) російською мовою. У статті також виражається відношення до неточностей в поясненні значення або ж в перекладі російською мовою деяких прислів'їв і приказок.

Ключові слова: СММПК, прислів'я, приказки, переклади, еквіваленти

Alekperova L. F. The Azerbaijan Proverbs and Sayings published in the collection SMOMPК

In the article is said about Proverbs and Sayings published at the end of XIX century and at the beginning XX centuries in Tilfis in the SMOMPК (Collection of Materials for Discribing of Districts and Tribes of Caucasus). Here different models of this genre are grouped and researched according their subject matter, expressed the opinion about their version equivalents (analogues) in Russian. In this article also expressed attitudes to inaccuracy in explanations the meanings or in translation into Russian language some proverbs or sayings.

Key words: SMOMPК, Proverbs, Sayings, translations, equivalents

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

УДК 8.80.82-82

ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ В ИЗДАНИИ ОТРАСЛЕВЫХ ЭНЦИКЛОПЕДИЙ

Бехбуд Э. М.

Потребность мирового общества в информации остается важнейшим вопросом со времен зарождения человечества до наших дней. Являясь специфической отраслью книговедения, энциклопедии, несмотря на существование ряда современных достижений системы информационных технологий, являются также востребованными изданиями как рождающие интерес, достоверные источники информации.

Ключевые слова: энциклопедия, универсальные и отраслевые, издание, оформление

Введение. Потребность мирового общества в информации остается важнейшим вопросом со времен зарождения человечества до наших дней. Являясь специфической отраслью книговедения, энциклопедии, несмотря на существование ряда современных достижений системы информационных технологий, являются также востребованными изданиями как рождающие интерес, достоверные источники информации. Подготовка энциклопедий очень напряженная, системная, требующая интеллектуальный труд работа. Создание одной энциклопедии требует месяцы, иногда и годы, в зависимости от содержания и рабочего персонала. «Потому что, энциклопедии не только сбор сведений и информации, но и способы стимуляции жизни и деятельности, ведущей индивидуума и социума вперед, привлекающая, учащаяся и стимулирующая к учению. Они отвечают умственным и вкусовым потребностям человека, расширяют мировоззрение, служат расширению круга знаний и представлений» [3,196].

Энциклопедии, являясь одним из важных видов справочно-информационной литературы, классифицируются на два подразделения – универсальные и отраслевые. Первые отражают системную информацию разных отраслей науки и общественной жизни, а вторые информацию одной конкретной отрасли общественной жизни. Отраслевые энциклопедии отличаются от универсальных широким и подробным описанием вопросов. Отраслевая энциклопедия представляет читателю информацию одной конкретной отрасли в системной и расширенной форме, а это, в свою очередь, вместе с облегчением справочно-информационной системы, создает условие для приобретения нужной информации из одного источника. Такие издания охватывают любую научную отрасль полностью, например, физику, философию, географию. Иногда они посвящаются более узким отраслям науки [например, виноградарство, океанология]. Упомянутая литература, во все времена считаются главными изданиями, к которым обращаются читатели. Общественно-экономические изменения, произошедшие в 80-90-х годах XX века, развитие науки и культуры, повышение потребности общества к

информации стало также причиной повышения потребности к разного рода информационных изданий. «Также с помощью опроса было выявлено к изданию, каких видов литературы существует потребность. По данным этого опроса 47,84 % читателей предпочитают научно-технические журналы, 43 % - справочно-информационную литературу, 31,92 % - научную литературу, 29,30 % - общетехническую литературу, 26 % - производственно - техническую литературу, 24,61 % - учебная и методическая литература, 23,00 % - изобретательскую литературу, технические каталоги, 19,61 % - научно-массовая литература, 19,07 % - реферативные журналы, 17,38 % - технико-экономическую литературу, 9,38 % - библиографические указатели, и 11,07 % - предпочитают разного рода литературу» [1, 159].

Работа по составлению упомянутой литературы начинается с составления словника [список слов для словаря, энциклопедий и др.]. Этот процесс, следовательно, решает судьбу всего издания. Поэтому иногда работу над словником сравнивают с начертанием проекта здания архитектором. Этим делают акцент на важности правильного определения объема очерков и проверки текстов с надлежащей информацией соответствующих отраслей науки во время составления словника. Поэтому эта работа, как важный этап всего процесса, требует большой ответственности от коллектива. Словник – это список всех очерков – терминов входящий в энциклопедию, с указанием их объема. Это определяет структуру и объем издания, а также гарантирует представление читателю издающейся информации по определенной системе. Это также важно для определения планов размещения карт и фотографий в издании и обеспечения размещения библиографических материалов в нормальном виде.

Определение числа терминов и объема разделов словника в специализированных редакциях так подготавливается, чтобы, они были посвящены более обстоятельной и прогрессивной информации, новым понятиям и методам исследования. В специализированных редакциях составление тематических словников идет по принципу «от общего к специальному».

В структуре отраслевых энциклопедий должен быть серьезный контроль томом, страницами, очерками, иллюстрациями, над числом авторов и средним объемом очерков.

Редакторы, в основном, полагаясь на советы специалистов, определяют самые главные темы разделов. Например, в разделе теория литературы отражены главные литературные термины, литературные течения, виды, жанры, стили, образы и т.д. Далее выбираются названия терминов-очерков и принимаются решения о нужных объемах очерков.

В использовании специальных словников большое значение имеет согласование смешанных терминов, тематическая общность между отраслями науки. Потому что, из-за привязанности отраслей науки, многие термины сильно связаны друг с другом: история и философия, биология и медицинские науки, математика и логика, физика и химия и т.д.

Для отражения межотраслевой привязанности в каждом тематическом словнике представляются как часть основных очерков названия статей созданных несколькими редакциями. Обоюдное знакомство со структурой словника необходимо для

единого подхода к вопросам. Это, также помогает пояснению тем и устраняет параллелизм во время заказа очерков.

В этом ряду создание алфавитного словника отраслевых энциклопедий занимает нужное место. Если тематические словники, в основном, создаются по принципу «от общего к специальному», то алфавитные словники создаются в направлении «от специального к общему».

Редакция, после уточнений, создает единый алфавитный словник. На этом этапе определяются пределы будущего издания и выбираются большие очерки. В разработке специальных алфавитных словников и во время издания единого словника проверяются соответствие объема различных очерков, пропорциональность и соразмерность каждого материала, примечаются новые термины. Но этим работу над созданием словника оконченной считать нельзя. Бесконечное развитие науки, культуры, и техники, также политическая ситуация требуют пересмотра прежде установленного объема статей, включения и удаления терминов. Этот процесс, в некоторых случаях, продолжается даже после редактирования некоторых очерков.

Как правило, в процессе составления энциклопедии создается отраслевой словник. Он выполняет поручения главной редакции, создание совместно с другими редакциями словника, включая научную методологию. Как одну из самых важных работ, эта редакция осуществляет редактирование единого алфавитного словника. Эта работа проводится в двух направлениях: системное контролирование на протяжении всего процесса издания, и одновременно, редактирование алфавитного словника. Было бы сообразно, в целях проверки разных томов словника, привлечь опытных редакторов различных редакций. На этих этапах, до заказа очерков, желательно еще раз уточнить объем очерков и соответствие между разделами. Привлекает внимание тенденция роста объема очерков во время их подготовки. В это время возникает опасность тематического несоответствия и роста объема энциклопедии. Редакторы должны примечать каждое изменение в тематических словарях и систематически согласовать их с отделом словника.

Одной из важных задач редакции словника является проверка ссылок.

Среди энциклопедических очерков есть такие что, в дальнейшем из них создают сотни, а то и тысячу очерков про более конкретные области [например, о растениях, о животных].

Контроль неизменной единой системы, которая является важной для особых ведущих очерков, не должен помешать созданию авторского свободомыслия и индивидуализма. Во время разработки структуры очерков, также создания словников, редактор определяет окончательный лимит объема специфическим характером информации. Элементы научно-справочного аппарата [иллюстрация, библиография] также подчинены единой системе.

Состав и структура типических очерков. Хорошо составленная типическая схема отражает приоритет, посвященный современным вопросам, определяет привязанность между темами.

В схемы очерков включают рубрикации основных разделов. Такая система гарантирует соответствующую последовательность в представлении материалов. Например, известно что, в очерке о государстве, географическая информация идет в

начале, а сведения о культуре в конце. Такая расположенность дает возможность читателю более легко сравнивать информацию о географии, экономике, медицине с другими государствами. После заключительного редактирования и обсуждения пробных очерков, ведутся необходимые изменения типических схем, уточняются средние размеры, структура, научный и вспомогательный аппарат очерков и т.д. во время заказа очерков авторам преподносятся типические схемы и соответственные типические очерки.

Энциклопедические статьи должны отвечать ряду необходимых требований: научность, краткость, актуальность, понятливость. Научность включает идеологическую тяжесть, точность, соответствие передовым достижениям и тенденциям науки и культуры. «Каждая энциклопедия, наряду с созданием полного представления о науке, также отражает национально-культурное наследие, историческое прошлое, научные достижения и идеологию создавшего народа» [2, 194].

Написание таких очерков требует высшей научной тонкости. Потому что, вышесказанные условия требуют от автора, кроме высшего научного и политического знания, еще и умение описать проблему в жестких рамках энциклопедического лаконизма. Но будет неправильным сваливать всю ответственность на автора. Удачное получение статьи этого типа, также зависит от опыта редактора, от конкретного направления автора, определения требований возлагаемых на статьи, знакомства с методическими указаниями и др. вопросов.

По этой причине на редакционный аппарат издательства возлагаются серьезные требования. Редактор энциклопедии должен не только владеть научными знаниями, но также должен быть опытным в выборе и преподнесении информации. Редактор не должен довольствоваться рукописью автора, также, относясь к каждому словосочетанию и предложению с сомнением, должен постараться созданию более совершенного и содержательного материала, прибегнув при этом к труду второго автора.

В специальном научном редактировании нужно отметить некоторые этапы после принятия очерка от автора: редактирование и оценка рукописи, написание отзыва, совместное чтение, общественное обсуждение очерка [в нужном случае], составление и проверка научно-вспомогательного аппарата.

Редактирование и оценка рукописи. После заказа в определенный промежуток времени редактор энциклопедии получает от авторов множество очерков. Требуется серьезная работа над этими рукописями, после этого редактор с большой ответственностью должен оценить их. В этом случае редактору помогают опыт, интуиция и вкус. Особое внимание уделяется освещению идейного направления статьи и достижений техники, точности фактического материала рукописи. Редактор должен рецензировать не только вопросы содержания, но и уделить внимание планируемому объему очерка. Статья должна быть прочитана и отрецензирована не менее двух раз. В первый раз проверяется суть ставленных вопросов, а во второй раз соответствие методическим правилам.

Дефиниция – краткое научное определение главных примет событий и понятий. Она играет важную роль в составлении энциклопедий. Читатель, как правило, первым делом обращается сюда. Обычно, очерк начинается дефиницией. Определение

понятий считается главным элементом работы автора и редакции. Дефиниция выступает как обобщенная характеристика главных понятий. д

Выводы. Таким образом, система ссылок играет большую роль в структуре энциклопедии и действует на создание словариков. Путем избрания ведущей статьи, определяется главная тема. Например, очерки о музыкальных инструментах «зурна» и «саксофон» должны быть краткими, и ссылаться на большую статью под названием «Музыкальные инструменты».

Читатель относится к энциклопедии как к достоверному источнику для выявления многих общих и конкретных вопросов, которые его интересуют и надеется, что здесь отражена самая точная информация. С этой точки зрения, редактор энциклопедии несет большую ответственность за точность фактического материала, по сравнению с редакторами других изданий. Было бы целесообразно, постоянное обращение редакторов к специалистам для уточнения того или иного факта.

Список литературы

1. Аллахвердиев, Б.В., Мамедзаде Р.А. Организация торговли книг на современном этапе [Текст] / Б.В.Аллахвердиев, Р.А. Мамедзаде. - Баку, Гянджлик, 1996. – 225 стр.
2. Бехбуд, Э.М. Принципы составления энциклопедических очерков [Текст] / Э.М.Бехбуд / Язык и литература: теоретический, научный, методический журнал. – Баку, 2006. - № 2 (50)
3. Велиев, И.О. Человек: в жизни и в искусстве [Текст] / И.О.Велиев. – Баку, Гюнеш, 1998. – 256 стр.

Бехбуд Е. М. Питання змісту і оформлення у виданні спеціальних енциклопедій

Потреба світового суспільства в інформації залишається найважливішим питанням з часів зародження людства до наших днів. Будучи специфічною галуззю книгознавства, енциклопедії, не дивлячись на існування ряду сучасних досягнень системи інформаційних технологій, є також затребуваними виданнями як що народжують інтерес, достовірні джерела інформації.

Ключові слова: енциклопедія, універсальні і галузеві, видання, оформлення

Behbud E. M. Questions of the maintenance and registration in the edition of special encyclopaedias

The requirement of a world society for the information remains the major question since mankind origin up to now. Being specific branch of bibliology, the encyclopedia, despite existence of some modern achievements of system of an information technology, are also demanded editions as giving rise to interest, authentic sources of the information.

Key words: the Encyclopedia, universal and branch, the edition, registration

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК 82.0

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА В РОМАНАХ ВИРДЖИНИИ ВУЛЬФ

Кравцова М. А.

Своеобразие повествовательной перспективы романов Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоэй» и «На маяк» состоит в том, что в них всезнающий повествователь передает содержание субъективных «поточков сознания» героев и объективное описание событий. Двуплановость повествования романов сочетается с другими двойными структурами – с двуплановостью образов и двойным хронотопом. Двойственность структур романов Вульф свидетельствует о их диалогизме, который установлен между субъективным содержанием «поточков сознания» героев, которые являются эксплицитными повествователями, и противопоставленным ему объективным содержанием, выраженным в значении символических образов имплицитным повествователем, поскольку ни эксплицитные повествователи, ни всезнающий повествователь не представляют символический план содержания.

Ключевые слова: всезнающий повествователь, эксплицитный повествователь, имплицитный повествователь, определенный хронотоп, неопределенный хронотоп, символ, «поток сознания», диалогизм, монологизм.

Постановка проблемы. Как отмечает Е.В. Падучева, «автор художественного текста создает вымышленный мир, который выдается *как бы* за фрагмент реального, он должен как бы скрывать свое существование – противное ведет к разрушению иллюзии реальности» [4, с. 201]. Иллюзия реальности, следовательно, поддерживается тем, что автор, принадлежащий миру реальному, в мире вымышленном представлен *условной* фигурой повествователя. «В любом эпическом произведении запечатлевается манера воспринимать действительность, присущая тому, кто повествует, свойственные ему видение мира и способ мышления», - так, по свидетельству В.Е. Хализева, проявляется понятие образа повествователя, вошедшее в литературную критику благодаря работам Б.М. Эйхенбаума, В.В. Виноградова, М.М. Бахтина [7, с. 300]. Повествователь обычно представляется *единственным суверенным* мыслителем, который воссоздает собственное видение изображаемого мира и излагает собственную идеологию произведения.

В иносказательных произведениях такое представление несколько усложняется: если повествователь излагает фантастические события, то кто передает аллегорическое или символическое значение фантастических образов? Эта проблема решена в литературоведении следующим образом: иносказательные произведения были определены как двуплановые, при этом прямой, близкий план считается *предметом изображения*, или формой произведения, т.е. некой условной системой фантастических образов. Г.Н.Поспелов, например, пишет, что в аллегорических произведениях предмет изображения имеет «служебное значение» [5, с. 90]. Главным является косвенный план – *предмет познания*, т.е. иносказательный смысл произведе-

ния, ради которого эти образы создавались. Повествователь, таким образом, является прежде всего выразителем иносказательного содержания, а фантастическое содержание условным, формальным. Однако такое понимание повествователя характерно только для монологических произведений.

В *диалогических* иносказательных произведениях идеи, выраженные в прямом и косвенном планах и противопоставленные в бинарной оппозиции, не могут принадлежать одному повествователю, а распределяются между *эксплицитным* повествователем, представляющим прямой план содержания, и *имплицитным* повествователем, «тайным» выразителем иносказательного содержания. Такое представление диалогизма иносказательных произведений было предложено В.В. Силиным, который опирался на идею М.М. Бахтина о «персонификации идей», то есть об обязательной принадлежности идей определенным героям, повествователям, или неопределенным «голосам».

Цель исследования. В данной статье ставится **целью** определить своеобразие повествовательной перспективы диалогических романов Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» (1925) и «На маяк» (1927), в которых всезнающий повествователь передает содержание «поток сознания» героев романа (эксплицитных повествователей) и противопоставленное ему иносказательное содержание, выраженное имплицитным повествователем в значении символических образов.

Анализ публикаций. Повествовательная перспектива романов Вульф практически не исследовалась, так как многие литературоведы попросту не обращают внимания на форму повествования, на то, кто является выразителем авторской идейной позиции, кто воссоздает события и переживания. Тори Харинг-Смит, Лиса Уильямс [18, с. 79, с. 129], так же как Х.М. Далески [9, с. 111] и Б. Блэкстоун [8, с. 71, с. 99], только отметили в романах Вульф «оппозицию внешнего мира и мира сознания» [11, с. 143]. Харинг-Смит также разделила изображенную в произведениях «деятельность сознания на общественное сознание, в котором герой общается с окружающим миром, и частное сознание, наполненное идеями, ощущениями, эмоциями. И именно от того, какое сознание являет собой почву для описания внешних событий, зависит и повествовательная техника, и толкование представленной реальности» [11, с. 143]. Однако исследовательница, указав на отмеченные оппозиции, не определила их диалогических функций и не раскрыла их связь с повествовательной перспективой романов Вульф. Такое повествование кажется некоторым исследователям загадочным. По словам Джеффри Х. Хартмана, оно передает «всю таинственность, витающую в воздухе спустя годы» в работе автора «со временем и героем» [12, с. 78].

Литтон Стрэчи, разграничил у Вульф внешнее и внутреннее в повествовании, но лишь на фоне «несоответствия чрезмерно яркого внешнего орнамента и тривиальности и серости происходящего» [14, с. 168]. Нэна Скрбик, говоря о намерении Вульф «создать роман, включающий шесть или семь историй ... гостей на приеме миссис Дэллоуэй ... состояний их сознания ... отдельных друг от друга ... но единых в итоге», тем самым подразумевая внешние события и внутренние переживания, ни слова не пишет о том, как организовано повествование в романах Вульф [17, с. 143].

Некоторые литературоведы видят повествователей в лице героев, отождествленных с автором романов. Например, Джон Мейз «идентифицировал миссис Дэллоуэй с автором романа» [16, с. 61]. Стефени Лейн основную роль в изложении событий в романе «На маяк» приписывала самой героине миссис Рэмзи, которая и «рисует людей, о которых она заботится, всех вместе, делая акцент на тех моментах, как, например, сцена обеда, которые, как она надеется, надолго останутся в их воспоминаниях» [10].

Немногие исследователи обращают внимание на структуры, формирующие диалогизм в произведениях Вульф. Мэри Либертин отметила идейную неоднозначность романа «На маяк», в котором главной причиной «необычной разницы мнений» она считает «непрямую природу текста» [13, с. 163]. В этом наблюдении можно усмотреть указание на наличие иносказательного плана содержания и на свойственную диалогизму идейную многозначность. Патриция Мэтсон обратила внимание на «пассивную, объективированную позицию» Вульф как автора [15, с. 162]. Такая повествовательная перспектива свидетельствует о сформированной в ее романах *авторской дистанции*, которая исключает идейную позицию автора из диалога повествователей. В такой дистанции, как отмечает Силин, видится «принципиальная позиция автора, который сопоставляет противоречивые идеи в виде двух точек зрения на одну проблему, не навязывая ни одной из них, чтобы избежать монологической однозначности» [6, с. 292].

Актуальность и новизна проблемы. Таким образом, **новизна** исследования состоит в доказательстве, что диалогизм романов Вульф коренным образом отразился на форме повествования. Противопоставление субъективного содержания «потоков сознания» и объективного содержания объединяющих символов в сочетании с двухплановостью структуры образов и двойным хронотопом координируется в произведениях романистки с двумя условными типами повествователей – эксплицитными («потоки сознания» героев) и одним имплицитным (иносказательное содержание). Все эксплицитное и имплицитное содержание объединяет такой же условный всезнающий повествователь. Автор не может быть идентифицирован ни с одним из повествователей, так как его мнение невозможно приписать ни одному из повествователей. **Актуальность** исследования заключается в том, что описанная повествовательная перспектива позволяет более адекватно интерпретировать идейное содержание произведений английской писательницы.

Основной материал. Романы Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк» построены таким образом, что их содержание излагает вроде бы традиционный *экзегетический* повествователь, который объективно, от третьего лица воссоздает события и описывает пространство. Но на самом деле это *всезнающий* или *вездесущий* повествователь, так как он одновременно передает различные, часто противоречивые точки зрения героев на обсуждаемые проблемы, выраженные в их субъективных «потоках сознания». Субъективное содержание в повествовании гармонично сочетается в романах Вульф с объективным; для ее манеры свойственны постоянные, почти незаметные переходы от объективности к субъективности и наоборот. Таким образом плетется так называемая «вульфовская паутина» [12, с. 78]. Повествователь плавно переходит от описания внешних событий к отображению

скрытых от окружающих мыслей героини. В романе «Миссис Дэллоуэй» описание разговора Клариссы с Хью о том, что «Ивлин опять заболела ... изрядно расклеилась» [1, с. 27], приводит к описанию внешней обстановки, когда «июнь выпятил каждый листок на деревьях. Матери Пимлико кормили грудью младенцев ... Арлингтон-стрит и Пиккадилли заряжали воздух парка и заражали горячую лоснящуюся листву дивным оживлением, которое так любила Кларисса. Танцы, верховая езда – она когда-то любила все это» [1, с. 28]. Затем вдруг Кларисса погружается в воспоминания, «на нее ... вдруг находит: что он [Питер] сказал бы, если б был сейчас тут? Иной день, иной вид вдруг и вызовут его из прошлого – спокойно, без прежней горечи» [1, с. 28]. В тайне от всех она надеется, считая, что такие мысли и ощущения – это «такая награда за то, что когда-то много думал о ком-то; тот приходит к тебе из прошлого в Сент-Джеймский парк в одно прекрасное утро – возьмет и придет» [1, с. 28].

То же самое мы наблюдаем в романе «На маяк», когда описание дома Рэмзи и его обитателей почти незаметно перетекает в отображение довольно противоречивых субъективных размышлений героев. Например, сознание миссис Рэмзи занято хлопотами по поводу «нудного чулка, с которым она хочет поскорее покончить, чтоб уж послать завтра сынишке Сорли» [1, с. 189], хотя ее муж, считает, что непогода не позволит осуществить высадку на остров, он только грубо реагирует на «совершеннейшую неразумность замечания жены» [1, с. 189]. А маленький Джеймс вообще изображен в порыве ненависти к отцу, особенно из-за «натянутости ... отношений с матерью» [1, с. 193], и это при том, что именно он, сынишка Рэмзи, поездки «ждал, кажется, целую вечность» [1, с. 169].

Внешнее и внутреннее, явное и скрытое – эти противопоставления позволяют выделить у Вульф два повествовательных плана, несмотря на то, что они объединены одним всезнающим повествователем: субъективный план, который представляет мнения героев, переживающих события в своих «потоках сознания», и объективный план, который служит «материальной» опорой для «потоков сознания», связывая их с романной реальностью. Такая форма повествования хорошо сочетается в романах Вульф с другими двойными структурами – с двухплановостью образов и с двумя типами хронотопа. Двухплановость образов проявляется в том, что все персонажи представлены контрастно, так как внешний (объективный) и внутренний (субъективный) образы героев не совпадают. Например, Кларисса, героиня романа «Миссис Дэллоуэй» внешне выглядит сильной и невозмутимой, но в «потоке сознания» проявляет все свои сомнения и противоречивость. В романе «На маяк» миссис Рэмзи внешне предстает покорной женой, а мистер Рэмзи – жестоким и эгоистичным тираном. Однако их «потоки сознания» показывают, что «никого она так не чтит, как чтит его» [1, с. 189]. А мистер Рэмзи оказывается покорным исполнителем воли жены, когда организывает поездку на маяк, о которой она мечтала.

Данной форме повествования соответствует также два типа хронотопа. Первый является определенным, так как описание внешних (объективных) событий строго фиксируется во времени и пространстве. В романе «Миссис Дэллоуэй», например, описан Лондон, указана дата событий, и время постоянно фиксируется боем курантов Биг Бена. В романе «На маяк» описан дом семейства Рэмзи и его обитатели,

время поделено на три периода и также четко определяется. Внутренние (субъективные) «потoki сознания» сочетаются с неопределенным хронотопом, поскольку, ввиду «ненаправленности мышления» [2, с. 229], «потoki» воспоминаний, переживаний и размышлений так стремительно «перемещаются», что их невозможно отнести к определенному времени и пространству. Все эти двойные структуры свидетельствуют о *диалогизме* романов Вульф.

Согласно положению о «персонификации идей» Бахтина диалогические отношения возможны только между «голосами». В повествовании Вульф такими «голосами» явно обладают герои, выражающие свое мнение в субъективных «потокax сознания». Поэтому их можно назвать *эксплицитными* повествователями, несмотря на то, что формально их «потoki сознания» передает всезнающий повествователь. В «Миссис Дэллоуэй», помимо Клариссы, такими повествователями является ее муж Ричард Дэллоуэй, совершенно неизвестный ей Септимус Уоррен-Смит и его жена Лукреция, и Питер Уолш. В романе «На маяк» эксплицитными повествователями являются миссис Рэмзи, мистер Рэмзи, их сынишка Джеймс, художница Лили Бриско и др.

Мнению эксплицитных повествователей в романах Вульф противопоставлено значение их символических образов. Эти образы описаны всезнающим повествователем, но их инносказательный смысл им не раскрыт, и совершенно не известен эксплицитным повествователям. Поэтому выразителем символического содержания может быть только условный *имплицитный* повествователь. В романах Вульф символические образы выполняют *объединяющую* функцию. В «Миссис Дэллоуэй» это автомобиль с коронованной особой, аэроплан в небе, звон курантов Биг Бена и др. Их объединяющая функция состоит в том, что они привлекают внимание Клариссы и всех людей, находящихся на улицах Лондона, отрывая от личных, субъективных переживаний. В романе «На маяк» два символических образа – миссис Рэмзи, которая персонифицирует единство семьи, потому что без нее «все сместилось, поддалось и рассыпалось ... все отдельно» [1, с. 270]; и маяк, олицетворяющий общее стремление героев и всех людей к счастью, к добру, к идеалу, к единому центру, в котором, как отмечает Н.П. Михальская, «все переплетается и скрещивается» [3, с. 93]. Таким образом, диалогизм романов Вульф, который осуществляется между эксплицитными повествователями с одной стороны, и имплицитным повествователем с другой, состоит в обсуждении *универсальной* темы: чего больше в человеке, - эгоизма, который разъединяет людей, как это видно в «потокax сознания», или больше солидарности, о чем свидетельствуют объединяющие символы?

Согласно теории Бахтина, отношение автора к участникам диалога также диалогическое, так как он попеременно занимает идейную позицию одного и спорит с другим. Таким образом автор устраняется от выражения своего однозначного мнения, которое традиционно доминирует в монологическом произведении. В диалогическом произведении автор скрывается за спорными мнениями, устанавливая *авторскую дистанцию*. Кроме того, идейный конфликт, который обсуждается в диалогизме, остается нерешенным, а это также не позволяет выделить однозначное мнение автора и подтверждает авторскую дистанцию. Что касается романов Вульф, то невозможно утверждать, что они выражают авторскую идею о разобщенности людей, которые одиноки и эгоистичны, и разделены различными устремлениями;

так же как невозможно заявить, что писательница считает, что все люди одинаковы в своих жизненных устремлениях, хотя и считают себя разными. Эти идеи только противопоставлены в диалогическом конфликте, решение которого отсутствует.

Выводы. Таким образом, своеобразие повествовательной перспективы романов Вирджинии Вульф «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк» состоит в том, что в этих произведениях всезнающий повествователь передает содержание субъективных «поточков сознания» героев, которых следует считать эксплицитными повествователями, и объективно описывает романский мир. Иносказательное содержание символических образов, описанных всезнающим повествователем, не принадлежит ни эксплицитным повествователям, ни всезнающему. Символическое содержание выражает имплицитный повествователь, и оно диалогически противопоставлено субъективному содержанию «поточков сознания».

Перспективы. Исследование повествовательной перспективы романов Вирджинии Вульф позволит, учитывая новый подход к анализу ее произведений, далее изучать диалогизм ее произведений, а также произведений других авторов.

Список литературы

1. Вульф, Вирджиния. Избранное [Текст] / Вирджиния Вульф. – М. : Художественная литература, 1989. – 558 с.
2. Засурский, Я. Н. Американская литература XX века [Текст] / Я. Н. Засурский. – М. : МГУ, 1984. – 504 с.
3. Михальская, Н. П. Пути развития английского романа 1920 – 1930-х годов. Утрата и поиски героя [Текст] / Н. П. Михальская. – М. : Высшая школа, 1966. – 271 с.
4. Падучева, Е. В. Семантические исследования [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
5. Поспелов, Г. Н. Введение в литературоведение [Текст] / Г. Н. Поспелов, П. А. Николаев, И. Ф. Волков. – М. : Высшая школа, 1988. – 528 с.
6. Силин, В. В. Имплицитный повествователь [Текст] / В. В. Силин // Культура народов Причерноморья. – 2003. – № 37. – С. 289–296.
7. Хализев, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2000. – 398 с.
8. Blackstone, Bernard. Virginia Woolf: A Commentary [Text] / Bernard Blackstone. – NY : Harcourt, Brace, 1949. – 258 p.
9. Daleski, H. M. The Divided Heroine: A Recurrent Pattern in Six English Novels [Text] / H. M. Daleski. – NY : Holmes & Meier Publishers, Inc., 1984. – 164 p.
10. Elfer, Helen. Dances With Woolf [Электронный ресурс] / Helen Elfer. – Режим доступа : http://shanghai.urbanatomy.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1874:dances-with-woolf&catid=145:daily-blog&Itemid=13Opera.HTML%5CShell%5COpen%5CCommand
11. Haring-Smith, Tori. Private and Public Consciousness in *Mrs. Dalloway* and *To The Lighthouse* [Text] / Tori Haring-Smith // Ginsberg, Elaine K. Virginia Woolf: Centennial Essays [Text] / Elaine K. Ginsberg, Laura Moss Gottlieb. – Troy, NY : Whitston Publishing, 1983. – P. 143–160.
12. Hartman, Geoffrey H. Virginia's Web [Text] / Geoffrey H. Hartman // Bloom, Harold. Clarissa Dalloway [Text] / Harold Bloom. – NY : Chelsea House, 1990. – P. 78–86.
13. Libertin, Mary. Speech Acts in *To The Lighthouse* [Text] / Mary Libertin // Ginsberg, Elaine K. Virginia Woolf: Centennial Essays [Text] / Elaine K. Ginsberg, Laura Moss Gottlieb. – Troy, NY : Whitston Publishing, 1983. – P. 163–180.
14. Majumdar, Robin. Virginia Woolf: The Critical Heritage [Text] / Robin Majumdar, Allen McLaurin. – London : Routledge, 1997. – 468 p.
15. Matson, Patricia. The Terror and The Ecstasy. The Textual Politics of Virginia Woolf's *Mrs. Dalloway* [Text] / Patricia Matson // Ambiguous Discourse: Feminist Narratology and British Women Writers

[Text] / ed. Kathy Mezei. – Chapel Hill, NC & London : The University of North Carolina Press, 1996. – P. 162–181.

16. Maze, John R. Virginia Woolf: Feminism, Creativity, and the Unconscious [Text] / John R. Maze. – Westport, CT : Greenwood Press, 1997. – 220 p.

17. Scrbic, Nena. Wild Outbursts of Freedom: Reading V. Woolf's Short Fiction [Text] / Nena Scrbic. – Westport, CT : Praeger, 2004. – 194 p.

18. Williams, Lisa. The Artist as Outsider in the Novels of Toni Morrison and Virginia Woolf [Text] / Lisa Williams. – Westport, CT : Greenwood Press, 2000. – 198 p.

Кравцова М. О. Оповідальна перспектива у романах Вірджинії Вульф

Своєрідність оповідальної перспективи романів Вірджинії Вульф «Місіс Деллоуей» та «На маяк» полягає у тому, що у них усезнаючий оповідач передає зміст суб'єктивних «потоків свідомості» героїв та об'єктивний опис подій. Двоплановість оповідання романів поєднується з іншими подвійними структурами – з двоплановістю образів та подвійним хронотопом. Подвійність структур романів Вульф свідчить про їхній діалогізм, встановлений між суб'єктивним змістом «потоків свідомості» героїв, які є експліцитними оповідачами, та протиставленим йому об'єктивним змістом, вираженим у значенні символічних образів імпліцитним оповідачем, оскільки ні експліцитні оповідачі, ні усезнаючий оповідач не представляють символічний план змісту.

Ключові слова: усезнаючий оповідач, експліцитний оповідач, імпліцитний оповідач, визначений хронотоп, невизначений хронотоп, символ, «потік свідомості», діалогізм, монологізм.

Kravtsova M. A. Narrative Perspective in Virginia Woolf's Novels

The peculiarity of narrative perspective of Virginia Woolf's novels "Mrs. Dalloway" and "To The Lighthouse" lies in the fact that the omnipresent narrator transmits in them the contents of subjective "streams of consciousness" of the heroes and the objective description of events. Duality of narration of the novels is combined with other dual structures – image duality and dual chronotopos. Duality of structures of Woolf's novels tells about their dialogism, which is set between the subjective contents of "streams of consciousness" of heroes, who are the explicit narrators, and the objective contents opposed to it, which is expressed by the implicit narrator in the meaning of symbolic images, because neither explicit narrators nor the omnipresent narrator present the symbolic contents plan.

Key words: omnipresent narrator, explicit narrator, implicit narrator, definite chronotopos, indefinite chronotopos, symbol, "stream of consciousness", dialogism, monologism.

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК. 8.82

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗМА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В СВЕТЕ РЕАЛИЗМА РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ДЖАЛИЛА МАМЕДКУЛИЗАДЕ)**

Кареева Ж. З.

Творчество видного азербайджанского писателя-реалиста Дж. Мамедкулизаде можно рассматривать и в контексте таких литературных взаимосвязей как контактные связи, и в типологической общности литературных процессов. Отличительный характер реализма Дж. Мамедкулизаде, резко критическая, острая социальная направленность его произведений позволяют связывать творческую практику азербайджанского писателя, с творчествами Гоголя, Салтыкова–Щедрина, а с творчеством А.П.Чехова их общность в прозаическом жанре.

Ключевые слова: реализм, классическая литература, художественный метод, произведения, критика

Введение. Реализм как литературное течение и как способ писательского стиля остается предметом исследований не только литературоведения. Причина широкого привлечения реализма в гуманитарных науках, прежде всего, обусловлено большими художественными возможностями этого литературного направления, и его связи с миром общественных отношений и человеком. Поиски современной эстетической мысли также опосредованно связаны с этим литературным феноменом.

Специфика национального реализма, развитие этого художественного метода в Азербайджане и его типологические закономерности с русской классической литературой основная задача настоящей статьи.

Литературные связи России и Азербайджана имеют давнюю историю. Однако процессы развития реализма и в Азербайджане и в России сложились различные периоды XIX века. В России критический реализм берет свое начало в первой половине XIX века, а в Азербайджане как художественный метод знаменуется в творчество великого азербайджанского писателя-просветителя, философа Мирза Фатали Ахундова (1812-1878) и проходит сложную эволюцию со второй половины XIX и до начала XX веков. В истории развития реализма в Азербайджане прослеживаются два этапа и соответственно две формы реализма: просветительский реализм и критический реализм. Отмечая особенности реализма в азербайджанской литературе, нельзя не отметить один важный факт - его исторической взаимосвязи с русским реализмом, опыт которого особо ярко выразился в творчестве Дж.Мамедкулизаде (1866-1932). Говоря, о взаимодействии русско-азербайджанских литературных связей, следует отметить, что на рубеже XIX – XX веков интенсивно развиваются контактные связи. Частные поездки прогрессивной азербайджанской интеллигенции в культурные центры России, постановки пьес русских драматургов на азербайджанской сцене, публикации на страницах азербайджанских журналов выдающихся классиков русской литературы, все эти факторы еще больше сближают культуры наших народов.

Так, творчество видного азербайджанского писателя-реалиста Джалила Мамедкулизаде (псевдоним — Молла Насреддин) можно рассматривать и в контексте таких литературных взаимосвязей как контактные связи, и в типологической общности литературных процессов. Джалил Мамедкулизаде родился в семье торговца. Он окончил горийскую учительскую семинарию (1887). Затем он работал в Тбилиси в редакции азербайджанской газеты «Шарги Рус» (1903-1905) (пер. «Русский Восток»). В начале 1905 приобрёл типографию, а с апреля 1906 начал издавать сатирический журнал «Молла Насреддин», который пользовался огромной популярностью в народе. Мусульманский синклит принял постановление о том, что кровь нечестивца Мамедкулизаде простится тому, кто его убьёт. Журнал выходил с перерывами до 1931. Продолжая редактирование журнала в советское время, писатель вёл активную работу по внедрению нового азербайджанского алфавита.

Первое значительное произведение Мамедкулизаде — повесть «Пропажа осла» (из цикла «События в селении Данабаш») — написано в 1894. В ней четко определена идейная направленность писателя-демократа, воинствующего сатирика, смело обрушивающегося на феодальные порядки, на застойный быт глухой провинции и столь же смело берущего под защиту забитого и бесправного крестьянина-бедняка. Мамедкулизаде был мастером короткого рассказа, в этом жанре наиболее ярко проявился его сатирический талант: «Почтовый ящик» (1903, опубликован 1904), «Конституция в Иране» (1906), «Курбан-Али-бек» (1907), «Барашек» (1914), «Мулла Фазл-Али» (опубликован 1925), «Два мужа» (опубликован 1927) и др. Комедии Мамедкулизаде «Мертвецы» (1909) и «Собрание сумасшедших» (опубликован 1936) направлены против косности и фанатизма в религии.

В газете «Шарги-Рус», где работал писатель, был опубликован перевод рассказа Л.Н.Толстого «Труд, смерть, и болезнь». В своих произведениях («Абирин ве гилаб», «Гоголь», «Философы», «Наука музыки») писатель рассказывал азербайджанскому читателю о таких известных русских писателях и поэтах как Крылов, Пушкин, Гоголь, Тургенев, Толстой.

Отличительный характер реализма Джалила Мамедкулизаде, резко критическая, острая социальная направленность его произведений позволяют связывать творческую практику азербайджанского писателя, с творчествами Гоголя, Салтыкова-Щедринина, а с творчеством А.П.Чехова их общность в прозаическом жанре. Как известно оба писателя были признанными и большими мастерами в жанре рассказа. Близость художественных исканий Чехова и Мамедкулизаде позволяет говорить типологической общности художественных методов знаковых писателей русской и азербайджанской литературы. Известный азербайджанский литературовед Мир Джалал в одном из своих работ пишет: «Если М.А. Сабир в начале нашего века явился создателем революционного стихотворения, Ахвердов, основоположником новой, реалистической драмы, то Джалил Мамедкулизаде по праву считается отцом реалистического рассказа. Он наш Чехов, - говорим мы о нем, и это сушая правда» (7). Действительно, рассказы Мамедкулизаде, так же, как и произведения Чехова — это художественный калейдоскоп всей социальной действительности того времени. Также как, А.П.Чехов, который возвел «малый жанр» до небывалых высот, так и Дж. Мамедкулизаде приложил много усилий, чтобы развить и сохранить этот жанр в азербайджанской литературе. Как худож-

ник он впервые обратил свой взор «на маленьких» людей, сделав их заботы и горести, душевные переживания темой своих произведений.

Уже в первых своих публикациях, произведениях в целом ряде рассказов, журнале «Молла Насреддин» он воплотил тему труда, простого труженика. Как признается сам писатель, он больше половины жизни посвятил борьбе за эмансипации женщин Востока. Дж. Мамедкулизаде впервые ввел в литературу реалистические образы представителей азербайджанской интеллигенции и детей. В его произведениях также, впервые, глубоко реалистично отражены социальные противоречия между различными классами и сословиями буржуазного общества. Помещики и духовенство, религиозный фанатизм порожаемые ими социальные пороки все это становиться актуальной темой сатиры писателя. Повесть «Пропажа осла» из незавершенного цикла «События в селении Данабаш» (*Данабаш – это каламбурное название: это значит «большая голова», и буквальный перевод «телячья голова» и имеет такой смысл, как русские поговорка «Велика Федора, да дура»*) (1894), которая впоследствии стала очень популярной, пропитана горечью и насмешкой. Горькой иронией пронизаны описания жизни сельчан данабашавцев. Известный азербайджанский писатель, председатель союза писателей Азербайджана Анар в содержательном очерке, посвященном творчеству Джалила Мамедкулизаде, приводит воспоминания друга Дж. Мамедкулизаде писателя Ахвердова: «<...> могущественные враги «Моллы Насреддина», такие, как, например, Ереванские и Нахичеванские ханы, Карабахские и Гянджинские беки, когда приезжали в Тифлис, считали своим долгом нанести визит в редакцию журнала (*речь идет об известном на всё Закавказье, Иран, Среднюю Азию и Ближний Восток журнале «Молла Насреддин», издаваемый писателем - курсив наш*), чтобы выразить свое презрение его редактору с глазу на глаз. Но после беседы с Дж. Мамедкулизаде некоторые из них круто меняли свое мнение и говорили так: «Да, конечно же, то, что пишет он, правда. Но нельзя же писать всякую правду» (5). Такой гибкий подход к правде, призыв к замалчиванию каких-то ее частей, довольствование полуправдой - было глубоко ненавистно нравственному максимализму Дж. Мамедкулизаде. Сам писатель о публикациях журнала «Молла Насреддин» говорил, что в них пишется горькая правда об окружающей их жизни, которая отталкивают «темную публику», но он сам и его единомышленники всегда «открыто и честно пишут то, о чем думают» (6).

Заслуга Дж. Мамедкулизаде в том, что он принес в сатирическую реалистическую литературу простой и демократический язык, который в отличие от пышновитиеватого стиля, применяемого буржуазным направлением журнала «Фиюзат» (*главного оппонента журнала «Молла Насреддин» - курсив наш*) был близок широким народным массам. Он расширил художественные возможности прозы, как и впрочем и других жанров, взяв самое лучшее и от устного народного творчества и письменной литературы. Качественно изменив и обогатив такую область литературы как сатира и юмор. Писатель ввел в национальную драматургию и в прозу новые типы. Он заложил основы азербайджанской сатирической печати. Дж. Мамедкулизаде. – писатель эпохальный, его литературные труды – настоящая энциклопедия жизни до-революционного Азербайджана. Жизнь, страдания народа невыносимые условия его

жизни получили в произведениях Дж.Мамедкулизаде яркое реалистическое отражение. Подобно русским реалистам, он анализирует не частности, общий порядок вещей.

Одной из основных проблем для прозы Джалила Мамедкулизаде стала тема «маленького человека», которая в русской литературе берет свое начало еще с творчества Пушкина и имеет продолжение в творчестве практически всех корифеев русской классической литературы. Трагизм «маленького человека» в антагоническом азербайджанском обществе с особенностями национального менталитета у Джалила Мамедкулизаде приобретает новую форму. Так в известном рассказе Мамедкулизаде «Пропажа осла», и знаменитой «Шинели» Гоголя прослеживаются глубокое внутренне родство. В основе этих повествований неожиданный случай в жизни героев, который подчеркивает их беззащитность в равнодушном обществе. И у героя Мамедкулизаде дяди Мамед-Гасана («Пропажа осла») и Акакия Акакиевича («Шинель») Гоголя, отбирают самые дорогие и важные для них вещи. Они добры и наивны, но абсолютно не ищут в себе силы, чтобы найти дорогу к счастью и справедливости. Оба персонажа, не способны сопротивляться и бороться за то, о чем они мечтают. Они несчастны, забиты, безвольны и безропотно принимают несправедливость мира, в котором живут. Кажущая излишняя ироничность в произведениях Дж.Мамедкулизаде порой воспринимается как высмеивание писателем слабых и безропотных своих соотечественников, из-за которой псевдопатриоты критиковали великого реалиста. По этому поводу очень метко сказано писателем Анаром: «Искренность и бескорыстность любви к народу часто доказывается парадоксально: во имя этой любви нельзя бояться прослыть антипатриотом, очернителем, злостным нигилистом <...> Обвинения в том, что он опозорил свой народ, показал его в неприглядном свете. И эти литературные пигмеи, пискливые патриоты, заботящиеся о том, как бы подороже продать свой патриотизм, могли выставлять себя охранниками чести нации, защищать Азербайджан от Дж. Мамедкулизаде - одного из самых высоких носителей чести и достоинства своей родины. Разве могли эти люди понять ту простую истину, что народ, способный рукой, глазами, умом и сердцем своего сына-художника оценить свои пороки, - зрелый народ, достигший высокой ступени самосознания» (5).

В своем отношении к теме «маленького человека» Дж.Мамедкулизаде имеет точки соприкосновения и чеховской традицией «Маленькие люди» из рассказов А.П.Чехова, все эти хрюкины, тонкие, червяковы и прочие персонажи, вызывают не столько сочувствие, столько смешанное чувство жалости и презрения. Писатель сатирически обличает не только господ – тайных, статских и надворных советников, он осуждает и «маленького человека», который без ропота подчиняется унижениям и уничтожает свою личность. Для Мамедкулизаде также важно, чтобы каждый человек осознавал свою причастность происходящему и был бы ответственным перед самим собой. Именно отсутствие чувство ответственности в мире, котором живут герои этих писателей, приводят их к тяжелым жизненным коллизиям.

Выводы. Таким образом, типологическая общность реализма Джалила Мамедкулизаде с русским критическим реализмом обнаруживает в способах художественно-эстетической обработки жизненного материала, в характере его отбора, обобщения и осмысления, в принципах художественной типизации, и психологического анализа.

Список литературы

1. Гусейнов, Ф.Д. Основные проблемы прозы Дж. Мамедкулизаде [Текст] / Ф.Д. Гусейнов. - Баку: 1973.
2. Назим, А. Дж. Мамедкулизаде [Текст] / А.Назим // Избранные произведения. – Баку: Язычи, 1979.
3. Мирахмедов, А.М. Джалил Мамедкулизаде (вопросы развития азербайджанской печати начала XX века) [Текст] / А.М.Мирахмедов. - Баку, 1973.
4. Рустамова, А. Азербайджанская литература: краткий очерк (для Азербайджанской диаспоры) [Текст] / А.Рустамова. - Баку: Элм, 2005.
5. Анар. Большое бремя – понимать [Электронный ресурс] /Анар. Режим доступа: <http://www.azeribook.com/proza/anar>
6. Мамедкулизаде, Дж. Избранные произведения (в двух томах) [Текст] / Дж.Мамедкулизаде. - Баку: Азернешр, 1966.
7. Пашаев, Мир Джалал. Русская литература и развитие реализма в азербайджанской литературе [Текст] / М.Дж.Пашаев // Литературный Азербайджан. – 1964. - №3 .
8. Караев, Я. Этапы азербайджанского реализма [Текст] / Я.Караев. – Баку: Язычи, 1983.
9. Катаев, В.Б. Проза Чехова: проблема интерпретации [Текст] / В.Катаев. – Москва: Изд-во МГУ, 1979.
10. Громов, М.П. Книга о Чехове [Текст] / М.П.Громов. - Москва: Современник, 1989.
11. Гуковский, Г.А. Реализм Гоголя [Текст] / Г.А.Гуковский. - М-Л.: 1959.
12. Ахундова, Э. Реализм Джалила Мамедкулизаде и опыт русской литературы XIX- начала XX века (Проблема сравнительной типологии) [Текст] / Э. Ахундова. - Баку: Язычи, 1988.

Караева Ж. З. Особливості реалізму Азербайджанської літератури в світлі реалізму російської класичної літератури (на матеріалі творчості Джалила Мамедкулизаде)

Творчість видного азербайджанського письменника-реаліста Дж. Мамедкулизаде можна розглядати і в контексті таких літературних взаємозв'язків як контактні зв'язки, і в типологічній спільності літературних процесів. Відмітний характер реалізму Дж. Мамедкулизаде, різко критична, гостра соціальна спрямованість його творів дозволяють зв'язувати творчу практику азербайджанського письменника, з творчістю Гоголя, Салтиков-Шчедріна, а з творчістю А.П.Чехова їх спільність в прозаїчному жанрі.

Ключові слова: реалізм, класична література, художній метод, твори, критика

Karaeva J. Z. Features of realism of Azerbaijan literature in the light of realism of Russian classical literature (on a material of creativity Jalil Mamedkulizade)

Creativity of visible Azerbaijan writer-realist J. Mamedkulizade is possible to consider and in a context of such literary interrelations as contact communications, and in a typological generality of literary processes. Distinctive character of realism of J. Mamedkulizade, sharply critical, sharp social orientation of its products allow to connect creative practice of the Azerbaijan writer, with creativities Gogol, Saltikov-Shedrin, and with A.P.Chehov's creativity their generality in a prosaic genre.

Key words: realism, the classical literature, an art method, products, criticism

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

УДК.8.82

ПРОЯВЛЕНИЕ ПОСТОЯННЫХ ЭПИТЕТОВ В ФОЛЬКЛОРЕ (НА ОСНОВЕ СРАВНЕНИЯ ТЮРКСКИХ И СКАНДИНАВСКИХ ЭПОСОВ)

Фарах Д.

Одним из элементов мифологического эпоса, нашедших свое отражение в фольклоре, являются эпитеты. Существует несколько видов эпитетов, особенно широко используемых в дастанах. В достаточном количестве эпитеты встречаются как в скандинавских, так и в тюркских дастанах.

Ключевые слова: мифология, эпос, эпитет, дастаны, художественные особенности

Введение. Одним из элементов мифологического эпоса, нашедших свое отражение в фольклоре, являются эпитеты. Существует несколько видов эпитетов, особенно широко используемых в дастанах. А.Н. Веселовский писал об эпитетах: «Эпитет – одностороннее определение слова, либо подновляющееся его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета». [5, с.59]. Оценивая эпитеты подобным образом, А.Н. Веселовский выделял несколько видов эпитетов – тавтологические, пояснительные [в эту группу включены эпитеты исторического и этнического характера], метафорические и синкретические эпитеты. В эпитетах, имеющих тавтологический характер, существительное и прилагательное выступают носителями одной идеи. Например, красное солнце, льющиеся потоки дождевой воды и другие пояснительные эпитеты построены на основе определенного признака. С одной стороны эпитеты «черная голова», «черные волосы», «золотистые волосы», «арабский скакун» осуществляют функцию идеализации, с другой стороны, являются показателем этнической принадлежности. В фольклорном творчестве часто также встречаются синкретические и метафорические эпитеты. В основном, синкретические эпитеты являются средством выражения внутренних человеческих чувств и эмоций. В то же время нет существенной разницы между метафорическими и синкретическими эпитетами. Следует сказать, что каждый из этих эпитетов может выступать в качестве постоянных эпитетов. К настоящему времени, в основном, были проведены исследования постоянных эпитетов, которые являются традиционными для фольклорного творчества. Русский литературовед Б.В. Томашевский писал о постоянных эпитетах: «В народной поэзии эпитет культивируется, не меньше, чем в письменной. Народно – поэтические эпитеты нередко переносятся в литературную речь, чтобы придать ей некий стиль народности. Репертуар эпитетов в народной поэзии довольно жесткий. Именно в народной поэзии встречаются так называемые постоянные эпитеты, когда определенное слово постоянно сопровождается одним и тем же эпитетом, например, *море синее* [7, с.199]

В достаточном количестве эпитеты встречаются как в скандинавских, так и в тюркских дастанах. Встречающиеся в дастане «Китаби-Деде Коркуд» постоянные эпитеты относятся к коням - бедуинский конь с длинной шеей, бело-серый конь,

бурый конь, к оружию – копьё в 60 тутамов, большой острый меч, к женщинам – высокорослая Бурла-хатун, 40 девушек со стройной талией, белолицых, светлоглазых, черноволосых, о Родине – прекрасное жилище и т.д. В большинстве случаев, эпитеты используются в качестве украшения. В произведении «Едда и первоначальная форма эпоса» И.М. Мелетинский писал об этом: «Постоянные эпитеты содержатся в фольклорно-эпическом стиле разных народов и, в широком смысле, имеют характер украшения. Такие эпитеты определяют существительное и выражают общие [идеально - образцовые и нормальные] особенности предмета».

Эпитеты, используемые для украшения, выделяют внешние признаки предмета, человека или животного.

Приди ко мне, счастье моей головы, опора моего жилища;
Ростом подобная прекрасно выросшему кипарису;
Ты, чьи черные волосы обвиваются вокруг лодыжек,
Чьи сросшиеся брови подобны натянутому луку,
Чьи уста тесны для пары миндалин,
Чьи алые щеки подобны осенним яблокам... [1. с.35]

Как видно на примере «Китаби-Деде Коркуд» посвящаемые восхвалению женщины эпитеты – высокорослая, черноволосая, сходящиеся брови, свежие уста, румяное лицо применяются с целью украшения. Как было замечено ранее, одним из особенностей эпитетов является определение принадлежности предмета. Например, фраза «конь с черной гривой, красивый, с горы Газылык» наряду с функцией украшения, подчеркивает также этническую принадлежность. Или «бедуинский конь с длинной шеей» подчеркивает как красоту коня, так и то, что это арабский конь. В европейских дастанах также часто встречаются подобные фразы, связанные с конем. Кроме того, эпитеты служат также определению этнической принадлежности народа. Если в творчестве дастана европейских народов, в основном, используется эпитеты со словом «золотистый», то в дастане «Китаби – Деде Коркуд» используются эпитеты – белолицый, светлоглазый, черноволосый. Одним из широко распространенных форм эпитетов являются метафорические эпитеты. А.Н. Веселовский в одном из своих высказываниях о метафорических эпитетах заметил, что развитие метафорических эпитетов объясняют следующие случаи: случай, произошедший с объектом, или наблюдаемый со стороны, или принадлежащий этому объекту, в большей или меньшей степени с одушевляющим действием переносится на определенное представление.

Метафорические эпитеты были широко распространены как в тюркских дастанах, так и в эпосе других народов. В основном, в дастанах постоянные эпитеты связаны со цветом. В начале нужно обратить внимание на эпитеты, связанные с черным цветом. Например, в одной из сказаний «Китаби – Деде Коркуд» о разграблении дома Салор -Казана, его брат Гарагюне толкует сон Салор-Казана следующим образом: Знаешь, что видел во сне твой брат Гарагюн? Увидел черное событие, несчастье [1, с.44]». Здесь внимание акцентируется именно на том, что Салор-Казан увидел во сне «черное несчастное событие». Толкование сна Салор-Казана его братом Гарагюн и дальнейшее развитие событий проясняют фразу «черное несчастное

событие». Придание событию черной окраски цвет является средством выражения отношения человека к событию. Использование черного цвета в этом контексте выражает несчастный характер события. В мифологическом мышлении многих народов, в том числе и тюркских, черный цвет является показателем хаоса и несчастья. Именно поэтому, в дастане «Китаби – Деде Коркуд» черный цвет олицетворяет смерть. Вместе с тем, в мифологическом мышлении тюрков не только несчастье и трагедия выражается посредством черного цвета. Черный цвет также является показателем могущества. Например, во фразе «Взять ли мне в руки свой черный железный меч?» черный цвет показывает могучую силу. В дастанах белый цвет имеет не только пояснительный и украшающий характер, но и выступает в роли метафорического эпитета. Например,

Привязали белые руки к спине
Завязали шерстяной веревкой белую шею [1.]

Фраза «белые руки» не только указывает на этническую принадлежность человека, но и на высокий статус этого человека среди своего народа. Кроме того, белый цвет является символом священности и мудрости. В частности, фразы «белобородые старики», или «седоволосая пожилая женщина» и «сосать белое молоко» указывают однозначно не только на признак белизны. Эти фразы также передают значение священности и мудрости. В произведении «Старшая Едда» также часто встречаются эпитеты, связанные с белым цветом. В эпитетах, используемых в отношении женщины, эпитет «белый цвет» заменяется словосочетанием «золотистые лучи, лучи солнца». В тюркском мифологическом мышлении используется фраза «солнечная невеста», в славянском фольклоре фраза «красная девица» используется для сравнения женщины с солнцем, также как и в скандинавском эпосе, где белый цвет используется при сравнении женщины с солнцем. Например, используемый в отношении женщин эпитет «белые ручки» наряду с цветом рук, также сообщает нам о магическом характере белых рук [6, с.118]. Для разъяснения этой мысли следует обратиться к главе «Поездка Скирнира» в произведении «Старшая Едда», где повествуется о свете исходящей от рук женщины олицетворяющее собой лучи солнца и тем самым, солнечный свет здесь выступает в роли белого цвета. Использование лучей солнца при описании женщин можно встретить также в дастане «Огузнаме». Женщина, на которой в первый раз женился Огуз Хан, спустилась с неба на небесных лучах. Хотя лучи здесь не белого цвета, а представляются синим цветом.

Белый цвет применяется не только для характеристики женщин. Так, в «Старшей Едде», «Китаби – Деде Коркуд», выражение «белая шея» относится и к мужчинам тоже. «Старшая Едда» и страж богов Хеймдалль называются «белыми асами». Как описывает этот случай Е.М.Мелетинский «Помимо ассоциации с соляром, дерево Хеймдалля, в котором струится магическая, жизненная «белая роса» указывает на то, имеет оно отношение к Иггдрасиллю. Такая роса льется также с дерева, упоминаемого в якутском эпосе. В дастане «Короглу» также встречаются подобные мотивы. Таким образом, Короглу получает свой необычный глаз, напиваясь родниковой воды с белой пеной. На самом деле, белая пена, обладающая магическим действием, «белая роса» дерева Игдрассиля выполняют одну и ту же функцию. Как видно на этом примере, эпитеты с использованием белого цвета, как в скандинавском, так

и тюркском эпосе наряду с признаками священности, возвышенности и непорочности, выражают также магический характер.

Эпитеты с использованием серого цвета, которые отражены в дастанах, также обладают метафорическими особенностями. Используемый в дастане «Китаби – Деде Коркуд» эпитет «серый юноша» в отношении героя Бейрека, представляет особый интерес. Прежде чем проанализировать значение эпитета «серый юноша», следует отметить, что в тюркском, славянском и скандинавском эпосе часто встречается фраза «серый волк». Во многих случаях это не является пояснительным эпитетом, определяющим вид животного. Серый волк является одним из тотемов животного тюркских народов и, со временем, на этой основе сформировался культ серого волка. Например, в русском фольклоре «серый волк» представляет собой устрашающий отрицательный образ, так как он использовался метафорически в отношении тюрков. Естественно, что этот случай является свидетельством исторических связей в дастанах. Известно, что в скандинавском эпосе определение волка выражается серым цветом. Представление в дастане «Китаби – Деде Коркуд» образа Бейрека в сером цвете также имеет отношение к культу «серого волка». Если обратить внимание на этимологию имени Бейрек, то следует заметить, что слово Бейрек образовалось в результате диффузии слова «Берук», который тюрки Средней Азии использовали в значении «волк», окончания же –ик, ык, указывают на уменьшительно-ласкательный характер слова. В этом значении, имя Бейрек означает детеныш волка. Отца Бейрека зовут Гамбере, то есть имеет значение волк - Беру, Берук, Бере. Исходя из этого, следует, что Бейрек - это сын волка. Именно по этой причине, другое имя у Бейрека означало «серый юноша». В тюркских эпосах основной функцией волка является спасение и избавление от опасности. Поэтому, в дастане «Китаби – Деде Коркуд», в основном, Бейрек выполняет эту функцию. Из этого следует, что со временем архаичный мифологический образ волка трансформировался в эпосах в словосочетание «серый юноша».

Эпитеты с использованием цвета золота также встречаются в эпосе многих народов. Используемые в эпосе германцев эпитеты с цветом золота, А.Н.Веселовский характеризовал следующим образом: «У древних германцев золото принадлежит богам, а серебро – героям» [5, с.60].

В нескольких сказаниях дастана «Китаби – Деде Коркуд» встречается фраза дом с золотистым куполом [1, с.36]. В русском эпосе «О полку Игоря» также встречается фраза «золотой стол». Можно заметить, что фраза «золотой стол» имеет не только пояснительный характер. Использование золота при изготовлении стола или при возведении жилища указывает на святость его обладателя. Как видно, золотые изделия, принадлежащие архаичным богам, в дальнейшем претерпевают трансформацию в новой интерпретации богов как героических предков, выполняющих функцию хранителя народа. Так, в «Сказании о сыне Дерсе Хана Бугадж Хане, ханым, хей!...» дастана «Китаби – Деде Коркуд», по приказу Баяндур Хана гостей, имеющих сыновей усадили в белый шатер, имеющих дочерей, в золотистый шатер, а тех, у которых не было ни дочерей, ни сыновей поместили в черный шатер. Как заметно на этом примере, в тюркском мифологическом мышлении золотистый цвет также имеет отношение к женщинам. Кроме того, золотистый цвет выступает одним из

определений желтого цвета и, таким образом, указывает на солнце. По этой причине, «желтая невестка», Сельджан - хатун, одетая в желтое платье, используются, как метафорические эпитеты. Если образ Сельджан- хатун в желтом платье подвергнуть семантическому анализу, получим вышеуказанный результат. В «Сказании о том, как Ганлы Годжа рассказывает о своем сыне Кан-Турали, ханым хей-хей!» дастана «Китаби – Деде Коркуд, Кан-Турали, чтобы получить Сельджан- хатун должен бороться с верблюдом и тигром. В шумерском мифологическом мышлении верблюд и тигр считаются покровителями и хранителями солнца. В итоге, чтобы герой смог жениться на солнечной девушке, он должен был выполнить поставленные условия, при этом основным условием была победа над верблюдом и тигром. Отсюда можно сделать вывод, что цветовые оттенки, используемые в эпитете «Сельджан -хатун в желтом платье», ассоциируют женщину с солнцем. В итоге, белый цвет и выступающий его синонимом сияние в скандинавском эпосе, в тюркском эпосе желтый цвет и его синоним золотистый цвет одновременно идеализируют и передают магические черты объекта.

Метафорические эпитеты, нашедшие отражение в дастанах, одновременно связаны с соответствующими культурами. В дастане «Китаби – Деде Коркуд», часто встречаются эпитеты, используемые в качестве культа дерева и горы. Несомненно, что в истоке этого эпитета лежат анимистическое мышление.

К постоянным эпитетам, привлекающим внимание в дастанах, также причисляются прозвища. В большинстве случаев, образы героев в дастанах называются другими именами. Так, например, замена имени Бейрек эпитетом «серый юноша» в дастане «Китаби – Деде Коркуд» относится к этому случаю. Сформированные на анимистической и тотемической основе, эти прозвища связаны с архаичным характером персонажей дастанов. Е.М.Мелетинский так охарактеризовал подобные эпитеты, нашедших свое отражение в произведении «Однако в скандинавской поэзии, в отличие от эпоса других народов эпические прозвища превратились в сложнейшую систему. Это в особенности относится к именам богов [6, с.125]. Например, вместо имени Тор используется соперник Хродуна, господин овец, сын Земли, вместо имени господина богов Одина называется имя Фрейр. В дастане «Китаби – Деде Коркуд» наряду с заменой имени Бейрек эпитетом «серый юноша», можно встретить другие эпитеты – прозвища. Например, в «Сказании о разграблении дома Салор–Казана» дастана «Китаби–Деде Коркуд» Салор-Казан описывается так: «Однажды сын Улаша, дитя птицы Тюлю, наша беспомощная надежда, лев рода Амита, черно-бурый барс, владелец бурого коня, господин Хана Уруза, преемник? Баяндур хана, государство сильных огузов, опора оставшихся джигитов, спал Салор-Казан». Метафорические эпитеты «дитя птицы Тюлю», «лев рода Амита», «черно-бурый барс» появились как следствие культа тотемов.

Выводы. Как показывает анализ, постоянные эпитеты характерны как для скандинавского, так и тюркского эпосов. Наряду с украшающей характеристикой они обладают также пояснительной функцией. Несомненно, что главной причиной употребления эпитетов в дастанах является то, что они показывают формы выражения первобытного мышления.

Список литературы

1. Китаби –Деде Коркуд [Текст] – Баку, Язычи, 1988. - 266 с.
2. Короглу [Текст] - Баку, Маариф, 1975.
3. Огузнаме [Текст] – Баку, Изд. БГУ, 1993. - 92 с.
4. Беовульф, Старшая Эдда, Песнь о Нибелунгах [Текст] // Библиотека Всемирной литературы. - Москва: Художественная литература, 1975. - Т.9. - 752 с.
5. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. - Москва: Высшая школа, 1989. - 406 с.
6. Краткая литературная энциклопедия [Текст] / Гл. ред. Сурков. - Москва: 1975. - Т. 8. - 1136 с.
7. Мелетинский, Е.М. Эдда и ранние формы эпоса [Текст] / Е.М. Мелетинский. – Москва: Наука, 1968. - 368 с.
8. Томашевский, Б.В. Стилистика [Текст] / Б.В. Томашевский. - 2-е издание. – Ленинград: Изд. Ленинградского университета, 1983. - 288 с.

Фарах Д. Д. Прояв постійних епітетів у фольклорі (на основі порівняння тюркських і скандинавських епосів)

Одним з елементів міфологічного епосу, що знайшли своє віддзеркалення у фольклорі, є епітети. Існує декілька видів епітетів, особливо широко використовуваних в дастанах. У достатній кількості епітети зустрічаються як в скандинавських, так і в тюркських дастанах.

Ключові слова: міфологія, епос, епітет, дастани, художні особливості

Farah J. J. Display of constant epithets in folklore (on the basis of comparison of Turkic and Scandinavian eposes)

One of the elements of the mythological epos which has found the reflexion in folklore, are epithets. There are some kinds of the epithets which are especially widely used in eposes. In enough epithets meet both in Scandinavian, and in Turkic dastan and eposes.

Key words: mythology, the epos, an epithet, dastan, art features

Статья поступила в редакцию 27.08.2009 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Агаева
Афак
Рамиз кызы**

кандидат филологических наук, доцент кафедры Азербайджанского языка Азербайджанской Государственной Нефтяной Академии, докторант Института Языкознания имени Насими Азербайджанской Национальной Академии наук.
E-mail: azfolklor@yahoo.com

**Аджимуратова
Зарема
Наримановна**

к.ф.н., преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания, факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И.Вернадского

**Алекперова
Лятафят
Фирудин кызы**

диссертант Бакинского Государственного Университета, сотрудник Бакинского Государственного Университета.
E-mail: l-alekperova70@mail.ru

**Алиева
Васфие
Николаевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского.
E-mail: flassy2002@ukr.net

**Алиева
Ление
Аблязовна**

доцент кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского

**Бекиров
Рустем
Александрович**

асистент кафедры восточной филологии, факультета крымскотатарского и восточного языкознания, Таврического национального университета им. В. И. Вернадского.
E-mail: rbekirov@mail.ru

**Бекирова
Левиза
Исмаиловна**

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В. И. Вернадского.

**Бехбуд
Эльмеддин
Махмуд оглы**

аспирант Бакинского Государственного Университета.
E-mail: elmaddinb @ yahoo.com.tr

**Богданович
Галина
Юрьевна**

доктор филологических наук, профессор, директор Крымского научно-методического центра управления образованием АПН Украины и ТНУ им. В.И. Вернадского, г. Симферополь

**Везирова
Лейла
Орхан кызы**

кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Азербайджанского государственного педагогического университета, докторант Института проблем образования Азербайджанской Республики. E-mail: azfolklor@yahoo.com

- Векилова
Айгюн
Ибрагим кызы** диссертант Института Фольклора АН Азербайджана, преподаватель французского языка Азербайджанского Государственного Университета Экономики.
E-mail: azfolklor@yahoo.com
- Гасанова
Гюльрух
Санан кызы** диссертант Института Языкознания Национальной Академии Наук Азербайджана, сотрудник Института Языкознания НАНА. E-mail: azfolklor@yahoo.com
- Гусейнова
Хаджар
Эмин кызы** кандидат филологических наук, доцент Азербайджанского Государственного Педагогического Университета, докторант Азербайджанского Государственного Педагогического Университета. E-mail: azfolklor@yahoo.com
- Джелилов
Ахтем
Алиевич** аспирант Крымского инженерно-педагогического университета. E-mail: pikas@front.ru
- Джемилева
Айше
Аблямитовна** соискатель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
- Караева
Жале
Заман кызы** Стамбульский университет Айдын (Турция).
E-mail: azfolklor@yahoo.com
- Костюк
Анна
Василівна** аспирантка кафедры тюркології Інституту філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка 01901, м. Київ, вул. Арсенальна, 18. E-mail: -present-@mail.ru akostiuk@turkishembassy.com.ua
- Кравцова
Марина
Александровна** аспирантка кафедры романской и классической филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, E-mail: marinakravtsova2008@yandex.ru
- Кубединова
Ленара
Шакировна** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского,
E-mail : kubedinova@ava.net.ua
- Кшановский
Олег
Чеславович** докторант Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, кандидат филологических наук, доцент, E-mail : kshanovski@gmail.com
- Мамедова
Нармина
Ягуб кызы** преподаватель отделения турецкой филологии факультета востоковедения Бакинского государственного университета.
E-mail: narmina@box.az

Масимов Анар Везир оглу	диссертант Азербайджанского Государственного Педагогического Университета. E-mail: azfolklor@yahoo.com
Меметов Айдер	декан факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ им. В.И. Вернадского, доктор филологических наук, профессор
Меметов Искандер Айдерович	кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Меметова Эдие Шевкетовна	зав.кафедрой крымскотатарского языкознания, к.филол.н., доцент. E-mail: edie70@mail.ru
Оказ Лемара Сергеевна	докторант кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, кандидат филологических наук, доцент, E-mail :flassy2002@ukr.net
Посохова Екатерина Васильевна	аспирантка кафедры романской и классической филологии Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
Рагимова Севиндж Аскерхан кызы	диссертант Института Литературы им. Низами Академии Наук Азербайджана. E-mail: azfolklor@yahoo.com
Тагизаде Нурия Аскер кызы	старший преподаватель кафедры иностранных языков Азербайджанского Технического Университета, диссертант Гянджинского Государственного Университета. E-mail: azfolklor@yahoo.com
Терещенко Татьяна Николаевна	соискатель Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, E-mail : tttereshchenko@yahoo.com
Тищенко- Монастирська Оксана	Інститут мовознавства ім. О. О. Потебні НАН України (Київ)
Фарах Джаббар кызы Джалил	кандидат филологических наук, доцент Бакинского Славянского Университета. E-mail: azfolklor@yahoo.com
Цимбал Катерина Вікторівна	аспірантка кафедри тюркології Інституту філології Київського національного університету ім. Тараса Шевченка 01005, м. Київ, вул. Федорова 12/5 E-mail: kateryna@tsymbal.kiev.ua kateryna@tourismturkey.com.ua

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Шаталин
Павел
Олегович**

студент III курса факультета иностранной филологии
Таврического национального университета имени
В.И.Вернадского. E-mail: vol6662007@rambler.ru

**Шаталіна
Олена
Федорівна**

Таврійський національний університет ім. В.І.Вернадського,
м.Сімферополь. E-mail: vol6662007@rambler.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Просим вас придерживаться правил подготовки и оформления рукописей для журнала «Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского». Авторские рукописи должны быть оформленными в соответствии с государственными стандартами и отвечать требованиям Постановления ВАК Украины №7-05/1 от 15.01.2003 г.: «...принимать к печати... только научные статьи, которые имеют такие необходимые элементы: постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными актуальными научными или практическими заданиями; анализ последних исследований и публикаций, положивших начало исследованию данной проблемы и на которые опирается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается отмеченная статья; формулировка целей статьи (постановка задания); изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из данного исследования и перспективы последующих разведок в данном направлении» (Бюллетень ВАК Украины, № 1, 2003).

1. Текст рукописи принимаются на украинском или русском языке с указанием даты ее написания, личной подписью автора, аннотациями и ключевыми словами на русском, украинском и английском языках (300-500 зн.), сведениями об авторе (имя, отчество полностью, фамилия, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, служебный и домашний телефоны, E-mail).

Для аспирантов, адъюнктов и соискателей необходимо представить рекомендацию научного руководителя или рецензию ученого, имеющего научную степень по специальности, отвечающей предмету исследования, и (или) выписку из протокола заседания соответствующей кафедры (отдела) с рекомендацией статьи к печати.

При направлении рецензии на издание — один экземпляр рецензируемого издания.

К тексту добавляются: дискета (диск) с рукописью (Microsoft Word), рецензия-рекомендация.

2. Требования к оформлению текста рукописи.

2.1. Бумага формата А4 (размер 210 x 297 мм); параметры страницы: верхнее и нижнее поля - 20 мм, левое - 30 мм, правое - 15 мм; шрифт – Times New Roman 14 pt; интервал между строками-1,5.

2.2. Ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках с указанием номеров страниц соответствующего источника, а сами названия источников приводятся в конце текста статьи в порядке упоминания. Каждый источник с новой строки.

- Библиографические описания источников должны обязательно содержать фамилию и инициалы авторов, названия их трудов, город и год издания (издательство указывать не обязательно).

- Авторские примечания оформляются в конце страниц с использованием символа * как знака сноски.

3. Объем авторских рукописей. Объем статьи - не более 10, а рецензии - не более 3 печатных страниц до 0,5 усл. п. л. (до 20 тыс. зн. с пробелами); рецензий и тому подобное - до 0,2 усл. п. л.

Рукописи, которые не отвечают требованиям, отмеченным в п. 1-3, редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются авторам.

Консультации: ответственный секретарь Оказ Лемара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, тел. +380506345851, E-mail: flassy2002@ukr.net

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Богданович Г.Ю.

Полилингвокультурный феномен: русско-украинско-крымскотатарский учебный тематический словарь как объект лингвистического описания3

Кшановский О. Ч.

Персидско–азербайджанское языковое контактирование и структура морфологического типа персидского языка9

Бекиров Р. А.

Актуальность исследования глагольных фразеологизмов в арабском языке 17

Гусейнова Х.

Стилистические особенности антонимов в художественных произведениях Мир Джалала 24

Тагизаде Н. А.

Семантическое освоение англицизмов в языке азербайджанской прессы 31

Шаталин П. О.

Концепт «приватность» со значением «смерть» в английской фразеологии..... 37

Шаталіна О. Ф.

Функціонування літературознавчої термінології у творах І.Я.Франка 42

СРАВНИТЕЛЬНОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Оказ Л. С., Алиева В. Н.

Сопоставительная типология причастий крымскотатарского и русского языков..... 46

Гасанова Г.

Основные критерии сравнительно-типологического исследования категории времен глагола 51

Меметов И. А.

Сравнительная типология тюркских языков (на примере турецкого и крымскотатарского языков) 57

Кубединова Л. Ш.

Фразеологическая микросистема 'раскрытие тайны'
в крымскотатарском, английском и русском языках.....62

Везирова Л. О.

Синонимия глаголов мышления
в русском и азербайджанском языках67

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Меметова Э.

Къырымтатар тили грамматикасынынъ
экспрессив васталары меселесине бир назар.....71

Бекирова Л. И.

Функции и семантика прошедшей формы глагола изъявительного
наклонения -макъта эди в современном крымскотатарском языке77

Аджимуратова З. Н.

Сравнительно-типологический анализ подражаний грому,
грохоту, дребезжанию и другим шумам, производимым
в результате многократных вибрирующих
движений предметов в крымскотатарском языке85

Алиева Л. А.

Къырымтатар тилинде айырылма алларнынъ хусусиетлери.....88

Тищенко-Монастирська О.

Метафора болю та неприємних відчуттів
з дієсловом «къымырчимек» у кримськотатарській мові.....93

Джелилов А. А.

Семантическая группа фразеологических единиц,
обозначающих различные ощущения в крымскотатарском языке98

ТЮРКСКОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Гуменюк В. І.

Художнє осягнення кримськотатарських реалій
в оповіданні Михайла Коцюбинського «В путях шайтана»103

Джемилева А. А.

Несобственно-прямая речь как основной повествовательный приём
в рассказе Эрвина Умерова «Счастливый билет»111

Масимов А. В.

Тема патриотизма в азербайджанской поэзии
80-90-х годов XX века116

Гуменюк О.М.	
Вивчення кримськотатарської народної пісні в часи першого відродження національної культури.....	122

Векилова А. И.	
Сравнительно-сопоставительное изучение азербайджанских и французских мифов.....	132

ТУРЕЦКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Мамедова Н. Я.	
Обогащение словарного состава турецкого литературного языка английскими заимствованиями.....	137

Костюк А. В.	
Зв'язок мови, культури, мислення та літератури: погляди деяких турецьких мовознавців.....	143

Цимбал К. В.	
Проблема гендеру в неуспішній комунікації (на прикладі турецької мови).....	149

Терещенко Т. М.	
Формально-семантичні особливості неповних речень у турецькому розмовному мовленні.....	156

Посохова Е. В.	
Черно-белый образ Стамбула Орхана Памука (на материале романа «Стамбул: город воспоминаний»).....	164

ТЮРКОЛОГИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Меметов А.	
О так называемых «тюркских народах» Крыма.....	172

Агаева А. Р.	
Роль межжанровой интеграции в связях стилей современного азербайджанского литературного языка (по материалам официального стиля и политической публицистики).....	179

Рагимова С. А.	
Критические и методологические проблемы в творчестве Эльчина.....	183

Алекперова Л. Ф.	
Азербайджанские пословицы и поговорки, опубликованные в сборнике СМОМПК.....	187

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ

Бехбуд Э. М.

Вопросы содержания и оформления
в издании отраслевых энциклопедий 195

Кравцова М. А.

Повествовательная перспектива в романах Вирджинии Вульф 200

Кареева Ж. З.

Особенности реализма азербайджанской литературы
в свете реализма русской классической литературы
(на материале творчества Джалила Мамедкулизаде) 207

Фарах Д.

Проявление постоянных эпитетов в фольклоре
(на основе сравнения тюркских и скандинавских эпосов) 212

Сведения об авторах 218

К сведению авторов 222